

ЭПТОН СИНКЛЕР

**КОРОЛЬ·
УГОЛЬ**

**Эптон Синклер
Король-Уголь**

Книга первая Владения Короля-Угля

1

Городок Педро был расположен у подножия горной гряды. Он представлял собой беспорядочное скопление лавок и кабаков, а от него поднимались вверх, разбегаясь по каньонам, несколько железнодорожных веток, обслуживавших весь угольный район. Всю неделю Педро мирно спал, но каждую субботу, вечером, когда с гор толпами спускались шахтеры, а окрестные скотоводы спешили туда верхом и на автомобилях, городок просыпался для кипучей деятельности.

В самых последних числах июня на станции Педро из поезда высадился молодой человек лет двадцати или чуть постарше, с живым, подвижным лицом и каштановыми волнистыми волосами. На нем был потертый, выцветший костюм, купленный в том квартале его родного города, где еврейские лавочники стоят на тротуарах и зазывают к себе покупателей, грязная синяя рубашка без галстука и пара рабочих башмаков, которые много послужили на своем веку. На спине он нес затянутое в ремни одеяло и запасную пару белья, а в карманах – гребешок, зубную щетку и карманное зеркальце.

Сидя в вагоне для курящих, молодой человек все время прислушивался к речи шахтеров, стараясь перенять их произношение. Сойдя на платформу, он прошел по полотну, натер себе руки золой, затем еще напудрил ею лицо. Осмотрев результаты этой процедуры в зеркальце, он неторопливо двинулся по главной улице Педро и, выбрав какую-то табачную лавчонку, зашел, стараясь говорить поглубже, он обратился к хозяйке:

– Скажите, как мне добраться до шахты «Пайн-крик»?

Женщина посмотрела на посетителя без тени подозрительности. Получив от нее исчерпывающие объяснения, он сел в трамвай и вышел у подножия каньона Пайн-крик, откуда ему предстояло еще проделать тринадцать миль пешком в гору. День был солнечный, небо прозрачно, как кристалл, горный воздух вселял бодрость. Молодой человек шагал со счастливым видом и распевал песню, состоявшую из бесконечного количества куплетов:

Старый Уголь-король
понимал в шутках соль,
знал, что колледж построить пора!
Нас с тобой здесь, мой друг,
учат сотням наук.
Нам с тобой и ему – гип-ура!

С Энни-Лиззи вдвоем
погулять мы идем
под луной по речным берегам.
Под орехом густым
мы поем и свистим

эту песнь о тебе, Харриган!

Старый Уголь-король
знает, в чем его роль:
индустрии колеса бегут
ради трубки его,
ради кубка его,
ради школы, построенной тут.

С Мери-Джейн мы вдвоем
прогуляться идем
под луной, средь зеленых полян.
Я под дубом стою
и для милой пою
эту песнь про тебя, Харриган!

Знает Уголь-король,
деньги всюду пароль,
много дал он угля на-горá!
И всем трубкам его,
и всем кубкам его,
да и нам с тобой, друг, – гип-ура!¹

и так далее, и так далее – все про луну и про счастливых студентов. Это была смесь веселой чепухи и тех вопросов, которыми современная молодежь уже начала беспокоить старшее поколение. Но ритм песни был слишком быстрый для крутого подъема; правда. Хал Уорнер то и дело останавливался и горланил свои куплеты, обращаясь к отвесным стенам каньона, а выслушав ответное эхо, продолжал путь. Любовь и интерес к жизни наполняли юную душу. В карманах у него звенела мелочь, а в поясе была зашита десятидолларовая ассигнация на всякий пожарный случай. Если бы фотограф «Всеобщей Топливной компании» Питера Харригана мог сейчас запечатлеть его на моментальной фотографии, этот снимок послужил бы отличным «портретом шахтера» для любой рекламы, прославляющей американское «процветание».

Но подъем оказался тяжелым; к концу путник почувствовал груз своих башмаков и перестал петь. Солнце уже пряталось за вершиной каньона, когда он добрался до своей цели – до ворот, поставленных поперек дороги, с вывеской:

**УГОЛЬНАЯ КОМПАНИЙ «ПАЙН КРИК».
ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ.
ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН.**

¹ Перевод С. Болотина

Хал приблизился к чугунным воротам, запертым на висячий замок. Он остановился на минуту, припоминая, как надо имитировать народную речь, затем начал стучать ногой в ворота. Из будки вышел сторож.

– Ты чего? – спросил он.

– Откройте. Я насчет работы.

– Откуда явился?

– Из Педро.

– Где работал раньше?

– В бакалейной лавке.

– В какой?

– Петерсон и Компания, Уэстерн-Сити.

Сторож подошел поближе и через решетку внимательно оглядел юношу.

– Эй, Билл! – позвал он, и тогда из будки вышел еще один человек. – Тут вот парень ищет работу, говорит, что он работал в бакалейной лавке.

– Покажи справки, – потребовал Билл.

Хал повсюду слышал, что на шахтах не хватает рук и там готовы взять на работу всякого. И он вообразил, что сто́ит человеку постучать, как все двери сразу распахнутся перед ним.

– Справки мне не дали, – сказал он и поспешно добавил: – Я напился, и меня выгнали.

Хал знал наверняка, что склонность к пьянству отнюдь не помеха для получения работы на шахте.

Но сторожа даже не шевельнулись, чтобы открыть ворота. Второй бесцеремонно оглядывал пришельца с ног до головы, и Хал с неприятным чувством догадывался о причине их подозрительности.

– Я не бродяга, – сказал он. – Откройте ворота, и я вам это докажу.

Но сторожа по-прежнему стояли не двигаясь. Потом, переглянувшись со своим товарищем, Билл сказал:

– Нам рабочие не нужны.

– Как? – вскричал Хал. – Я своими глазами видел объявление в городе!

– Это старое объявление, – сказал Билл.

– Но я пешком тащился на гору!

– Зато под гору легче будет!

– Темноты, паренек, боишься? – съязвил сторож.

– Да что с вами! – взмолился Хал. – Помогите человеку! Я готов заплатить, дайте мне хотя бы койку на ночь!

– Ничего у нас для тебя нет! – сказал Билл, повернулся и ушел к себе в будку.

Другой сторож стоял, вперив в пришельца нескрываяемо враждебный взгляд. Хал еще пытался просить, но тот повторил три раза подряд:

– Катись отсюда!

Так ничего и не добившись, Хал зашагал назад по дороге и, пройдя немного, сел на землю, чтобы обдумать положение.

Действительно, какая это бессмысленная затея – расставить вдоль дороги, на видных местах, столбы с объявлениями «Требуется рабочая сила», чтобы

человек карабкался тринадцать миль в гору и, наконец, добравшись, получил отказ без указания причин! Там, за оградой, конечно, работа есть – Хал в этом не сомневался. Если бы ему только пробраться к начальству, он бы упробил, чтобы его взяли! Он встал и прошел с четверть мили по дороге до того места, где ее пересекало железнодорожное полотно, петлявшее по ущелью. В это время по рельсам грохотал порожняк, направлявшийся в сторону шахты; вагоны лязгали и скрежетали, взбираясь на кручу вслед за пыхтящим паровозом. Это подсказало Халу выход из положения.

Темнело. Крадучись, Хал побежал за поездом. Попав в тень, он выпрямился и прыгнул на ходу в один из вагонов. Это заняло секунду, не больше, и вот он уже лежал плашмя на полу вагона, с замирающим сердцем ожидая, что будет.

Почти тотчас же послышался крик, и, выглянув, он увидел, что цербер, охраняющий вход в шахту, бежит по тропинке к железнодорожному полотну, а следом за ним – второй страж, по имени Билл.

– Эй! Выходи отсюда! – завопили оба. Билл ухватился за поручни и вскочил в тот вагон, где спрятался Хал.

Сообразив, что дело проиграно. Хал бросился в противоположную сторону и, спрыгнув на землю, поспешил прочь. Билл устремился за ним следом, а когда поезд прошел, его товарищ тоже перебежал через рельсы и принял участие в погоне. Хал быстро шагал, не произнося ни слова. Цербер же – его преследователь – имел в запасе много слов, в большинстве своем непечатных. Он догнал Хала, схватил его за ворот и злобно пихнул сапогом в то место, которое самой природой предназначено для этой цели. Халу удалось удержать равновесие, однако сторож не отставал от него; тогда Хал обернулся и с размаху ударил его в грудь, да так, что тот зашатался.

В свое время старший брат позаботился о том, чтобы Хал умел действовать кулаками. И Хал расправил плечи, готовясь отразить удар второго нападающего. Но оказалось, что на территории «Пайн-крик» споры не решаются таким примитивным способом. Сторож остановился, и внезапно перед самым носом Хала сверкнуло дуло револьвера.

– Руки вверх!

До сих пор никто еще к Халу с таким приказом не обращался; но смысл был ясен, и юноша поднял руки. В тот же миг подскочил второй сторож и так ударил его кулаком в глаз, что бедняга рухнул спиной прямо на камни.

2

Хал очнулся в полной темноте с ощущением мучительной боли во всем теле. Он лежал на каменном полу; попробовал повернуться, но остался в прежнем положении, потому что спина показалась ему сплошной раной. Позднее, разглядев себя, Хал насчитал на теле больше двадцати кровоподтеков.

Час или два он пролежал молча, догадавшись, что находится в камере, потому что окошко, в которое виднелись звезды, было забрано железной решеткой. Рядом кто-то храпел, и Хал, постепенно повышая голос, раз десять окликал спящего, пока, наконец, не услышал ответное ворчание. Тогда он

взмолился:

– Дайте, пожалуйста, попить!

– Я тебе в зубы дам, если ты меня опять разбудишь! – ответил грубый голос. После этого Хал хранил молчание до самого утра.

Когда стало светло, в камеру вошел какой-то человек.

– Вставай! – скомандовал он Халу, подкрепив свои слова пинком. Хал думал, что не будет способен встать, но все же кое-как поднялся.

– Смотри у меня, без фокусов! – сказал тюремщик и, взяв его за рукав пиджака, повел из камеры по узкому коридору в какое-то помещение, где за столом сидел краснолицый субъект с серебряным значком на отвороте пиджака. Здесь же находились оба сторожа, напавшие вчера на Хала.

– Ну как, сынок? – обратился к Халу человек со значком. – Успел кое-что продумать?

– Да, – отрывисто ответил Хал.

– Какое обвинение? – спросил краснолицый субъект у сторожей.

– Вход без разрешения на территорию шахты и сопротивление при аресте.

Субъект снова повернулся к Халу.

– Деньги есть, молодой человек? Сколько?

Хал не знал, что ответить.

– Что, говорить разучился?

– Два доллара шестьдесят семь центов, – сказал Хал и добавил: – Если мне не изменяет память.

– Ври побольше! – сказал краснолицый. – Обыщите его! – велел он сторожам.

– Снимай пиджак, штаны, – скомандовал Билл, – и башмаки тоже!

– Но с какой стати? – запротестовал Хал.

– Снимай, тебе говорят! – крикнул сторож, грозя кулаком.

Пришлось Халу волей-неволей раздеться. Они обшарили все его карманы, вытащив оттуда кошелек, в котором действительно нашли два доллара с мелочью, дешевые часы, перочинный нож, зубную щетку, гребешок с зеркальцем и два белых носовых платка, которые они весьма презрительно бросили на заплеванный пол.

Развернули они также и одеяло, вытряхнув из него чистое белье. Затем открыли перочинный нож и отодрали подметки и набойки от башмаков Хала, вспороли даже подкладку на пиджаке и брюках. В поясе они нашли зашитые там десять долларов и присоединили к остальным трофеям, после чего человек со значком заявил;

– Вы оштрафованы на двенадцать долларов шестьдесят семь центов, мы конфискуем также ваши часы и перочинный нож. А это тряпье нам не нужно! – добавил он, ухмыляясь.

– Послушайте! – возмущенно вскричал Хал. –? – Это же нечестно!

– Советую тебе, малый, надевай штаны и сматывайся отсюда живо, не то ты у меня в одной рубашке побежишь!

Но Хал был так разъярен, что готов был сейчас и голым выскочить.

– Все-таки кто вы и какое имеете право так поступать?

– Я начальник охраны на этой шахте.

– Значит, вы на службе у «Всеобщей Топливной компании»? И вы хотите ограбить меня...

– Выставь его вон, Билл! – приказал начальник охраны, и Хал увидел, что Билл снова поднимает кулаки.

– Ладно, – Хал подавил негодование. – Погодите, я оденусь.

И он начал торопливо одеваться, затем скатал белье, завернул его в одеяло и двинулся к двери.

– Запомни, – крикнул ему вдогонку начальник охраны, – от ворот поворот и прямо вниз! А если ты еще раз сунешь сюда нос, не миновать тебе пули!

И вот, в сопровождении двух конвоиров. Хал вышел на дорогу, освещенную утренним солнцем.

Это было продолжение той же горной дороги, которая привела его сюда, но здесь она проходила через шахтерский поселок. Вдали Хал увидел большое здание дробилки, услышал непрерывный гул моторов и грохот падающего угля. Он очутился на узенькой улочке, по обеим сторонам которой теснились дома и лачуги, принадлежавшие угольной компании. У дверей стояли неряшливо одетые, женщины; и они и грязные ребяташки, копошившиеся в грязном песке на дороге, насмешливо смотрели ему вслед, – по тому, как красноречиво он хромал, нетрудно было догадаться, что с ним произошло.

Хал шел сюда с любовью и интересом. Любовь в значительной мере иссякла: ему стало ясно, что не эта сила движет «индустрии колеса». Но зато интерес возрос теперь еще больше. Что же так тщательно прячут за высоким забором, ограждающим территорию шахты?

Хал повернулся и взглянул на Билла, который накануне проявил некоторые признаки добродушия.

– Послушайте, – сказал он, – вы забрали мои деньги, подбили мне глаз, исколотили меня до синяков – вы должны быть теперь довольны! Я уйду, но все-таки объясните мне...

– Чего тебе еще объяснять? – грубо спросил Билл.

– За что мне так досталось?

– За то, что ты чересчур прыткий. Ты разве не знал, что тайком залезать сюда нельзя?

– Знал! Но меня не это интересует. Почему вы не впустили меня?

– А ты почему не сделал так, как положено, если в самом деле хотел поступить на шахту?

– А как у вас положено? Я этого не знаю.

– То-то и оно! А мы не могли рисковать. Вид у тебя больно подозрительный.

– Кто ж, по-вашему, я такой? Чего вы испугались?

– Ты мне очки не втирай! – сказал сторож. – Меня этим не проймешь!

Хал прошел еще несколько шагов молча, размышляя, как бы ему все-таки пробраться на шахту.

– Я вижу, я вам показался подозрительным. Если хотите, скажу вам правду, – и так как сторож не мешал ему говорить, Хал продолжал – Я студент.

Мне хотелось узнать немного жизнь, собственным трудом заработать себе на хлеб. Мне казалось, что будет забавно попасть сюда к вам.

– Ишь ты, это тебе не футбольная площадка! – сказал сторож. – Это шахта, здесь добывают уголь!

Хал почувствовал, что его рассказу верят.

– Скажите мне прямо: за кого вы меня приняли?

– Ладно, так и быть, скажу тебе, – ворчливо отозвался Билл. – Существуют всякие профсоюзные агитаторы, которые стараются организовать союз у нас на шахте. Мы должны следить, чтобы они сюда не пролезли. Хозяева шахты нанимают рабочих через агентства. Если бы ты пошел туда, они бы тебя проверили, и ты бы попал на работу в обычном порядке. А можно было еще пойти в контору в Педро и там получить пропуск. Но когда вдруг к воротам подходит парень, разодетый франтом и с профессорским говором, кто же его пропустит, а?

– Ясно, – сказал Хал. – Вы меня очень обяжете, если выдадите мне из моих денег что-нибудь на завтрак.

– Время завтрака уже прошло. Жди у моря погоды! – засмеялся Билл.

Придя в веселое настроение от своей шутки, он все-таки вынул из кармана четвертак и дал его Халу. Затем отпер замок и, ухмыляясь, выпустил юношу из ворот. Так Хал получил свое боевое крещение.

3

С трудом двигаясь, Хал Уорнер поплелся по дороге. Он добрался до горного ручейка, из которого можно было напиться, не боясь заболеть тифом. Там он пролежал весь день голодный. К вечеру разразилась гроза, и он попробовал укрыться под камнем, который – увы! – ни от чего не укрывал. Тоненькое одеяло Хала вымокло до нитки, и эта ночь оказалась для него почти такой же мучительной, как и предыдущая. Спать было невозможно, но думать он мог, и вот он лежал и думал о том, что с ним приключилось. Сторож сказал, что территория шахты – не футбольная площадка, но уж если судить по синякам на теле, так между ними большое сходство! Слава богу еще, что судьба не сделала его профсоюзным агитатором!

На рассвете Хал с трудом поднялся и снова пустился в путь, изнемогая от стужи и непривычного голода. К середине дня он добрался до электростанции у подножия каньона. Денег на обед у него не было, а протянуть руку: за подаванием он боялся. Но вот он заметил на дороге лавку; он вошел туда и спросил, почему у них чернослив. Оказалось – двадцать пять центов фунт.

«Горы здесь высокие, оттого и цены высокие», – оправдывались местные лавочники, не объясняя, однако, почему уровень цен у них выше, чем уровень местности. Над стойкой в этой лавке висело объявление: «Здесь покупают талоны с 10 %-ной скидкой». Хал слышал что-то о законе, запрещающем шахтовладельцам выплачивать заработную плату талонами. Но он воздержался от расспросов и, выйдя со своей почти невесомой покупкой, присел у дорожной обочины и быстро съел весь чернослив.

За электростанцией, у самого полотна железной дороги, стоял маленький

домишко с садиком. Хал направился туда и нашел там старого калеку-сторожа.

– Нельзя ли будет переночевать на полу у вас в доме? – спросил он у хозяина и, видя, что старик уставился на его подбитый глаз, поспешил объяснить: – Я хотел наняться на шахту, но меня там приняли за профсоюзного организатора...

– Ну, а мне на кой здесь профсоюзный организатор? – сказал сторож.

– Но я вовсе не организатор! – взмолился Хал.

– А я почему знаю? А вдруг ты хозяйский шпион – тоже может быть!

– Я прошу только об одном: дайте мне поспать в сухом месте, – сказал Хал. – Вы же ничем не рискуете!

– Это еще неизвестно, – ответил старик. – Ладно, стели свое одеяло вон в том углу. Только не смей болтать со мной о профсоюзе.

Хал и не испытывал ни малейшего желания болтать. Он завернулся в одеяло и проспал всю ночь, как человек, которого не тревожит ни любовь, ни интерес к жизни. Утром старик дал ему кусок кукурузного хлеба и немного зеленого лука со своего огорода, и Халу показалось, что он за всю жизнь не пробовал ничего более вкусного. Прощаясь, Хал начал благодарить хозяина, но тот остановил его словами:

– Ладно, ладно, молодой человек... уж если хотите показать свою признательность, так лучше никому ничего не рассказывайте. Потому что, когда у человека седая голова и деревяшка вместо ноги, потерять работу – для него все равно, что в реку броситься.

Хал обещал молчать и пошел своей дорогой. Тело болело теперь уже меньше, и он шагал довольно легко. Вот уже вдали показались фермы скотоводов – Хал словно опять очутился в Америке!

4

После этого у Хала началась неделя приключений. Он стал бродягой, заправским бродягой, уже без заветной десятки на черный день, способной смягчить жестокую действительность. Хал осмотрел все свое земное достояние и подумал, что вряд ли кто-нибудь сочтет его сейчас щеголем. Тут он вспомнил, что его улыбка всегда обольщала дам. Так, может быть, эта улыбка сейчас тоже возымеет свое действие в сочетании с подбитым глазом? И так как другой возможности прокормиться у него не было, он решил проверить действенность своих чар на нескольких участливых с виду хозяйюшках. Результат настолько превзошел все ожидания, что в душу Хала закралось сомнение, стоит ли вообще заниматься честным трудом. Вместо песни о Харригане теперь он тихонько напевал слова некогда подслушанной им песенки американских бродяг: «Кто станет работать, кто станет трудиться, когда добрых женщин полно на земле?..»

На следующий день Хал встретил двух джентльменов с большой дороги, которые, расположившись у железнодорожного полотна, жарили на костре бекон. Они оказали Халу приветливый прием, а услышав про злоключения юноши, предложили ему вступить в их братство, посвятив в принципы, положенные в его основу.

Вскоре Хал завязал знакомство еще с одним человеком, бывшим шахтером, который мог поучить его уму-разуму на случай, если он задумает лезть еще на какой-нибудь каньон.

Голландец Майк было имя, выбранное этим человеком по причинам, углубляться в которые он не пожелал. Это был разбойничьего вида черноглазый парень; и стоило кому-нибудь заговорить при нем о шахтерах и шахтерской работе, как в нем мгновенно прорывалась плотина и все затоплял мощный поток отборной ругани. Он с этой угольной петрушкой покончил – пускай Хал или любой другой идиот просится на его место, если им так уж хочется! А безобразие это так и будет тянуться, пока не переведутся на свете такие вот болваны! Голландец Майк рассказывал немало ужасов про жизнь шахтеров, вызывая одну за другой грешные души начальников разных шахт и обрекая каждую на вечные муки.

– Смолоду я тоже хотел работать, – говорил Майк. – Но теперь я от этого вылечился окончательно.

Мало-помалу Майк привык думать, что весь мир устроен с единственной целью – заставить его трудиться, и он всеми правдами и неправдами стремился расстроить этот заговор. Здесь, у костра над ручьем, протекавшим в долине, Хал забавлялся, доказывая Голландцу Майку, что тот тратит больше сил на увиливание от работы, чем другие тратят на работу. Бродяга, впрочем, с этим не считался: для него все дело было в принципе, и он шел на любые жертвы ради своих убеждений. Однажды его отправили в рабочий дом, но даже там он отказался работать. Его засадили в карцер на хлеб и на воду, но он предпочел голодать, лишь бы только не трудиться. Вот если бы все действовали так, как он, говорил Майк, то капиталистическая система давно бы лопнула!

Халу понравился этот стихийный революционер, и за несколько дней совместных странствий он многое выспросил и узнал от своего спутника про жизнь шахтеров. Большинство предпринимателей пользуется услугами специальных агентств по найму рабочих (то же говорил Халу и сторож с «Пайн-крик»), но вот в чем беда: агентства долго еще потом тянут себе долю из заработка рабочего – у них с хозяевами на этот счет сговор. Когда Хал попробовал заметить, что это ведь незаконно. Голландец Майк оборвал его:

– Брось чепуху молоть! Вот поработаешь малость, тогда узнаешь: приказ хозяина на шахте – закон.

И бродяга начал доказывать, что закон – это пустой звук, если один человек имеет власть распределять работу, а все остальные вынуждены драться за то, чтобы ее получить. Хал оценил по достоинству мудрость этого наблюдения, пожалев, что оно остается неизвестным профессору политической экономии в колледже Харригана.

На вторую ночь знакомства Хала с Голландцем Майком начальник местной полиции, прихватив с собой пяток помощников, устроил облаву на «джунгли»: это был период, когда принимались все меры для того, чтобы выгнать из этого района бродяг или заставить их работать на шахту. Новый приятель Хала, который спал с открытыми глазами, сразу улизнул в темные кусты, и Хал последовал за ним, прорвавшись сквозь полицейскую цепь при

помощи футбольного трюка. Убегая, пришлось бросить еду и одеяла, но Голландец Майк отнесся к этому очень легко и восполнил потери, стащив для поддержания их духа курицу в чужом курятнике, а на следующий день – пару белья, сушившегося на чьей-то веревке. Хал и от курятины не отказался и ворованное белье надел, тем самым вступив впервые в жизни на стезю преступлений.

Потом Хал простился с Голландцем Майком и вернулся в Педро. По словам бродяги, почти у всех кабатчиков имелись друзья в шахтерских поселках, которые могли бы посодействовать в получении работы. Хал начал расспросы, и уже второй кабатчик, к которому он обратился, выразил готовность дать ему письмо к приятелю в Северной Долине; предупредив, однако, что, если тот устроит его на работу, Халу придется платить им обоим за это по доллару в месяц. Хал согласился и отправился в следующий горный поход, подкрепившись куском хлеба с маслом, выклянченным где-то на ферме у подножия каньона.

Добравшись до другой шахты «Всеобщей Топливной компании», тоже обнесенной высоким забором. Хал предъявил свое письмо, адресованное человеку по фамилии О'Каллахен, который содержал здесь кабак.

Сторож даже не распечатал письма, но, увидав его, сразу пропустил Хала на территорию; юноша нашел этого О'Каллахена и попросил посодействовать ему в отношении места. Кабатчик обещал, запросив за это по доллару в месяц для себя и для своего приятеля в Педро. Хал пробовал возражать, и у них завязался отчаянный торг. Лишь когда Хал собрался уже уходить, пригрозив обратиться непосредственно к управляющему, кабатчик предложил компромисс: полтора доллара.

– А ты работал когда-нибудь на шахте? – спросил он.

– Как же, с малолетства, – отозвался Хал, приобретший за это время житейскую мудрость.

– Где ты работал?

Хал назвал несколько шахт, о которых слышался от бродяг. Он выбрал себе имя Джо Смит, которое несомненно можно было найти в платежных ведомостях любой шахты.

Кабатчик повел Хала для переговоров к мистеру Алеку Стоуну, старшему мастеру шахты № 2.

– Ты с мулами имел дело? – перво-наперво спросил его начальник.

– Я работал на конюшне, – ответил Хал, – с лошадьми обращаться умею.

– Но мулы же – не лошади! – возразил тот. – У меня захворал на днях один из конюхов, у него такие боли в животе, что не знаю, сможет ли он дальше работать.

– Позвольте мне попробовать, – сказал Хал. – Я с ними управлюсь.

Начальник внимательно посмотрел на него.

– На вид ты парень разбитной. Я положу тебе для начала сорок пять долларов в месяц, а если будешь хорошо работать, накину еще пятерку.

– Спасибо, сэр. Когда мне приступить?

– Чем скорее, тем лучше. Где твои пожитки?

– Вот тут все мое имущество, – ответил Хал, указывая на узелок с ворованной сменой белья.

– Ладно, засунь его вон туда в угол, – сказал Стоун; потом внезапно нахмурился и посмотрел на Хала: – Ты состоишь в каком-нибудь профсоюзе?

– Что вы, нет!

– А раньше когда состоял?

– Нет, сэр. Никогда.

Взгляд начальника, казалось, говорил, что Хал лжет и что он видит его насквозь.

– А ведь тебе придется дать в этом присягу, иначе мы тебя не допустим к работе.

– Пожалуйста, – сказал Хал, – я готов хоть сейчас.

– Насчет этого я тебя вызову завтра, – сказал начальник. – У меня нет под рукой текста присяги. Кстати, ты какой веры?

– Адвентист седьмого дня.

– Господи Иисусе! Это еще что такое?

– Ничего страшного. Мне просто не полагается работать по субботам, но я с этим не считаюсь.

– Ладно. Только тут не проповедуй своей религии! У нас здесь свой собственный священник. На содержание его мы высчитываем у каждого рабочего по пятьдесят центов в месяц. Пошли, я провожу тебя в шахту!

Так началась для Хала трудовая жизнь.

5

Всем известно, что мул – это гнусная скотина, нечестивое и безбожное существо; создав его, природа зашла, так сказать, в тупик, совершила ошибку, которой сама стыдится, и поэтому запрещает мулу продолжать свой род. Тридцать мулов, переданных на попечение Хала, выращены были в такой обстановке, которая лишь благоприятствовала развитию самых худших черт их характера. Вскоре Хал узнал, что своей болезнью его предшественник обязан тому, что мул лягнул его задним копытом в живот. Из этого Хал сделал вывод, что, если хочешь избежать беды, не вздумай уноситься мечтами в облака.

Эти мулы всю свою жизнь находились в темных недрах земли. Только когда они заболели, их поднимали наверх, чтобы они могли увидеть солнечный свет и поваляться на зеленой траве. Один из мулов, по кличке Даго Чарли, пристрастился жевать табак, в поисках которого он тыкал морду в карманы шахтеров и их подручных. Сплюнуть табачную жвачку он не умел, поэтому, глотая ее, не раз заболел и теперь уже не мог смотреть на табак. Но погонщики и мальчишки-рабочие знали эту его слабость и соблазняли Даго Чарли табаком, пока он снова не становился жертвой своей страсти. Хал вскоре разгадал трагедию его души и возымел к нему искреннюю симпатию.

Хал спуускался в шахту с первой клетью, кормил и поил своих питомцев и помогал запрягать их. Когда вдали умолкал топот копыт последнего мула, он чистил стойла, чинил сбрую и повиновался приказам любого человека, если тот оказывался старше, чем он.

Кроме мулов, Халу доставляли страдания мальчишки-откатчики и прочие юнцы, с которыми ему приходилось сталкиваться. Хал был новичком, и поэтому они надевались над ним. Еще одно обстоятельство играло здесь роль: его работа казалась им неприличной – ухаживать за мулами, по их мнению, было унижительно и смешно. Эти ребята принадлежали по крайней мере к двум десяткам национальностей Южной Европы и Азии. Среди них были и плосколицые татары, и смуглые греки, и маленькие остроглазые японцы. Они говорили на смешанном языке, состоявшем главным образом из английских ругательств и разных непотребных слов. Человек, родившийся и выросший под солнцем, не мог себе даже представить, какой грязью были пропитаны их мозги. Они приписывали всякие гнусности своим матерям и бабушкам, а также святой деде Марии, единственному мифологическому лицу, о котором они слышали. У этих бедных малышей, прозябавших во тьме, души пропитывались грязью более быстро и несмываемо, чем их кожа.

Начальник посоветовал Халу зайти насчет жилья и питания в пансион Ремницкого. В сумерках Хал поднялся с последней клетью на-гора, и ему показали дорогу к тускло освещенному дому из ребристого железа. Там его встретил хозяин, толстый выходец из России, который согласился взять его к себе и поместить в комнате вместе с восьмеркой, других холостяков за двадцать семь долларов в месяц. Если вычесть из получки еще полтора доллара в месяц на уплату кабатчикам, полдоллара на священника, состоящего на службе у Компании, и доллар на врача, тоже находящегося у нее на службе, пятьдесят центов за пользование баней и пятьдесят центов в фонд взаимопомощи на случай болезни и увечия, то у Хала могло оставаться четырнадцать долларов в месяц. Вот и одевайся на эти деньги, заводи семью, покупай себе пиво, табак, посещай библиотеки и колледжи, учрежденные филантропами-шахтовладельцами!

Когда Хал пришел к Ремницкому, там уже кончался ужин. Пол комнаты выглядел так, словно на нем пировали людоеды, а уцелевшие на столе остатки еды были совершенно холодные. «Хочешь не хочешь, а привыкать придется», – подумал Хал. Настоящим владельцем этого пансиона являлась «Всеобщая Топливная компания». Но обеденный зал живо напомнил Халу окружную тюрьму, которую он когда-то посетил: там тоже рядами сидели мужчины и в глубоком молчании ели из оловянных мисок какую-то клейкую похлебку, на поверхности которой плавал жир. Здесь миски были не оловянные, а толстые фаянсовые, но клейкая похлебка и жир оказались похожими. Стряпуха Ремницкого, видимо, придерживалась правила: если что невкусно, валяй еще жиру! Проработав целый день под землей и пройдя затем такую даль пешком, Хал был голоден, как волк, однако с трудом мог заставить себя есть это варево. По воскресеньям – а это был единственный день, когда трапезничали при дневном свете, – столовая кишела мухами, и Хал вспоминал слова одного врача, что цивилизованному человеку следует больше бояться мухи, чем бенгальского тигра.

В пансионе Хал получил койку с изрядным количеством насекомых, но без одеяла, столь необходимого в горной местности. Поэтому в первый вечер после

ужина Халу пришлось пойти к своему начальнику и попросить у него кредит в лавке Компании. Оказалось, что начальство охотно открывает кредит рабочим на известную сумму, так как это позволяет начальнику поселковой охраны удерживать их на месте. Таких законов, чтобы привязывали людей к месту за долги, в Америке не существует, но Хал теперь знал, что начальнику поселковой охраны в высшей степени наплевать на любые законы.

6

Три дня Хал работал в недрах шахты, а потом ужинал и охотился за клопами у Ремницкого. Наконец, слава богу, наступило воскресенье – маленькая передышка, чтобы снова увидеть дневной свет и посмотреть, что собой представляет Северная Долина. Это была деревня, раскинувшаяся на милю с лишним вдоль горного каньона. В центре находились большая дробилка, надшахтное здание и электростанция с высокими трубами, а поблизости – магазин угольной компании и два кабака. В поселке были еще и другие пансионы, кроме заведения Ремницкого, и длинные ряды дощатых хибарок с двумя, тремя и четырьмя комнатами, в которых нередко жило по несколько семей. Поодаль, на одном из склонов, стояло школьное здание, а рядом – однокомнатный домишко: церковь, священник которой исповедовал веру «Всеобщей Топливной компании». Ему безвозмездно предоставляли этот дом, дабы дать церкви реальное преимущество перед кабаками, которым приходилось платить Компании высокую арендную плату. Но такова уж врожденная порочность рода человеческого, что даже, несмотря на подобное преимущество, церковь не могла побороть кабаки, ибо ад в этом шахтерском поселке пользовался куда большей популярностью, чем рай.

Человек, впервые попавший в Северную Долину, прежде сего испытывал ощущение полной заброшенности. Горные вершины, дикие и обнаженные, с рубцами геологических эпох, рано прячущееся за каньонами солнце, снег в самом начале осени – казалось, что рука природы здесь поднимается против человека, и он отступает перед ее мощью. В самом поселке ощущалось еще более безнадежное запустение, свидетельствовавшее о тупой, полуживотной жизни. Кое-где можно было увидеть жалкие огородики, но шлак и дым убивали всякий зеленый росток, и темно-серый цвет преобладал здесь над всеми другими цветами. Земля была усеяна грудями шлака, ржавой проволокой, жестянками из-под консервов. Тут же играли перепачканные с ног до головы ребяташки.

Одна из частей поселка называлась Бедняцкая слобода. Там, среди курганов шлака, кое-кто из эмигрантской голытьбы получил разрешение выстроить себе жилье из старых досок, жести, обрывков толя. По сравнению с этими лачугами даже иной курятник мог бы показаться солидной постройкой, тем не менее во многих из них ютилось чуть ли не по двенадцати человек – мужчины и женщины, кутаясь в грязные одеяла и тряпки, спали вповалку на земляном полу. Дети здесь копошились, словно черви. Голые, в одних лишь рваных рубашонках, они бесстыдно показывали свои ягодицы. «Вероятно, так играли дети еще в пещерном веке», – думал Хал, и чувство отвращения

охватывало его. Он явился сюда, движимый любовью и интересом к народу, но здесь это ему не помогало. Разве мог человек с тонкой нервной организацией, вкусивший изящной и культурной жизни, научиться любить людей, которые оскорбляли его обоняние, слух и зрение своим дурным запахом, неграмотной речью, физическим уродством? Что сделала цивилизация для этих несчастных? Что могла она для них сделать? В конце концов на что еще годятся эти люди, кроме той грязной работы, на которую их сюда пригнали? Так нашептывало Халу высокомерное расовое сознание англосакса, наблюдавшего пришельцев из средиземноморских стран, даже форма черепа которых ему не нравилась.

Но Хал победил в себе это чувство и мало-помалу начал видеть иную сторону жизни. Во-первых, он полюбил шахту. Это были старые разработки – настоящие города, прорубленные в глубоких недрах, их главные штреки тянулись нередко на много миль. Однажды Хал улизнул с работы и проехался на вагонетке по шахте. И только там он понял по-настоящему все величие этого мрачного и безлюдного лабиринта, погруженного в глубокую тьму. В шахте № 2 пласт залегал под уклоном приблизительно в пять градусов; на некоторых участках порожняк длинными составами перегонялся по канатной дороге, но, возвращаясь груженными, вагонетки уже катились силой собственной тяжести. Это требовало напряженной работы «тормозных» – ребят, в чьи обязанности входило ручным способом тормозить вагонетки. Но бывало и так, что вагонетки срывались, вызывая новые беды, вдобавок к тем повседневным, которые всегда сопряжены с добычей угля.

Толщина пласта колебалась от четырех до пяти футов, и в этом проявлялась жестокость природы, потому что шахтерам в забоях, то есть там, где непосредственно добывается уголь, приходилось думать о том, как бы сделаться поменьше ростом. Посидев немного на корточках и понаблюдав труд забойщиков. Хал понял, почему у них старческая походка и руки всегда висят как плети и почему когда в вечерний час они выходят из шахты, то напоминают своим видом стадо павианов. Уголь добывали, подрубая снизу обушком пласт, чтобы затем взорвать его порохом. Шахтер вынужден был работать, лежа на боку. Это-то и меняло его физический облик.

Всегда, когда начинаешь понимать жизнь других людей, то переходишь от презрения к сочувствию. Хал увидел страшную породу живых существ, каких-то подземных гномов, которых общество загнало в эти недра ради собственной выгоды. Наверху по залитому солнцем каньону сновали длинные железнодорожные составы с углем; этот уголь развозили во все концы земного шара, в такие места, о которых шахтер даже понятия не имел; благодаря этому углю вращались колеса промышленности, производя товары, которых шахтер никогда в своей жизни не видел и не увидит. Уголь будет ткать дорогие шелка для прелестных женщин, будет шлифовать драгоценные камни для их украшений; он будет мчать через пустыни и горные хребты поезда с мягкими спальными вагонами и уводить роскошные пароходы от зимних бурь в сверкающие синевой тропические моря. И прелестные женщины в дорогих шелках и бриллиантах будут есть и спать, смеяться и лгать в свое удовольствие, так же мало зная о подземных гномах, как и те – о них. Когда Хал все это

продумал, он подавил свою англосаксонскую гордыню, найдя оправдание тому, что казалось отталкивающим: варварской тарабарщине этих людей, их домам, кишасим насекомыми, их голозадым ребятишкам.

7

Вскоре Халу повезло – выпал свободный денек, нарушивший монотонное течение будничной работы в конюшне; то был случайный праздник, не предусмотренный в договоре с начальником. В шахте № 2 обнаружилось какие-то неполадки с вентиляцией – у Хала начались головные боли, а шахтеры заворчали, что их лампы горят низким пламенем. Дело принимало серьезный оборот, и был дан приказ поднять мулов на-гора.

Все получилось очень забавно. Увидев солнце, животные так бесновались от восторга, что не могли не вызвать общего хохота. Они то и дело ложились на землю и кувыркались в густой угольной пыли. А когда их отвели подальше, туда, где росла настоящая трава, они совсем обезумели от счастья, точно школьники на загородной экскурсии.

И вот у Хала оказалось несколько свободных часов. Так как он был молод и еще не успел исцелиться от праздного любопытства, он взобрался на крутую стену каньона, чтобы поглядеть на горы. Когда уже к вечеру он сполз оттуда вниз, картина шахтерской жизни вдруг расцветилась для него новыми яркими красками: случайно он очутился на каком-то дворике, где его заметила незнакомая девушка, снимавшая с веревки выстиранное белье. Она показалась ему красавицей – рослая, сильная, с волосами того цвета, который в литературной речи называется золотисто-каштановым, и с ярким румянцем на щеках, каким природа награждает жителей тех стран, где вечно льют дожди. С тех пор как Хал поселился здесь в горах, он еще не видел ни одного привлекательного лица, поэтому не удивительно, что эта красавица сразу заинтересовала его. А если девушка сама смотрит на парня, почему же ему не ответить ей взглядом? Хал не подумал, что он и сам довольно хорош собой: горный воздух разгладил его щеки и зажег огонек в веселых карих глазах, а горный ветер растрепал его темные кудри.

– Здравсте! – проговорила, наконец, девушка приветливым голосом, безошибочно выдавая свое ирландское происхождение.

– Мое почтение! – ответил Хал в тон ей, а затем галантно добавил: – Простите, что я так вторгся в ваши владения.

Девушка еще шире раскрыла свои серые глаза.

– Ступайте с богом!

– А я бы хотел постоять, – сказал Хал. – Какой великолепный закат!

– Я могу отойти, чтобы вам было получше видно. – И шагнув в сторону с охапкой белья, она бросила его в корзину.

– Нет, теперь уже не так красиво, – вздохнул Хал, – все краски сразу поблекли!

Она снова поглядела на него и сказала:

– Ну вас! Меня дразнили за мои волосы, когда я еще даже говорить не умела!

– Потому что вам завидовали, – в тон ей сказал Хал и подошел поближе, чтобы лучше разглядеть ее волосы. Они были зачесаны красивыми волнами надо лбом и заплетены в толстую косу, перекинутую наперед через плечо и спускающуюся до пояса. Хал обратил внимание на ее плечи – широкие, привычные к труду, пусть не отвечающие общепринятому критерию женственности, но наделенные своеобразной атлетической грацией. На девушке было платье из полинявшего синего ситца, к сожалению не очень чистое. Хал заметил наверху дырку, сквозь которую просвечивало тело, и в тот же миг лицо девушки, следившей за его взглядом, приняло вызывающее выражение. Она вытащила из корзины с бельем какую-то вещь и накинула на плечо.

– Как вас зовут? – спросила она.

– Джо Смит. Я работаю конюхом на шахте номер два.

– А что вы делали вон там, разрешите спросить? – И она взглядом показала на обнаженный склон горы, по которому Хал недавно скатился вниз, подняв целый вихрь щебня и пыли.

– Я изучал свои владения, – ответил юноша.

– Изучали – что?

– Свои владения. Земля принадлежит угольной компании, но зато природа – тому, кто ее любит.

Она слегка покачала головой.

– Где вы научились так разговаривать?

– В прежней своей жизни, – ответил он, – когда я еще не был конюхом. Не все на свете позабыв, а помня про былую славу, пришел я...

Несколько секунд она пыталась осмыслить его слова. Потом лицо ее осветила улыбка:

– Ох, это же совсем как стихи из книжки! Ну-ка, еще что-нибудь, пожалуйста!

– О, singe fort, so suess und fein...² – с пафосом произнес Хал и тут заметил ее удивленный взгляд.

– Разве вы не американец? – спросила она.

Он рассмеялся: говорить на иностранных языках в Северной Долине вовсе не считалось признаком культуры!

– Американец. Но это я подслушал от квартирантов Ремницкого, – сказал он извиняющимся тоном.

– Ах! Значит, вы ходите туда есть?

– Хожу, даже три раза в день. Но не скажу, чтобы я там хоть раз сносно поел. Могли бы вы питаться всегда одними только бобами с салом?

– А почему бы нет? – рассмеялась девушка. – Ведь довольствуюсь же я одной картошкой!

– Глядя на вас, можно подумать, что вы питаетесь лепестками роз, – заметил он.

² О, пой еще, так сладостно и дивно... (нем.)

– А ну вас! Поцелуями не смягчить каменное сердце!
– По-моему, это сердце вовсе не каменное!
– Мистер Смит, вы себе слишком много позволяете! Я не желаю вас слушать.

Она отвернулась и стала старательно снимать белье с веревки. Но Хал не намерен был ретироваться; наоборот, подошел к ней поближе.

– Когда я спускался с горы, – сказал он, – я нашел нечто восхитительное. Наверху в горах все мрачно и голо, но одном уединенном уголке под лучами солнца росла дикая роза. Только одна! И я сказал себе: «Значит, розы растут даже в самых печальных местах».

– Ну вот, опять стихи из книжки! – вскричала она. – Почему же вы не сорвали эту розу?

– Потому что в стихах говорится: «Пусть дикая роза цветет на стебле!» Там она будет долго цвести, а если ее сорвешь, она увянет через несколько часов.

Он сказал это, не придавая особого смысла своим словам, а лишь для того, чтобы поддержать беседу. Но ее ответ внес совершенно новую ноту в их разговор:

– Как сказать! А вдруг ночью поднимется буря и роза погибнет? А вот если бы вы ее сорвали и были бы счастливы хоть миг, то роза оправдала бы свое назначение.

Хотел ли поэт выразить в своих стихах бессознательную жалость к розе, так и осталось тайной. Но вольно или невольно, девушка одержала первую женскую победу. Она захватила воображение мужчины и пробудила в нем любопытство. Что, собственно, имеет в виду эта дикая роза шахтерского поселка?

Тем временем дикая роза, явно не подозревая, что в ее словах была какая-нибудь особенная мудрость, возилась со своим бельем. А Хал Уорнер, пристально всматриваясь в ее лицо, обдумывал ее слова. Будь она искушенной кокеткой, такая фраза означала бы только одно – призыв; но в ясных серых глазах этой девушки была не похоть, а тоска. Откуда столько тоски в словах и во взгляде у такого молодого существа – энергичного, подвижного? Не меланхолия ли это, свойственная ирландскому народу, которая звучит в старинных народных песнях? Или это новая меланхолия особого сорта, возникшая в шахтерском поселке на Дальнем Западе Америки?

Лицо девушки интриговало Хала не меньше, чем ее слова. У нее были серые глаза и резко очерченные темные брови, иного цвета, чем волосы. Рот тоже был резко очерчен – прямой, почти без изгиба, точно нарисованный кармином. Такие черты придавали ей смелый, решительный, пожалуй даже вызывающий вид. Это когда она глядела серьезно. Но когда улыбка освещала ее лицо, рисунок губ заметно смягчался, а серые глаза как-то темнели и становились мечтательными. Мечтательна, да, но отнюдь не простовата была эта юная ирландка!

8

Хал спросил новую знакомую, как ее зовут, и она назвалась Мэри Берк.

– Вы здесь, наверное, совсем недавно, – сказала она, – иначе вы бы, конечно, слышали про Красную Мэри. Это все из-за моих рыжих волос.

– Я здесь недавно, – ответил он, – но теперь я надеюсь пожить здесь подольше – именно из-за этих рыжих волос! Вы мне разрешите как-нибудь еще зайти к вам, мисс Берк?

Она не ответила, только взглянула на свой дом. Это была нештукатуренная лачуга с тремя каморками, еще более ветхая, чем остальные в поселке. Земля здесь была голая, покрытая золой, и этот голый участок окружал разбитый частокол, который, видимо, растаскивался на дрова. Окна были разбиты или надтреснуты, а крыша, вероятно, протекала, потому что вся пестрела заплатами.

– Так вы мне разрешите к вам зайти? – поспешно повторил он свой вопрос, стараясь скрыть то ужасное впечатление, которое произвел на него этот дом.

– А что, пожалуйста, – сказала она, поднимая с земли бельевую корзину. Он шагнул вперед, желая освободить ее от ноши, но она отказалась от услуг.

– Приходите, но я не думаю, мистер Смит, что вам это доставит удовольствие. Да и соседи вам скоро все расскажут.

– Я ни с кем из ваших соседей как будто не знаком, – сказал Хал дружественным тоном, но от этого выражение ее лицо не смягчилось.

– Найдутся, наговорят! Но я все равно нос не вешаю. А это, знаете, дело нелегкое в Северной Долине.

– Вы, значит, не любите Северную Долину? – спросил он, чтобы что-нибудь сказать, и был поражен впечатлением, которое произвел его вопрос. Казалось, мрачная туча прошла по лицу девушки.

– Ненавижу! Тут вечный ад!

Хал спросил, хоть и не сразу:

– Вы мне это все объясните, когда я приду?

Однако Красная Мэри снова обрела мечтательное выражение:

– Когда вы придете, мистер Смит, я не стану занимать вас рассказами о своих бедах. Я знаю, как надо себя вести при гостях. Мы с вами пойдем куда-нибудь погулять, если захотите.

Возвращаясь ужинать к Ремницкому, Хал думал о своей новой знакомой. Его поразила не только ее внешность, столь неожиданная в этом заброшенном уголке, но и весь ее внутренний склад: какое-то горе, которое, казалось, не покидает ни на миг ее сознание, неукротимая гордость, всегда готовая прорваться при малейшем выражении сочувствия; и это оживление, появлявшееся в ней, когда он заговаривал образным, хоть и банальным языком. Откуда знает она о поэзии? Кто она – это чудо природы, эта дикая роза, цветущая на голой скале?

9

Вскоре Хал понял смысл фразы Мэри Берк о том, что Северная Долина – это ад. Наслышавшись рассказов тех, кто трудился в недрах земли, он дрожал

от ужаса всякий раз, когда спускался в шахту.

В той части шахты, где работал Хал, был один кореец с жесткими волосами и глазами, как две миндалины, по имени Хо. Он был водителем длинного состава вагонеток. Эти составы ходили по канатной дороге вдоль откаточных штреков, и водители их получили кличку «канатные акробаты», потому что они восседали на тяжелом железном кольце, к которому привязывался канат. Кореец Хо пригласил Хала прокатиться с ним, и Хал принял это приглашение, хотя рисковал не только потерять работу, но и свернуть себе шею. Хо усвоил несколько слов, которые в простоте душевной считал английскими, так что иногда собеседнику даже удавалось понять его. Он показал Халу на землю и заорал во всю глотку, стараясь перекрыть грохот вагонеток:

– Пыль – много!

Хал увидел слой угольной пыли толщиной дюймов в шесть; да и на старых, уже использованных стенах штрека было столько пыли, что можно было написать там свое имя.

– Взрывы – много! – пояснил кореец, когда последние вагонетки порожняка были доставлены к забоям и водитель дожидался, чтоб их нагрузили для откатки на рудничный двор. В дополнение к словам Хо жестикулировал.

– Полные вагонетки... Толчок – трах – взрыв! Ад...

Халу было известно, что горный воздух в этом районе славится своей сухостью. Но теперь он узнал также, что сухой воздух, полезный для туберкулезных, является губительным для тех, кто трудится, чтобы обеспечить этих больных теплом. Огромные вентиляторы прогоняли воздух сквозь шахты, и он высушивал последние частицы влаги, оставляя повсюду толстые слои угольной пыли, – настолько сухой, что происходили взрывы даже от трения лопат при погрузке угля. И потому здесь погибало рабочих больше, чем во всех остальных американских копях.

– Неужели нет никаких средств против взрывов? – спросил Хал одного из конононов – Тима Рэффerti, вечером после своей поездки с Хо.

– Средство есть, – ответил Тим. – По закону они обязаны опылять выработки шахты сланцевой пылью.

Насколько Тим помнил, этот закон только один раз был приведен в исполнение. Приезжали какие-то важные начальники осматривать шахты, и перед их посещением была проведена целая кампания по опылению выработок. Но с тех пор прошло уже несколько лет, аппарат для распыления куда-то запрятали – никто не знает, где он, и уже больше ничего не слышно про сланцевую пыль.

Не лучше обстояло дело и с предохранительными мерами против газа. Хал узнал, что шахты Северной Долины необычайно насыщены газами. В старых штреках стояла такая вонь, словно туда собрали все тухлые яйца со всего мира. Но сероводород еще не так вреден, как страшный удушливый газ, который тяжелее воздуха и лишен всякого запаха. Подрубая мягкий жирный пласт, шахтеру иногда случалось распечатать «карман», то есть скопление этого газа, хранившегося там тысячелетиями в ожидании своей жертвы. Шахтер мог

задремать, лежа в той позе, в которой он работал, – и тогда прощай жизнь, если его подручный случайно ушел из забоя и задержался на лишнюю минуту. Но еще больше боялись рабочие гремучего газа, который способен взорвать целую шахту и погубить десятки и даже сотни людей.

Для борьбы с этой опасностью существовал пожарный инспектор. На его обязанности лежал ежедневный обход шахты с замерами газа, с проверкой, в исправности ли вентиляционная система и хорошо ли работают вентиляторы. Пожарный инспектор должен обходить шахту рано утром, и по закону никто не имеет права приступить к работе, пока он не даст заключения, что все в порядке. А что делать, если пожарный инспектор проспит или напьется? Неужели хозяева остановят по этому случаю работу и согласятся терпеть убытки в тысячи долларов? Вот почему нередко людей все равно заставляют приступать к работе, и как там ни ворчи и ни ругайся, а подчиниться приходится. Но уже через несколько часов какой-нибудь шахтер лежит пластом, изнемогая от головной боли, и умоляет, чтобы его выпустили из шахты, но неизвестно, разрешит ли начальник: выпустишь одного, так того и гляди другие испугаются и тоже пожелают уйти.

Всего лишь в прошлом году произошел несчастный случай такого рода. Об этом рассказал Халу один юный коногон, кроат по национальности, когда они сидели и выгребали остатки пищи из своих котелков. Дело было, по его словам, так: с первой клетью в шахту спустили шахтеров, несмотря на их протесты. Вскоре затем кто-то зажег огонь без соответствующих предосторожностей. И сразу раздался такой взрыв, словно всю землю переверотило вверх дном. Восемь человек погибло на месте, и сила взрыва была так велика, что тела их застряли между стенкой шахты и клетью; чтобы потащить их оттуда, убитых пришлось разрезать на куски.

– Виноваты, конечно, во всем этом япошки, – божился собеседник Хала. – Нечего пускать их свободно разгуливать по шахтам – сам дьявол не в силах удержать японца, когда ему вздумается тайком закурить!

Итак, Хал понял, почему Северную Долину считают адом. Чего только не рассказали бы эти подземелья, будь у них язык! Хал наблюдал толпы шахтеров, спешивших на работу, и вспоминал, что по данным правительственных статистиков восемь или девять шахтеров из каждой тысячи обречены в нынешнем году погибнуть от несчастного случая, а тридцать других – получить тяжкие увечья. И люди это знали, знали лучше, чем правительственные статистики, однако же шли на работу. Размышляя об этом, Хал не переставал удивляться. Какая сила заставляет людей заниматься этим трудом? Что это, чувство долга? Сознание, что общество не может обойтись без угля и кто-то все равно должен выполнять эту грязную работу? Или они смотрят вперед и видят великий, чудесный мир будущего, созданию которого поможет их неблагодарный труд? А вдруг они просто дураки и трусы, слепо покорные, потому что им не хватает ума и воли поступать иначе? Хала мучило любопытство – он хотел понять душу этой немой, многострадальной армии, которая на протяжении всей истории отдавала свою жизнь в распоряжение других людей.

Постепенно Хал начинал узнавать народ, видеть уже не безликую массу, которую скопом жалеешь или презираешь, а мужчин и женщин с разными характерами и собственными запросами, человеческие существа не хуже тех, кто обитал наверху, где светит солнце. Фигуры Мэри Берк и Тима Рафферти, корейца Хо и кроата Мадвика выступили на передний план, оживив всю картину и вызвав в Хале чувство сострадания и товарищества. Кое-кто из здешнего народа, конечно, успел зачахнуть и отупеть до полного физического и нравственного уродства, но было здесь и много молодых, в чьих сердцах еще жила вера и жажда борьбы.

Вот, например, Энди, юноша греческого происхождения (настоящее его имя было Андрокулос, но разве кто-нибудь из шахтеров сумел бы правильно это произнести?). Хал заметил Энди в лавке. Его поразили красота юноши и тоскующее выражение огромных черных глаз. Разговорились, и Энди с интересом услышал, что его собеседник не всю свою жизнь провел на шахтах, а успел повидать белый свет. Он так волновался, когда говорил, что Халу поневоле стало его жаль. Энди мечтал о счастливой, интересной жизни, а ему приходилось сидеть по десять часов у лотка и под грохот угля, задыхаясь от угольной пыли, руками выбирать шифер, как положено дробильщику.

– Почему же ты не уйдешь отсюда? – спросил его Хал.

– Господи Иисусе! Как это я уйду? У меня тут мать и две сестры!

– А отец где?

И тут Хал узнал, что отец Энди был одним из тех шахтеров, чьи трупы пришлось разрезать на куски после недавней катастрофы. Теперь вместо отца к шахте прикован сын, пока не наступит и его час.

– А я не хочу быть шахтером! – вскричал юноша. – Не хочу погибать!

И он начал робко советоваться с Халом, чем бы ему заняться, если бы он решил убежать от семьи и попытаться счастья в других местах. Хал всячески старался припомнить, за каким занятием видел он черноглазых греков с оливковой кожей в прекрасной свободной Америке, но не мог порадовать Энди ничем иным, кроме перспективы стать чистильщиком сапог или пойти мыть уборные где-нибудь в гостинице, а полученные чаевые отдавать жирному «padrone»³.

Энди когда-то учился в школе и читал по-английски; учитель давал ему книги и журналы с чудесными картинками. А сейчас он хотел не только видеть картинки, но и иметь те вещи, которые изображались на них. Хал подумал, что для шахтовладельцев это немалая забота: они собирают сюда смиренных рабов из числа потомственных крепостных двадцати или тридцати национальностей, но в силу нелепого американского закона об обязательном начальном обучении дети этих рабов выучиваются говорить и даже читать по-английски! В результате дети рабов уже не желают жить так, как им приказывают; а если еще в их среду проберется бродячий агитатор, тогда и поднимается черт знает какая

³ Хозяин (итал.)

заваруха! Поэтому в каждом шахтерском поселке приходится держать другого, особого «пожарного инспектора» для охраны от иного рода взрывов – не гремучего газа, а народного гнева!

В Северной Долине выполнение этой ответственной задачи было возложено на Джеффа Коттона, начальника шахтной охраны. Надо сказать, что Коттон совсем не походил на представителя своей профессии: сухощавый и благообразный, надень он фрак, он мог бы сойти за дипломата. Но когда Джефф Коттон сердился, отвратительная ругань так и сыпалась из его рта, и он не расставался со своим револьвером, на котором уже имелось шесть зарубок. Кроме того, он носил значок помощника шерифа, обеспечивая себе этим неограниченную власть на случай, если обстоятельства потребуют прибавить еще несколько зарубок. При одном приближении Джеффа Коттона у любого вспыльчивого человека сразу пропадал весь пыл. Вот почему в Северной Долине всегда царил «порядок», и лишь в субботу и воскресенье вечером, когда Коттон занимался усмирением пьяных, а также утром в понедельник, когда их надо было поднимать и силой гнать на работу, вы догадывались, на чем держится этот «порядок».

Кроме всем известных Джеффа Коттона и его помощника Адамса, которые открыто носили свои значки, были здесь еще другие помощники шерифа, значков не носившие, так как об их функциях никому не полагалось знать. Однажды вечером, поднимаясь в клетки, Хал пожаловался коногону – кроату Мадвику на дороговизну в лавке Компании, но, к своему удивлению, получил вместо ответа легкий удар по ноге. Потом, когда они вместе шли ужинать, Мадвик объяснил Халу причину своего поведения:

– Там был Гас краснорожий. Берегись его. Это хозяйский шпик.

– Неужели? Откуда ты знаешь? – заинтересовался Хал.

– Раз говорю, значит – знаю. Все знают.

– Вид у него не слишком умный, – сказал Хал, который создал себе в свое время представление о сыщиках по образцу Шерлока Холмса.

– Тут ума не требуется. Пойдет к мастеру и скажет: «Этот Джо слишком много болтает языком. Говорит, что в лавке его грабят». Любой болван это сумеет, разве нет?

– Конечно, – согласился Хал. – А Компания платит ему за это?

– Мастер платит. Когда поставит выпивку, а когда бросит два четвертака.

А потом идет к тебе: «Эй, ты, слишком много языком болтаешь! Убирайся отсюда к черту!» Ясно?

Хал подтвердил, что ему ясно.

– Вот ты идешь дальше. Приходишь на другую шахту. Начальник спрашивает: «Где работал?» Ты говоришь: «В Северной Долине». Он спрашивает: «Как твоя фамилия?» А ты ему: «Джо Смит». Он говорит: «Подожди». Идет, читает список, потом выходит и говорит: «Работы нет». Ты спрашиваешь: «Почему нет?» А он тебе: «Ты слишком много языком болтаешь. Убирайся к черту отсюда!» Ясно?

– Так что ж это у них – черный список?

– Ну да! Они все про тебя узнают. Может, по телефону или как-нибудь

еще. Если ты плохое что сделал, ну там заговорил о профсоюзе, – Мадвик снизил голос до шепота, когда произнес слово «профсоюз», – тогда они рассылают твою фотографию повсюду и тебя уже нигде во всем штате не возьмут на работу. Понравится тебе такая жизнь, а?

11

Вскоре Халу представился случай понаблюдать систему шпионажа в действии, и ему стало еще понятнее, какая сила держит в повиновении эту безмолвную и терпеливую армию труда. Как-то в воскресенье утром он шел по улице со своим новым приятелем – коногоном Тимом Рафферти, добродушным грязнолицым парнем с мечтательными голубыми глазами. Подошли к дому Тима, и тот пригласил Хала зайти познакомиться с его семьей. Отец Тима, сутулый, изнуренный работой, но все еще сильный человек, был потомком многих поколений шахтеров. Все называли его: «Старик Рафферти», хотя ему еще не исполнилось пятидесяти. Девятилетним ребенком он уже работал на шахте. Рафферти показал Халу выцветший альбом в кожаном переплете с фотографиями своих предков, живших у него на родине – в Англии; это были мужчины со строгими морщинистыми лицами, чопорно и прямо сидевшие перед фотоаппаратом, чтобы навеки запечатлеть свой облик для будущих поколений.

Мать семейства была костлявой, седой женщиной, совсем без зубов, но с молодой душой. Халу она понравилась, потому что в ее доме царил чистота. Хал сидел на крыльце, окруженный целой стаей маленьких, умытых по случаю воскресенья, Рафферти, которые слушали, раскрыв рот, его рассказы о приключениях, вычитанных им у Кларка Расселя и капитана Майн-Рида. В награду гостя пригласили обедать, положив для него чистый прибор и поставив чистую тарелку с горячим, дымящимся картофелем и двумя кусочками солонины. Это было так вкусно, что Хал тут же осведомился, нельзя ли ему бросить пансион Компании и перейти на питание к ним.

Миссис Рафферти широко раскрыла глаза.

– Вот еще! – воскликнула она. – Разве вас отпустят?

– А почему нет? – удивился Хал.

– Потому что это будет дурным примером для остальных!

– Значит, вы считаете, что я *обязан* жить и столоваться у Ремницкого?

– Нет, но здесь шесть пансионов, принадлежащих Компании.

– А что они со мной сделают, если я перееду к вам?

– Сначала намекнут, а под конец вам придется убраться отсюда. А может, и нам вслед за вами.

– Но ведь в Бедняцкой слободе многие держат квартирантов!

– То иностранцы! Они не в счет – живут, как придется. Но вы-то с самого начала поселились у Ремницкого, я, если вас кто оттуда переманит, тому не поздоровится.

– Понимаю, – рассмеялся Хал. – Здесь от многого может не поздоровиться!

– Ого! Еще как! Ведь выгнали Ника Эммонса за то, что его жена покупала молоко внизу, в долине. У Эммонса был больной ребенок, а разве это молоко,

что продается в здешней лавке? Одна вода! Небось подмешивают мел, на дне прямо виден какой-то белый осадок.

– Значит, вы тоже обязаны закупать все в этой лавке?

– Вы, кажется, говорили, что работали уже на шахтах? – вмешался старик Рэфферти, до сих пор молчаливо слушавший их разговор.

– Да, работал, – сказал Хал. – Но там все же было получше.

– Ну да! – воскликнула миссис Рэфферти. – Интересно, где в этой стране вы нашли такое местечко! Мы вот со стариком столько лет уже ищем, и все впустую!

До сих пор разговор шел свободно, но тут вдруг нависла какая-то тень – не страха ли? Хал заметил, что старик Рэфферти хмуро поглядывает на жену и делает ей какие-то знаки. В конце концов что они знают об этом красивом молодом прищельце, который так бойко болтает и успел поездить по свету?

– Мы, собственно, не жалуемся, – сказал старик, а жена поспешила добавить:

– Если начнут пускать сюда всяких торговцев, нам от них покоя не будет. Мы убедились, что с нами здесь обращаются не хуже, чем в других местах.

– Рабочему люду нигде не сладко, – заключил старик, и когда их сын Тим попробовал высказать свое мнение по этому вопросу, родные зашикали на него с таким явным беспокойством, что жалость кольнула сердце Хала, и он поспешил переменить тему разговора.

12

Вечером того же дня Хал отправился с обещанным визитом к Мэри Берк. Она распахнула перед гостем входную дверь, и сразу, несмотря на тусклый свет керосиновой лампы, его охватило ощущение бодрости.

– Здравствуйте! – сказала девушка, как в тот день, когда, скатившись с горы, он угодил прямо во дворик, где было развешано белье.

Он последовал за ней в комнату и понял, что бодрящее ощущение исходит от самой Мэри. Какой у нее свежий, приветливый вид! Старенькое ситцевое платье, в прошлую встречу грязноватое, теперь было выстирано, а на плече, на месте прорехи, виднелась аккуратная заплатка из нового синего лоскута.

В доме было всего две комнаты и обе заняты под спальни, поэтому Мэри пригласила гостя в кухню. Хал увидел, что стены здесь совершенно голые, нет даже часов. Готовясь к приходу гостя, девушка могла похвастать перед ним лишь чистотой. Дощатый пол только что выскребли песком; вымыли и кухонный стол, и кастрюли на плите, и надбитый чайник, и миски с полки. В кухне находились сестренка и братишка Мэри – Дженни, темноглазая, темноволосая, худенькая девочка, с грустным, испуганным личиком, и Томми – круглоголовый мальчуган, ничем не отличающийся от тысячи других круглоголовых веснушчатых ребят. Оба они сидели совершенно прямо, с какой-то неприязнью, как показалось Халу, уставившись на него. У Хала возникла мысль, что их тоже терли и мыли, но так как точный день и час прихода гостя не был известен, то детей, вероятно, подвергали этой операции каждый вечер; и можно себе представить, какие при этом вспыхивали семейные

сцены и какие высказывались лестные замечания по адресу нового «ухажера» старшей сестры!

В комнате создалась неловкая атмосфера. Мэри даже не пригласила гостя присесть и сама продолжала в нерешительности стоять. Хал попробовал завязать беседу с детьми, но Мэри перебила его:

– Мистер Смит, помните, мы сговорились пойти погулять? Ну что, пойдём?

– С удовольствием, – сказал Хал, и, пока она прикалывала шляпку перед разбитым зеркалом, он, улыбаясь, продекламировал детям две строчки из студенческой песни своего колледжа:

С Мэри-Джейн мы вдвоем
прогуляться идем
под луной, среди зеленых полян...

Томми и Дженин были слишком застенчивы, чтоб отпустить какое-либо замечание, но Мэри воскликнула:

– Консервные банки – вот что здесь видно под луной!

Они вышли. В этот тихий летний вечер приятно было гулять при луне, особенно на окраине поселка, где на крылечках сидело меньше усталых людей, чем в центре, и меньше было крикливой детворы. Попадались здесь и другие юные парочки, которых тоже привлекла серебристая луна – самый тяжкий дневной труд не мог настолько истощить их силы, чтобы они не поддались очарованию этого тихого летнего вечера.

Хал настолько устал, что готов был бродить и бродить молча, но Мэри не терпелось узнать, кто он, этот таинственный юноша.

– Мистер Смит, вы ведь недавно начали работать на шахте? – как бы невзначай спросила она.

Хал чуточку смутился.

– Как вы догадались?

– И по виду и по разговору... Вы не похожи на здешних. Мне это трудно выразить, но когда я на вас смотрю, я вспоминаю стихи.

Как ни лестно показалось Халу это наивное признание, он предпочел не выдавать свою тайну и перевел разговор на стихи.

– Я кое-что читала, – призналась девушка, – может, даже больше, чем вы думаете.

Это было сказано не без вызова.

Он задал ей еще несколько вопросов и узнал, что на нее, как и на молоденького грека Энди, оказало свое опасное влияние одно американское учреждение – начальная школа. Там Мэри научилась читать, а хорошенькая молодая учительница пристрастила ее к этому занятию, снабжая девочку книгами и журналами. И так Мэри получила ключ к сокровищнице знаний и ковер-самолет, чтобы облететь мир. Эти сравнения употребила она сама, так как среди книг, которые ей давали читать, были и «Сказки Шехерезады». В дождливые дни она, бывало, пряталась от младших братьев и сестер за диван и,

положив книгу так, чтобы на нее падал свет, погружалась в чтение.

Оказалось, что Джо Смит тоже читал эти книги. Удивительно: ведь книги стоят денег и доставать их так трудно! Она рассказала, как ей приходилось обыскивать поселок, чтобы найти новый «ковер-самолет», как она наткнулась на книгу стихов Лонгфелло, на учебник истории Америки, на роман под названием «Давид Копперфилд» и еще один – его она прочитала недавно, и он поразил ее больше всех. Называется он «Гордость и предрассудки». «Чудеса, – подумал Хал, – чопорная, сентиментальная Джейн Остин в шахтерском поселке, в глуши на Дальнем Западе Америки! Неожиданное приключение и для Джейн и для самой Мэри!»

Что же все-таки Мэри извлекла из этой книги? Неужели она, как фабричные девчонки, упивалась скучными описаниями праздной жизни? Нет, эта книга вызвала в ней только чувство горечи. Внешний мир, где царит свобода, чистота, где люди живут красивой, достойной жизнью, – все это не для нее, она пригвождена к кухне в шахтерском поселке. После смерти матери все пошло из рук вон плохо. Дальше Мэри продолжала рассказ глухим и обозленным тоном. Никогда еще не слышал Хал таких безнадежных нот в таком юном голосе.

– Вы нигде в другом месте не жили? – спросил Хал.

– Нет, жила в двух других шахтерских поселках: сначала в Гордоне, а потом в Ист-Ране. Но везде одно и то же!

– А в городах вы бывали?

– Раз или два в году, езжу на денек... Я и в Шеридане была однажды, слышала, как одна дама пела в церкви.

С минуту она молчала, погруженная в воспоминания. Потом вдруг голос ее изменился, и Хал мог только догадаться в темноте, что она вызывающе откинула назад голову.

– Ну нечего гостям рассказывать про свои неприятности. Ведь ужасно надоедает слушать чужие жалобы – вот хотя бы моей соседки миссис Замбони. Вы ее знаете?

– Нет, не знаю, – сказал Хал.

– Один бог ведает, как эта бедная женщина мучается. Муж у нее никудышный – все время пьянствует, а у них одиннадцать человек детей. Куда одной женщине столько? Правда?

Она спросила это с такой наивностью, что Хал даже рассмеялся.

– Конечно, ни к чему, – подтвердил он.

– Мне кажется, люди помогали бы ей охотнее, если бы она не ныла вечно! Да еще на своем словацком языке, которого никто не понимает.

И Мэри принялась комично рассказывать про миссис Замбони и про других разноязычных соседей, изображая, как они калечат ее родной ирландский диалект. Халу ее юмор казался наивным и очаровательным, и он до конца прогулки наслаждался этой забавной болтовней.

за спиной чьи-то шаги, Мэри оглянулась; затем, схватив Хала за рукав, оттащила его в сторону от дороги и шепнула, чтоб он молчал. Мимо них шаткой походкой проковылял какой-то сгорбленный человек.

Он повернул к крыльцу и скрылся в дверях дома; тогда Мэри сказала:

– Это мой отец. Он отвратителен, когда напьется.

Хал почувствовал во тьме, как тяжело она дышит.

Так вот в чем здесь беда – семейные неполадки, на которые она ему намекала при первой встрече! Теперь Халу стало понятно, почему у нее в доме голые стены и почему она не просила его посидеть. Он молчал, не зная, что сказать. И, пока он подыскивал нужные слова, Мэри вдруг горячо заговорила:

– Как я ненавижу О'Каллахена! Это он спаивает отца! Дома у него все сыты, жена всегда в шелках, каждое воскресенье ходит к мессе и задирает нос перед дочерью простого шахтера. Иногда я готова задушить их обоих.

– А какая от этого будет польза? – поинтересовался Хал.

– Никакой, я знаю – ведь на его месте появится кто-нибудь другой. Тут нужно сделать что-то более важное – все как есть изменить. Нужно начать с тех, кто зашибает деньгу на О'Каллахене.

Значит, Мэри доискивается до причин! Хал сначала думал, что она страдает от унижения или страха перед пьяными скандалами дома. Но нет, оказывается, она ищет корней чудовищной проблемы пьянства. Остатки какого-то бессознательного снобизма помешали Халу изумиться, как глубоко вникает в сущность вещей эта дочь простого шахтера, но, как и в первую встречу, вместо жалости он почувствовал уважение к ее уму.

– Когда-нибудь здесь закроют все кабаки, – сказал он. Неожиданно для самого себя он стал поборником «сухого» закона!

– Чем скорее, тем лучше, – отозвалась Мэри, – не то будет слишком поздно. Сердце разрывается, когда видишь, как мальчишки идут домой такие пьяные, что с ног валятся и даже подрагаться не в силах.

Хал еще не успел познакомиться с этой стороной жизни Северной Долины.

– Разве и ребятам продают?

– А то нет? Кому какое дело? Деньги детей ничем не хуже, чем деньги взрослых!

– Но мне казалось, что Компания...

– Компания сдает и аренду помещения под кабаки, а до остального ей дела нет.

– Но Компания должна интересоваться производительностью труда своих рабочих!

– Зачем? Ведь за воротами всегда найдут сколько угодно народу. Не можешь работать – убирайся вон, и дело с концом.

– Разве так легко найти опытных шахтеров?

– Чтобы добывать уголь, никакого особого опыта не требуется. Умей только цел остаться; а если тебе самому себя не жаль, так уж Компании и подавно не жаль!

Они подошли к ее крыльцу. С минуту Мэри стояла молча, потом вдруг воскликнула:

– Опять я злюсь-на всех! А я ведь обещала вам вести себя вежливо, как полагается с гостем. Но что-нибудь всегда непременно случится, и я сразу станю злюкой!

Она круто повернула и скрылась за дверью. Хал еще немного подождал, думая, что она вернется; потом, решив, что последние слова Мэри следует понимать как прощание, медленно зашагал прочь.

Он боролся с приступом гнетущей тоски, первым за все время пребывания в Северной Долине. До сих пор ему удавалось сохранять известную отчужденность и беспристрастно изучать этот мир, но сейчас жалость к Мэри пробудила в нем новое чувство. Конечно, он мог бы помочь ей, например, устроиться на работу в иной обстановке, не такой губительной. Но как много, наверно, таких девушек в шахтерских поселках, молодых, любознательных, жадных до жизни и задавленных нищетой и горем, которые приносит пьянство!

Какой-то человек прошел в потемках мимо Хала и приветствовал его кивком и движением руки. Это был священник Спрэг, тот самый джентльмен, которому было официально поручено бороться в Северной Долине с демоном пьянства. В прошлое воскресенье Хал посетил маленькую белую церквушку и выслушал доктринерскую проповедь священника, который щедро кропил алтарь жертвенной кровью ягненка и подробно информировал прихожан, где и когда они получают награду за все бедствия, переживаемые в этой долине слез.

Каким издевательством показалось это Халу! Несомненно, когда-то люди верили священным догмам, ради них готовы были идти на жертвы! Но теперь все были далеки от таких настроений и, наоборот. Компании приходилось насильственно вырывать из жалких заработков шахтеров особую мзду за эти проповеди. И даже самый темный из христиан не смел протестовать против такого устройства из боязни быть обвиненным в безбожии. Где-то на самой верхушке огромной машины, выплачивающей дивиденды и носящей название «Всеобщая Топливная компания», существовал, вероятно, некий дьявольский разум, распорядившийся священнослужителями и дающий им такую команду: «Мы берем себе настоящее, а вам отдаем будущее. Плоть забираем мы, а душу берите вы. Можете проповедовать этому люду сколько хотите про райскую жизнь, которая ждет их на небе, только нам не мешайте грабить их на земле».

В соответствии с этой дьявольской программой священник Спрэг имел право обрушиваться на пьянство, но он даже не заикался о прибылях, которые Компания получала, сдавая в аренду кабаки, или о местных политиках, живущих на деньги Компании плюс доходы с оптовой торговли спиртными напитками. Он никогда не упоминал о том, что современная медицина считает физическое переутомление главной причиной алкоголизма; термин «промышленный алкоголизм» был, очевидно, неизвестен теологам – прислужникам «Всеобщей Топливной компании»! Больше того, слушая проповедь Спрэга, трудно было заподозрить, что у паствы есть, помимо души, еще и тело; и уже совершенно невозможно было заподозрить, что у самого проповедника тоже есть тело, питающееся за счет измученных трудом и недоеданием наемных рабов, которым он читает свои поучения!

В большинстве случаев жертвы этой системы были запуганы и говорили о своих обидах только шепотом, но вскоре Хал нашел одно место, где люди не молчали, где их возмущение пересиливало страх. Это место было, так сказать, солнечным сплетением всего шахтного организма, центром его нервной деятельности; прибегнув к новому сравнению, скажем: это было судилище, где шахтер выслушивал свой приговор – его могли приговорить либо к благополучию, либо к нужде и голоду.

Речь идет о весовой, где принимался и записывался уголь, поступающий из шахт. Каждый углекоп, поднявшись наверх, прежде всего шел туда. Там висела доска, и рабочий мог под своим номером найти запись всего количества угля, который он в этот день выдал на-гора. И каждый рабочий, даже самый невежественный, знал достаточно по-английски, чтобы прочесть эти колонки цифр.

Постепенно Хал понял, что основная драма разыгрывается именно здесь. Посмотрит человек на доску, внезапно поникнет и, ни слова не говоря, ни на кого не глядя, пойдет прочь, еле волоча ноги. И так большинство. А другие пробормочут что-нибудь себе под нос или поговорят так же тихо между собой (словно это не одно и то же?) на своем тарабарском наречии. Но все-таки один из пятерых обычно умел говорить по-английски, и не бывало такого вечера, чтобы кто-нибудь из них не разражался гневом, грозя кулаком небесам или весовщику – разумеется, за его спиной. Иногда такой человек собирал вокруг себя кучку недовольных, но надо заметить, что начальник охраны обычно находился в этот час поблизости.

При таких, обстоятельствах Хал впервые обратил внимание на Майка Сикориа, седого словака, который проработал на здешних шахтах двадцать лет. Вся горечь обид за два десятилетия прорвалась у старого Майка, когда он громко прочитал свои цифры на доске:

– Тысяча девятьсот, две двести, две четыреста, две тысячи! И только всего, мистер? Вы хотите, чтобы я этому поверил?

«– Ваша выработка, – холодно ответил весовщик.

– Клянусь, мистер, ваши весы врут! Взгляните на вагонетки – они же огромные! Смерьте, мистер, вот эту: семь футов в длину, три с половиной в глубину, четыре в ширину. И вы мне рассказываете, что такая весит только две тонны?

– Значит, вы недогружаете, – сказал весовщик.

– Кто? Я недогружаю? – эхом повторил старик, и голос его внезапно стал жалобным, словно это наглое обвинение скорее обидело, чем рассердило его. – Вы знаете, сколько лет я работаю? Как же это я вдруг не умею грузить! Когда я грузу вагонетку, я грузу, как шахтер, а не как япошка, который не знает толку в угле. Я сыплю уголь и прессую его, как копну сена. Я грузу равномерно, вот так, – и старик подкреплял свои слова жестами. – Вот взгляните: сверху тонна и внизу – полторы, а вы говорите, всего две!

– Так весы показывают, – не сдавался весовщик.

– Но ваши весы врут, мистер! Поверьте, я всегда выработывал норму. Я

грузил по четыре с половиной, четыре шестьсот в эти вагонетки. Вот мой подручный, вы у него спросите – так это или не так. Ну, скажи ты, Бо?

– М-м-м, – промычал Бо.

Это был негр, но сейчас его невозможно было отличить от других: белые были такие же, как негры, из-за плотного слоя угольной пыли, покрывавшего их лица.

– Я перестал зарабатывать! – воскликнул старый словак дрожащим голосом, и в его выцветших глазах появилась мольба. – Сколько, вы думаете, я получаю? По пятьдесят центов вот уже пятнадцать дней! Я плачу за стол и квартиру, а получаю, чтоб мне с этого места не сойти, ей-богу, пятьдесят центов в день! Рубишь, рубишь уголь, а до нормы все не хватает. Весы у вас неверные, вот что!

– Пошел вон! – сказал весовщик, отходя в сторону.

– Мистер, разве это жизнь? – кричал старик, следуя за ним и вкладывая всю душу в свои слова. – Работаешь как каторжный, а получаешь шиш! Ведь порох мы покупаем сами, каждый день на пятьдесят центов, шутка ли сказать! Ты хоть весь пласт выломай – все равно тебе платят шиш. Что пустая порода, что уголь – все равно шиш! Очисткой займешься – и тут тебе шиш! Черт побери, бедняк трудится как вол, из него последние силы тянут, всю кровь высасывают! Вы заморите здесь меня... Мне же надо что-то есть, надо или нет?

Тут весовщик круто повернулся к нему и заорал:

– Вон отсюда к чертовой матери! Не нравится, бери расчет и убирайся! Заткнись, или я тебе сейчас покажу!

Старик струсил и замолчал. Несколько секунд он неподвижно стоял, нервно кусая губы под жесткой щетиной усов; потом весь как-то сжался, попятился и исчез вместе со своим подручным-негром.

15

Старый Майк жил и столовался у Ремницкого. После ужина Хал разыскал его. Майка легко было вызвать на разговор, и он оказался интересным собеседником. В его рассказах перед Халом словно раскрывался мир по крайней мере двадцати шахт. У старика был неукротимый характер, поэтому он нигде не заживался, но, по его словам, на всех шахтах одно и то же: вечные фокусы – лишь бы надуть шахтера и недоплатить ему.

Хал узнал, что забойщик по существу является чем-то вроде мелкого предпринимателя, который берет подряд на определенную работу, принимая на себя все издержки и не зная, что его ждет: прибыль или убытки. Выемочный участок назначает ему управляющий, а забойщик берется добыть оттуда уголь, причем за каждую тонну чистого угля он должен получить по пятьдесят пять центов. Кое-где случается хорошо заработать, а в других местах трудишься много недель и даже не можешь расплатиться в лавке.

Все это зависит от количества пустой породы и шифера, попадающихся вместе с углем. Если пласт тонкий, забойщику приходится убирать от одного

до двух футов кровли⁴. Пустая порода грузится в особые вагонетки и вывозится. Эта работа называется очисткой кровли, и шахтеру за нее не платят. А то вдруг понадобится пробить «раскоску»⁵ и разместить в ней пустую породу; или выровнять грунт и проложить шпалы и рельсы, чтобы подвозить по ним вагонетки.

Бывает еще, что пласт разрывается, образуя «сброс», где перед забойщиком оказывается пустая порода, которую нужно вырубить, чтобы добраться до угля. Все эти виды работ не что иное, как даровой труд, и они служат поводом для нескончаемой войны. В былые дни Компания оплачивала эту работу особо. Теперь же, почувствовав полную власть над людьми, она отказывается платить. Значит, забойщику важно получить такой участок, где сравнительно мало дарового труда. Но в выборе участка шахтер полностью зависит от своего начальника. Итак, с первых же шагов появляются неограниченные возможности для фаворитизма и взяточничества. Одни спорят, другие идут на сговор с начальником.

– А что же делать бедняку, старому уроду, который к тому же плохо знает английский язык? – с горечью спрашивал старый Майк. – Начальник крадет мои вагонетки и записывает их, кому хочет. Мне он занижает вес вагонеток, а то, что снимает у меня, добавляет другим рабочим, которые столуются у него, угощают его водкой и вообще лижут ему пятки. Я работал однажды пять дней на Юго-Восточных копах, – рассказывал Майк, с трудом подбирая слова, – в после пяти дней – ей-богу, не вру, не сойти мне с этого места! – с меня еще причиталось пятнадцать центов! Четырнадцать дюймов пустой породы! На Юго-Восточных управляющим был мистер Бишоп. Я к нему, спрашиваю: «Заплатите вы мне что-нибудь за эту пустую породу?» А он: «Чего?» – «Слушайте, – говорю я, – если вы не хотите платить за пустую породу, тогда я с ней больше возиться не буду. Мне ее некуда складывать!» Тогда он мне говорит: «Пошел к черту». Я в драку, а он вытаскивает револьвер. Ну, потом я пошел на шахту «Сидар-маунтен» и получил там работу. Управляющий посылает: «Ступай в номер четвертый, рельсы и шпалы в номере третьем. Ты их проложи, я заплачу». Ну вот, я занялся рельсами. Проработал до двенадцати часов – перенес из номера третьего три пары рельсов и шпалы да еще вытащил все костыли...

– Костыли вытащил? Зачем?

– Новых-то не дали. Пришлось вытаскивать из старых шпал. Сделал я все это и спрашиваю: «Сколько же я получу за полдня? Вы обещали уплатить за эту работу». А он говорит: «Ты еще угля-то совсем не вырубил!» – «Как же так, мистер, – говорю я ему, – вы же обещали плату за это!» А он свое: «Компания платит только за уголь! Пора тебе это знать!» Вот и весь разговор.

– И вы так и не получили за полдня?

⁴ Горная порода, лежащая над угольным пластом.

⁵ Искусственное расширение основной выработки, служащее для размещения подорванной пустой породы.

– Какое там! На шахте он – хозяин, может делать все, что захочет!

16

Майк рассказал также Халу, что шахтер зависит от начальства и в другом отношении: речь шла о краже вагонеток. Каждому шахтеру выдают жестяные жетоны с его номером. Посылая на-горá грузеную вагонетку, он вешает свой жетон на крючок внутри вагонетки. Путь до весов довольно дальний, и за это время вполне можно успеть переменить номерок – ищи потом ветра в поле! В некоторых шахтах принято писать номер мелом на вагонетке, и ничего не стоит стереть его и написать другой! Хал подумал, что проще простого заменить бляшки висячими замками с номером. Но такое нововведение, как ему объяснил Майк, обошлось бы Компании долларов в двести, поэтому хищение вагонеток так и продолжается из года в год.

– А вы думаете, что это начальники воруют вагонетки? – полюбопытствовал Хал.

– Когда начальники, когда их дружки, а когда и сама Компания.

В Северной Долине, утверждал старый словак, ворует именно Компания. Выдавать на-горá больше шести вагонеток в день он – считал бесполезным – все равно шахтеру никогда не запишут, и незачем грузить свыше тонны зараз, ведь вагонетки в сущности не взвешиваются; весовщик просто прогоняет их через весы, помня, что ему приказано придерживаться средней цифры. Майк рассказал про одного итальянца, который нагрузил вагонетку с верхом, так что едва провел ее под кровлей откаточного штрека; затем пошел в весовую и своими глазами видел свою вагонетку на весах. Оказалось шесть тысяч пятьсот фунтов, а ему записали только три тысячи пятьсот. Он поднял скандал. Его арестовали.

Майк не присутствовал при аресте, но когда он поднялся на-горá, итальянца уже не было, его и след простыл. А в весовой после этого сделали дверь, чтобы рабочие не могли туда попадать.

Чем внимательнее прислушивался Хал к рабочим и размышлял насчет их дел, тем яснее ему становилось, что шахтер – это своего рода подрядчик, который лишен возможности определить объем предстоящих ему работ, а закончив все – не знает, сколько он выполнил. Больше того, он вынужден пользоваться материалами, ни цены, ни количества которых он проверить не может. В конце месяца он узнает, что у него высчитали из заработка столько-то за порох, а правильно ли высчитали, он не знает, и тем не менее приходится мириться. С него берут за кузнечные работы, то есть за текущий ремонт инструментов, и он вынужден отдавать за это каждый месяц доллар или два, даже если он возле кузницы близко не был.

Да, думал Хал, ни один предприниматель в мире не согласится заключить контракт на таких условиях. Кто возьмется, например, строить дамбу, если ему не позволят измерить предварительно площадку и подсчитать, сколько бетона понадобится уложить? Какой бакалейщик будет иметь дело с покупателем, если тот выставит требование, что он будет заходить за прилавок и сам отвешивать себе товары, спровадив предварительно хозяина за дверь? Никто не

решится даже предположить такую нелепость; между тем в этом районе пятнадцать тысяч человек работают на таких именно условиях.

Согласно закону штата шахтеры имеют право держать у весов своего представителя для защиты своих интересов, разумеется за собственный счет. Во всех случаях, когда общественное мнение выступает против порядков на шахтах, шахтовладельцы торжественно указывают на этот закон; но нужно испытать все на собственной шкуре, чтобы понять, какое это горькое издевательство над шахтерами!

В столовой Хал сидел рядом с русоволосым великаном шведом, по фамилии Иогансен, который по десять часов в день грузил бревна. Этот парень позволял себе открыто высказывать обо всем свое мнение, потому что был молод, обладал мощными мускулами и не имел семьи, которая связывала бы его по рукам и ногам. Он был, можно сказать, кочующим пролетарием, который менял шахту на полевую работу и полевую работу – на рубку леса. Кто-то из обедавших заговорил с Иогансеном о праве рабочих проверять вес, и в ответ все услышали его презрительный возглас:

- Да, пусть только кто-нибудь потребует контролера!
- Вы думаете, его выгонят с работы? – спросил Хал.
- Может статься, – был ответ. – Или сделают так, чтоб он сам ушел.
- Как так?
- Будут преследовать на каждом шагу, пока он не сомотается.

Вот как обстояло дело с рабочим контролером – не лучше, чем с выдачей талонов вместо заработной платы, не лучше, чем с магазинами, принадлежавшими Компании, и со всеми предписаниями закона о технике безопасности. А если тебе захочется настаивать на своих законных правах, тогда уже жди, что начальник даст волю своему нраву. Начнет преследовать на каждом шагу, и ты сам будешь просить, чтобы тебя уволили. Или осыплет тебя бранью и заорет: «Вон отсюда!» – и не исключено, что ты почувствуешь пинок сапогом в зад или увидишь дуло пистолета, направленное тебе прямо в физиономию.

17

Такие обстоятельства превратили угольный район поистине в скорбное место. Однако и здесь были люди, которые умудрялись как-то существовать, обзаводиться семьями и жить в сносных условиях. Если шахтеру настолько повезло, что он не стал жертвой катастрофы, если он не женился в ранней молодости и не завел слишком много детей, если ему удалось избежать соблазна пьянства, на которое многих толкало переутомление и монотонное существование, если – и это самое главное – он умел ладить с начальством – что ж, в этом случае он мог жить своим домом и даже держать немного денег на текущем счету у Компании.

Таков был Джерри Минетти, ставший одним из ближайших друзей Хала. Родом он был из Милана и звали его Джероламо, но в американском котле, переплавляющем множество наций, это имя превратили в Джерри. Было ему лет двадцать пять, и он отличался высоким ростом, что итальянцам вообще

несвойственно. Знакомство состоялось в одно из воскресений, как и почти все встречи Хала с людьми. Джерри хорошо выспался, вымылся и надел новый синий комбинезон; в этот солнечный день на него было приятно посмотреть. Шел он, высоко закинув голову и расправив плечи; казалось, какие могут быть заботы у такого человека?

Но внимание Хала привлек не столько сам Джерри, сколько существо, следовавшее за ним по пятам, – точное его подобие, только раза в четыре меньше, тоже со свежесмытой физиономией и тоже в новеньком синем комбинезончике. Малыш, как и Джерри, шагал с поднятой головой, расправив плечи; и было очень забавно смотреть, как он старается изо всех сил идти в ногу с отцом. Но сколько он ни силился растягивать шаг, он отставал и то и дело переходил на бег, чтобы, догнав отца, некоторое время шагать с ним рядом.

Халу было по пути с ними, а эта маленькая процессия подействовала на него, как звуки военного марша: ему тоже захотелось высоко поднять голову, расправить плечи и шагать в такт. Прохожие, видя широкую улыбку на лице Хала, поворачивались, глядели ему вслед и тоже усмехались. Но Джерри продолжал важно шествовать, не подозревая, какую комичную картинку представляет его эскорт.

Отец с сыном вошли в какой-то дом. Хал в этот день не был занят и мог спокойно наслаждаться жизнью, поэтому он решил постоять на улице и подождать. Вскоре они снова появились, следуя в том же порядке, только теперь мужчина нес на плече мешок, а мальчонка в подражание отцу тоже таскал какой-то, правда значительно меньший, груз. Тут Хал снова улыбнулся и, когда они поравнялись с ним, сказал:

– Здорóво!

– Здорóво! – ответил Джерри и остановился. На улыбку Хала он ответил улыбкой. Хал посмотрел на мальчика и еще шире осклабился. Мальчик тоже. А Джерри, видя это, еще приветливее заулыбался. Так они стояли втроем посреди дороги, улыбаясь друг другу без всякой особой причины.

– Замечательный у вас парень! – сказал Хал.

– Еще бы! – отозвался Джерри и поставил свой мешок на землю: если кто-нибудь изъявлял желание похвалить его сынишку, он готов был разговаривать с этим человеком весь день.

– Ваш? – спросил Хал.

– А то чей же? – отозвался Джерри.

– Здорóво, бутуз! – сказал Хал.

– Здорóво так здорóво! – ответил мальчик тоном чистокровного американца.

– Как тебя зовут? – спросил Хал.

– Джерри.

– А его как? – Хал кивнул в сторону отца.

– Джерри Большой.

– А дома есть у вас еще такие?

– Еще один, – сказал Джерри Большой. – Грудной ребенок.

– Он на меня не похож, – заявил его сын. – Он маленький.
– А ты разве взрослый? – спросил Хал.
– Нет, но он-то еще даже ходить не умеет!
– Ну и ты не умеешь, – рассмеялся Хал и, схватив малыша, посадил его к себе на плечо. – Держись, поедешь верхом!

Джерри Большой снова взвалил на спину мешок, и они двинулись в путь. Но на этот раз догонять пришлось Халу, и, стараясь идти в ногу, он расправлял плечи и ускорял шаг. Джерри Маленькому это очень понравилось, – он лукаво фыркал и сучил своими крепкими ножонками. Отец то и дело оглядывался, и хоть он не понимал, в чем состоит игра, но ему было тоже весело.

Так они дошли до домика из трех каморок, где жили оба эти Джерри. На пороге их встретила миссис Минетти, юная черноглазая сицилианка, слишком юная, чтобы быть матерью даже одного ребенка. Возле дома все снова заулыбались друг другу, и Джерри Большой спросил Хала:

– Не зайдете ли?
Хал ответил:
– С удовольствием!
– Поужинайте с нами, – предложил Джерри. – У нас сегодня макароны.
– Чудесно, – отозвался Хал. – Разрешите мне поужинать и заплатить...
– Черт! Нет! – запротестовал Джерри. – Никаких денег!
– Нет! Никаких денег! – вскричала миссис Минетти, энергично тряхнув хорошенькой головкой.

– Ладно! – быстро согласился Хал, испугавшись, что они могут обидеться. – Я зайду, если, разумеется, у вас хватит на всех.
– Конечно, хватит: у нас много наварено, – сказал Джерри. – Правда, Роза?
– Правда, правда! – заверила его жена.
– В таком случае я зайду, – сказал Хал. – А ты, бутуз, любишь макароны?
– *Господи!* – воскликнул Джерри Маленький.

Хал внимательно оглядел все в доме этого «даго»^б. Дом напоминал свою хорошенькую хозяйку: на окнах висели кружевные занавески, еще более ослепительной белизны, чем у Рэфферти. На полу лежал коврик невероятно ярких тонов, а на стенах красовались пестрые картинки; одна из них изображала Везувий, другая – генерала Гарибальди. В комнате стоял стеклянный шкафчик со множеством сокровищ – обломком коралла, огромной раковинной, зубом акулы, индейской стрелой и чучелом птицы под стеклянным колпаком. Раньше Хал не считал, что такие вещи способны возбуждать чье-либо воображение, но ведь все это было до того, как он стал проводить пять шестых своего времени – за вычетом часов сна – под землей!

На столе был настоящий итальянский ужин: итальянские макароны, как огонь горячие и под томатным соусом на крепком мясном бульоне. Хал ел и облизывался, широко улыбаясь Джерри Маленькому; тот тоже облизывался и в свою очередь улыбался гостю. Все это было так непохоже на еду из свиного

^б Презрительная кличка итальянских эмигрантов в Америке.

корыта у Ремницкого, что Халу показалось, будто он никогда еще в жизни так чудно не ужинал. А мистер и миссис Минетти были на седьмом небе от радости, что у них такое чудесное чадо, знающее все английские ругательства, как самый заправский американец.

Пужинав, Хал откинулся на спинку стула и воскликнул, как тогда у Рэфферти:

– Господи, как хорошо было бы жить у вас!

Он заметил, что хозяин с женой переглянулись.

– Что ж, – сказал Джерри, – переходите к нам. Я возьму вас на пансион. Ладно, Роза?

– Конечно! – подтвердила она.

Хал с удивлением посмотрел на обоих.

– Вы думаете, вам позволят?

– А кто мне может запретить?

– Не знаю... А вдруг Ремницкий? Еще начнутся неприятности!

Джерри усмехнулся:

– Не страшно. У меня здесь друзья. Кармино – мой двоюродный брат. Вы знаете Кармино?

– Нет, – ответил Хал.

– Он старшим мастером на шахте номер один. Я у него всегда найду защиту. А Ремницкого к черту пошлю. Переходите к нам. Я поставлю вам койку в той комнате. И харчи будут хорошие. Сколько вы платите у Ремницкого?

– Двадцать семь долларов в месяц.

– Вот и прекрасно, платите и мне двадцать семь, и вам здесь будет хорошо. У нас в поселке не всегда все достанешь, но Роза хорошая стряпуха. Она все будет делать.

Новый друг Хала – любимец начальства – служил запальщиком. Его обязанностью было обходить по ночам шахту и взрывать заряды, заложенные накануне шахтерами. Работа эта, сопряженная с большой опасностью, была по плечу только опытному человеку, но зато хорошо оплачивалась. Вот почему Джерри преуспевал в жизни и даже не боялся выражать свое мнение – в известных, конечно, пределах. Он даже не задумался о том, что Хал может оказаться шпионом Компании, и поразил гостя бунтарскими речами о разного рода жульничествах и поборах, процветавших в Северной Долине и на других шахтах, где Джерри Минетти работал с того времени, как мальчиком приехал в Америку. Хал узнал, что Джерри социалист. Он даже выписывал итальянскую социалистическую газету, и служащий на почте шутливо подразнивал его, зная, что это за газета. Но самым замечательным оказалось то, что миссис Минетти тоже была социалисткой, – обстоятельство весьма важное для рабочего, как говорил Джерри, ибо это значило, что церковь утратила над ней свою власть.

Хал, не откладывая, перебрался на новую квартиру, предоставив Ремницкому право получить за полный месяц из его заработной платы. Но он

готов был понести этот убыток, лишь бы есть и спать в чистоте. Он посмеялся, когда узнал, что, поселившись у Минетти, уронил себя в глазах своих ирландских друзей. Оказалось, что в Северной Долине действовала самая жесткая шкала национальных разграничений. Американцы, англичане и шотландцы презирали ирландцев и валлийцев. Ирландцы и валлийцы презирали французов и «даго». «Даго» и французы смотрели сверху вниз на поляков и венгров; а те в свою очередь ни во что не ставили греков, болгар и «черных горцев»; дальше следовало по нисходящей два десятка разных национальностей Восточной Европы – литовцы, словаки, кроаты, армяне, румыны, русины, а в самом низу этой лестницы находились мексиканцы, негры и, наконец, «япошки», занимавшие последнее место.

Хал сделал это открытие, когда отправился снова навестить семейство Рэфферти и встретил у них Мэри Берк. При виде Хала в ее глазах зажегся лукавый огонек.

– Здравствуйте, мистер Минетти! – приветствовала она его.

– Здравствуйте, мисс Розетти, – парировал он.

– Ну, как, полюбили макароны?

– А вы что, их не любите?

– Я уж вам как-то раз говорила, – рассмеялась девушка, – что я довольствуюсь моей любимой картошкой.

– А вы помните, что я вам ответил?

Оказалось, что она помнит. Щеки девушки заалели, как розы, которые Хал тогда назвал ее пищей.

Сбежались дети Рэфферти, уже успевшие привыкнуть к Халу, и затянули песенку-дразнилку: «Мистер Минетти любит спагетти». Хал сообразил, в чем дело, и у него появилось искушение отомстить: он напомнит им, как он просился в столовники к ирландцам, но был отвергнут. Однако он побоялся, что старик Рэфферти не оценит этой шутки, и сделал вид, будто всегда считал Рэфферти итальянцами. С нарочитой серьезностью он обратился к главе семьи, произнес его фамилию с ударением на втором слоге – «синьор Рэфферти». Это так понравилось старику, что он целый час потом смеялся. Живой и веселый юноша нравился ему все больше и больше. Старик даже отбросил свою подозрительность и, когда малыши ушли спать, разговорился довольно откровенно о своей шахтерской жизни.

Перед Рэфферти некогда открывалась карьера. На шахте в Сен-Джозе его даже назначили весовщиком, но он отказался от этой должности, решив, что его религия запрещает ему выполнять приказы начальства. Речь шла о наглом обычае записывать шахтерам не больше определенной цифры, независимо от того, сколько бы они ни выдали на-гора. Рэфферти предпочел скорее отказаться от должности, чем брать грех на душу. А так как все понимали, почему он не хочет быть весовщиком, то одно его присутствие поддерживало недовольство шахтеров, и ему пришлось совсем покинуть эту шахту.

– Значит, по-вашему, честных хозяев не бывает? – спросил Хал.

– Может, и бывает, – ответил старик, – но для них быть честными не так просто, как вам кажется. У них ведь конкуренция; значит, если одни владельцы

обвешивают рабочих, то и другим приходится поступать точно так же. Ведь это – способ снижать втихомолку заработную плату. Прибылью-то своей никто не хочет поступиться!

В эту минуту Хал подумал о старом Питере Харригане – главном заправиле «Всеобщей Топливной компании», который однажды заявил: «Я первый борец за дивиденды!»

– Вся беда шахтеров в том, – продолжал Рэфферти, – что некому поднять за них голос. Шахтер одинок...

Во время этой беседы Хал не раз поглядывал на Красную Мэри и заметил, что она сидит, положив руки на стол, устало ссутулившись, – видно, пришлось сегодня тяжело поработать! Но внезапно она вмешалась в разговор, и голос ее зазвучал энергично и гневно:

– Вся беда шахтера в том, что он раб!

– Ну, зачем так? – попытался остановить ее старик.

– Весь мир против шахтеров, а они сами никак не поймут, что им надо объединиться, организовать профсоюз и защищать его...

В комнате Рэфферти внезапно воцарилось молчание. Даже Хал был поражен – впервые за все свое пребывание в поселке он услышал страшное слово «профсоюз», произнесенное не шепотом, а во весь голос.

– Я все знаю! – вскричала Мэри, и в ее серых глазах появился вызов. – Вы не хотите слышать это слово! Но люди произнесут его, хоть вам оно и не нравится!

– Все это очень хорошо, – сказал старик, – когда мы молоды. А ты к тому же женщина.

– Ну и что? Неужели только женщина может быть смелой?!

– Конечно, – сказал старик с кривой усмешкой. – Язык у женщины длинный, его ничем не остановишь! Это даже начальство знает.

– Возможно, – отозвалась Мэри. – А не думаете ли вы, что на женщин ложится вся тяжесть шахтерской жизни и начальство это тоже знает?

Ее щеки покраснелись.

– Пожалуй, – согласился Рэфферти и снова наступила тишина. Старик курил трубку, давая понять, что не хочет продолжать этот разговор и не потерпит никакой профсоюзной агитации в своем доме. Через некоторое время миссис Рэфферти сделала робкую попытку переменить тему, спросив у Мэри о здоровье ее сестренки, которая недавно прихворнула. Они обсудили какие-то лекарства от детских болезней, после чего Мэри поднялась со словами:

– Ну, мне пора...

Тогда поднялся и Хал.

– Я вас провожу, если разрешите.

– Конечно! – сказала она, и веселое настроение снова воцарилось в семье Рэфферти благодаря этой небольшой любезности, оказанной женщине.

Они шли не торопясь по улице.

– Я нынче в первый раз услышал здесь о профсоюзе, – заметил Хал.

Мэри тревожно оглянулась по сторонам и шепнула:

– Тише!

– Но судя по вашим словам, об этом уже начали поговаривать!

– Одно дело – говорить в доме, у друзей, а другое – на улице. Какой смысл терять работу?

Он понизил голос:

– Вы серьезно хотите, чтобы здесь был профсоюз?

– Серьезно? – переспросила она. – Но ведь вы же видели мистера Рэфферти! Убедились, какой он трус? Все они здесь такие! Нет, это у меня был приступ раздражения. Я сегодня сама не своя – случилась одна вещь, вот я и вскипела.

Он ждал, но она, видимо, решила не продолжать. Тогда он спросил:

– Что же случилось?

– Не стоит даже говорить, – ответила она, и они прошли еще несколько шагов в молчании.

– Расскажите мне, пожалуйста! – попросил он. Сочувственные ноты в его голосе оказали действие.

– Вы, Джо Смит, плохо знаете жизнь шахтеров. Можете ли вы себе представить, каково здесь приходится женщине? Да еще женщине, которую считают красивой...

– Ах, это! – сказал он и прикусил губу. – Значит, кто-нибудь пристает к вам? – отважился он спросить после минутного молчания.

– Ну, да! Кто-нибудь всегда пристает к нам, женщинам. Всегда! Дня без этого не проходит. Куда ни двинешься, тебя задевают, подмигивают...

– Кто ж это так отличается?

– Кто? Конечно, начальники, конторщики, всякий, кто дорвался до крахмального воротничка и думает, что любую девушку можно соблазнить деньгами. Это начинается, когда мы еще бегаем в детских платьицах, а потом уж и подавно покою нет.

– И вы не можете их отвадить?

– Я-то их отвадила, но теперь они принялись за моего старика.

– Как так?

– Очень просто! Неужели вы думаете, они не испробуют этого средства? Ведь ему бы только выпить! Сколько он ни выпьет, ему все мало.

– Неужели ваш отец... – начал было Хал и запнулся! разве можно прямо спросить такое?!

Однако Мэри догадалась и поспешила ответить:

– Когда-то он был порядочным человеком. Но здешняя жизнь делает человека трусом. Что бы тебе ни понадобилось, куда бы ты ни ткнулся, вечно надо выпрашивать милостей у хозяина. От него все зависит: и где тебя поставят работать, и сколько дарового труда тебе подсунут, и разрешат ли лишнее взять в долг в лавке, и пришлют ли к тебе доктора, если заболел. Вот сейчас у нас крыша течет, – течет, как решето...

– Понимаю, – сказал Хал. – А чей это дом?

– Как чей? Все дома здесь принадлежат Компании.

– А кто же должен их ремонтировать?

– Мистер Коседжи, управляющий домами. Но мы уже давно перестали к нему обращаться: если он что-нибудь сделает, то сейчас же поднимает квартирную плату. Сегодня отец ходил к мистеру Коттону. Он обязан наблюдать за санитарным состоянием поселка, а какое это санитарное состояние, я вас спрашиваю, если люди спят в сырых постелях?

– Да-а... Что же ему ответил Коттон? – спросил Хал.

– Ох, вы же знаете Джеффа Коттона! Можете догадаться, что он ответил! «Берк, дочка у тебя смазливенькая. Только надо ей внушить, чтобы она была поуступчивее!» Засмеялся и сказал, что пора уже отцу понимать намеки. А старикам, мол, вредно спать, когда с потолка льет – долго ли схватить воспаление легких!

Хал не мог удержаться от вопроса:

– Ну, а ваш отец что на это?

– Пожалуйста, не осуждайте моего бедного старика! – поспешно сказала Мэри. – Когда-то он был борцом, пока его не скрутил О'Каллахен. А теперь он знает, что шахтеру не под силу бороться с начальником охраны!

20

Мэри Берк однажды заметила, что хозяева не очень-то огорчатся, если кто из шахтеров переломает себе кости. Как только в шахте № 2 возобновилась работа. Хал убедился в ее правоте.

Жизнь шахтера зависит от правильного крепления в забое, где он работает. Снабжение крепежным материалом лежит на хозяевах, но в нужный момент его никогда не оказывается под рукой, и шахтеру приходится совершать длинное путешествие из-под земли наверх. Там он отбирает стойки нужной длины и ставит на них свою метку, так как по соглашению крепежный материал должен доставляться ему прямо в забой. Но частенько кто-нибудь другой перехватывает отобранный им лес, – еще один пример местного взяточничества и фаворитизма, – и шахтер теряет рабочий день, а то и целых два, между тем как растет его долг в лавке, а у детей, возможно, нет даже башмаков надеть в школу. Вот и случается, что шахтер, не дождавшись крепи, принимается дальше вырубать уголь, из-за чего и происходят обвалы кровли. Тем не менее предварительное судебное следствие всегда признает «халатность» со стороны пострадавшего, что даст администрации шахты право жаловаться со скорбным видом на шахтеров, которых-де совершенно невозможно обучить правилам безопасности. Не так давно Хал прочитал интервью, данное представителю одной из газет директором «Всеобщей Топливной компании». Директор проводил такую мысль: чем больше опыта у шахтера, тем опаснее держать его на работе, ибо ему начинает казаться, что он уже все знает и потому может не соблюдать мудрых правил техники безопасности, которые фирма Харригана выработала специально для его блага.

На некоторых участках шахты № 2 очистные работы производились методом «длинных столбов». Это значит, что выемка угля происходит на нескольких забойных участках, причем вдоль смежных стен часть угля остается

невыработанной и поддерживает кровлю. Этот уголь и представляет собой «столбы». Когда вся лава пройдена, забойщик медленно отступает назад, постепенно подрубая «столбы», так что вслед за ним происходят обвалы кровли. Работа эта очень опасная. Забойщик, подрубая столбы, должен непрерывно прислушиваться к треску кровли над головой, чтобы успеть вовремя убежать. Но иной раз он сам задерживается, чтобы прихватить, например, инструмент; впрочем, бывает, что обвал происходит совершенно неожиданно. В этих случаях жертву катастрофы почти никогда не откапывают; ведь нельзя отрицать, что человек, погребенный в недрах горы, зарыт так же надежно, как если бы угольная компания устроила ему похороны на кладбище.

Один из рабочих шахты № 2 погиб таким образом. Убегая, он упал, и его засыпало по пояс. Пока спасательная бригада откапывала несчастного, врач поддерживал его уколами опиума. Хал узнал о катастрофе, когда шахтер уже лежал на досках, покрытый старыми мешками. Хал обратил внимание, что люди проходят мимо, избегая глядеть на покойника. Подымаясь в клетки после работы, Хал спросил у своего друга коногона Мадвика, что случилось, и тот ответил:

– Из Литвы парень – придавило его.

И все. Никто не знал погибшего, и некому было его пожалеть.

Майк Сикориа, который работал неподалеку, помогал откапывать жертву. Негр – подручный Майка – так спешил оттащить в сторону какой-то обломок кровли, что размозжил себе руку и по крайней мере на месяц потерял трудоспособность. На своем ломаном английском языке Майк рассказал об этом Халу. Ох, как подмяло негра, как он стонал, глаза у него прямо-таки на лоб лезли от боли! Слава богу еще, что он молодой и у него нет семьи.

Хал спросил, что будут делать с покойником, и Майк ответил, что похороны – завтра утром. У Компании отведен участок под кладбище вон там, на горе.

– Разве не будет следствия? – удивился Хал.

– Какое еще следствие? – переспросил Майк. – Что это такое?

– Ну, должен же следователь осмотреть тело!

Старый словак пожал сутулыми плечами. Может быть, и существует в этих краях какой-то следователь, во всяком случае он первый раз об этом слышит. А уж он-то поработал на многих шахтах и видел много таких смертей!

– Положат в ящик и закопают в землю, – пояснил он.

– Неужели без священника?

– Священник-то далеко!

Впоследствии Хал узнал от людей, владеющих английским языком, что следователь все же иногда появлялся в поселке. В этих случаях он сколачивал комиссию. В нее входили: начальник шахтной охраны Джефф Коттон, служащий из магазина Компании галицийский еврей Предович, один-два конторщика из шахтоуправления да несколько мексиканских рабочих, которые понятия не имели, о чем идет речь. Комиссия осматривала тело, допрашивала нескольких случайных людей, а затем писала заключение: «Мы обнаружили, что такой-то погиб во время обвала, происшедшего по его собственной вине».

(В одном случае прибавлена была живописная подробность: «Родственников никаких, и чертовски мало друзей!»)

За эту услугу следователь получал плату, а Компания взамен – официальное заключение на случай, если какой-нибудь иностранный консул вздумает предъявить иск за убытки. Угольная компания так крепко держала власть в своих руках, что в Северной Долине никто еще никогда ничего не взыскал с нее за увечье или за смерть кормильца. Больше того, во всей округе за двадцать три года не было возбуждено ни одного иска против шахтовладельцев.

Несчастный случай с молодым литовцем имел большое значение для Хала, так как он получил возможность близко познакомиться с трудом забойщика. Старый Майк, оставшись без подручного, предложил его место Халу. Работать подручным было выгоднее, чем коногоном: за это платили два доллара в день.

– А мастер разве позволит мне перейти?

– Дашь ему десятку, позволит, – сказал Майк.

– К сожалению, у меня нет десятки.

– Ну, тогда талон на десять долларов, – посоветовал старик.

– Они берут взятки даже талонами на магазин! – рассмеялся Хал.

– А то нет!

– А если я начну плохо обращаться с мулами? Ему придется отпустить меня и без взятки.

– Черта с два! – возразил Майк. – Если ты его разозлишь, он отведет нам плохой участок, и это нам обойдется десять долларов в неделю. Нет уж, сударь, лучше поднести ему стаканчик, похвали его, скажи, что он хороший парень, пусть ему будет приятно! Обработай его, ты же говоришь по-американски!

21

Хал обрадовался случаю ближе познакомиться со своим начальником. Алек Стоун был ростом в шесть футов, и все остальное у него соответствовало – ручищи, как два заплывших жиром окорока, обладали колоссальной силой. Он научился управлять людьми на сахарной плантации в Луизиане – и этим объяснялось многое. Подобно режиссеру, который, забывая, что у актеров есть фамилии, называет их именами персонажей пьесы, Стоун обращался к рабочим, помня только их национальность: «Валяй, поляк, грузи вагонетку!», «Эй, япошка, тащи сюда вон тот инструмент!», «Заткнись ты, даго, и принимайся за работу, не то, честное слово, я раздеру на тебе штаны!»

Хал однажды был свидетелем спора о том, кто обязан таскать бревна. На земле лежала огромная поперечная пила с ручками на обоих концах. Стоун схватил ее и начал размахивать, как палашом, под самым носом у щуплого чеха-шахтера. «Грузи бревна, чешская рожа, или я распилю тебя самого на куски!» Испуганный чех пятился назад, а Стоун наступал на него. Наконец чех оказался прижатым вплотную к стене, а перед его носом моталась взад и вперед пила. «Распилю тебя на куски, чешская рожа! Фарш из тебя сделаю!» – орал Стоун. Когда, наконец, начальник оставил его в покое, щуплый чех опрометью бросился грузить бревна.

Но больше всего удивляло Хала то, что Стоун сохранял при этом изрядную долю добродушия. Вряд ли он хоть один раз из тысячи привел в исполнение свои кровавые угрозы, а закончив очередную тираду, обычно, как это ни странно, раздражался смехом; причем и рабочий, на которого обрушивал он свой гнев, улыбался ему в ответ, не замедляя, конечно, темпа работы. После эпизода с пилой Стоун заметил, что Хал наблюдает за ним, и отпустил такую фразу:

– Вот учись, как надо обращаться с этой швалью.

Хал счел это данью своему американскому происхождению и почувствовал себя польщенным.

Вечером, после беседы с Майком. Хал решил поговорить со Стоуном. Он нашел своего начальника дома. Тот сидел у себя на террасе, положив ноги на перила.

– Мистер Стоун, – сказал Хал, – у меня к вам просьба.

– Валяй, дружок, в чем дело?

– Пойдемте в пивную, выпьем по стаканчику, а?

– Видно, тебе чего-то надо! Но только меня, дружок, подкупить трудно!

Тем не менее Стоун убрал ноги с перил, вытряхнул пепел из трубки и вышел к Халу.

– Мистер Стоун, – сказал Хал, когда они зашагали по улице, – мне хочется перейти на другую работу.

– А почему? Мулы осточертели?

– Нет, сэр, но я узнал о лучшей работе. Помощник Майка Сикориа заболел, и я хотел бы занять его место, если вы не возражаете.

– Что ты, малый! Это же работа для черномазого! Не боишься разве занять место черномазого?

– А чего бояться, сэр?

– Разве ты не знаешь, что эта дурная примета?

– Ничего, мне лишь бы получать его плату.

– Нет, – решительно сказал начальник, – ходи за мулами!. Ты у меня хороший работник, и я не хочу тебя терять. Поработай еще маленько, и я дам тебе прибавку. А полезешь в забой, первое, что тебя ждет, – это хороший обвал прямо на голову, и никакие негритянские деньги тебе впрок не пойдут.

Они дошли до пивной. Хал заметил, что при их появлении там воцарилась тишина; все кланялись и смотрели на них. Приятно, когда тебя встречают в компании с начальством!

О'Каллахен – владелец пивной – подбежал к ним с самой разлюбезной улыбкой и сел рядом. Хал заказал виски.

– Нет уж, ты оставайся на своем месте, – снова заговорил Стоун. – Научись обуздывать мулов, а потом я тебя сделаю начальником, будешь обуздывать людей.

Кое-кто из присутствующих захихикал. Начальник налил себе виски и поставил стакан на стойку.

– Шутки в сторону, – сказал он громко, чтобы каждый мог услышать. – Я это по своему опыту знаю. Меня, бывало, предупреждают: «Ради бога, не

говорите так с черномазыми, а то они ночью ваш дом подожгут». А я на это отвечал: «Если негра баловать, будешь потом всю жизнь нянчиться с испорченным негром!» И с неграми у меня всегда такой разговор: «Эй, черномазый, ты своих фокусов не выкидывай, не то я спущу с тебя штаны». Они понимают, что я джентльмен, и работают как следует.

– Еще стаканчик? – предложил Хал.

По мере того как начальник хмелел, он становился все более общительным и продолжал рассказывать о неграх. На сахарных плантациях в разгар сезона негры работают по двадцать часов в сутки. Если кто-нибудь из них пытается уклониться от этого, его подвергают аресту за сквернословие или за игру в кости и заставляют работать уже бесплатно, как арестанта. Стоун рассказал, как один такой «жеребец» предстал перед мировым судьей по обвинению в том, что он «косоглазый». За такое преступление его присудили к принудительным работам сроком на два месяца. Этот анекдот очень понравился посетителям пивной, у которых расовый антагонизм был, очевидно, сильнее классовой солидарности.

Был уже поздний час, когда начальник с Халом вышли из пивной. Начальник выглядел весьма ласковым.

– Мистер Стоун, – заговорил Хал, – простите, что я надоедаю, но мне очень хочется побольше зарабатывать. Если вы согласитесь дать мне место подручного, я буду счастлив поделиться с вами.

– Поделиться со мной? То есть как это?

Хал насторожился. Если бы Майк так твердо не заверил его в продажности Стоуна, можно было бы ожидать, что могучий кулак начальника собьет сейчас его с ног.

– На той работе платят на пятнадцать долларов больше. Наличных у меня сейчас нет, но, может, вы согласитесь забрать товаров в лавке за мой счет на десять долларов.

Несколько шагов они прошли молча. Наконец Стоун заговорил:

– Вот что я тебе скажу. Этот старый словак вечно всем недоволен, это один из тех типов, которые думают, что могли бы управлять шахтой, только пусти их. Так вот, если ты наслушаешься его речей и вздумаешь прийти ко мне скандалить, клянусь богом...

– Что вы, сэр! – живо перебил его Хал. – Уж я для вас потружусь – заставлю его заткнуться. И если вы желаете, я присмотрюсь, с кем он ведет разговорчики, и про всех этих смутьянов буду вам докладывать.

– Вот это дело, – быстро согласился начальник. – Действуй, а я буду тебя иметь в виду и помогу продвинуться. Ты не думай, что я этого старика боюсь, но когда у тебя почти пятьсот человек чужеземного сброда, из которых один анархисты, другие болгары и черногорцы, что вечно дрались между собой в своей стране...

– Понимаю, – подсказал Хал, – за ними надо наблюдать.

– А как же! – воскликнул начальник. – Кстати, когда будешь говорить приказчику в магазине про эти пятнадцать долларов, скажи, что проиграл мне их в покер.

- Я ведь сказал: десять долларов, – поспешно заметил Хал.
– Да, я слышал, – ответил начальник, – но я-то говорю пятнадцать.

22

Хал был рад, что теперь он станет настоящим шахтером. В течение долгого времени он рисовал себе это в уме, но, как часто случается, первое соприкосновение с действительностью стерло картину, созданную воображением. Вернее сказать, пропала даже способность воображать. Хал понял, что на борьбу с жестокими пытками уходит весь запас его энергии – и физической и умственной. Если бы раньше кто-нибудь рассказал ему, как ужасно работать в забое высотой в пять футов, он бы не поверил. Это было похоже на страшные орудия пытки – «железную деву» и «ошейник с шипами», которые показывают в старинных европейских замках. У Хала так горела спина, будто по ней водили раскаленными утюгами. Каждый сустав, каждый мускул вопил от боли. Он забывал, что над ним нависает уступчатая кровля, и все время ударялся об нее. Лоб его покрылся ссадинами и кровоподтеками, голова раскалывалась от боли, в глазах мелькали темные пятна. В отчаянии он падал на землю, а старый Майк только посмеивался:

– Понимаю. Ты как мул, которого в первый раз запрягли. Ничего, привыкнешь!

Халу вспоминались натертые сбруей большие плотные мозоли на боках у его бывших подопечных. «Что ж, – думал он, – ведь правда, первый раз запрягли».

Просто удивительно, сколько существует способов зашибить и исцарапать руки, нагружая вагонетку! Хал надел перчатки, но они изорвались в один день. А газ и пороховой дым – как они душили! А как невыносимо жгло в глазах от пыли и скудного освещения! Нельзя было даже потереть воспаленные глаза, потому что руки были покрыты черной пылью. Разве мог кто-нибудь со стороны представить себе эти мучения, например, дамы, путешествующие в мягких вагонах или отдыхающие в шезлонгах на палубе парохода, плывущего по ослепительно синим тропическим морям?

Старый Майк относился хорошо к новому подручному. За сорок лет труда в шахте спина Майка сгорбилась, руки загубели, и он мог работать за двоих, развлекая вдобавок своего нового друга всякими рассказами. Старик имел привычку неустанно болтать, как ребенок: он разговаривал со своим помощником, с самим собой, и даже с инструментами. Он ругал свои инструменты непотребными, устрашающими словами, сохраняя при этом дружеский, добродушный тон. «Бей, сукин сын!» – приказывал он своему обушку, а вагонетке говорил: «Пожалуй сюда, потаскуха!» На глыбу угля он ворчал: «Вылезай, черный дьявол, тебя тут ждут!» Хала он добросовестно учил шахтерской работе, рассказывал ему, какие бывают удачи и беды. Но самой больной его темой было жульничество, окружающее углекопов; он проклинал «Всеобщую Топливную компанию», ее десятников и управляющих, старших служащих, директоров и пайщиков и такое устройство мира в целом, которое допускало существование этой преступной организации.

Когда наступал полдень, Хал лежал на спине, не в силах даже приняться за еду. Старый Майк сидел с ним рядом и жевал свой завтрак. Обильная растительность на его лице сходилась клинышком под подбородком, и во время еды он – был удивительно похож на старого козла. Но какая это была славная, заботливая душа! Майк все пытался соблазнить своего подручного ломтиком сыра или глотком холодного кофе, веря в их целебные свойства: разве можно поддерживать пары в котлах, если не подбрасывать уголь в топку! Когда ему все же не удалось уговорить Хала поесть, он развлекал его рассказами о шахтерской жизни в Америке и России. Он очень гордился тем, что его подручный – американец, и старался изо всех сил облегчить Халу работу, лишь бы тот не сбежал.

И Хал не сбежал; но после смены он поднимался наверх такой измученный, что иногда засыпал в клетки. Засыпал он и за ужином, а потом, дойдя до своего закутка, валился, как бревно, на койку. А какое мучение вставать до рассвета и, с трудом стряхивая с себя сон, шевелить хрустящими суставами; какая резь в глазах, как болят от волдырей и язв руки!

Прошла целая неделя, прежде чем наступила первая передышка, но привыкнуть к этой жизни Хал так и не сумел. Разве можно, работая как вол, сохранять живость ума, любознательность, тонкость чувств; разве можно при таком труде думать об интересных приключениях, не превратиться в автомат? Халу приходилось не раз слышать презрительное выражение «инертность масс». Он сам удивлялся этой инертности. Но теперь он ничему не удивлялся, так как многое познал на собственном опыте. Найдешь ли ты мужество дать отпор начальнику, когда все твоё тело онемело от усталости? Как осознать, в чем заключаются твои права, где найти силы, чтобы решительно отстаивать их, если физическая усталость парализует не только твоё тело, но и мозг?

Хал явился сюда, как человек, который выходит на палубу корабля, чтобы посмотреть на бурю в открытом океане. В этой пучине нищеты, невежества и горя видны были обращенные к небу страдальческие лица, истерзанные тела, заломленные руки; в ушах стояли их стоны, на щеки падали брызги их кровавых слез. Сознание, что сам он может, когда захочет, спастись отсюда бегством, уже не утешало Хала, настолько глубоко успел он погрузиться в эту пучину. А ведь он-то мог себе сказать: «Все это мрачно, все это ужасно, но – слава богу – стоит мне лишь захотеть, и я уйду отсюда, вернусь в теплую, светлую кают-компанию и буду журить своих спутников за то, что они пропустили живописнейшее зрелище, прошли мимо весьма интересных жизненных явлений!»

23

В эти мучительные дни Хал не заходил к Красной Мари, но как-то вечером она сама пришла к Минетти проведать прихворнувшего малыша и принесла ему чашечку молочного киселя. К мужчинам, особенно к дельцам, Хал проявлял известную подозрительность, но в отношении женщин он был простаком. Ему, например, не показалось странным, что ирландская девушка, обремененная семейными заботами, приходит ухаживать за больным

итальянским младенцем. Он не подумал, что в поселке ведь полным-полно хворых ирландских ребятишек, которым Мэри могла бы отнести свой молочный кисель. И когда он заметил удивление Розы, которая до сих пор не была знакома с Мэри, то приписал это лишь трогательному чувству благодарности, свойственному беднякам.

Собственно говоря, все женщины столь различны и количество применяемых ими уловок столь велико, что на их изучение у мужчины не хватает времени. Халу случалось наблюдать девушек – фабричных работниц, которые крикливо одевались, «стреляли глазками» и неустанно хихикали, чтобы привлечь внимание представителей сильного пола; ему был хорошо знаком и тип светской барышни, достигающей той же цели более тонкими и обольстительными способами. Но есть, значит, еще и третья порода – девушки, которые качают на руках итальянских младенцев, называют их ирландскими ласкательными именами и кормят киселем с ложечки? Для Хала это было новостью, и он невольно залюбовался Красной Мэри – кельтской мадонной с сицилийским младенцем на руках!

Он заметил, что на ней все то же синее ситцевое платье с заплатой на плече. При всей своей наивности, Хал понимал, какую роль в жизни женщины играет одежда. У него закралось было подозрение, что весь гардероб Мэри состоит из одного этого ситцевого платья, но видя, что при каждой встрече оно имеет свежестырированный вид, Хал решил, что в гардеробе девушки есть по крайней мере еще одно в запасе. Так или иначе, Мэри хрустела крахмаленным ситцем и держалась весьма оживленно, как обещала Халу; весело шутила и болтала, точь-в-точь как любая богатая красотка, которая пудрится и наряжается, собираясь на бал. Во время прежних встреч с этим интересным юношей она, наверно, отпугнула его своим мрачным и недовольным видом; может, ей удастся завладеть им, если она будет женственной и веселой?

Она подразнивала его: что такое, шишка на голове, весь скрюченный, постарел на десять лет? Последнему Хал с готовностью поверил. И ей казалось смешным, что он работает под начальством словака – позор, да и только! Эта шутка понравилась всему семейству Минетти, особенно Джерри Маленькому, который любил посмеяться. В свою очередь мальчик рассказал Мэри, что за честь стать подручным у словака Джо Смиту пришлось уплатить начальнику пятнадцать долларов, да еще поставить ему выпивку у О'Каллахена. Джерри рассказал ей также, что Майк Сикориа прозвал Джо своим необъезженным мулом. И Джерри Маленький всем этим недоволен, потому что прежде Джо учил его разным интересным играм, а теперь не хочет с ним играть, теперь он такой сердитый! Джо, бывало, поет ему веселые песенки. Вот эту, например, где такие слова: «Под орехом густым мы поем и свистим». Видела ли Мэри когда-нибудь густой орех? Он думает без конца и никак не может себе представить, что это за дерево, на что оно похоже?

Черноглазый итальянский пострел ревниво наблюдал, как Мэри кормит маленького, и когда ему тоже дали две-три ложечки киселя, он широко раскрывал рот, а потом облизывал губы. Ох, как вкусно!

Но вот киселя уже не осталось, и Джерри Маленький перевел взгляд на блестящие волосы гостыи, уложенные короной вокруг головы.

– У вас всегда такие волосы? – спросил он.

Хал и Мэри расхохотались, а Роза цыкнула на мальчишку:

– Ну и ребенок, вечно что-нибудь такое скажет!

– Всегда! – ответила Мэри. – Ты думал, я их крашу?

– Да нет, – сказал Джерри Маленький. – Но только они у вас такие красивые и новые! Правда? – И он вопросительно посмотрел на Хала.

– Совершенно верно! – подтвердил Хал и добавил: – Не стесняйся, говори! Девушки любят комплименты.

– Комплименты? – как эхо, повторил Джерри Маленький. – А что это такое?

– Неужели не знаешь? – удивился Хал. – Это когда говорят девушке, что волосы у нее как утреннее солнце, глаза как вечерние сумерки, а вся она точно дикая роза на горной вершине.

– Вот как? – недоверчиво произнес маленький итальянец. – Ну, все равно, кисель она делает очень хороший!

24

Настало время прощаться, и Хал, морщась от боли, поднялся, чтобы проводить Мэри домой. Она внимательно посмотрела на него и только сейчас поняла, как он страдает. По дороге она спросила:

– Зачем вы взялись за такую работу, если можно было без нее обойтись?..

– Но должен же я зарабатывать себе на жизнь!

– Не обязательно таким трудом. Умный молодой человек, американец...

– Видите ли, мне было интересно познакомиться с шахтерской жизнью.

– Вот вы и познакомились, теперь можете уехать.

– Ничего со мной не случится, если я еще поработаю.

– Неужели? Откуда вы это знаете? В любой день вас могут вынести ногами вперед!

Куда девалось теперь ее «светское оживление»? Голос Мэри был полон горечи, как всегда, когда она заговаривала о Северной Долине.

– Я знаю, что говорю, Джо Смит. Разве я не потеряла здесь двух братьев? Таких хороших мальчиков во всем мире не сыщешь! Я видела и других ребят. Они шли в шахту со смехом, а оттуда их потом выносили мертвыми. Или искалеченными – это даже страшнее для рабочего человека! Иногда по утрам меня тянет пойти стать у входа в шахту и закричать: «Вернитесь! Сегодня же уходите в город! Голодайте, если придется, просите милостыню, но найдите себе другую работу, только не эту, не эту!»

Ее голос стал громче, и в нем звучал страстный протест, но тут ворвалась новая нота – какой-то личной заинтересованности и страха:

– А теперь еще хуже, потому что здесь появились вы, Джо. Мне страшно видеть, что и вас затягивает шахтерская жизнь! Такой молодой, сильный, совсем не похожий ни на кого из здешних! Уходите, Джо, бегите отсюда, пока не поздно!

Он был потрясен страстностью ее слов.

– Обо мне не беспокойтесь, Мэри, – сказал он. – Ничего со мной не случится. Поработаю еще немного и уеду.

Дорога была в ухабах, и он держал ее под руку. Почувствовав, что она дрожит, он быстро добавил:

– Не мне нужно бежать отсюда, а вам, Мэри. Вы ненавидите эти места, жизнь здесь – мучение для вас. Неужели вы никогда не подумывали уехать?

Она не сразу ответила. Но когда заговорила снова, то возбуждение уже улеглось, и в голосе ее – вялом и однотонном – звучало отчаяние:

– Стоит ли думать обо мне? Для меня выхода нет – для нищих девушек вообще нет выхода. Я пыталась что-то сделать, но это все равно, что биться головой об стену. Я даже не могу накопить на железнодорожный билет. А уж как я старалась! Два года подряд копила. И знаете, сколько накопила? Семь долларов. Всего-навсего – за два года! Да разве что накопишь в таком месте, где на каждом шагу у тебя разрывается сердце! Презирай не презирай их за трусость, но как не поможешь женщине, у которой муж погиб, а ее с детьми посреди зимы выставили на улицу?

– Слишком вы добрая, Мэри.

– Нет, нет, не в этом дело. Разве я могу уехать и бросить братишку и сестру, которым я нужна?

– Но вы же будете зарабатывать и присылать им деньги!

– Я и здесь кое-что зарабатываю. Меня нанимают иногда убирать, а иногда сиделкой к больным.

– Но в другом месте вы сможете зарабатывать больше!

– Я могу получить работу в ресторане: это семь-восемь долларов в неделю, но тогда мне придется больше тратить на себя, а то, что я им пришлю, они здесь растратят без толку. Я могла бы поступить прислугой и работать по четырнадцать часов в день. Но, поймите, Джо, я не хочу еще больше закабалиться! Я хочу чего-нибудь красивого, своего собственного! – Она внезапно взмахнула, руками, словно ей не хватало воздуха. – О, я хочу красивой, чистой жизни!

Хал снова почувствовал, что она дрожит, и, так как дорога была неровная, он – движимый сочувствием – поддержал свою спутницу за талию. В том мире, где царят праздность и довольство, такое внимание к спутнице вполне уместно, и он даже не задумался, подходит ли это в обращении с дочерью шахтера. Но когда Хал прижал ее к себе, он почувствовал приглушенное рыдание.

– Мэри! – шепнул он, останавливаясь. Почти не сознавая, что делает, Хал обнял ее другой рукой и ощутил ее горячее дыхание на своей щеке; она вся задрожала в его объятиях.

– Джо! Джо! – шептала она. – Увезите меня отсюда!

Душистый цветок, роза шахтерского поселка, она тронула Хала до глубины души. Тропа любовных наслаждений расстилалась перед ним в эту лунную летнюю ночь, и здесь рождались такие же чувства, как и в роскошных садах богачей. Но прошло несколько минут, и холодный страх отрезвил Хала. Там, дома, его ждет другая девушка. А кроме того, ведь он же решил, приехав

сюда, найти способ отплатить беднякам за те преимущества, которые он получил в жизни: за свое образование, за независимость. Совесть запрещала ему быть хищником по отношению к этим людям. Хватит с них Джеффов Коттонов!

– Мэри, – печально сказал он, – мы не должны этого делать.

– Почему?

– Потому что я не свободен. Есть другая.

Она вздрогнула, но не оттолкнула его. Только спросила едва слышно:

– Где она?

– Дома, ждет меня.

– Почему вы мне сразу не сказали?

– Сам не знаю.

В этот миг Хал сообразил, что у Мэри есть основания для обиды. По нехитрым понятиям ее круга, он зашел достаточно далеко в своих отношениях с ней: они гуляли вдвоем – и люди это видели; он считался ее «ухажером». Он заводил разговоры о ее жизни, требуя, чтобы она делилась с ним своими переживаниями. Беднякам не понятны такие тонкости, как интеллектуальный интерес, платоническая дружба и праздное волокитство!

– Простите меня, Мэри, – сказал Хал.

Мэри ничего не ответила; подавив рыдание, она медленно высвободилась из его объятий. Он боролся с желанием снова прижать ее к себе. Как хороша она собой, как много в ней жизни, как хочется ей счастья!

Но он держал себя в узде и больше уже не прикасался к ней, лишь смиренно попросил:

– Мэри, мы ведь можем остаться друзьями, правда? Поверьте, мне очень, очень жаль...

Но жалости к себе она не терпела.

– Ладно, ничего, – сказала она. – Я понадеялась, что смогу вырваться отсюда. Вот чего я ждала от вас!

25

Хал обещал Алеку Стоуну заниматься слежкой за шахтерами. Однажды вечером начальник остановил его на улице и спросил, не собрал ли он каких-нибудь полезных сведений. Халу захотелось подшутить над ним.

– Майк Сикориа – человек безобидный, – сказал он. – Любит пошуметь, ему бы только найти слушателя, больше ничего не надо. Старый он, вот и ворчит. Но есть тут другой субъект, к которому, по-моему, стоит приглядеться.

– Кто ж это такой? – спросил Стоун.

– Я фамилию не знаю. А зовут его Гас. Он работает у клетки. Краснолицый такой.

– Знаю! – сказал Стоун. – Гас Деркинг.

– Вот, вот! Он все старался вызвать меня на разговор о профсоюзе. Вечно пристает с этим. По-моему, он один из смутьянов.

– Ладно, – сказал начальник. – Я за ним слежу.

– Только не говорите, что это я сказал, – забеспокоился Хал.

– Нет, нет... Что ты! – Легкая улыбка появилась на лице Стоуна.

Хал ушел, тоже посмеиваясь про себя. Дело в том, что Мадвик указал Халу на краснолицего Гаса, как на одного из хозяйских «стукачей».

Разоблачение осведомителей было весьма сложной задачей, и в иных случаях не сразу можно было догадаться, с кем имеешь дело. Однажды в воскресенье утром Хал пошел на прогулку в горы. По дороге к нему присоединился незнакомый парень, который очень быстро перевел разговор на условия труда в Северной Долине. Он сказал, что живет здесь около недели, но успел заметить, как возмущаются рабочие проделками в весовой. Сам он не имеет прямого отношения к добыче угля, вопрос о недовешивании лично его не касается, но ему интересно было бы услышать мнение Хала.

В мозгу Хала немедленно возник вопрос, действительно ли перед ним рабочий, или это шпион, подсланный Алеком Стоуном, чтобы проверить другого шпиона. Спутник Хала был американец и производил впечатление развитого человека, и оба эти обстоятельства вызывали подозрение, ибо, как правило, Компания вербовала рабочих из эмигрантов, чья родина была где-то «к востоку от Суэца».

Хал решил быть начеку. По его мнению, сказал он, условия труда тут ничуть не хуже, чем в других местах. За какую работу ни возьмись, везде слышишь жалобы!

– Так-то так, – сказал незнакомец, – но на угольных шахтах рабочим особенно плохо. Может, это потому, что они расположены в такой глуши, да еще потому, что здесь все решительно принадлежит хозяевам.

– А вам где случилось бывать? – спросил Хал, надеясь поймать парня в ловушку.

Но тот дал прямой ответ: он работал не то в пяти, не то в шести местах. В Матео с него брали доллар в месяц за баню, но там хватало воды только на первых трех посетителей, – для всех остальных рабочих имелся общий бассейн – такая вонючая яма, что даже трудно себе представить. В «Пайн-крнк» (при одном упоминании этого места у Хала замерло сердце), итак в «Пайн-крик» он квартировал у своего начальника, но крыша в доме текла и все его вещи заплесневели и начали гнить. Так эту крышу и не починили, но когда он переехал на другую квартиру, начальник выгнал его с работы. В Ист-Ридже он с несколькими товарищами снял двухкомнатную лачугу, и они все стали питаться дома, хотя мешок картофеля в лавке Компании стоил полтора доллара, а фунт сахара – одиннадцать центов. Так они жили, пока однажды не испортился водопровод и не выяснилось, что вода, за которую Компания ежемесячно взимает по доллару с человека, накачивается со дна шахты, куда сваливают навоз из конюшни и содержимое уборных.

Хал не давал втянуть себя в разговор. Он только покачал головой и заметил, что все это, конечно, очень плохо, но таков уж удел рабочего. Он, например, не представляет себе, чем тут можно помочь. Вскоре они повернули к поселку. Спутник Хала, видимо, был озадачен, а сам Хал чувствовал себя как читатель детективного романа, который познакомился пока только с первой главой. Кто этот неизвестный парень – убийца или герой? Чтобы узнать это,

надо дочитать книгу до конца.

26

Хал не выпускал своего нового знакомого из поля зрения, а тот все время вступал в разговоры с рабочими. Вскоре он завел знакомство с Майком Сикориа, который не испугался бы самого дьявола, лишь бы получить возможность поворчать. Хал решил, что пора что-то предпринять по этому поводу.

Первым делом Хал обратился к своему приятелю Джерри, считая, что тот, будучи радикалом, наверное, держит в запасе пробный камень для испытания незнакомцев. Джерри поговорил с новичком в обеденный перерыв, но, вернувшись, признался, что так ничего и не выяснил. Либо это агитатор, явившийся сюда, чтобы поднять народ, либо шпик, подсланный Компанией. Оставался один способ вывести незнакомца на чистую воду: надо, чтобы кто-нибудь откровенно поговорил с ним о порядках на шахте, а потом посмотреть, что приключится с этим храбрецом.

После некоторого колебания Хал обрек себя на роль жертвы. В нем вновь пробудилась страсть к приключениям, усыпленная на время тяжким трудом в забое. Таинственный незнакомец забирался в новые недра – в недра человеческих душ: хорошо. Хал начнет проходку ему навстречу и, может быть, сумеет подорвать его собственной взрывчаткой. Отваживаясь на этот опыт. Хал рисковал меньше, чем другие: меньше, например, чем маленькая миссис Дэйвид, которая успела впустить этого незнакомца в свой дом и признаться ему, что ее муж когда-то состоял членом самой революционной из всех шахтерских организаций – «Южно-Уэльской федерации».

Итак, в следующее воскресенье Хал пригласил незнакомца на прогулку. Тот было отказался, но все же пошел, когда Хал сказал, что хочет с ним поговорить. Карабкаясь вверх по крутому склону, Хал приступил к делу:

– Я обдумал то, что вы мне рассказали о жизни шахтеров, и пришел к выводу, что нам в Северной Долине необходима хорошая встряска.

– Неужели? – спросил его спутник.

– Когда я впервые приехал сюда, я думал, что народ здесь просто любит поворчать. Но теперь я многое повидал своими глазами и убедился, что здесь страшно обсчитывают рабочих. Никому, например, не записывают полного веса – разве только нескольким любимчикам. Это я знаю точно, потому что произвел для проверки опыт со своим напарником. Один раз мы погрузили очень мало угля в вагонетку и нам записали восемнадцать центнеров, в другой раз мы грузили плотно, с верхом, так что наложили почти вдвое больше угля, но нам записали всего-навсего двадцать два. И ничем их не прошибешь, хотя каждый знает, что в больших вагонетках уместается две-три тонны.

– Да, это, пожалуй, верно, – подтвердил его спутник.

– А если у вас найдут хоть осколочек пустой породы, вам наверняка запишут «два нуля». А иногда они просто заявляют, что нашли пустую породу, хотя это и неправда. Ведь нет такого закона, который заставил бы их приводить доказательства...

– Нет, конечно.

– И вот что получается: вам внушают, что расценка – пятьдесят пять за тонну, но тишком платят по тридцать пять. А вчера с меня содрали в лавке Угольной компании полтора доллара за синий комбинезон, которому в Педро красная цена – шестьдесят центов!

– Но знаете, – возразил собеседник Хала, – ведь доставка товаров сюда стоит дорого!

Постепенно Хал убедился, что роли переменялись, и теперь держался осторожно уже не он, Хал, а этот таинственный человек. Неожиданная речь Хала в защиту интересов рабочих не произвела на собеседника должного впечатления.

Итак, карьера сыщика окончательно не удалась Халу. ' – Ну, приятель, выкладывай свои карты! – воскликнул он.

– Мои карты? – спокойно переспросил приезжий. – Как это понимать?

– А так понимать – говори, зачем здесь околачиваешься?

– Чтобы заработать свои два доллара в день, как и ты.

Хал расхохотался.

– Мы как две подводные лодки, которые охотятся друг за другом под водой. Я думаю, нам пора подняться наверх и вступить в открытый бой.

Это сравнение, видимо, понравилось противнику.

– Что ж, давай ты первый! – сказал он, правда без улыбки. Его спокойные голубые глаза очень серьезно глядели на Хала.

– Хорошо, – сказал Хал, – моя история проста. Я не беглый каторжник и не шпион Компании, как ты, возможно, заподозрил. Я и не потомственный шахтер. Дело в том, что у меня есть брат и друзья, которые возомнили себя знатоками угольной промышленности. Их рассуждения раздражали меня – и я приехал сюда, чтобы увидеть все собственными глазами. Вот и все. Впрочем, добавлю еще одно: это оказалось интереснее, чем я предполагал; поэтому я решил задержаться здесь на некоторое время, если только ты не окажешься осведомителем.

Второй продолжал идти молча, словно взвешивая слова Хала.

– Это не такая уж простая история! – промолвил он, наконец.

– Пожалуй, – отозвался Хал. – Но тем не менее это чистая правда.

– Что ж, – сказал его спутник. – Я рискну поверить. Чтобы достичь какого-нибудь результата, я должен кому-то довериться. Я выбрал тебя, потому что ты мне понравился. – Он еще раз испытующе поглядел на Хала. – Обманщик так не улыбается. Но ты молод, поэтому позволь тебе напомнить, что в таких местах надо соблюдать конспирацию.

– Обещаю молчать, как рыба, – сказал Хал. Тогда его собеседник отстегнул кармашек на рубашке и вытащил документ, удостоверяющий, что по поручению Союза горнорабочих – всеамериканского шахтерского объединения – Томас Олсен является организатором горнорабочих.

Олсена. Ему уши прожужжали про всякого рода «вредителей» на шахтах, но до сих пор он видел только тех, кого подсылают хозяева, чтобы вредить рабочим. И вдруг – перед ним настоящий профсоюзный организатор! Джерри уже высказывал такое предположение, но Халу не верилось. Профсоюзный организатор казался ему какой-то мифической фигурой; о нем тайно шепчутся шахтеры, его проклинаят хозяева и все их прихвостни, а также друзья Хала в его родном городе. Предатель, подстрекатель к бунту, безответственный крикун, возбуждающий в людях слепые, опасные страсти! Всю жизнь Халу приходилось слышать такие разговоры, и потому сейчас он почувствовал недоверие к новому знакомому. Как тот безногий стрелочник, пустивший его переночевать после избиения в «Пайн-крик», он хотел сказать; «Только не смей болтать со мной о профсоюзе!»

Заметив состояние Хала, Олсен горько усмехнулся:

– Ты выразил надежду, что я не шпик; я в свою очередь тоже надеюсь, что и ты не этого сорта.

На это Хал удачно ответил:

– Я уже раз был принят за профсоюзного организатора! – И он похлопал себя по пострадавшему месту.

Собеседник сказал со смехом:

– Отделался только тем, что тебя побили? Ну, тебе повезло. А вот недавно в Алабаме одного из наших вымазали дегтем и вываляли в перьях!

Лицо Хала омрачилось, но потом он рассмеялся:

– Я вспомнил своего брата и его приятелей. Что бы они сказали, если б я вернулся домой из «Пайн-крик» вымазанный дегтем и вывалянный в перьях!

– Вероятно, сказали бы, что так тебе и надо.

– Вот именно! У них на все одна мерка: если что у тебя не ладится, пеняй на себя. «Америка дает всем равные возможности!»

– Кстати, заметь, – сказал Олсеи, – чем больше у человека материальных преимуществ, тем громче кричит он про эти равные возможности для всех.

У Хала уже зарождалось товарищеское чувство к этому незнакомцу, который был способен так хорошо понимать, из-за чего бывает семейный разлад. Давно уже Хал не общался ни с кем, кроме здешних жителей, и разговор с этим человеком подействовал на него благотворно. Он вспомнил, как лежал под дождем избитый и благословлял судьбу, что он не тот, за кого принимали его охранники. Теперь его заинтересовала психология профсоюзного организатора. Да, нужно иметь твердые убеждения, чтобы работать на этом поприще!

Последнее он высказал вслух, и Олсен ответил:

– В любой момент готов уступить тебе свои доходы, если возьмешься вместо меня за это дело! Но знаешь, самое страшное – не то, что нас бьют и гонят отовсюду; ваша главная беда – не полиция, не шпики и не черные списки. Беда наша в самих людях, которым мы стараемся помочь! Задумывался ли ты над тем, как трудно разъяснить что-нибудь рабочим, говорящим на двадцати различных языках?

– Еще бы! – сказал Хал. – Я даже не знаю, как ты за это берешься.

– Что поделать? Находим толмача, хотя нередко оказывается, что это хозяйский шпион. А то бывает, что первый же человек, которого пытаешься привлечь, доносит на тебя начальству. Ведь есть же среди рабочих и трусы и негодяи, которые продадут товарища за «теплое местечко», да что там – за кружку пива!

– Это, наверно, подрывает веру в дело? – сказал Хал.

– Нет, – решительно ответил Олсен. – Тяжело, конечно, но эти несчастные люди не виноваты. Они невежественны, но их нарочно держат в темноте. Углепромышленники привозят их сюда и сразу начинают натравливать одну национальность на другую. Несомненно, у этих европейских народов есть свои старые предрассудки – национальные там или религиозные, которые создают между ними рознь. Вот, например, видишь двух рабочих – совершенно одинаково несчастных, но оказывается, первый презирает второго, потому что свой народ он считает выше. А хозяевам только этого и надо!

28

Они зашли в очень глухой уголок и уселись на большом плоском камне, чтобы было удобнее разговаривать.

– Поставь себя на место этих рабочих, – сказал Олсен. – Живут они на чужбине, один внушает им одно, другой – другое. Хозяева и все их приспешники твердят: «Не доверяйте профсоюзным агитаторам! Это сплошные вымогатели: сами не работают, а живут припеваючи. На ваши деньги они устраивают забастовки, а вы теряете из-за них работу и крышу над головой. Они вас предают, а потом спешат в другое место, чтобы и там проделывать те же фокусы». Иные рабочие готовы этому верить; они не догадываются, что если встречаются среди руководителей профсоюза жулики, то это только потому, что шахтовладельцы подкупают их. И вот, понимаешь, люди совершенно сбиты с толку, не знают, кого им слушать.

Говорил он сдержанно, но от волнения у него на щеках появился легкий румянец.

– Хозяева не перестают твердить, что рабочие всем довольны, а только мы их мутим. Но разве это так, разве они довольны? Вот ты уже здесь пожил, наверно знаешь!

– О чем тут говорить! – отозвался Хал. – Конечно, недовольны. Мне все время кажется, что я среди детей, рыдающих во тьме, которые не знают, что с ними, кто виноват и к кому обратиться за помощью.

Чувство недоверия к новому знакомому начало постепенно исчезать. Весь облик Олсена совершенно не соответствовал тому представлению о профсоюзном организаторе, которое создалось у Хала. Олсен был голубоглазый, опрятный молодой американец, совсем не крикун и не скандалист, а скорее, можно сказать, мечтатель. Конечно, он был полон негодования, но выражал его не громкими фразами, не потоками цветистого красноречия. Сдержанность Олсена привлекала Хала, ибо, несмотря на свои демократические порывы, он придерживался манер того класса, который избегает шумливости и слишком откровенного выражения чувства.

Халу понравилось также отношение Олсена к слабостям рабочего люда. Всю жизнь Хал только и слышал об «инертности» бедняков, их трусости и неустойчивости, из-за чего многие считали их положение безнадежным. Обычно говорилось: «Им нельзя помочь. Они грязны и ленивы, пьянствуют, отлынивают от работы, предадут друг друга. Они всегда были такими!» Эти высказывания обобщались в формулу: «Человеческую натуру не переделаешь!» Даже Мэри Берк – девушка из рабочего класса – говорила о рабочих гневно и презрительно. А Олсен верил в мужество этих людей, старался будить в них сознательность и учить их. Он видел перед собой ясную и определенную цель.

– Им нужно прививать навыки солидарности. В одиночку они бессильны перед властью могучих корпораций. Но если они сплотятся и будут продавать свой труд коллективно, тогда с ними начнут считаться, как с силой.

Он замолчал и вопросительно посмотрел на Хала:

– Что ты думаешь о профсоюзах?

– Они-то как раз меня очень интересуют, – ответил Хал. – Вот так слушаешь одного, другого, – все говорят по-разному, потому что есть еще много взаимного предубеждения. Я хочу помогать обиженной стороне, но я должен быть уверен в правильности методов.

– Какие могут быть иные методы? – Олсен сделал паузу и потом спросил – Уж не надеешься ли ты воззвать к нежным сердцам предпринимателей?

– Нет, я не это имею в виду: но разве нельзя обратиться к людям вообще, к общественному мнению? Я американец и вырос с верой в свою страну. Я не могу отказаться от мысли, что есть какие-то способы добиться справедливости. Пожалуй, если бы народ активнее занялся политикой...

– Политикой? – воскликнул Олсен. – Господи! Сколько ты здесь живешь?

– Месяца два.

– Ну так побудь до ноября и посмотри, что делается с избирательными урнами в этих поселках!

– Представляю себе...

– Нет, ты не можешь себе этого представить. Вот так же, как невозможно себе представить, какое здесь царит взяточничество и какая нищета!

– Но если бы все рабочие голосовали дружно вместе...

– Как могут они голосовать вместе, если первый, кто заикнется об этом, вылетит отсюда? Даже американское гражданство получают только верные слуги хозяев. Ни одного рабочего не регистрируют в списке избирателей, пока его начальник не даст на то разрешения. Вот почему профсоюз – это первое, что нам нужно!

Слова Олсена казались справедливыми, но Хал вдруг вспомнил рассказы о «бродячих делегатах» и о губительных последствиях «профсоюзного засилия». А ведь он-то совершенно не собирался заниматься профсоюзными делами! Между тем Олсен продолжал:

– У нас в стране есть законы, куча законов об угольной промышленности: о восьмичасовом рабочем дне, о запрещении платить за труд талонами, о правилах торговли в магазинах угольных компаний, о борьбе с угольной пылью, о контроле при весах. Все это вписано в свод законов, но какая польза

от этого жителям Северной Долины? Кому придет в голову, что такие законы существуют?

– погоди! – перебил Хал. – Если так ставится вопрос, если цель вашего движения – внедрить законность, то я подписываюсь обеими руками!

– Но как же внедрять законность без профсоюза? В одиночку никто этого не добьется: стоит кому-нибудь заикнуться о законности, как его в два счета выгонят отсюда. В Уэстерн-Сити наши профсоюзные руководители уже обращались в разные официальные учреждения штата, но те и пальцем не пошевелили. А почему? Да потому, что за нами не стоит рабочая масса, и они это знают. Ведь и политические деятели и шахтовладельцы – все одинаково понимают, что единственно опасная для них сила – это мощный профсоюз.

Халу эти доводы показались совершенно новыми:

– А народ-то как раз не понимает, что рабочим необходима организация для утверждения их законных прав.

Олсен шутливо всплеснул руками:

– Господи! Все и не перечислишь, чего люди не знают о нас, шахтерах!

29

Олсен стремился заинтересовать Хала и посвящал его во все тайны своей профессии. Он находил людей, которые верили в профсоюз и соглашались, несмотря на риск, вербовать других. Всюду, где побывал Олсен, оставались сколоченные им группы, и он находил способы держать с ними связь, чтобы тайком переправлять пропагандистскую литературу и распространять ее среди рабочих. Он считал, что так создадутся первичные ячейки. А через год-полтора они уже будут на всех шахтах и можно будет выйти из подполья: созывать митинги в городах и в других местах, куда охотно пойдут рабочие. Дух протеста будет расти; рабочие начнут вступать в профсоюз такими темпами, что угольные компании не смогут с ними расправиться. И тогда рабочие потребуют своих прав, иначе пригрозят всеобщей стачкой во всем районе.

– Пойми, – закончил Олсен, – мы же имеем законное право объединиться, хоть это и не нравится хозяевам. Пусть тебя это не пугает!

– Так-то так, – сказал Хал, – но, по-моему, здесь, а Северной Долине, разумнее было бы выдвинуть какое-нибудь другое требование, менее спорное; например, рабочий контроль за весами.

– Все равно, – улыбнулся Олсен, – чтобы поддержать даже это требование, нам необходим профсоюз.

– Пусть так, – настаивал Хал. – Но существуют предубеждения, с которыми приходится считаться. Некоторые люди настроены против профсоюза; им кажется, что это приведет к тирании и насилию.

Его собеседник рассмеялся:

– Боюсь, что ты тоже разделяешь это мнение. Ладно, если хочешь заняться вопросом весового контроля, я препятствовать не стану.

Чудесно, вот это дело, настоящее дело! С тех пор как Хал стал подручным забойщика, работая под сводом в пять футов высотой, жизнь показалась ему скучной. А так-то, конечно, будет интереснее!

Но искренне ли он хочет этим заняться? До сих пор он оставался лишь наблюдателем шахтерской жизни. Правда, он уже убедился, что для шахтера созданы жестокие условия, причем это была совершенно ненужная, преднамеренная жестокость. Но когда дошло до дела, Хал заколебался: старые страхи и предубеждения вновь зашевелились в нем. Ведь ему всегда внушали мысль, что рабочие – народ буйный и ленивый, что им необходим кнут. А теперь, оказывается, он сам намерен выбить из сильной руки этот кнут, стать союзником тех, кто «подстрекает рабочих к бунту»!

Но это же как-никак другое, успокаивал себя Хал. То, что предложил Олсен, ведь не профсоюз, который может явиться деморализующей силой, подстрекающей рабочих все к новым и новым требованиям, вплоть до требования полного господства в промышленности. А кампания по поводу весов – это же просто призыв к закону, испытание честности и справедливости шахтовладельцев, про что те столько кричат. Если верить им, то закон о контроле у весов неукоснительно выполняется, охраняя права рабочих. А контролеров, мол, нет только потому, что рабочие сами не требуют. Что же зазорного, если попытаться это выяснить? Ведь если, с другой стороны, требование рабочих об осуществлении их законного права, не только юридического, но и морального, будет встречено хозяевами как бунт, в таком случае Хал начнет лучше понимать, что у них называется бунтом. Старый Майк, Йогансен и многие другие предупреждали Хала, что хозяева превратят его жизнь в сплошной ад и заставят поневоле убраться отсюда; а раз так, то и он готов насолить хозяевам!

– Это будет веселенькое дельце! – вырвалось у Хала, и Олсен в ответ рассмеялся:

– Вот именно...

– Ты думаешь, меня ждет второй «Пайн-крик»? – спросил Хал. – Возможно, так, но я должен сам все проверить. Понимаешь, у меня есть брат, и я мысленно веду с ним споры, когда начинаю думать о том, что становлюсь революционером. Я хочу с полным правом сказать ему: «Я не начитался никаких теорий. Я лично все проверил и вот – жизнь как она есть!»

– Ладно, – сказал Олсен, – все это хорошо, но ты еще только хочешь это испытать и внушить правильные мысли брату, а я уже всему научен на горьком опыте. Уж я-то знаю, что здесь делают с человеком, который требует рабочего контроля. И я не могу принести себя в жертву только затем, чтобы получить еще одно доказательство!

– А я тебя и не зову! – засмеялся Хал. – Раз я не берусь помогать тебе, ты можешь и мне не помогать. Но скажи, ведь я не помешаю общему делу, если подберу группу людей, которые согласятся рискнуть и выступить с требованием контролера?

– Конечно, нет! Наоборот, это послужит для многих наглядным уроком. Есть рабочие, которые ничего не знают о своем законном праве на контролера. Другие знают, что им не записывают полного веса, но не уверены, что это их обворовывает сама Компания. Если администрация откажется допустить контролера к весам, если, больше того, она выгонит застрельщиков, тогда в

местном отделении профсоюза появится много новых членов.

– Хорошо, – сказал Хал, – я не собираюсь вербовать для вас новых членов, но уж если сама Компания пожелает заняться вербовкой, – пускай, это ее дело.

И молодые люди скрепили свой договор крепким рукопожатием.

Книга вторая Рабы Короля-Угля

1

Таким образом, Хал приступил к деятельности, куда более интересной, чем работа конюха или подручного, но и чреватой более грозными опасностями, чем если на тебя свалится кусок пустой породы или мул лягнет тебя копытом в живот. Пассивность, которую порождает изнурительный труд, еще не успела перейти в хроническую болезнь Хала: защитой его была молодость, которой свойственна жажда новых и новых переживаний. Ему казалось страшно интересным быть заговорщиком, хранить тайны – глухие и таинственные, как темные своды шахты, где он работал.

Но Джерри Минетти, которому Хал раньше всех поведал о цели пребывания Олсена в Северной Долине, уже в свое время переболел юношеской романтикой. Мигом слетела с него обычная беззаботность, в глазах мелькнул страх.

– Я знал, что это когда-нибудь наступит! – воскликнул он. – Ох, беда нам с Розой!

– Почему? Не понимаю!

– Придется нам впутаться – наверняка придется. Я уже Розе говорил: «Мы называем себя социалистами, а кому от этого польза? Никому. Участвовать в выборах здесь бесполезно – голоса за социалистов не учитываются». Я Розе говорил: «Нужен профсоюз... Нужно бастовать». А она мне: «Подожди еще. Накопим хоть немножко денег. Пусть дети подрастут. Тогда уж мы поможем, и не так страшно нам будет остаться без крова».

– Но мы вовсе не собираемся организовывать профсоюз! – возразил Хал. – Пока у меня другой план.

Но не так легко было остановить Джерри. Он продолжал:

– Откладывать нельзя! Рабочие уже не могут больше терпеть! Я всегда говорил: это придет неожиданно, как взрыв в шахте. Если кто-нибудь начнет драку, все будут драться. – Тут Джерри поглядел на Розу, которая сидела, тревожно устремив черные глаза на мужа. – Придется, значит, и нам, – досказал он, и Хал заметил, что оба они поглядели на дверь, за которой спали дети.

Хал молчал – он уже начинал понимать, чего может стоить бунт таким людям. Он наблюдал с сочувствием и любопытством их борьбу – старую, как мир, борьбу между эгоизмом, осторожностью, тягой к личным удобствам, с одной стороны, и зовом долга, стремлением к идеалу – с другой. На эту борьбу звали не оглушительные фанфары, а лишь тихий голос совести.

Помолчав немного, Джерри спросил, каковы же, собственно, планы Хала и Олсена.

– Проверить, – ответил ему Хал, – как относится Компания к закону о рабочих контролерах. Это будет отличным пробный камень; как по-твоему, а, Джерри?

Тот только горько усмехнулся:

– Да, пробный камень для холостяков, у которых нет семьи!

– Ну и что ж, – сказал Хал, – я беру это на себя: я буду контролером.

– Нужна комиссия, чтобы пойти поговорить с управляющим, – сказал Джерри.

– Правильно. Но мы и для этого подберем холостяков. Из тех, кто живет в Бедняцкой слободе, в этих там курятниках. Им терять ровным счетом нечего!

Но Джерри не разделял оптимизма Хала.

– У них на это ума не хватит, не такие это ребята! Чтобы стоять друг за друга, нужно иметь голову на плечах!

Он объяснил, что надо сколотить группу, на которую могла бы опереться комиссия. Собрания должны проходить в полной тайне: фактически это почти то же самое, что профсоюз; во всяком случае, для Компании и ее шпииков это то же самое. Ведь на шахтах запрещены всякие организации. Здесь было несколько сербов, которым хотелось принадлежать к какому-то братству у себя на родине, но им даже это запретили. Если кто-нибудь желает застраховаться на случай смерти или потери трудоспособности, Компания сама его страхует и берет себе прибыль. Да что и говорить, рабочий даже не может перевести на родину деньги по почте – почтовый чиновник, он же одновременно и служащий лавки, наверняка всучит ему какие-нибудь талоны на товары Компании.

Итак, Хал столкнулся с теми трудностями, о которых предупреждал его Олсен. Во-первых, он увидел, что Джерри боится. Но он знал, что Джерри не трус – осуждать Джерри мог лишь тот, кто не отведал его жизни!

– Сейчас мне нужен только твой совет, – сказал Хал. – Кому из молодых шахтеров можно довериться? Я сам заручусь их поддержкой – тебя никто и не заподозрит.

– Но ты же мой квартирант!

Новый камень преткновения! Хал спросил:

– Ты думаешь, тебе это повредит?

– Еще бы! Они знают, что мы ведем беседы, во всяком случае догадываются, что я говорю с тобой о социализме. Как пить дать, выгонят меня с работы!

– Ну, а твой двоюродный брат – старший мастер?

– И он не спасет. Его самого могут выгнать. Скажут: к черту этого идиота – держит на квартире рабочего контролера!

– Все ясно, – сказал Хал. – Значит, мне надо перебраться, пока не поздно. А ты им сможешь сказать, что я смутьян и потому ты меня выставил.

Муж и жена Минетти сидели, переглядываясь. Вид у них был очень печальный. Им было обидно терять квартиранта – такого симпатичного и щедрого! Хал и сам чувствовал себя не лучше, потому что успел полюбить Джерри и его юную жену, и Джерри Маленького и даже черноглазого младенца, который своим криком мешал людям разговаривать.

– Нет, – сказал Джерри, – я не стану прятаться. Я тоже приму участие.

– Примешь, не беспокойся! – отозвался Хал. – Только не сейчас. Останешься на шахте после того, как меня выгонят, и поможешь Олсену. Ведь нельзя же, чтобы сразу выгнали всех лучших.

После недолгого спора на этом и порешили. Хал увидел, как миниатюрная Роза со вздохом облегчения откинулась на спинку стула. Час мученичества был отложен. Ее домик, ее три комнатки с мебелью, с начищенными до блеска кастрюлями и красивыми тюлевыми занавесками еще на несколько недель останутся за ней!

2

Хал снова переселился к Ремницкому. Это было тяжелой жертвой с его стороны, но давало ему те преимущества, что он мог больше времени беседовать с рабочими.

Вместе с Джерри он составил список людей, которым можно было довериться; первым в этом списке стояло имя Майка Сикориа. Майку должно понравиться, что его выдвинули в комиссию для переговоров с управляющим – он ведь считает себя созданным для таких дел! Однако решили до последней минуты его не посвящать, так как старик способен все выболтать от волнения при первом же новом инциденте в весовой.

По соседству с Халом в шахте работал один молодой болгарин по фамилии Вресмак. Ходок в его забойном участке шел круто вверх, и у него едва хватало сил проталкивать туда пустые вагонетки. Однажды, когда он это делал, обливаясь потом и напрягая все силы, подошел Алек Стоун и с грубостью силача, презирающего всякую физическую слабость, начал избивать его. Болгарин поднял руку – кто его знает зачем: защититься ли от удара, или дать сдачи. Но Алек Стоун ринулся на него и погнал вниз по штреку, пиная сапогами и осыпая неистовой бранью. Теперь этот шахтер работал в другом забое, где ему пришлось вынуть около сорока вагонеток пустой породы и получить за это всего-навсего три доллара. Каждый, кто видел лицо этого шахтера при встречах с Алем Стоуном, не усомнился бы в его готовности пойти на все, если поднимется общее движение протеста.

На примете у Джерри был еще один шахтер, недавно вышедший из больницы, где он лежал после того, как Джефф Коттон – начальник охраны – ударил его рукояткой пистолета. Этот человек был поляк и не знал, к сожалению, ни одного слова по-английски. Но Олсен успел наладить связь с другим поляком, немного владевшим английским языком, который мог разъяснить суть дела своему соплеменнику. Был намечен также молодой итальянец по фамилии Роветта; Джерри знал его и ручался за его честность.

И еще одна кандидатура была выдвинута уже самим Халом – кандидатура Мэри Берк. Последнее время Хал сознательно ее избегал, считая это необходимой, хоть и жестокой мерой предосторожности. И это изрядно мучило его совесть. Он много раз обдумывал то, что произошло между ними. С чего началась вся история? В таких случаях долг мужчины – взять вину на себя; но мужчины этого не любят и стараются найти себе оправдание. Справедливо ли

будет сказать, что тогда, в тот вечер, желая помочь Мэри подняться по ухабистой дороге, он несколько переусердствовал? Ведь по существу ей не нужна была его помощь, девушка и без него отлично обходилась! Он же и этим не ограничился – развел сентименты, а потом, как трус, давай на попятный! С самого начала надо было помнить, что все недовольство жизнью, все стремления тоскующей души толкнут Мэри к нему, потому что он не такой, как другие, потому что он знал лучшую жизнь и настраивал ее мысли на романтический лад.

Значит, найден отличный выход из этого затруднения: наполнить жизнь Мори новым содержанием и направить ее чувства по более безопасному пути. Женщине нельзя быть членом шахтерского комитета, но она способна стать хорошей советчицей, а ее острый язык будет тем оружием, благодаря которому пополнятся ряды борцов. В своем горячем увлечении новым делом Хал по мужской привычке отметал всякие личные чувства – и снова попал в ловушку. Ему даже в голову не пришло, что Мэри может ринуться в кампанию за контроль у весов отчасти из-за желания видаться с ним. Еще меньше отдавал Хал себе отчет в том, что и сам рад каждому поводу для встречи с девушкой.

Итак, Хал придумал для Мари новую роль, куда более увлекательную, чем стряпня или нянченье детей. Его романтическое воображение разгорячилось: он вселит в нее надежду, покажет ей смысл жизни, дорогу, имеющую цель! Ведь женщины участвовали во всех великих движениях пролетариата!

Хал поспешил к ней и встретил Мэри на пороге ее дома.

– Очень рада видеть вас, Джо Смит, – сказала она, глядя ему прямо в глаза и улыбаясь.

– А я вас, Мэри Берк, – ответил он.

Мэри, конечно, согласится! Такая не подведет! С такой, как Мэри, хоть на край света! Но почему это она бледнее, чем в прошлый раз? Неужели прекрасный ирландский румянец способен поблекнуть? И похудела как-то тоже – синее ситцевое платье сейчас не кажется таким уж тесным!

Хал сразу приступил к делу:

– Мэри, вы мне сегодня снились.

– Я? Как так?

Хал рассмеялся:

– У вас было лицо победительницы, и ваши волосы горели, как золотая корона. Вы были в белом платье из блестящего нежного шелка и ехали верхом на белоснежном коне, словно Жанна д'Арк или предводительница суфражисток. Вы скакали во главе огромного полчища, в моих ушах еще сейчас стоят звуки марша.

– Уж вы наболтаете! Интересно, в чем дело?

– Войдем, я расскажу, – ответил он.

Они прошли в убогую кухню и сели на некрашенные деревянные табуретки. Мэри сложила руки на коленях, как ребенок, которому обещали рассказать сказку.

– Ну, говорите скорее, – попросила она. – Что это за платье вы мне дарите? Надоело вам мое старое ситцевое, да?

Мэри улыбнулась, и он тоже не мог удержаться от улыбки.

– Это платье, Мэри, вы должны сами себе соткать из лучших нитей своей души – из смелости, преданности и самоотверженности.

– Опять поэзия? Серьезно, что у вас на уме?

Он оглянулся:

– Есть кто-нибудь дома?

– Никого.

Тем не менее, начав говорить, он инстинктивно понизил голос:

– Здесь находится профсоюзный организатор, представитель «большого союза», и он собирается поднять рабов на борьбу.

Веселое выражение исчезло с лица девушки.

– Ах, вот оно что! – уныло протянула она. Видение исчезло – и белый конь и белый шелковый наряд. – Ничего вам здесь не удастся сделать!

– Почему нет?

– Потому что люди здесь неподходящие. Разве вы не помните, что я вам сказала тогда у Рэфферти? Они трусы.

– Эх, Мэри, говорить-то хорошо, а так ли уж приятно лишиться крова?

– Уж кому-кому, а мне про это рассказывать не надо! – воскликнула она с внезапной горячностью. – Будто я все это не испытала!

– Ваша правда, Мэри. Но я хочу сделать людям лучше!

– А я разве не хочу? Да я готова у всех хозяев носы пооткусывать!

– Прекрасно! – засмеялся он. – Запишем это как один из пунктов нашей программы.

Но ее не так-то легко было развеселить. Она казалась такой несчастной и растерянной, что ему невольно захотелось снова взять ее за руку. Но он преодолел свое желание; ведь он пришел направить ее энергию по надежному руслу!

– Мы должны пробудить этих людей для сопротивления!

– Ничего не выйдет, Джо, во всяком случае не с теми, кто говорит по-английски. Еще греки и болгары туда-сюда, эти привыкли драться у себя на родине, так, может, они и здесь захотят. Но ирландцы – ни за что на свете! Те, у кого было мужество, давно бежали отсюда. А кто остался, тех сделали подхалимами. Я знаю всех и каждого наперечет. Все недовольны, все ругают хозяев, но как вспомнят про черный список, так валятся перед ними на колени и ползают на четвереньках!

– Этим людям нужно...

– Водка и развратные городские женщины – вот что им нужно; да еще засаленные карты, чтобы можно было резаться всю ночь напролет и друг друга обыгрывать. Им этого вполне достаточно, за лучшим они не гонятся.

– Но, Мэри, если это так, то тем более их надо учить, разве вы не понимаете? Не ради них, так хотя бы ради их детей! Дети не должны вырасти такими. Они ведь учатся по-английски...

Мэри презрительно фыркнула:

– А вы когда-нибудь бывали в нашей школе?

Он ответил, что не был; и она рассказала ему, что там сидят в одной

комнате сто двадцать ребят, по трое на одной парте – в классе негде яблоку упасть. Она вдруг вспыхнула гневом – да, школа должна субсидироваться за счет налогов, но ведь никто не имеет здесь никакой собственности, кроме Угольной компании, потому все и находится у нее в руках! Попечительский совет школы – это опять же мистер Картрайт, управляющий шахтой, Джек Предович, который служит в лавке, и священник Спрэг. А старый Спрэг вылизет пол языком, если ему прикажет управляющий!

– Ну, конечно, – расхохотался Хал, – вы против него, потому что его дед был оранжистом⁷.

3

С молоком матери Мэри Берк впитала пессимизм, и этот яд глубоко проник в ее кровь. Хал начинал понимать, что внушить ей надежду не менее трудно, чем поднять рабочих, которых она так презирает. Пусть она и смелый человек, в этом нет сомнения, но как убедить ее бесстрашно выступить за тех, кто сам не находит в себе смелости?

– Мэри, – сказал Хал, – ведь в душе вы не так уж ненавидите этих людей! Вы знаете про их страдания, и вы их жалеете. Вы последний грош отдаете их детям, когда надо...

– Эх, юноша! – вскричала она, и на глазах ее вдруг появились слезы. – Потому-то я их ненавижу, что так сильно люблю. Бывает, что я готова убить хозяев, но бывает так, что я бы и шахтеров убила. Что прикажете мне с собой делать?

И так же внезапно, не дав Халу ответить, она начала перебирать своих знакомых в поселке. Есть один человек, с которым стоит поговорить. Он, конечно, стар для дела, но может дать неоценимый совет и, уж будьте спокойны, – никогда не донесет! Это старый Джон Эдстром, швед из Миннесоты, который работает в Северной Долине с самого начала, как тут начали добывать уголь. Он активно участвовал во всеобщей забастовке восемь лет назад и попал в черный список вместе с четырьмя сыновьями. Сыновья разбрелись по свету, а он остался в этих местах – батрачил у какого-то скотовода, потом пошел рабочим на железную дорогу, а года два назад, в сезонную горячку, снова сумел устроиться на шахте.

– Он очень стар, ему уже, наверно, шестьдесят, – сказала Мэри. А когда Хал заметил, что, помилуйте, не такой уж это древний возраст, она возразила, что таких стариков едва ли где-нибудь найдешь на шахте; и вообще, мало кто доживет здесь до этих лет. Жена Эдстрома сейчас больна, вот-вот умрет, ему с ней очень трудно.

– Нехорошо будет, если такой старый человек потеряет из-за нас работу, – закончила Мэри. – Но он по крайней мере может дать хороший совет.

В тот же вечер они вдвоем отправились к Джону Эдstromу, жившему в Бедняцкой слободе, в некрашеном домике, с ничем не покрытым земляным

⁷ Партия оранжистов – ирландская ультрапротестантская партия. Большинство ирландцев – католики.

полом. В комнате за низенькой тесовой перегородкой лежала больная – ее не было видно. Она умирала от рака, и в доме стоял ужаснейший запах. Сначала Хал никак не мог отвлечься от мысли об этом, но в конце концов пересилил свою слабость, внушив себе, что здесь – война, а на войне – сегодня ты на смотре, а завтра – в лазарете.

Хал огляделся кругом и заметил, что трещины в стенах заткнуты тряпками, а разбитые окна заклеены полосками темной бумаги. На полке ровным рядом стояли книги. Хозяин, видимо, прилагал все усилия к тому, чтобы его жилье выглядело аккуратно. В маленькой чугунной печке пылал огонь, и старик сидел, скорчившись, возле нее и грелся – в горах по вечерам холодно уже в сентябре. Старик был совершенно лыс, если не считать нескольких волосков, сохранившихся на темени; лицо его обрамляла косматая борода, которую можно было назвать белой, если белый цвет вообще возможен в царстве угля. В его лице прежде всего замечалась какая-то особая бледность, а уже потом – приветливый взгляд темных старческих глаз. И голос у него был приятный, ласковый. Он встал, чтобы приветствовать гостей, и протянул Халу дрожащую руку, узловатую и искривленную, чем-то напоминающую лапу животного; потом шагнул вперед и пододвинул скамью, прося прощения за свое немудреное хозяйство. Хал подумал в эту минуту, что вот у человека еще хватает сил работать на шахте в шестьдесят лет, но в шестьдесят один – они уже, наверное, иссякнут.

Хал заранее условился с Мэри, что она не заговорит о цели посещения, пока он сам не присмотрится к старику. И девушка начала расспрашивать о здоровье миссис Эдстром.

– Все без изменений, – отвечал старик, – по-прежнему лежит пластом. Доктор Баррет был опять, но, кроме морфия, ничего ей не дал. Он говорит, что ей уже никакими средствами не поможешь!

– А были бы средства, он бы все равно про них не знал! – с презрением фыркнула Мэри.

– Ну, он не такой уж плохой, когда трезвый, – примирительно заметил Эдстром.

– А часто ли это бывает? – снова фыркнула Мэри и пояснила Халу: – Наш доктор – двоюродный брат управляющего.

– И все-таки здесь лучше, чем на других шахтах, – сказал Эдстром. – В Харви-Ран, где я работал, один человек повредил себе глаз, а после окончательно потерял его из-за того, что у врача в решающую минуту выпал на рук инструмент. А как там вправляют сломанные руки и ноги!

Эдстром знал случаи, когда люди на всю жизнь оставались калеками или уезжали в другие места, где им снова все ломали и вправляли заново. Медицина, как и все остальное, принадлежит Компании, и если будешь слишком критиковать врача, погонят тебя в три шеи, только всего. У каждого рабочего вычитают из его платы по доллару в месяц на врача, но если ты получил увечье на производстве и врач пришел к тебе домой, он имеет право потребовать еще сколько ему вздумается.

– И надо обязательно платить? – спросил Хал.

– А как же! Все равно высчитают из заработной платы, – сказал старик.

– А бывает так: высчитают, а он ничего и не делал, – вмешалась Мэри. – Они вычли у Замбони двадцать пять долларов за последние роды, хотя доктор Баррет явился туда после того, как новорожденный уже часа три был у меня на руках!

4

Разговор продолжался. Желая прощупать старика, Хал заговорил о разных шахтерских бедах и под конец заметил вскользь, что, пожалуй, единственное, что может помочь, – это профсоюз. Эдстром пристально посмотрел на него, потом перевел взгляд на Мэри.

– Джо – свой человек, – поспешно сказала девушка, – можете ему вполне довериться.

Прямого ответа Эдстром не дал – дело в том, что он однажды участвовал в стачке и он – человек «меченый». Его тут терпят при условии, что он будет тише воды. Ему никогда не простят той роли, какую он играл в «большой стачке». Начальство позволило ему вернуться на работу главным образом по двум причинам: во-первых, не хватало рук, а во-вторых, мастер был его личным другом.

– Расскажите ему о «большой стачке», – попросила Мэри. – Джо человек новый в этих местах.

Из слов Мэри старик понял, что Халу можно довериться. И он начал рассказывать об ужасах, тайно известных всем. Десять тысяч рабов поднялись на борьбу за свободу, но их движение было подавлено с невероятной жестокостью. С тех пор как в этих местах начали добывать уголь, фактическая власть в шахте принадлежит шахтовладельцам, а те в критический момент призвали себе на помощь милицию штата⁸, открыто направив ее на забастовщиков, чтобы заставить их вернуться на работу. Главарей и активистов забастовки арестовали и без всякого суда упрятали за решетку. Когда тюрьмы переполнились до отказа, они бросили человек двести шахтеров в загон для скота под открытым небом, а потом, погрузив их в товарные вагоны, вывезли ночью из штата и высадили посреди пустыни без глотка воды и без пищи.

Джон Эдстром оказался в числе этих двухсот. В тюрьме был избит и искалечен один из его сыновей, другого засадили на несколько недель в сырой подвал, откуда он вышел с ревматизмом на всю жизнь. Все эти безобразия творили представители милиции, а когда кое-кто из мелких властей попробовал протестовать, милиция тотчас же арестовала и их. Гражданский суд прекратил на это время свою деятельность – самих судей запугали тюрьмой. «К черту конституцию!» – заявил генерал, руководившим этой операцией, а его помощник прославился своим знаменитым изречением: «Никакой habeas corpus!»⁹ Они получают ее «post mortem»!¹⁰

⁸ Добровольные организации в Америке для содействия полиции.

⁹ Неприкосновенность личности (лат.)

Самообладание Тома Олсена произвело большое впечатление на Хала, но уж этот-то старик просто поражал! Юноша с благоговением слушал его. Казалось невероятным, что он говорит о своей жестокой доле без злобы в голосе и, видимо, без злобы в сердце. Живя в этом заброшенном месте среди всеобщей бедности, этот старик, семью которого разбили и рассеяли по миру, в чью дверь стучал костлявой рукой голод, мог говорить о прошлом без ненависти к врагам. Но не потому, что он был болен и стар и лишился своего революционного духа, а потому, что, изучая политическую экономию, он понял, что всему виной преступная система, делающая людей слепыми, отравляющая их души. Он был убежден, что, когда уничтожат эту преступную систему, настанет лучшая жизнь и люди смогут проявлять доброту друг к другу.

На эти слова Мэри Берк отозвалась новым взрывом едкого пессимизма. Ну что может когда-нибудь измениться? Хозяева жестокосердны, а рабочие – трусы и предатели. На кого ж тогда надеяться, кто улучшит нам жизнь? Бог? Что-то бог давно уж наблюдает, но не очень торопится менять порядки на земле!

Халу понравилось, как старик реагировал на эту вспышку. Он сказал:

– Мэри, вы читали когда-нибудь про муравьев в Африке?

– Нет, – ответила она.

– Они движутся целыми полчищами, по несколько миллионов. Если им на пути попадается ров, передние падают в него, а на них другие, а потом еще и еще, пока не покроют все своими телами, и уж тогда последние проходят свободно. Мы тоже муравьи.

– Сколько бы нас туда ни бросилось, – вскричала Мэри, – никто никогда не перейдет! Это бездонная пропасть!

– А этого ни один муравей не знает, – промолвил старик. – Они знают, что надо идти, и все. Даже умирая, они держатся друг за друга; они создают мост, и остальные проходят.

– А я поверну назад! – гневно заявила Мэри. – Я не пожертвую своей жизнью!

– Может, вы и отойдете на шаг, – сказал Эдстром, – но потом все равно вернетесь на линию огня. Мэри, я знаю вас лучше, чем вы знаете сами себя.

В маленькой комнате воцарилось молчание. За окнами завывал сентябрьский ветер, и жизнь вдруг показалась Халу суровой и беспощадной. В пылу юношеского увлечения он считал, что быть революционером страшно увлекательно; но стать муравьем, одним из сотен миллионов, и погибнуть в бездонной пропасти – это уже такое, на что не всякий человек решится! Он глядел на скрюченного седого труженика, лицо и фигуру которого едва можно было различить в тусклом свете керосиновой лампы, и ему вспомнилась картина Рембрандта – «Христос в Эммаусе»: темная, грязная таверна и двое оборванцев, остолбеневших при виде сияния над головой третьего человека,

сидящего с ними за столом. И Хал не считал бы за диво, если бы увидел сейчас сияющий нимб над головой этого старика, говорившего таким мягким голосом.

– Я никогда и не надеялся дожить до этого, – говорил между тем все так же негромко Эдстром. – Правда, я надеялся, что мои сыновья увидят новую жизнь. Теперь я уже не надеюсь. Но у меня никогда не было сомнения, что те, кто трудится, дойдут до обетованной земли. Они перестанут быть рабами, и тунеядцы не смогут уже больше расточать плоды их труда. Поверьте мне, как человеку опытному: если рабочий или работница теряет эту веру, жизнь тогда лишается всякого смысла.

Хал решил, наконец, что с этим стариком можно поделиться планами относительно рабочего контролера.

– Мы только просим у вас совета, – сказал он в заключение, вспомнив слова Мэри. – Ведь у вас больная жена...

Ответ старика прозвучал печально:

– Она уже не жалец на этом свете, а скоро и моя очередь. – И Эдстром закончил: – Так пусть остатки сил, какие у меня еще есть, пойдут на общее дело.

5

Люди, чье благополучие целиком зависело от шахты, понимали всю практическую необходимость строгой конспирации; для Хала же и в самые ответственные минуты это было главным образом романтикой. Ему случалось читать книги о революционерах, преследуемых полицией. Что в России так бывает, он знал, но если бы кто-нибудь сказал ему, что это возможно на его родине, в свободной Америке, почти рядом с его домом и с университетским городком, где он учился, он ни в коем случае не поверил бы.

Назавтра после посещения Эдстрома Хала остановил на улице его начальник Стоун. От неожиданности Хал вздрогнул, как карманник, наскочивший на полицейского.

– Здорово, паренек, – сказал начальник.

– Здравствуйте, мистер Стоун, – ответил Хал.

– Я хочу с тобой поговорить, – сказал Стоун.

– Пожалуйста, сэр. – И сразу же промелькнула мысль: «Ну, видно, попался!»

– Зайдем ко мне, – предложил Стоун, и Хал последовал за ним, явственно ощущая тяжесть воображаемых наручников.

– Послушай, – заговорил начальник, шагая по улице, – ты обещал рассказывать мне про то, что здесь слышишь, так ведь?

– Но я ничего не слыхал, сэр!

– Ну так вот, займись теперь этим делом! На каждой шахте есть свои смутьяны.

В глубине души Хал почувствовал облегчение: ложная тревога!

У себя дома мастер уселся на террасе и знаком предложил Халу взять стул и сесть рядом. Спускались сумерки. Стоун заговорил шепотом:

– Сейчас мне нужно поговорить с тобой о чем-то другом, о выборах.

– О каких выборах, сэр?

– А ты что, не знаешь? Член конгресса от нашего округа умер, и через три недели от этого вторника – дополнительные выборы.

– Понимаю, сэр. – Про себя Хал усмехнулся: сейчас, он услышит то, что ему уже рассказывал Ольсен.

– И ты про это ничего не слыхал?

– Решительно ничего, сэр. Я политикой не занимаюсь. Меня она не интересует.

– Правильно! Так и должен говорить шахтер, – благодушно сказал мастер. – Всем вам куда полезнее зарубить себе на носу, что политика – это дело политиканов. А ваше дело – только честно работать.

– Да, сэр, – покорно произнес Хал, – вот так, как я работал, когда был на конюшне. Оттого меня мулы и не лягали.

Начальник одобрительно улыбнулся:

– Ты башковитый, не чета другим. Если будешь мне предан, я тебе помогу сделаться человеком.

– Благодарю вас, мистер Стоун, – сказал Хал. – Вы мне только помогите!

– Ну вот, так, значит, будут выборы. Нам каждый год присылают деньги для избирательной кампании. Может и тебе кое-что перепасть.

Хал выразил на своем лице радость:

– Да, мне б онигодились! Что я должен делать?

Наступила пауза. Стоун молча попыхивал трубкой. Потом заговорил, и тон у него был деловой:

– Мне нужно, чтобы кто-нибудь разведал настроения рабочих и подробно мне доложил. Я подумал, что лучше поручить это не тем людям, которые на меня обычно работают, а тому, кого никто не заподозрит. В Шеридане и в Педро ходят слухи, что демократы затевают целую историю, и это беспокоит Компанию. Ты ведь знаешь небось, что «Всеобщая Топливная компания» поддерживает республиканскую партию?

– Да, я слыхал про это, сэр.

– И ты, вероятно, думаешь, что член конгресса не имеет к нам отношения – сидит, мол, там в Вашингтоне, и все. Но нам невыгодно, чтобы демократ здесь агитировал людей, вбивал им в головы, что Компания их обижает. Так вот, я хочу, чтобы ты повертелся среди рабочих. Попробуй вызвать их на разговор о политике, узнай, ходил ли кто из них слушать этого Мак-Дугалла. Мак-Дугалл – это и есть тот самый демократ, ты, наверно, знаешь... И я хочу выяснить, присылают ли демократы сюда предвыборную литературу и есть ли у них здесь агенты. Они, понимаешь, кричат, что они имеют право сюда приезжать, говорить свои речи и всякое такое. Северная Долина считается городом, так что закон в некотором роде на их стороне. Если мы их не впустим, они поднимут вой о своих газетах, и это будет нам во вред. Значит, мы должны предупредить их действия. К счастью, у нас тут нет ни одного помещения для митинга, а уличные митинги тоже запрещены – мы издали на этот счет специальное распоряжение. Если же демократы попытаются присылать сюда свои листовки, надо так сделать, чтобы они не попали к рабочим. Ясно?

– Ясно, – сказал Хал и подумал о пропагандистской литературе Тома Олсена.

– Мы объявим, что Компания желает видеть в конгрессе республиканца. А ты не зевай, бери себе на заметку все, что говорят об этом люди.

– Ну что ж, это можно, – сказал Хал. – Но объясните мне, мистер Стоун, почему вас это тревожит? Разве этот иностранный сброд имеет право голоса.

– Беда как раз не в них. Этим мы специально делаем американскими гражданами – им поставь кружку пива, они и голосуют за наших кандидатов. Следить надо за американцами, и англичанами, и за теми иностранцами, которые так долго здесь живут, что умнее всех сделались. Начнут с политики, но это только начало; дальше станут слушать профсоюзных агитаторов, а потом захотят, чего доброго, шахтой управлять.

– Еще бы! Понимаю! – вставил Хал и испуганно подумал, достаточно ли правдоподобно прозвучало его восклицание.

Но начальнику было сейчас не до него.

– Я уже говорил давеча Сайлесу Адамсу, я ищу теперь таких рабочих, которые говорят на каком-нибудь совершенном неизвестном языке, – чтоб их никто не понимал. Но это, конечно, невозможно: все равно научатся по-английски, как их удержишь?

Хал решил просветиться, пользуясь этим случаем.

– Мистер Стоун, – спросил он, – но вы ведь не подсчитываете бюллетени, если вам это нежелательно, правда?

– Видишь ли, – ответил Стоун, – надо делать так, как удобнее. Когда я был управляющим в Хэппи-Галч, мы не тратили времени на политику. Компания сочувствовала в то время демократам, и вот раз ночью после выборов мы сфабриковали четыреста бюллетеней за кандидатов демократической партии. Казалось, что все хорошо, но вдруг, как на грех, вызвали в город целую группу рабочих, и они там под присягой показали, что голосовали у нас в поселке за республиканцев. Газеты республиканцев подняли вой, и дурак судья постановил устроить вторичное голосование. Пришлось нам просидеть еще одну ночь за писанием бюллетеней. Столько было лишней возни!

Начальник засмеялся, и Хал вежливо вторил ему.

– Так вот, понимаешь, надо учиться управлять. Если у тебя на шахте люди голосовали не за того, за кого надо, начальство про это узнает обязательно, а если, с другой стороны, все бюллетени одинаковые, тоже будут тобой недовольны. Есть такие среди нас, которым наплевать, но я в тот раз получил урок, и у меня теперь такое правило: пресекать всякую оппозицию на корню. Ясно?

– Ясно.

– Может, старший мастер и не имеет права соваться в политику, но в одном он хозяин: подбирать рабочих по своему усмотрению. Ведь проще всего – вовремя выкорчевать, вот так!

Хал на всю жизнь запомнил, как Алек Стоун иллюстрировал эти слова своими мясистыми лапами. Дальше он уже говорил без прежнего благодушия:

– Кто не захочет голосовать по моей указке, может убраться подальше

отсюда. Вот и вся моя политика!

Опять помолчали. Стоун курил трубку. Потом ему, вероятно, пришло в голову, что незачем пускаться в такие подробности, когда вербуешь политического агента. Поэтому, заканчивая аудиенцию, он сумел опять придать своему голосу добродушные нотки:

– Вот так, парень! Завтра скажешь, что вывихнул руку и несколько дней не будешь работать. Это даст тебе возможность потолкаться среди рабочих и послушать, что они говорят. Ну, а я распоряжусь, конечно, чтобы тебе заплатили за эти дни.

– Спасибо, сэр, – сказал Хал, пряча радость.

Мастер поднялся с места и выколотил пепел из трубки.

– Запомни – мне нужны факты. На меня работают и другие парни, и я всех проверяю. Может так получиться, что я поручу кому-нибудь последить и за тобой.

Хал довольно ухмыльнулся.

– Ладно! Я это буду иметь в виду.

6

Хал нашел Тома Олсена и рассказал ему об этой встрече. Хохоту было немало.

– Вот я и попал в фавориты! – смеясь, сказал Хал.

Внезапно лицо Олсена стало мрачным:

– Будь с ним как можно осторожнее!

– Почему?

– Чтоб он на тебе потом не отыгрался. Они практикуют такой способ в отношении людей, которые им мешают, – стараются доказать, что те брали у них деньги или просили денег.

– Но он-то ничем не докажет!

– Об этом я и говорю – не давай ему повода. Если Стоуи заявит, что ты был его агентом во время выборов, то кто-нибудь обязательно вспомнит, что в самом деле ты вел с ним разговор о политике. Смотри, не носи с собой меченых денег!

Хал рассмеялся:

– У меня теперь деньги не залеживаются в карманах. Но что я скажу, если он потребует доклада?

– Делай свое дело, да побыстрее, чтобы он не успел потребовать доклада.

– Вот это правильно! Но я еще должен поиздеваться над ним, раз я попал к нему в фавориты.

На следующее утро, явившись на работу, Хал занялся симуляцией вывиха. Он притворялся, что ему очень больно, и Майк не на шутку встревожился, а когда Хал, наконец, заявил ему, что больше не может работать и уходит домой, старик проводил его почти до самой клетки, поучая всю дорогу, как прикладывать горячие и холодные примочки. Предоставив старому словачу орудовать здесь без него, Хал выбрался наружу и почувствовал радость от волшебного солнечного дня, а еще большую – от волшебной милости

начальника.

Сперва он отправился в свою комнату в доме Ремницкого и перевязал кисть руки лоскутом от старой рубашки, а сверху – чистым носовым платком. Этот символ давал ему право на беспрепятственное хождение по поселку, а также на общее сочувствие. Итак, он приступил к осуществлению своего плана.

По дороге к шахте № 1 он встретил маленького вертлявого мужчину с бегающими черными глазками на узкой смышленной физиономии. Он был в обычном шахтерском комбинезоне, но даже в этой одежде его нельзя было принять за рабочего. Весь его облик говорил, что это человек, облеченный властью.

– Доброе утро, мистер Картрайт, – сказал Хал.

– Доброе утро, – ответил управляющий и, заметив повязку на руке Хала, поинтересовался; – Что, ушиб?

– Да, сэр: кажется, вывихнул. Я решил уйти домой.

– Был у врача?

– Нет, сэр. По-моему, это не так серьезно.

– Все-таки лучше показаться. Кто его знает, вывих – это такое дело...

– Слушаюсь, сэр, – сказал Хал и вдруг, когда управляющий уже отходил, выпалил: – Как вы думаете, мистер Картрайт, у Мак-Дугалла есть какие-нибудь шансы?

– Не знаю, – удивленно ответил управляющий. – Надеюсь, что нет. Уж не собираетесь ли вы голосовать за него?

– О нет! Я республиканец, можно сказать, с колыбели. Но мне интересно, не слышали ли вы каких-нибудь разговоров его приспешников.

– Вряд ли при мне кто-нибудь станет вести такие разговоры. А вы интересуетесь политикой?

– В некотором роде да, сэр. Этим даже объясняется в мое увечье.

– Как так? Подрались, что ли?

– Нет, сэр, но, видите ли, мистер Стоун хотел, чтобы я разведал настроение здесь в поселке. Он и посоветовал мне завязать руку и уйти с работы.

Управляющий не мог удержаться от смеха. Потом он оглянулся по сторонам:

– Будьте осторожнее: об этом так болтать не следует!

– Я полагал, что могу вполне довериться управляющему, – сухо ответил Хал.

Собеседник смерил его пронизательным взглядом. И Хал, начинавший уже понимать, что такое политический демократизм, набрался смелости и посмотрел ему прямо в глаза.

– Толковый парень, – сказал, наконец, Картрайт, – войдите тут в курс всего, научитесь быть полезным, и я позабочусь, чтобы про вас не забыли.

– Очень рад, сэр. Большое спасибо.

– Может, назначим вас уже теперь регистратором в избирательную комиссию. Это три доллара в день, не шутка!

– Чудесно, сэр! – И Хал не забыл улыбнуться. – Я слышал, сэр, что вы мэр Северной Долины.

– Да.

– А мировой судья – один из служащих в вашем магазине? Вот что, мистер Картрайт, если вам понадобится заведующий отделом здравоохранения или главный живодер, я к вашим услугам, как только вылечу руку.

И Хал пошел своей дорогой. Такое балагурство со стороны шахтерского подручного было, разумеется, чудовищной наглостью. Управляющий долго стоял и смотрел ему след, недоуменно хмурия брови.

7

Ни разу не обернувшись назад, Хал дошел до магазина. «Торговая компания Северной Долины» – гласила вывеска над входом. В лавке в эту минуту находилась покупательница сербка, пальцем показывавшая, какой ей нужен товар, да еще две девочки литовки, которым отвешивали фунт сахару. Хал шагнул к продавцу, пожилому человеку С желтыми усами в темных пятнах от табачной жвачки.

– Доброе утро, судья.

– Э, что? – повернулся к нему Сайлес Адамс, мировой судья города Северная Долина.

– Судья, – спросил Хал, – что вы думаете о выборах?

– Ничего не думаю. Я занят делом: отпускаю сахар.

– А вы не знаете, кто-нибудь здесь настроен голосовать за Мак-Дугалла?

– Если есть такой, так пусть он мне на глаза не попадается!

Хал улыбнулся:

– Что я слышу в нашей свободной американской республике?!

– В этих местах нашей свободной американской республики людям дана свобода добывать уголь, а не лезть голосовать за такого сукина сына, как Мак-Дугалл!

Завязав мешочек с сахаром, мировой судья сунул в рот новую порцию табачной жвачки и обратился к Халу:

– Вам чего?

Чтобы иметь предлог поторчать в магазине и тоже дать работу своим челюстям, Хал спросил полфунта сушеных персиков. Пока ему это взвешивали, он уселся на прилавок.

– Знаете, – сказал он, – я ведь тоже работал в бакалейной лавке.

– Вот как? Где же?

– Петерсон и Компания в Уэстерн-Сити. – Хал так часто это повторял, что уже сам начинал верить.

– А хорошо там платят?

– Ничего, не плохо. – Но тут, спохватившись, что не имеет ни малейшего понятия, сколько должен получать продавец бакалейной лавки, Хал поспешил перевести разговор на другую тему: – Беда вот с рукой – я ее вывихнул.

– Как так?

Общительностью продавец не отличался, но Хал не отступал. Ведь не может же быть, чтобы человек в сельской лавке упустил случаи поболтать о политике, хотя бы с подручным забойщика.

– Объясните мне, пожалуйста, – сказал Хал, – что тут получилось с этим Мак-Дугаллом?

– Получилось то, – сказал судья, строго глядя на юного шахтера, – что Компания против него. А ты, знать, тоже лезешь в политику? – ворчливо спросил он. Однако в веселых карих глазах собеседника сверкало столько неподдельного любопытства, что судья почувствовал соблазн поговорить о пороках этого кандидата в конгрессмены. Завязался разговор, и вскоре в него вступили и другие люди в лавке: Боб Джонсон, совмещавший должность местного бухгалтера с должностью почтмейстера, и Джек Предович, галицийский еврей, из попечительского совета школы, знавший названия всех основных бакалейных товаров на пятнадцати языках.

Хал слушал список преступлений политической оппозиции графства Педро. Кандидат ее – Мак-Дугалл – приехал некогда в этот штат пройдохой-картежником, а теперь разъезжает всюду и произносит в церквях речи о моральном состоянии местного населения!

– А сам, как и районный председатель их партии, имеет три семьи в Педро! – возмущенно заявил Сайлес Адамс.

– Что ж, – решил возразить Хал, – если люди не врут, то кандидат республиканцев тоже не святой! Говорят, на съезде он был пьян как стелька.

– Возможно, – сказал судья. – Но мы не заигрываем с теми избирателями, которые требуют «сухого» закона, и не заигрываем с рабочими – у нас нет привычки мутить шахтерскую гольтьбу и давать обещания, что они будут больше получать и меньше работать. Будто Мак-Дугалл не знает, что ничего этого для них не добьется?! Но он думает так: сам укатит в Вашингтон, а мы тут будем расхлебывать за него всю кашу.

– Успокойся, – вмешался Боб Джонсон. – Ни в какой Вашингтон он не укатит!

Остальные двое одобрительно закивали, но Хал снова решил возразить:

– А он заявляет, что вы подделываете бюллетени.

– А его банда чем занимается в городах? Что ж, нам отставать от них?

– Понимаю. – Хал сделал невинное лицо. – Поэтому вы сами стараетесь их надуть.

– Когда их, а когда избирателей, всяко бывает, – заметил судья и под одобрительное хихиканье слушателей ударился в воспоминания: – Два года назад я был в счетной комиссии в Шеридане. Оказалось, мы что-то прохлопали и весь штат голосовал за них. Тогда Альф Реймонд сказал: «Клянусь богом, мы преподнесем им сюрпризик из угольных районов! И никакого вторичного подсчета не будет!» Мы задержали подачу сведений, пока все не проголосовали; потом посмотрели, сколько нам не хватает, и сами преспокойно заполнили бюллетени. Очень просто.

– Действительно, просто, – заметил Хал. – Альфа никто не переплюнет!

– Еще бы! – отозвался Адамс с самоуверенностью участника шайки. – Потому-то это графство и зовется империей Реймонда!

– Для него должность шерифа, наверно, – золотое дно, ведь он самолично назначает всех своих помощников на шахтах.

– Конечно! И у него еще оптовая водочная торговля тоже! Кто хочет иметь пивную в графстве Педро, должен не только голосовать за Альфа, но и вовремя платить по его счетам!

– Да, тут богатые возможности, наверняка! – сказал Хал, и судья, почтмейстер и попечитель школы блаженно заулыбались, как дети, которым рассказывают о чем-то очень вкусном. – Но мне кажется, – добавил Хал, – что заниматься политикой в этом графстве – дорогое удовольствие.

– Твоя правда, но можешь быть уверен, что Альф своих денег не выкладывает. Компания за все платит.

Это сказал судья, а попечитель школы присовокупил:

– Здесь все расчеты ведутся на пиво.

– Понимаю, – расхохотался Хал. – Угольные компании покупают у Реймонда пиво и с помощью этого добывают для него же голоса.

– Вот именно! – подтвердил почтмейстер. Он полез в карман за сигарой, и у него на жилете блеснул серебряный полицейский значок.

– Это у вас значок помощника шерифа? – спросил Хал и повернулся к попечителю школы: – А ваш где?

– Я свой получу после выборов, – ухмыльнулся Джек.

– А ваш, судья?

– Я мировой судья, мой мальчик, – ответил Сайлес с достоинством.

Заметив на правом боку у попечителя школы какой-то подозрительный бугор. Хал потянулся пощупать его, но попечитель инстинктивно прикрылся ладонью.

– А ваш где? – спросил Хал почтмейстера.

– Под стойкой.

– А ваш, судья?

– Мой – в ящике.

У Хала перехватило дух.

– Охо-хо! Прямо как в крепости!

Он с трудом сохранял на лице радужную улыбку, в то время как в душе испытывал совсем иные чувства, понимая, что все это – далеко не забава. Он терял свою милую детскую восторженную беззаботность, с которой затеял эту двойную игру в Северной Долине!

8

На третий день после начала политической карьеры Хала было решено, что рабочие, намеренные выдвинуть требование о контролере у весов, соберутся в доме у некоей миссис Дэйвид. Когда Майк Сикориа поднялся в этот вечер из шахты, Хал отвел его в сторону и сообщил о назначенном собрании. Услышав это, старый словак просиял от восторга.

– Ты это серьезно? – закричал он, тряся своего подручного за плечи.

– Ну да, хотите войти в комиссию, которая пойдет разговаривать с управляющим?

– *Pluha biedna!* – выругался Майк на своем родном языке. – Вот дьявол, опять никак мне укладывать свой сундучок!

Хал почувствовал угрызения совести. Так что же: впутывать старика в это дело или нет?

– А вы думаете, вам придется убраться из Северной Долины? – спросил он.

– Боюсь, как бы не из штата! А как бы, чего доброго, не из Америки!

И Хал понял, что теперь если он и захочет, то не сумеет остановить старика. Тот был так взбудоражен, что почти ничего не ел за ужином, и Хал уже не отступал от него ни на шаг, боясь, что он выболтает кому-нибудь про собрание.

Было решено, что люди, приглашенные к миссис Дэйвид, будут приходиться поодиночке разными дорогами. Хал явился одним из первых и с улицы заметил, что шторы на окнах спущены, а огонь в лампах прикручен. Он вошел с черного хода, где стоял на страже хозяин дома – Большой Джек. У себя на родине Джек был членом «Южно-Уэльской федерации». Проверив личность Хала, он, не говоря больше ни слова, пропустил его в дом.

Там уже находился Майк – он пришел первым. Миссис Дэйвид, маленькая черноглазая очень говорливая, суетилась, наводя порядок в комнате: она была так взволнована, что не могла усидеть на месте. Она и ее муж покинули свой родной Уэльс с год назад, захватив оттуда все свадебные подарки: картины, безделушки, белье. Такого уютного домика Хал еще здесь не видел ни у кого, но миссис Дэйвид сознательно рисковала всем этим, ибо она кипела возмущением по поводу того, что ее муж вынужден был отречься от профсоюза ради работы в Америке.

Следующим явился итальянец Роветта, а за ним – старик Джон Эдстром. Так как в доме не хватало стульев, миссис Дэйвид приставила к стенам несколько ящиков и накрыла их материей. Хал заметил, что все занимали места на ящиках, оставляя стулья для тех, кто придет позже. Входя в комнату, каждый здоровался с присутствующими, и затем снова воцарялась тишина.

Когда появилась Мэри Берк. Хал догадался по ее лицу и поведению, что она снова впала в привычный пессимизм, и на миг почувствовал даже раздражение. Сам он ощущал огромный подъем, и ему хотелось, чтобы остальные разделяли его тоже, особенно Мэри! Как все люди, мало изведавшие горя, Хал не терпел «вечных страдальцев». Бесспорно, у Мэри есть причины для мрачного настроения, но ведь она сама считает нужным извиняться за свое «нытье»! Ей известно, что он ждет ее помощи – бодрящего слова людям, а вместо этого она уселась в углу и наблюдает это необыкновенное собрание с таким видом, точно хочет сказать: «Я – муравей, и я останусь со всеми; но я не буду притворяться, что хоть сколько-нибудь надеюсь на успех!»

Роза и Джерри пожелали обязательно прийти тоже, хотя Хал уговаривал их воздержаться. После них пришел болгарин Вресмак; затем поляки – Кловоский и Замировский. Хал никак не мог запомнить их фамилии, но поляки не были за это в обиде. Они добродушно ухмылялись, слыша, как Хал бормочет, стараясь заучить их фамилии, и не стали подражать, когда он, наконец, отчаявшись, решил называть их просто Тони и Пит. Это были смиренные люди, привыкшие всю жизнь к подчинению. Хал переводил взгляд с одной согбенной фигуры на другую, всматривался в их изможденные тяжелым трудом лица, казавшиеся

еще мрачнее, еще печальнее в тусклом свете комнаты, и думал, удержит ли их в рядах борцов лишь сила жестоких притеснений, которая заставила их сейчас протестовать.

Один из участников собрания, не поняв инструкций, явился с парадного хода и постучал. Хал заметил, как при этом все вздрогнули, а некоторые в тревоге вскочили с мест. Снова на него повеяло духом романов о революционной борьбе в России. Но он еще раз сказал себе, что эти люди, собравшиеся здесь тайком как преступники, имеют очень скромную цель – потребовать того, что является их правом и что гарантирует им закон!

Последним пришел австриец-шахтер во фамилии Хузар, с которым был связан Олсен. Пора было начинать собрание, и все смущенно переглядывались. Среди них мало кто участвовал когда-нибудь в тайных собраниях, и никто не знал, что при этом нужно делать. Олсен, который, естественно, мог их возглавить, преднамеренно отстранился от этого дела – пускай сами добиваются рабочего контроля!

– Ну, говорите кто-нибудь! – сказала, наконец, миссис Дэйвид, но так как молчание продолжалось, она посмотрела на Хала. – Вы будете рабочим контролером, так вы и говорите первым!

– Я самый молодой, здесь, – возразил, улыбаясь. Хал. – Пусть начинают люди постарше!

Но никто, кроме него, не улыбнулся.

– Говори ты! – крикнул ему старый Майк, и только тогда Хал поднялся. Позднее он еще много раз попадал в такое положение: как американцу, да к тому же образованному, ему поручали ведущую роли.

– Насколько я понимаю, – заговорил Хал, – вам нужен свой контролер в весовой. Мне сказали, что он должен получать три доллара в день, но у нас здесь лишь семеро шахтеров, и с них столько не соберешь. Так вот, я согласен взять эту работу, и пусть мне каждый из вас платит по двадцать пять центов в день. Это получится на круг доллар семьдесят пять центов – меньше, чем я получаю сейчас как подручный. А если мы позднее наберем тридцать человек, тогда вы все будете мне платить по десять центов, и у меня получится три доллара. Устраивает вас мое предложение?

– Конечно! – сказал Майк, и все поддержали его – кто словами, кто кивком.

– Отлично. Теперь дальше. Нет такого человека на этой шахте, который бы не знал, что шахтеров надувают в отношении веса. Честная запись обойдется Компании в несколько сот долларов в день, поэтому только дурак может подумать, что администрация согласится на это без борьбы. Мы должны твердо решить, что будем действовать сплоченно.

– Будем обязательно! – закричал Майк.

– Не позволят они нам никакого контролера, – раздался пессимистический возглас Джерри.

– Конечно, нет, если мы не будем за это драться! – ответил ему Хал, а Майк хлопнул себя по колену и добавил:

– Надо драться! И тогда у вас будет контролер!

– Правильно! – крикнул Большой Джек. Но его маленькой жене не понравилось, как реагируют присутствующие, и она дала Халу первым наглядный урок обращения с разноязычной массой.

– С ними надо поговорить и заставить их понять! – сказала она и стала по очереди обращаться к каждому, тыча в него пальцем: – Вот вы и вы! Вресжак, вы, и Кловоский, вы, и Зам... как вас, вот вы, другой поляк! Мы хотим иметь своего контролера у весов. Хотим, чтобы записывали правильно выработку. Будем тогда получать полностью свои деньги. Понятно?

– Да, да!

– Выбирайте людей идти к управляющему. Требуем контролера. Понятно? Должны добиться контролера! Только не отступать и не бояться!

– Нет, мы не боимся!

Кловоский, немного понимавший по-английски, начал быстро объяснять это Замировскому, и тот радостно закивал головой, заклеенной пластырем на том самом месте, где Джефф Коттон ударил его рукояткой револьвера. Несмотря на свое увечье, он не отстанет от других и готов поспорить с управляющим!

Тут возник новый вопрос: кому разговаривать с управляющим?

– Придется вам, – сказала миссис Дэйвид Халу.

– Но ведь мне обещано это место. Значит, не я должен вести переговоры.

– Никто другой этого не сумеет сделать, – заявила она.

– Должен быть обязательно американец! – сказал Майк.

Хал не соглашался. Если он возьмет на себя разговор с управляющим, это будет выглядеть так, словно будущий контролер – сам инициатор всего и хлопочет, чтобы обеспечить себе теплое местечко.

Поднялся спор – одни были за, другие – против, пока, наконец, не вмешался Джон Эдстром:

– Включите меня в делегацию.

– Вас? – удивился Хал. – Но вас же выгонят! Что будет тогда с вашей женой?

– Моя жена, вероятно, умрет нынче ночью, – просто ответил Эдстром.

Он сидел, плотно сжав губы и глядя прямо перед собой. После короткой паузы он снова заговорил;

– Не нынче, так завтра, сказал врач. А после этого мне уже все безразлично. Придется только поехать в Педро, похоронить ее. А я если останусь жить, то для меня уже ничего роли не играет. Уж лучше я сделаю что-нибудь полезное для вас. Всю жизнь я был шахтером. Мистер Картрайт это знает, и это может оказать кое-какое влияние. Пойдем втроем: Джо Смит, Майк и я, попробуем поговорить с ним, а вы все ждите – и не бросайте работы, пока вас не выгонят.

9

После того как договорились о составе делегации. Хал рассказал собранию, что Алек Стоун пытался завербовать его в шпионы. «Пусть знают!» – подумал он. Ведь Олсен предупреждал, что начальство может использовать

это против него.

– Они могут наговорить вам, что я предатель, – сказал Хал. – А вы ведь должны мне доверять!

– Мы и так доверяем! – горячо воскликнул Майк; остальные доброжелательно закивали.

– Вот и хорошо, – закончил Хал. – В одном можете быть твердо уверены: если я попаду в весовую, то вам будут записывать вес в точности.

– Правильно, правильно! – крикнул Большой Джек на свой английский манер. По комнате пробежал одобрителный шепот. Громко говорить боялись, но все дали ясно понять Халу, что только этого им и надо.

Хал сел и принялся разбинтовывать руку.

– Думаю, что это больше не понадобится, – и он рассказал, почему носил повязку.

– Что? И ты посмел меня так одурачить? – вскричал Майк.

Он схватил его за кисть и, убедившись, что никакой опухоли нет, принялся так трясти руку, что едва не вывихнул ее в самом деле. При этом он хохотал до слез и приговаривал:

– Ах ты подлец этакий!

Тем временем Кловоский по-польски пересказывал всю историю Замировскому, а Джерри Минетти давал пояснения Вресмаку на том английском жаргоне, который служит свою службу среди шахтеров. Здесь, в Северной Долине, Хал еще не слышал такого искреннего смеха, как тот, что звучал сейчас в этой комнате.

Но заговорщикам нельзя долго веселиться. Деловой разговор был возобновлен. Порешили, что делегация отправится к управляющему завтра после работы. Потом слово взял Джон Эдстром, предложивший разработать план действий на случай, если администрация прибегнет к насилию.

– Неужели вы допускаете такую возможность? – спросил кто-то.

– Еще бы! – воскликнул Майк Сикориа. – Однажды в «Сидар-маунтен» мы пошли к начальнику насчет вентиляции. И как, вы думаете, он встретил рабочих? Дал раз кулаком по носу, потом три раза по заду и выгнал всех вон.

– Что ж, – сказал Хал, – если и нас такое ждет, надо нам подготовиться!

– Что ты сделаешь? – спросил Джерри.

Хал вспомнил, что он здесь главный.

– Если он мне даст по носу, – заявил он, – я ему дам сдачи. Вот и все!

Услыхав это, люди зааплодировали. Вот это настоящий разговор! Хал упивался своей ролью вождя. Но внезапно его самоуверенность поколебалась: ему тоже вроде как дали по носу – в другом только смысле. Из темного угла раздался женский голос – тихий и зловещий:

– И вас ухлопают за все ваши труды!

Хал глянул на Мэри Берк и увидел ее всегда оживленное лицо, сейчас раскрасневшееся и сердитое.

– Что вы хотите сказать? По-вашему, лучше, чтобы мы повернулись и дали тёку?

– Это во всяком случае умнее, чем лезть под пули. Ведь он может

выхватить пистолет. Что вы тогда сделаете?

– Неужели он осмелится угрожать оружием нам – делегатам рабочих?

Но тут вмешался старый Майк:

– А почему бы нет? Как в Бареле... Да разве я вам не рассказывал, как у меня крали уголь? Я говорю весовщику: «Кто-то ворует мои вагонетки, а он – хватать пистолет и кричит: «Пошел к чертовой матери, старый козел, не то я тебя пулями изрешечу!»

Среди своих университетских товарищей Хал часто проповедовал теорию, что есть только один правильный способ обращения с грабителем. Если он нападет, надо ему сказать: «Валяй, приятель, бери что хочешь. Здесь нет ни одной вещи, ради которой стоит пожертвовать жизнью». Что такое ценность вещей по сравнению с человеческой жизнью? И вот сейчас представился случай на практике применить эту разумную теорию. Но Хал даже не вспомнил про нее. Он рвался в бой, как будто весь смысл жизни был в этой тонне угля.

– Но что нам делать? – спросил он. – Ведь отступить нельзя...

Но, задавая этот вопрос. Хал уже признавал, что прав не он, а Мэри. Баловень судьбы, он не привык встречать препятствий на своем пути – вот чем объясняется его подход к этому делу. Мэри от природы наделена не менее горячим темпераментом, но сейчас именно она требует от него выдержки. Уже второй раз за этот вечер она задевает его самолюбие. Но он не сердится – напротив, он восхищен! Он всегда знал, что у нее есть голова на плечах и что она будет неоценимой помощницей. И его восхищение этой девушкой увеличивается, когда он слушает речь Эдстрома: «Ни одного поступка, который может повредить делу «большого союза». Надо заранее договориться, что делегаты не окажут физического сопротивления, даже если на них нападут».

Это вызвало яростные возражения.

– Мы будем драться! – запротестовал Майк Сикориа и вдруг вскрикнул во весь голос, словно ему уже перебили нос: – Вы требуете, чтобы я это стерпел?

– Если вы дадите сдачи, – сказал Эдстром, – нам же будет хуже. Компания заявит, что зачинщиками были мы, и всю вину свалит на нас. Мы можем опираться только на свою моральную силу. Надо это твердо помнить.

Они поспорили еще немного и пришли к решению: каждый постарается сдерживаться – по мере сил, конечно. Все обменялись рукопожатиями и поклялись держаться твердо и не отступать. А когда собрание объявили закрытым и люди, крадучись, поодиночке ныряли в темноту, это уже были спокойные и осторожные заговорщики.

10

Халу плохо спалось в эту ночь. Под громкий храп восьми соседей он лежал, перебирая в уме все возможные варианты завтрашних событий. Перспективы были отнюдь не веселые: он видел себя то с разбитым носом, то вымазанным дегтем и вываленным в перьях. Между прочим, на память пришла его теория об отношении к грабителям. «Всеобщая Топливная компания» была грабителем гигантских, чудовищных размеров. Пора, пожалуй, крикнуть этому грабителю: «Бери что хочешь!» Но Хал вместо этого думал о муравьях

Эдстрома, силясь понять, какая сила заставляет их держаться вместе.

Настало утро, и Хал ушел в горы. Стоит только побродить там, как снова обретаешь мужество. А когда солнце скрылось за вершинами, Хал спустился в долину и встретился возле шахтоуправления с Майком Сикориа и Эдстромом.

Они поздоровались, и Эдстром сообщил, что днем скончалась его жена. В Северной Долине нет гробовщика, но он попросил одну приятельницу, чтобы покойницу отвезла в Педро она. Таким образом, он освободился и может идти к Картрайту. Хал положил руку на плечо старика, но не стал утешать его. Он видел, что Эдстром мужественно переносит горе и готов выполнить свой долг.

– Пошли! – сказал старик, и все трое направились в контору. Пока один из служащих ходил с докладом в кабинет начальника, они стояли, неловко переминаясь с ноги на ногу, и мяли в руках кепки, как полагается людям «из низов».

Наконец в дверях появился мистер Картрайт – маленький, худощавый человек, преисполненный сознанием своей власти.

– В чем дело? – спросил он.

– Прошу прощения, сэр, – заговорил Эдстром, – мы бы хотели с вами поговорить. Мы пришли к выводу, что нам необходим контролер в весовой.

– Что-о? – Вопрос управляющего прозвучал как выстрел.

– Мы бы хотели иметь контролера в весовой. Молчание длилось несколько секунд, потом Картрайт сказал:

– Пройдите сюда! – Делегаты гуськом вошли в кабинет, и он закрыл дверь. – Ну, что вы придумали?

Эдстром повторил все сначала.

– Чего это вам вдруг втемяшилось?

– Это не вдруг, сэр. Мы считаем, что нам будет лучше.

– По-вашему, вам не записывают полного веса?

– Видите ли, сэр... Кое-кто из шахтеров... В общем, мы считаем, нам бы лучше иметь своего контролера. Мы готовы оплачивать его труд.

– Кого же вы наметили в контролеры?

– Джо Смита – вот этого.

Хал сделал над собой усилие, чтобы выдержать устремленный на него взгляд.

– Ах, вот кого! – промолвил Картрайт и затем прибавил: – Так вы, оказывается, веселились неспроста.

Сейчас Халу было не до веселья, но он в этом не признался. Опять наступила пауза.

– Зачем вам, собственно, выбрасывать свои деньги? – снова заговорил управляющий и начал приводить разные доводы в доказательство полной нелепости их затеи – ничего они, мол, этим путем не выиграют. Нынешняя система действует уже много лет, и никто еще до этих пор не жаловался. Неужели кто-нибудь мог подумать, что такая крупная, солидная фирма, как «ВТК», позволит себе унизиться до того, чтобы обсчитывать шахтеров на несколько тонн угля! Так он красноречиво распространялся еще минут пять.

– Мистер Картрайт, – сказал Эдстром, когда управляющий смолк, – вы

знаете, что я всю свою жизнь проработал на шахтах, и почти все время в этом районе. Я отвечаю за свои слова, когда говорю, что на всех шахтах царит общее недовольство. Рабочие считают, что им сплошь и рядом недоплачивают. Вы говорите, что не было жалоб. Но вы же понимаете причину...

– Нет, не понимаю. Какая причина?

– Что ж, – деликатно сказал Эдстром, – быть может, вы не догадываетесь, но так или иначе, мы решили поставить своего контролера.

Ясно было, что управляющий захвачен врасплох и не успел еще обдумать свою линию поведения.

– Я думаю, вы сами понимаете, – сказал он, наконец, – насколько неприятно нам, администрации, слышать, что наши рабочие подозревают нас в обмане.

– Мы не говорим, что Компании что-нибудь известно об этом, мистер Картрайт. Возможно, кое-кто тайком наживается за наш счет, и ни вы лично, ни Компания об этом не знаете. Контролер от рабочих нужен, чтобы оградить и наши интересы и ваши.

– Благодарю, – сухо бросил управляющий, и по тону его чувствовалось, что он с трудом сдерживается. – Хорошо. Раз уж вы уперлись в одно, говорить нам больше не о чем. О моем решении вы будете оповещены.

Это означало, что аудиенция кончена. Майк Сикориа покорно шагнул к дверям. Но Эдстром был из тех муравьев, которые не поворачивают назад. Увидев это, Майк поспешно вернулся «в строй», словно надеясь, что его слабость останется незамеченной.

– Вы нас извините, мистер Картрайт, – сказал Эдстром, – но нам нужно получить ваш ответ сейчас же, чтобы уже с утра контролер мог приступить к работе.

– К чему такая спешка?

– Нет никаких оснований откладывать, сэр. Мы выбрали человека, и мы готовы платить ему.

– Кто именно из рабочих готов платить ему? Не вы ли двое?

– Я не уполномочен называть имена остальных, сэр.

– Ого! Оказывается, тайное общество!

– Отчасти да, сэр.

– Сильно сказано! – зловещим тоном сказал управляющий. – И вас несколько не беспокоит, что об этом скажет Компания?

– Мистер Картрайт, мы не понимаем, почему Компания может возражать. Нам надо просто договориться с вами, как это осуществить.

– Для вас это просто, а для меня нет! – резко возразил управляющий, но тотчас снова взял себя в руки: – Поймите, Компания ни в коем случае не станет препятствовать рабочим, если они желают проверять цифры своей выработки. Компания всегда стремится к справедливости. Но такое дело нельзя провести в одну минуту. Вы будете оповещены о моем решении...

Это был еще один намек, что разговор окончен, и снова Майк двинулся к дверям, а за ним уже и Эдстром. Но на сей раз третий муравей бросился в ров.

– Все-таки скажите точнее, мистер Картрайт, когда контролер сможет

приступить к работе? – спросил Хал.

Управляющий метнул на него сердитый взгляд. Ему понадобилось огромное усилие воли, чтобы сдержать свой гнев.

– Я сейчас не могу ответить на этот вопрос. Я дам вам знать, когда сочту это для себя удобным. Все. До свидания.

С этими словами Картрайт распахнул перед ними дверь, и его жест был равносителен приказу. Но Хал не отступил.

– Мистер Картрайт, – сказал он, – ведь, кажется, нет закона, который запрещал бы рабочим иметь своего контролера, правда?

По взгляду управляющего было ясно, что он отлично знает текст закона. Хал принял этот взгляд за ответ и продолжал:

– Меня выдвинула группа рабочих на пост контролера, и эта группа должным образом оповестила администрацию. Следовательно, мистер Картрайт, отныне я – контролер, и мне только остается приступить к выполнению своих обязанностей.

Не дожидаясь ответа управляющего. Хал направился к двери, сопровождаемый двумя другими делегатами, которые выглядели сейчас довольно растерянно.

11

Накануне на собрании решили в целях пропаганды всячески распространять весть о том, что рабочие требуют своего контролера. Поэтому, когда трое делегатов вышли из конторы, на улице их окружила целая толпа. Рабочие забросали их вопросами; и каждый, кому удавалось поговорить с ними, мгновенно становился центром группы людей, жаждавших информации. Хал выбрался из толпы и пошел к себе в пансион. Поужинав, он отправился бродить по поселку и везде рассказывал людям о решении поставить контролера в весовой, не забывая каждый раз подчеркнуть, что это – законное право шахтеров. В этом походе Хала все время сопровождали с одной стороны – Майк, а с другой – Эдстром, так как Том Олсен приказал ни на минуту не покидать его. Очевидно, начальство отдало такое же распоряжение, ибо, когда Хал вышел из дому, в первых рядах толпы оказался Джек Предович, продавец из магазина. Он следовал за Халом по пятам, куда бы тот ни шел, и несомненно брал на заметку всех, кто с ним разговаривал.

Стали думать, где провести ночь. Старый Майк волновался, видя в действиях шпиона признак того, что на них готовится ночное нападение из-за угла. Он рассказывал об ужасных происшествиях подобного рода. Ведь для Компании проще простого именно так покончить с этим вопросом! Уже потом состроят какую-нибудь басню; и народ поверит, что эти трое были убиты в пьяной драке, вернее всего из-за женщины. Последний вариант особенно смущал Хала: он думал о своих домашних. Нет, он не должен сегодня ночевать в поселке! Но, с другой стороны, он не может покинуть территорию Северной Долины, ибо если он выйдет за ворота, то рискует, что его не впустят обратно.

Но тут у него блеснула мысль: а что, если забраться на вершину каньона? Горная часть поселка ничем не ограждена – там только глушь да скалы, даже

дороги никакой нет.

– Но где мы будем спать? – в страхе спросил старый Майк.

– На земле, – ответил ему Хал.

– *Pluha biedna!* Чтоб мне кости разъела ночная сырость!

– А вы думаете, что у вас в доме не бывает ночной сырости? – рассмеялся Хал.

– Конечно, нет! Я наглухо закрываю ставни, и кости у меня в тепле!

– Ладно уж, рискните разок! Это, право, лучше, чем получить нож в спину.

– Но этот самый Предович полезет за нами небось и туда!

И – Да, но он же один, а один он нам не страшен. Если же он пойдет за подмогой, то потом уж не отыщет нас а темноте.

Эдстром, чьи познания в анатомии были не так примитивны, как у Майка, поддержал предложение Хала. Все трое взяли с собой одеяла и полезли вверх по каньону. Ночь была тихая, звездная. Сначала шпион следовал за ними, но потом шаги его замолкли, и, пройдя еще некоторое расстояние, беглецы решили, что здесь им обеспечена полная безопасность до утра. Как охотнику Халу неоднократно приходилось ночевать под открытым небом, но впервые в жизни он почувствовал себя дичью.

На рассвете они поднялись, отряхнули росу с одеял и смахнули ее с ресниц. Хал был молод и наслаждался прелестью утра, но бедный Майк Сикория кряхтел и жаловался:

– Суставы как деревянные! Старость! Видно, теперь я уж навеки погубил свое здоровье!

Однако он приободрился, когда Эдстром напомнил о кофе, и все трое двинулись вниз, в поселок, чтобы позавтракать в своем пансионе.

Приближался критический момент – Хал останется один: Эдстром уедет хоронить жену, а Майк Сикория не может не пойти на работу. Если он позволит себе прогул, то даст управляющему повод выгнать его. Увы! – в законе о контролере не предусмотрены телохранители контролера!

Вчера в кабинете Картрайта Хал вспылил и вызывающе сообщил, что он намерен делать. И теперь, как только начался рабочий день, он явился в весовую.

– Мистер Питерс, – сказал он старшему весовщику, – я пришел как контролер от рабочих.

У старшего весовщика были большие черные усы, которые делали его похожим на Ницше. В искреннем изумлении он выпучил глаза на Хала.

– Что за черт?

– Группа шахтеров выбрала меня своим контролером у весов, – деловым тоном пояснил Хал, – когда пригонят сюда их вагонетки, я проверю вес.

– Убирайтесь-ка подальше, молодой человек, – сказал Питерс столь же деловым тоном.

Тогда будущий контролер вышел, присел на ступеньки и принялся ждать. Кругом было довольно много народу, и Хал подумал, что в таком месте с ним ничего не может случиться. Кое-кто из работавших там людей улыбался и подмигивал ему, а некоторые даже ухитрились шепнуть ему ободряющее

словечко. Так просидел Хал все утро, как сидит в знак протеста у въезда во дворец мандарина оскорбленный китаец. Это было скучное занятие, но он был уверен, что у него окажется больше терпения, чем у администрации.

12

Часов в десять к Халу подошел Бад Адамс – младший брат мирового судьи и помощник Джеффа Коттона. Это был коренастый краснолицый мужчина, знаменитый своей страстью к кулачным расправам. Увидев его, Хал из предосторожности встал.

– Эй, ты! – сказал Бад. – Тебе там пришла телеграмма. Она в конторе.

– Мне? Телеграмма?

– Ты ведь Джо Смит? Верно?

– Да.

– Ну так и есть, значит тебе.

На миг Хал призадумался – нет, никто не мог телеграфировать ему на имя Джо Смита. Это хитрость, чтобы выманить его отсюда.

– А что там сказано, в этой телеграмме? – спросил он.

– Почему я знаю? – сказал Бад.

– Откуда она?

– Понятия не имею.

– Что ж, – сказал Хал, – принесите ее сюда!

Бад даже рот раскрыл от изумления. Это уже не бунт, а целая революция!

– Какой я тебе, к черту, рассыльный? – гневно спросил он.

– Разве Компания не доставляет телеграмм? – вежливо осведомился Хал.

Бад стоял, с трудом преодолевая привычный порыв, а Хал напряженно следил за ним. Но, очевидно, тот, кто направил сюда этого посланца, дал ему точные инструкции, как себя вести; поэтому он сдержал бешенство, повернулся и зашагал прочь.

Хал не покидал своего поста. Он принес с собой завтрак и уже собирался съесть его в полном одиночестве, так как понимал, какому риску подвергнется любой, дружелюбно настроенный человек, который осмелится подойти к нему. Но тут, к великому удивлению Хала, появился Йогансен и присел с ним рядом. Затем возле них оказались молодой рабочий мексиканец и шахтер грек. Революция ширилась.

Ясно, что Компания этого не потерпит! И Хал не ошибся, потому что в середине дня на пороге появился старший весовщик и поманил его пальцем:

– Идите сюда!

Хал вошел. Весовая находилась в открытом проходном помещении; с одной стороны дверь из нее вела в контору.

– Сюда! – показал на дверь весовщик. Но Хал, не доходя до двери, остановился.

– Нет, мистер Питерс, контролер должен находиться при весах.

– Но я хочу с вами поговорить!

– Мне вас и отсюда слышно, сэр! – Хал стоял на виду у рабочих. Он знал, что в этом – его единственное спасение.

Весовщик ушел в контору, и очень скоро Хал понял, что было там для него уготовано, потому что дверь открылась, и оттуда вышел Алек Стоун.

С минуту мастер стоял неподвижно, впери́в взор о своего «политического агента»; затем шагнул поближе.

– Ты, парень, слишком усердствуешь, – тихо сказал он. – Это в мои планы не входило.

– Ваши планы здесь ни при чем, мистер Стоун!

Мастер подошел еще ближе.

– Чего ты, парень, добиваешься? Что ты надеешься получить?

– Опыт, – ответил Хал, глядя ему прямо в глаза.

– Вообразил, малый, что ты умнее всех! Но все-таки подумай, против какой силы ты полез! Знай, что ничего ты этим не добьешься! Запомни раз и навсегда: ты этим ничего не добьешься! Лучше иди-ка сюда и давай поговорим!

Молчание.

– Хочешь, Смит, я тебе расскажу, что будет дальше? Такие пожары иногда у нас вспыхивают, но мы их быстро тушим. Мы знаем, как их тушить, и у нас есть огнетушители. Пройдет неделька-другая, и все забудется, а ты останешься на бобах... Разве ты сам не понимаешь?

Хал стоял по-прежнему молча, и Стоун заговорил теперь шепотом:

– Я понимаю твое положение. Только кивни, и все будет хорошо. Ты скажешь рабочим, что проверял весовщика и все в порядке. Это их удовлетворит, а мы с тобой договоримся попозже.

– Мистер Стоун, – сказал Хал многозначительно и веско, – если я не ошибаюсь, вы хотите подкупить меня?

Но тут начальник потерял самообладание. Похабно выругавшись, он сунул свой огромный кулак Халу под нос.

А Хал даже не отдернул головы – из-за кулака на Стоуна смотрели в упор два сердитых карих глаза.

– Мистер Стоун, советую вам учесть, что я взялся за это дело совершенно всерьез, и вряд ли вам сойдет с рук, если вы решитесь прибегнуть к насилию.

Еще с минуту начальник сердито смотрел на Хала. Но, очевидно, ему, как и Бадю Адамсу, был дан точный наказ о поведении. Он круто повернулся и ушел в контору.

Хал повременил немного, пока не убедился, что вполне владеет собой, и лишь тогда направился к весам. И тут он вдруг впервые почувствовал неловкость: ведь он совершенно незнаком с устройством угольных весов!

Но ему не дали времени на изучение этого дела: перед ним снова вырос старший весовщик.

– Вон отсюда! – скомандовал он.

– Но ведь вы же сами пригласили меня сюда, – кротко ответил Хал.

– Ну и что ж! А теперь я приглашаю тебя обратно на улицу!

Таким образом, обиженный китаец снова занял свое место у въезда во дворец мандарина.

Как только вечерний гудок возвестил об окончании работы. Майк Сикориа поспешил в весовую узнать, что слышно у Хала. Майк сиял от восторга, потому что несколько рабочих заявили ему, что желают включиться а борьбу за контролера. Старик не знал, кому приписать этот успех: себе ли и своей пропаганде, или славному американцу – своему подручному; гордился он во всяком случае и тем и другим. Он передал Халу записку, которую кто-то сунул ему в руку, и Хал узнал почерк Тома Олсена. Организатор сообщал, что в поселке только и разговору, что о контролере; в смысле пропаганды это можно считать большим успехом, какие бы дальнейшие шаги ни предприняли хозяева. В заключение он советовал Халу, чтобы с ним ночевало побольше рабочих: надо запастись свидетелями на случай, если Компания задумала какой-нибудь новый трюк. Записка кончалась словами: «И будьте осторожны с новыми людьми, – двое или трое из них наверняка окажутся шпионами».

Хал и Майк обсудили вопрос о предстоящей ночевке. Ни тому, ни другому не хотелось вторично спать под открытым небом: словаку – потому что он боялся за свои старые кости, а Халу – потому что он видел, что его сопровождают уже не один, а несколько шпионов. За столом у Ремницкого Хал спросил кое-кого из шахтеров, изъявивших желание принять участие в начатой кампании, не согласятся ли они провести с ним ночь у Эдстрома. Это было проверкой их боевого духа, но ни один не подвел: захватив одеяла, все направились, куда им было сказано. Хал зажег лампу и провел там импровизированный митинг по поводу рабочего контроля у весов, то и дело ловя себя на мысли: кто же из присутствующих все-таки шпион?

Среди новых лиц оказался поляк по фамилии Войцеховский. Выговорить это было еще труднее, чем Замировский, и в конце концов Хал отказался от попыток называть поляков их настоящими фамилиями. «Войце» – низкорослый человек, с грустным, изможденным лицом, объяснил, что он здесь потому, что ему тошно от этого вечного грабительства; он согласен платить свою долю за контролера, а если выгонят, ну и ладно, черт с ними, уедет в другое место! Сделав это заявление, он завернулся в одеяло на полу и захрапел. Шпион так вести бы себя, пожалуй, не стал.

Другой новичок был итальянец Фаренчена – мрачный, чернобровый мужчина, с виду – типичный злодей из мелодрамы. Он сидел у стены и что-то выкрикивал гортанным голосом, вызывая у Хала самые серьезные подозрения. Понять его английский язык было нелегко, но Хал все-таки с большим усилием уловил нить рассказа: он, оказывается, влюблен в одну «фанчиуллу»¹¹, а та морочит его. Теперь он уже почти осознал, что она легкомысленная кокетка и не стоит любви. Поэтому ему плевать, если его погонят из Северной Долины. «Буду бороться не за «фанчиуллу», буду бороться за контролера!» – закончил он со стоном.

Третьим, кого Хал видел в первый раз, был говорливый молодой грек,

¹¹ Девушка (итал.)

который подсел к нему сегодня на крыльце весовой во время завтрака и назвал свою фамилию: Апостоликос. Сейчас он завел с Халом оживленную беседу, распинаясь по поводу того, как он увлечен этой борьбой за контролера. Ему хотелось все знать: и какие у них дальнейшие планы, и какие шансы на успех, и кто инициатор этого движения, и кто из рабочих его поддерживает. Ответы Хала приняли форму краткой проповеди классовой солидарности. Всякий раз, когда этот парень пытался выкачать из него какие-нибудь сведения, Хал заново объяснял ему, насколько важно для шахтеров нынешнее выступление и почему рабочие должны поддерживать друг друга и идти на жертвы во имя общего дела. После получасовой беседы на столь отвлеченные темы Апостоликос махнул рукой и пересел к Майку. А Хал тем временем подмигнул старику, и тот, сообразив в чем дело, заговорил о «стукачах», с которыми так здорово умеют расправляться честные рабочие! Вскоре это тоже надоело греку, и он улегся на полу, а Хал, пододвинувшись к Майку, шепнул ему на ухо, что этого Апостоликоса, вероятно, зовут Иудой.

14

Старый Майк моментально заснул, но Хал, который уже несколько дней не работал, лежал с открытыми глазами, охваченный тревожными мыслями. Прележав так часа два, он вдруг услышал, что в комнате кто-то шевелится. На столе тускло горела лампочка, и сквозь опущенные ресницы Хал разглядел, что один из рабочих поднялся и сидит на полу. Сначала он не разобрал, кто это, но потом узнал грека.

Хал лежал, не двигаясь, и наблюдал украдкой, как парень присел на корточки и, опершись о пол ладонями, прислушался; потом встал и шагнул к нему, осторожно переступая через спящих.

Хал старательно изображал спящего, а это не очень легко, когда над тобой склоняется человек и каждую секунд у можно ожидать, что тебя полоснут ножом. «Будь что будет», – решил он. Через какой-то промежуток времени, показавшийся вечностью, он почувствовал, что чужая рука осторожно шарит по его телу и, наконец, нащупала карман.

«Собирается обыскивать!» – подумал Хал, ожидая, что грек полезет и в другие карманы. Ожидание становилось невыносимым, но тот снова выпрямился и пошел назад на свое место. Через минуту он уже улегся, и в лачуге воцарилась тишина.

Хал потрогал свой карман и сунул в него руку: пачка бумажек! «Деньги! – мгновенно догадался он. – Провокация!»

Сразу стало смешно, и мысли его вдруг обратились к далекому прошлому, к годам детства. Дома на чердаке стоял старый сундук, набитый отцовскими книгами. Хал словно увидел их перед собой – вот они в растрепанных коричневых переплетах, с грубо размалеванными картинками: «Рассказы об удачниках и смельчаках» Горэйшио Алджера; «Бесстрашные», «Жить или умереть?» и тому подобное. С каким трепетом читал он роман о деревенском подростке, попавшем в город и встретившем там бандита, который ограбил хозяина и подсунул в карман маленькому герою ключ от кассы. Очевидно,

кое-кто из «Всеобщей Топливной компании» тоже начитался Горэйшио Алджера!

Хал сознавал, что надо как можно скорее избавиться от этих денег. Первым желанием было вернуть их «Иуде», но потом он решил сохранить их для Эдстрома, – тому они могут скоро понадобиться! Он подождал с полчаса, пока грек заснул, затем осторожно вырыл перочинным ножом небольшую ямку в земляном полу и закопал туда деньги. Покончив с этим, он прокрался на другое место, лег и принялся думать.

15

Дождутся ли они утра, или явятся теперь? Хал склонялся ко второму предположению и поэтому не очень удивился, когда часа через два услышал, как задергалась ручка наружной двери. Затем раздался треск, дверь распахнулась, и, напирая плечом, в комнату ввалился какой-то грузный человек.

Еще мгновенье – и все перемешалось. Люди с криком вскакивали на ноги, но некоторые все еще сидели на полу, ничего со сна не соображая. Комната ярко осветилась фонарем одного из пришельцев.

– Вот он! Сюда! – В говорившем Хал узнал Джеффа Коттона, начальника охраны. – Руки вверх! Тебе говорят, Джо Смит!

Хал подчинился, не дожидаясь, чтобы перед ним сверкнуло дуло пистолета.

Наступила тишина. Так как этот спектакль разыгрывался для всех присутствующих, надо было дать им время очнуться от сна и приспособиться к яркому свету. Хал тем часом стоял, подняв руки вверх. За фигурой человека, державшего фонарь, он разглядел лица начальника охраны, Бада Адамса, Алека Стоуна, Джека Предовича и двух-трех незнакомых ему мужчин.

– Слушайте, ребята, – сказал, наконец, Коттон, – вы из числа тех рабочих, которые добиваются контролера. И вы избрали вот его в контролеры. Именно его, правильно?

Ответа не последовало.

– Ну, так я вам сейчас покажу, что это за субъект. Он явился к мистеру Стоуну и предложил ему выдать вас всех.

– Ребята, это ложь! – спокойно сказал Хал.

Но начальник охраны стоял на своем:

– Он взял деньги у мистера Стоуна за свое предательство.

– Ложь! – спокойно повторил Хал.

– Эти деньги сейчас при нем! – крикнул Стоун.

Тогда и Хал в свою очередь закричал:

– Провокация, ребята! Не позволяйте им обманывать вас!

– Заткнись! – скомандовал Джефф Коттон и повернулся к шахтерам: – Сейчас я вам докажу; по-моему, деньги при нем. Джек, обыщи его.

Джек Предович приблизился к Халу.

– Следите за ними, ребята! – воскликнул Хал. – Они собираются сунуть мне что-то в карманы. Майк, не надо! – крикнул ой старику, видя, что тот

гневно двинулся вперед. – Не связывайся!

– Джек, скинь пиджак! – приказал Коттон. – Засучи рукава! Покажи им свои руки!

Жестом фокусника Предович сбросил с себя пиджак, засучил рукава выше локтей и продемонстрировал зрителям руки, поворачивая их в разные стороны; затем, вытянув их перед собой, медленно шагнул в сторону Хала, как гипнотизер, приступающий к сеансу.

– Следите внимательно! – сказал Коттон. – Деньги при нем, я это знаю.

– Да, да... глядите в оба! – крикнул Хал. – Если денег нет, мне их сейчас подсунут!

– Руки не опускать, молодой человек! – приказал начальник охраны. – А вы подайтесь назад! – Последние слова относились к Майну Сикориа и другим свидетелям, которые проталкивались к Халу, выглядывая из-за спин стоящих впереди людей.

В тот момент дело обстояло весьма серьезно, но впоследствии Хал со смехом вспоминал нелепую фигуру Предовича, который обыскивал его карманы, держась, однако, на некотором расстоянии: пусть, мол, все видят, что деньги действительно найдены у Хала! Предович начал обыск с внутренних карманов, затем перешел к карманам сорочки. Чтобы создать эффектную развязку, нужно было замедлить развитие действия.

– Повернись! – скомандовал Коттон.

Хал повернулся, и еврей залез в карманы его брюк. Он вынимал из карманов одну вещь за другой – вот часы! вот гребешок! вот зеркало! вот носовой платок! Осмотрев по очереди каждую вещь, он показывал ее зрителям, а затем бросал на пол. С затаенным дыханием все следили, как он, вынув кошелек Хала, открыл его. Увы! – благодаря жадности шахтовладельцев там не нашлось ничего, кроме нескольких медяков. Предович открыл кошелек и швырнул его на пол.

– Подождите, обыск еще не окончен! – закричал главный церемониймейстер. – Эти деньги у него, наверное, где-то запрятаны! Джек, а в пиджаке ты уже смотрел?

– Нет еще.

– А ну-ка, ищи там, да живее! – крикнул Коттон, и все с любопытством вытянули шеи, а Предович, опустившись на одно колено, сунул руку сначала в правый карман пиджака Хала, затем в левый.

Но когда он кончил шарить по карманам, у него был такой растерянный вид, что Хал едва не прыснул со смеху.

– Их там нету! – заявил Предович.

– Как так – нету? – возмутился Коттон, и оба уставились друг на друга. – Боже! Он успел их куда-то сплавить!

– Ребята, денег они у меня не нашли и не найдут! – объявил Хал. – Это все клевета и провокация!

– Он их спрятал! – надрывался начальник охраны. – Джек, ищи получше!

Предович снова приступил к обыску, теперь уже торопливо, без лишних церемоний. Ему уже было не до зрителей, раз совершенно зря пропала такая

уйма денег. Он заставил Хала снять пиджак и подпорол подкладку, расстегнул на нем брюки и пошарил под ними рукой, потом даже засунул пальцы в башмаки. Но обнаружить деньги так и не удалось. Сыщики застыли в полном недоумении.

– Он взял у мистера Стоуна двадцать пять долларов, чтобы предать вас! – заявил Коттон. – Но ему удалось куда-то их сплавить.

– Ребята, – воскликнул Хал, – они прислали сюда шпиона, чтобы подсунуть мне деньги! – С этими словами он в упор поглядел на Апостоликоса и заметил, что тот вздрогнул и попятился.

– Это он! Он – стукач! – закричал Майк. – Ручаюсь, что деньги у него! – И старик рванулся к греку.

В этот миг начальник охраны сообразил, что пора кончать представление.

– Хватит! Надоело! – раздраженно сказал он. – Забирайте этого парня!

С быстротой молнии двое из его молодцов схватили Хала за руки, а третий за воротник. Не успели шахтеры опомниться, как Хала уже выволокли за дверь.

Следующие четверть часа оказались тяжелым испытанием для кандидата в контролеры. В темноте на улице начальник охраны, а также Алек Стоун смогли дать волю своему бешенству. Всю дорогу они осыпали Хала бранью, тузили его и подгоняли ударами в спину. А человек, который держал Хала, так скрутил ему руку, что тот от боли вскрикнул.

– Посмей только пикнуть! – было сказано ему среди новых потоков ругательств. Они быстро провели его по темной безлюдной улице к зданию поселковой охраны, а там – по лестнице в комнату, служившую в Северной Долине местом заточения. Хал был рад, когда они, наконец, оставили его одного, оглушительно захлопнув за собой железную дверь.

16

Все это было грубо, по-дурацки состряпано, но Хал понимал, что здесь был расчет на умственный кругозор тех, для кого эта инсценировка предназначалась. Не спаси его случайная бессонница, они обнаружили бы у него в кармане деньги и наутро раззвонили бы по всему поселку, что он предатель. Близкие друзья – члены комитета, конечно, не могли поверить такой клевете, но остальные рабочие клюнули бы на эту удочку, и делу Тома Олсена, ради которого тот приехал в Северную Долину, был бы нанесен серьезный ущерб. Через всю последующую свою деятельность Хал пронес живое воспоминание об этих событиях, они послужили для него символом многих явлений. Теми же приемами, какими предприниматели пытались опорочить Хала в глазах его приверженцев, чтобы лишить его влияния, они хотели ошельмовать и рабочее движение в целом, для того, чтобы сбить с толку общественное мнение Америки.

Итак, Хал попал в тюрьму. Он подошел к окошку и дернул решетку, но она не поддавалась. Ощупью передвигаясь в потемках, он исследовал камеру, которая оказалась стальной клеткой, приспособленной из обыкновенной комнаты. В одном углу стояла скамья, а напротив – другая, несколько пошире, с тюфяком. Хал кое-что читал о тюрьмах, и этого было вполне достаточно, чтобы

держаться подальше от тюфяка. Он присел на голую скамью и задумался.

Неоспорим тот факт, что существует особая психология, порождаемая тюремным заточением, как существует особая психология, порождаемая перенапряжением мускулов тела и рук, когда приходится грузить каменный уголь в забое высотой в пять футов; как может быть и третья – совершенно особая – психология, свойственная людям, живущим праздной жизнью за счет шахтерского труда. В тюрьме человеку прежде всего начинает казаться, что он животное; животная природа его существа берет верх над всеми чувствами; им овладевают ненависть и животный страх, и, чтобы не поддаться их власти, необходимо волевое, концентрированное напряжение всех умственных способностей. Мыслящий человек, сидя в тюрьме, посвящает много времени размышлениям: дни там тянутся медленно, а ночи еще медленнее – времени хватает обо всем подумать.

Скамья была жесткая, и с каждой минутой она казалась жестче, и как Хал ни пристраивался, удобнее ему не становилось. Он встал и походил из угла в угол, затем прилег и, снова встав, принялся мерить шагами камеру. И все это время он размышлял, и все это время в нем крепла тюремная психология.

Первой мыслью было: что ждет его сейчас, что они собираются с ним сделать? Наиболее вероятно, что его выгонят и на этом поставят точку; впрочем, удовлетворятся ли они такой мерой? Ведь они в бешенстве за то, что он их перехитрил! Хал что-то смутно слышал про «третью степень» – эту чистоамериканскую систему «допроса с пристрастием», но никогда ему и в голову не приходило, что она может быть применена к нему самому. Да, все кажется совсем иным при таком взгляде на действительность!

Хал заявил Тому Олсену, что не станет бороться за профсоюз на шахте, но обещает посвятить себя борьбе за контролера, а Олсен рассмеялся с довольным видом, как бы говоря: это, мол, одно и то же! Да, пожалуй. Олсен был прав, ибо Хал вдруг заметил, что тревожные мысли о стремлении профсоюзов к господству и о тирании профсоюзных делегатов больше уже не омрачают его сознания. Наоборот: теперь он желал, чтобы рабочие Северной Долины объединялись в профсоюз и тиранствовали изо всех сил! Подобного рода перемены (хотя Хал об этом и не подозревал) пережили до него и другие реформаторы, многие из которых начинали свою деятельность мягкосердечными поборниками справедливости в связи с каким-нибудь малозначительным случаем, а затем под влиянием тюремной психологии превращались в пламенных и стойких революционеров. «Свободной мысли вечная Душа, – говорит Байрон, – всего светлее ты в тюрьме, Свобода». И дальше поэт продолжает: «Там лучшие сердца всего народа тебя хранят, одной тобой дыша».

В Северной Долине, кажется, было так, как в Шильоне. Светало, Хал стоял у окошка камеры. Он слышал звук сирены и видел шахтеров, спешащих на работу. Согбенные трудом, с бескровными лицами от труда под землей, они семенили в рассветной полумгле, как стадо павианов. Хал махал им рукой, и многие останавливались, вглядывались и приветственно махали ему в ответ. Хал понял, что каждый из этих людей думает об его аресте и о причине ареста.

Таким образом, им тоже передавалась тюремная психология. Может, кто-нибудь из них еще не доверяет профессиональным союзам или сомневается, что необходимо иметь свою организацию в Северной Долине?.. Что ж, теперь недоверие и сомнение неизбежно рассеются как дым!

Одно только казалось Халу непонятным: почему хозяева оставили его здесь, на виду у рабочих, хотя имели полную возможность посадить в автомобиль и еще до рассвета увезти в Педро? Потому ли, что они относятся с презрением к своим рабам и рассчитывают, что вид арестанта в окне камеры вызовет не гнев, а только страх? А вдруг они действительно понимают своих рабочих лучше, чем этот без году неделя контролер? Хал вспомнил Мэри Берк с ее пессимистическим отношением к рабочим, и сердце его сжалось от тревоги. Но таково влияние тюремной психологии, что всем своим существом Хал восстал против этой тревоги. Он почувствовал прилив ненависти к шахтовладельцам за их цинизм; он сжал кулаки и стиснул челюсти; проучить как следует хозяев и доказать им, что рабочие не рабы, а люди, – вот чего сильнее всего захотелось ему в эту минуту!

17

Часов около десяти Хал услышал шаги в коридоре, и какой-то незнакомый человек, сняв засовы с двери, внес в камеру кувшин с водой и жестяную миску, в которое лежал ломоть хлеба. Хал задержал его у входа:

– Простите! Минуточку!

Тот хмуро поглядел на него.

– Не знаете ли вы, сколько меня здесь собираются держать?

– Нет, не знаю.

– Если я должен сидеть под замком, – продолжал Хал, – я, несомненно, имею право знать, в чем меня обвиняют.

– Пошел ты ко всем чертям! – ответил человек и, хлопнув дверью, зашагал прочь по коридору.

Хал вернулся к окну и от нечего делать стал наблюдать прохожих. Внизу на улице собралась куча оборванных ребятишек, которые тарасили на него глаза, улыбались и подавали ему знаки, пока кто-то не вышел из конторы и не погнал их прочь.

Время шло, и Хал, наконец, проголодался. Когда к хлебу ничего нет, он быстро надоедает, и вода не делает еду вкуснее; тем не менее Хал пожевал хлебца, запил его водой и пожалел, что принесли так мало.

Томительно тянулось время. К концу дня снова явился сторож и принес опять ломоть хлеба и кувшин с водой.

– Погодите! – попросил Хал, видя, что сторож уходит.

– Не о чем мне с вами разговаривать, – ответил тот.

– А вот хочу вам кое-что сказать... Я читал в одной книге, не помню только названия, – ее написал один врач, – что в белом хлебе не хватает многих веществ, которые необходимы для поддержания жизни.

– Да неужели? – проворчал тюремщик. – А к чему эта болтовня?

– К тому, – пояснил Хал, – что меня не устраивает обед из хлеба и воды!

– А что бы вас устраивало?

По тону можно было догадаться, что это – риторический вопрос, но Хал принял его всерьез:

– Ну, например, бифштекс с картофельным пюре...

Дверь камеры захлопнулась, и этот гулкой, протяжный звук заставил арестанта забыть мечты о вкусных кушаньях. Хал опять сидел на жесткой скамье, жевал сухой хлеб и думал свою тюремную думу.

Когда проревела вечерняя сирена, Хал снова занял позицию у окна, еще раз увидел своих друзей и перехватил их тайные ободряющие сигналы. Затем стемнело – начиналось еще одно ночное бдение.

Было поздно. Точно определить время Хал не мог, но все огни в поселке уже погасли. Сегодня не выпустят – это ясно: и Хал улегся на полу, положив руку под голову вместо подушки. Он уже начал дремать, как внезапно послышалось какое-то царапанье по железу решетки. Он вздрогнул и присел и тут же уловил другой звук: несомненно, шуршала бумага. Он подскочил к окну. При слабом свете звезд он увидел, что перед окном качается какой-то предмет. Он схватил его. Это был обыкновенный блокнот, какие употребляют стенографистки, привязанный к концу длинного шеста.

Хал стал всматриваться, но никого не разглядел. Тогда он подергал за шест, чтобы подать сигнал, и услышал шепот. Роветта!

– Здравствуй! Слушай! Распишись сто раз в этой тетрадке! Я вернусь! Понял?

Приказ был довольно странный, но, понимая, что сейчас не время заниматься расспросами, Хал ответил:

– Хорошо! – Он оборвал шпагат и раскрыл блокнот. К нему был привязан карандаш с отточенным концом, обмотанным тряпочкой.

Шест исчез. Хал сел на скамейку и начал писать по три-четыре раза на каждой странице: «Джо Смит». «Джо Смит». Даже в темноте писать «Джо Смит» – дело немудреное, поэтому пока рука выводила буквы, мозг был целиком занят разгадкой тайны. Ясно, что товарищам понадобился автограф не для того, чтобы раздавать его на память! Вероятно, под этим кроется что-то более существенное. Очевидно, надо отразить какой-то новый выпад хозяев. Отгадка, не замедлила найтись: когда провалился план подсунуть ему деньги, они состряпали подложное письмо, якобы написанное кандидатом в контролеры, и теперь демонстрируют его рабочим. А друзьям Хала нужна его настоящая подпись, чтобы разоблачить этот подлог.

Хал писал быстро и свободно, со смелыми росчерками. Наверняка Алек Стоун не так представлял себе каракули рабочего парнишки! Карандаш летал по бумаге, страница за страницей заполнялись подписью: «Джо Смит»; уже каждого забойщика обеспечил он своим автографом, и большинство подручных тоже; но тут он услышал на улице свист и мигом подбежал к окну.

– Кидай! – раздался шепот, и Хал кинул. Он видел, как мелькнула тень, потом снова все затихло. Он еще постоял немного, прислушиваясь, не разбудил ли он тюремщика; затем улегся на скамью и погрузился в свои тюремные думы.

Опять утро, и опять сирена, и опять Хал у окна. Он замечает, что некоторые шахтеры, идущие на работу, держат в руках узкие полоски бумаги и, проходя под его окном, открыто размахивают ими. Вот идет старый Майк Сикориа с целой пачкой таких полосок в руках, раздавая их направо и налево. Его, конечно, предупредили, чтобы он действовал украдкой, но он чересчур взвинчен событиями. Он прыгает и носится, как ягненок, и на глазах у всей толпы машет Халу этими бумажками.

И Майк Сикориа был наказан за свое легкомыслие. Хал увидел, как из-за угла появился коренастый мужчина и подошел вплотную к старому словаку. Это был Бад Адамс из местной охраны. Огромные руки были сжаты в кулаки все тело напряжилось для удара. Майк увидел его и остолбенел. Сутулые плечи труженика поникли, руки повисли как плети, и драгоценная пачка бумажек, выпав из дрогнувших пальцев, разлетелась по земле. Майк смотрел на Бада, как зачарованный кролик на удава, даже не пытаясь защититься.

Хал вцепился в брусья решетки, сгорая от желания броситься на защиту друга. Но ожидаемого удара не последовало. Охранник удовольствовался тем, что свирепо взглянул на старика и что-то ему приказал. Майк нагнулся и собрал свои бумажки. Это заняло довольно много времени, потому что он не мог или не хотел оторвать взгляд от охранника. Когда все было собрано, тот отдал какой-то еще приказ, и Майк вручил ему все бумажки, а сам торопливо попятился назад. Но Бад Адама двинулся за ним, подняв кулаки. Майк отступил еще на шаг, затем еще – и оба скрылись за углом. Рабочие, оказавшиеся свидетелями этой сцены, незаметно рассеялись во все стороны, и Хал так и не узнал, чем эта история кончилась.

Часа через два в камере снова появился тюремщик – на сей раз без хлеба и воды. Он открыл дверь и приказал арестанту следовать за ним. Хал спустился по лестнице в кабинет Джеффа Коттона.

Начальник охраны сидел за письменным столом с сигарой в зубах. Он что-то писал и продолжал это занятие, пока тюремщик не вышел и не закрыл за собой двери. Тогда, повернувшись на своем вращающемся стуле, Джефф Коттон заложил ногу за ногу, откинулся на спинку и оглядел юного шахтера в грязном синем комбинезоне, растрепанного и побледневшего после двухдневного заключения. На аристократическом лице начальника мелькнула улыбка.

– Ну как, молодой человек, – осведомился он, – вам здесь весело, правда?

– Спасибо, ничего, – ответил Хал.

– Обставить нас хотели, а? Только скажите мне, что вы собираетесь выиграть на этом?

– Об этом меня уже спрашивал Алек Стоун, – сказал Хал. – Я не думаю, что имеет смысл объяснять все сначала. Сомневаюсь, чтобы вы верили больше, чем Стоун, в альтруистические побуждения.

Начальник охраны вынул изо рта сигару и стряхнул пепел. Лицо его стало серьезным, теперь он пристально рассматривал Хала.

– Вы профсоюзный организатор? – спросил он, наконец.

– Нет.

– Вы образованный человек, не рабочий, – для меня это ясно. Кто вам платит?

– Я так и знал, что вы неспособны поверить в альтруизм!

Начальник охраны выпустил изо рта кольцо дыма.

– Просто хотели насолить Компании? Вы агитатор? От кого?

– Нет. Я шахтер, желающий стать контролером в весовой.

– Социалист?

– Это будет зависеть от дальнейшего разворота событий здесь.

– Ну вот, – сказал начальник охраны, – я вижу, вы юноша толковый. Поэтому я раскрою вам свои карты, чтобы вы могли все обдумать: не бывать вам контролером ни в Северной Долине, ни в других местах, так или иначе связанных со «Всеобщей Топливной компанией». И вам также не удастся насолить Компании, этого удовольствия вы тоже не получите. Мы даже не собираемся побоями загнать вас в гроб. Позавчера ночью у меня было такое поползновение. Но я передумал... чтобы не делать из вас мученика... Итак, мы решили вас не бить.

*– Откуда же появились синяки у меня на руке? – корректно осведомился Хал.

– Мы собираемся предложить вам такой выбор, – продолжал начальник охраны, не обратив ни малейшего внимания на сарказм Хала. – Либо вы подпишете показания, что получили у Алека Стоуна двадцать пять долларов, а мы вам дадим расчет и поставим точку; либо мы сами докажем, что вы взяли эти деньги, – и тогда уже мы засадим вас в тюрьму на пять, а то и на десять лет. Ясно?

Когда Хал изъявил желание стать контролером, он допускал возможность, что его выгонят из Северной Долины и, к тому времени узнав все, что ему надо, он уедет отсюда. Но сейчас, под угрожающим взглядом Джеффа Коттона, он вдруг почувствовал, что не хочет уезжать. Нет, он останется в Северной Долине, пока полностью не разоблачит этого «гигантского разбойника» – «Всеобщую Топливную компанию»!

– Это серьезная угроза, мистер Коттон, – заметил он. – И часто вы прибегаете к таким мерам?

– Когда нужно, тогда и прибегаем!

– Это несколько неожиданная перспектива. Расскажите мне, пожалуйста, поподробнее, какое же обвинение мне предъявят?

– Точно не могу сказать – мы передадим дело нашим юристам. Может быть, они подведут вас под статью о конспирации, а может быть, о шантаже. Во всяком случае, подберут такое, за что полагается достаточно долгая отсидка.

– Но пока я еще на свободе, не будете ли вы любезны показать мне письмо, которое выдается за мое?

– Ах, вы уже успели узнать о письме! – удивленно поднял брови начальник охраны. Он взял со стола листок бумаги и подал его Халу. Тот прочел:

«Дарагой мистер Стоун, успокойтесь на счет кантралера. Дайте мне двадцать пять долларов, и все будет шито-крыто.

Предан, вам Джо Смит».

Ознакомившись с текстом. Хал рассмотрел бумагу и убедился, что враги взяли на себя труд не только сфабриковать подложное письмо, но также сфотографировали его, сделали клише и размножили. Несомненно, они широко распространили этот документ по поселку. И все это за несколько часов! Правильно говорил Олсен: здесь создана целая система, чтобы дурманить сознание людей.

19

С минуту Хал размышлял.

– Мистер Коттон, – сказал он, наконец, – я не делаю таких грубых ошибок, и почерк у меня все-таки получше.

Тонкие губы начальника охраны скривились в усмешке.

– Знаю, – сказал он, – я не поленился сравнить.

– У вас очень расторопные шпики!

– И не менее расторопные юристы, вы в этом скоро убедитесь, молодой человек!

– Без ловких юристов вам ничего не сделать, – сказал Хал. – Я, например, никак не пойму, как вы обойдете закон, по которому я являюсь контролером при весах, избранным на этот пост группой рабочих...

– Ах, вот на что вы рассчитываете! – усмехнулся Коттон. – Ну, об этом можете позабыть: никакой группы рабочих уже не существует.

– Ого! Уже успели избавиться от них?

– От зачинщиков, во всяком случае!

– Например?

– Ну, от старого козла Сикориа.

– Выслали его?

– Да.

– Я видел, как это началось. Куда же вы его отправили?

– А это пусть уж *ваша* разведка выясняет! – усмехнулся начальник охраны.

– От кого же вы еще избавились?

– Джон Эдстром уехал хоронить жену. Уже не первый раз эта старая тряпка причиняет нам неприятности своими проповедями. Но теперь будет конец. Ищите его теперь в Педро, где-нибудь в богадельне.

– Нет, не думаю, – быстро ответил Хал, и в голосе его послышалось торжество. – Ему не придется сразу проситься в богадельню. Ведь я только что послал ему двадцать пять долларов.

Начальник охраны нахмурился:

– Серьезно? – И после минутной паузы проговорил: – Значит, все-таки эти деньги были при вас! А я-то подумал, что их прикарманил этот вшивый грек.

– Нет. Подлец оказался честным. Но я тоже честен. Я знал, что Эдstromу много лет недоплачивают, значит уж кто-кто, а он имеет полное право на эти деньги!

Хал, конечно, присочинил это. Деньги по-прежнему были спрятаны в

лачуге Эдстрома. Но он решил при случае передать их старику, а пока что навести Коттона на ложный след.

– Ловко придумали, молодой человек, – сказал начальник охраны. – Но вы скоро раскаетесь! Это только укрепляет мое решение засадить вас в такое местечко, откуда вы не сможете вредить нам.

– То есть в тюрьму? Вы понимаете, конечно, что для этого потребуется суд присяжных. Достанете вы таких присяжных, готовых плясать под вашу дудку?

– Я слышал, что вы интересовались политической обстановкой в графстве Педро. Что же вы не удостоили своим вниманием суд?

– Как видите, не успел.

Начальник охраны выпустил несколько колец табачного дыма.

– Видите ли, в нашем списке присяжных около трехсот человек, и мы всех их знаем наперечет. Вы предстанете перед судом с таким составом присяжных: старшина – Джек Предович, заседатели – трое наших конторщиков, два трактирщика Альфа Реймонда, да еще пятеро мексиканцев, которые не поймут ни слова, но за глоток виски согласятся всадить вам нож в спину. Прокурор в этом округе – политикан, он любит рабочих на словах, а нас – на деле. Судья Дентон из окружного суда – компаньон Ваглемена по юридической конторе, а Ваглемен – наш юрисконсульт. Понятно, что к чему?

– Да, – сказал Хал, – я уже слышал про «Империю Реймонда». Интересно познакомиться со всем этим в действии. Вы были весьма откровенны.

– Как же, – отозвался начальник охраны, – я хочу, чтобы вы ясно себе представляли ту силу, против которой вы восстали. Не мы начали эту борьбу, однако мы согласны прекратить ее без шума. Только просим вас исправить то зло, которое вы нам причинили.

– «Исправить зло» – это значит, я должен опозорить себя: сказать рабочим, что я предатель.

– Совершенно верно, – ответил начальник охраны.

– Чтобы обмозговать такое дело, мне надо, пожалуй, присесть, – сказал Хал и, усевшись на стул в самой непринужденной позе, вытянул ноги. – Там у вас наверху страшно жесткая скамейка, – пояснил он, насмешливо глядя на Джеффа Коттона.

20

Когда разговор возобновился, он принял новый и совершенно неожиданный оборот.

– Коттон, – заметил арестант, – я вижу, вы человек с образованием. В былые времена вы были, вероятно, одним из тех, кого принято называть джентльменом.

Кровь ударила в лицо-начальнику охраны.

– Подите к дьяволу! – сказал он.

– Я не собираюсь задавать вам никаких вопросов, – продолжал Хал. – Я вполне понимаю, что вам неприятно отвечать на них. Я лишь хочу отметить следующее: как бывший джентльмен, вы можете оценить некоторые стороны этого дела, недоступные пониманию такого сатрапа, как Стоун, или такого

специалиста по рационализации труда, как Картрайт. Джентльмен всегда узнает джентльмена даже в шахтерской одежде, не так ли?

Хал сделал паузу, ожидая ответа. Начальник охраны тревожно посмотрел на него.

– Полагаю, что так.

– Отлично. Первым делом разрешите вам заметить, что джентльмен никогда не закурит, не предложив своему собеседнику сигару.

Коттон снова взглянул на него. «Сейчас опять пошлет к черту», – подумал Хал, но вместо этого начальник охраны вынул из жилетного кармана сигару и протянул ее арестанту.

– Спасибо. Я не курю, – сказал Хал с достоинством. – Но я люблю, когда меня угощают.

Оба снова помолчали, присматриваясь друг к другу.

– Коттон, – заговорил арестант, – вы обрисовали сцену суда. Разрешите мне продолжить этот рассказ за вас. Итак, вы состряпали процесс, и ваши дрессированные присяжные уже сидят на своих местах, дрессированный судья – в своем кресле, и дрессированный прокурор шпарит свою речь. Вы уже готовы отправить свою жертву в тюрьму в назидание остальным вашим рабочим. Но предположите, что в самый разгар суда вы внезапно узнаете, что ваш подсудимый – такая персона, которую нельзя посадить в тюрьму.

– То есть как нельзя? – переспросил начальник охраны. В его тоне послышалась растерянность. – Объясните...

– Вам? Человеку такого ума? Разве вы не знаете, Коттон, что есть «неприкосновенные» лица?

Начальник охраны курил свою сигару.

– Да, в пределах этого графства есть такие. Но я думал, что знаю их всех наперечет.

– А не приходило ли вам в голову, что сколько-то таких людей есть и в пределах этого штата?

Наступило длительное молчание. Собеседники смотрели друг другу в глаза. И чем дольше Хал смотрел, тем явственнее читалось замешательство на лице начальника охраны.

– Подумайте, как будет неловко, – опять заговорил Хал. – Ваша драма уже разыгрывается на подмостках, как, например, позавчера, только на большей сцене и перед более важной публикой. И вот, наконец, *denouement*¹², и вы обнаруживаете, что вы не только не оправдались в глазах рабочих Северной Долины, но вынесли сами себе приговор перед лицом целого штата, доказали всему обществу, что вы нарушители закона; мало сказать – нарушители, ослы!

На этот раз начальник охраны так долго смотрел на Хала, что даже забыл про сигару, и она потухла. Хал в это время сидел в самой непринужденной позе и таинственно улыбался. Коттону вдруг показалось, что на глазах у него происходит превращение: шахтерский комбинезон исчез и вместо рабочей

¹² Развязка (франц.)

одежды на Хале очутилась фрачная пара.

– Что за чертовщина! Кто вы такой? – воскликнул Коттон.

– Вот, пожалуйста, – рассмеялся Хал, – вы хвастаетесь работой своих шпииков. Так поручите им это дело. Молодой человек двадцати одного года; рост – пять футов десять дюймов; вес – сто пятьдесят два фунта; глаза карие, волосы каштановые, волнистые; характер приветливый, любимец дам – по крайней мере так всегда пишут о нем в разделе светской хроники. Исчез в начале июня. Считается, что он охотится в Мексике на горных козлов. Как вам известно, Коттон, в нашем штате – высшее общество имеется только в одном городе; причем в счет идут всего двадцать пять – тридцать семейств. Для таких шпииков, как ваши, легче легкого все узнать!

Помолчали, пока Хал не заговорил снова:

– Ваш испуг свидетельствует о вашей сообразительности. Угольной компании повезло: хоть один из начальников охраны оказался бывшим джентльменом.

Бывший джентльмен снова вспыхнул.

– Ни черта не понимаю! – пробормотал он словно про себя. Затем, стараясь сохранить хладнокровие, сказал: – Вы морочите меня!

– Морочить друг друга, как вы изволили сказать, Коттон, – любимое занятие светской публики. В нашем кругу общение между людьми, особенно между молодежью, на добрую половину состоит именно в этом.

Начальник охраны внезапно поднялся со своего места.

– Я бы вас попросил удалиться наверх на несколько минут, если вы не возражаете.

Хал не мог удержаться от смеха.

– Возражаю, конечно, и очень серьезно. Тридцать шесть часов меня держали на хлебе и воде взаперти. Я хочу пройтись и подышать свежим воздухом.

– И все-таки мне придется отправить вас наверх, – извиняющимся тоном сказал Джефф Коттон.

– Другое дело, если вы прикажете, – тогда я пойду; но вы за это отвечаете. Вы меня заперли без прокурорской санкции, не предъявив никакого обвинения, не дав возможности посоветоваться с юристом. Если не ошибаюсь, вы за это подлежите уголовной ответственности, а Компания – ответственности по гражданскому кодексу. Вам, конечно, виднее, но я лишь хотел внести полную ясность в это дело. Вы меня спросили, не возражаю ли я против того, чтобы вернуться наверх, и я отвечаю: да, и очень серьезно!

Начальник охраны постоял несколько секунд, нервно покусывая кончик потухшей сигары. Потом подошел к двери и позвал:

– Эй, Гас! – Появился уже знакомый Халу сторож, и Коттон что-то шепнул ему, после чего тот ушел. – Я сказал ему, чтобы он принес вам поесть. Можете располагаться здесь. Вас это устраивает?

– Как сказать... – ответил Хал, понимая, что перевес на его стороне. – Вы приглашаете меня как арестанта или как гостя?

– Бросьте вы это! – сказал начальник охраны.

– Но я должен знать свое правовое положение. Это будет иметь значение для моих адвокатов.

– Считайте себя моим гостем!

– Но когда гость поел, он может уйти, если пожелает!

– Насчет этого я вам скажу, когда вы кончите есть.

– Ну, так спешите все обдумать, – я ем очень быстро!

– А вы обещаете, что не уйдете до тех пор?

– Если уйду, – со смехом ответил Хал, – то только на свое рабочее место. Вы сможете найти меня у весов, Коттон!

21

Начальник охраны вышел, а через несколько минут явился сторож, неся еду, представлявшую разительный контраст с тем, что приносил раньше. На подносе были два яйца всмятку, масло, ветчина, картофельный салат, булочки и чашка кофе.

– Очень хорошо! – снисходительно заметил Хал. – Это даже лучше, чем бифштекс с картофельным пюре!

Не предлагая помочь, Хал наблюдал, как сторож освобождает перед ним место на столе для подноса. Затем он удалился, и Хал приступил к трапезе.

Хал уже доедал, когда начальник охраны вернулся и с озабоченным видом уселся на вращающийся стул. Дожевывая последние куски, Хал поглядывал на него и улыбался.

– Коттон, – сказал он, – вы знаете, что по манерам за столом судят о воспитании. Вы заметили, что я не сунул салфетку за ворот, как какой-нибудь Алек Стоун?

– Все понятно! – ответил Джефф Коттон.

Хал положил вилку и нож рядышком на тарелку.

– Ваш человек забыл принести чашку с водой, чтоб ополоснуть пальцы. Ладно, не беспокойтесь! Можете позвонить ему, пусть забирает поднос.

Начальник охраны воспользовался собственным голосом вместо звонка; на зов явился сторож.

– К несчастью, – сказал Хал, – когда ваши люди позавчера обыскивали меня, они выронили мой кошелек, и у меня нет мелочи дать на чай официанту.

«Официант» подарил Хала таким взглядом, словно собирался укусить его, но начальник ухмыльнулся.

– Ступай отсюда, Гас, и закрой за собой дверь! – приказал он.

Хал снова вытянул ноги и устроился поудобнее.

– Признаюсь, мне гораздо приятнее быть вашим гостем, чем арестантом.

Снова наступило молчание. Потом заговорил Коттон:

– Я беседовал с мистером Картрайтом. У меня нет возможности определить, что в ваших рассказах вранье, а что правда, но одно мне ясно: вы не шахтер. Может, вы из какой-то новой породы агитаторов, но провалились я на этом месте, если мне когда-нибудь приходилось встречать хоть одного агитатора с манерами светского молодого человека. Готов поверить, что вы из богатого дома, но если так, зачем было затевать всю эту кутерьму? Никак не

пойму!

– Скажите, Коттон, – спросил Хал, – вы когда-нибудь слышали такое выражение: ennuï¹³?

– Да, но вы, пожалуй, слишком молоды для этой болезни.

– Предположим, что я наблюдал других в этом состоянии и решил испробовать иной образ жизни...

– Но если вы тот человек, за кого вы себя выдаете, почему вы не в университете?

– В университет я вернусь осенью, я на последнем курсе.

– Где вы учитесь?

– Все еще не верите? – улыбнулся Хал.

И с той бесшабашностью, какую можно наблюдать лунными ночами среди богатой молодежи в университетских городках, он вдруг запел:

Старый Уголь-король
понимал в шутках соль,
знал, что колледж построить пора!
Нас с тобой здесь, мой друг,
учат сотням наук.
Нам с тобой и ему – гип-ура!

– Это песня какого университета? – спросил Коттон.

А Хал продолжал петь:

С Энни-Лиззи вдвоем
погулять мы идем
под луной по речным берегам.
Под орехом густым
мы поем и свистим
эту песнь о тебе, Харриган!

– Ну теперь я знаю! – обрадованно сказал начальник охраны, когда концерт окончился. – А много еще там таких, как вы, в университете Харригана?

– Небольшая группа, но, чтобы поднять шум, нас хватит.

– И вам нравится вот этак проводить каникулы?

– Это не каникулы. Это – летняя практика по курсу практической социологии.

– Ах, так! – невольно улыбнулся начальник охраны.

– Весь прошлый год мы разрешали профессорам политической экономии пичкать нас теориями. Но мне все-таки казалось, что некоторые теории противоречат фактам. И я подумал: «Дай-ка я сам проверю!» Вы, вероятно,

¹³ Скука, тоска (франц.)

знаете, все эти крылатые словечки; индивидуализм, laissez faire¹⁴, свобода заключать договора, право каждого человека работать на кого он хочет. А здесь вы ясно видите, к чему сводятся эти теории: начальник охраны с жестокой ухмылкой на лице и с пистолетом у пояса, готов нарушить любой закон, не успеет только губернатор его подписать.

Внезапно начальник охраны почувствовал, что ему надоела светская болтовня. Он вскочил со своего места, решив положить этому конец.

– Извините, молодой человек, давайте перейдем с вами к делу!

22

Коттон прошелся по комнате, потом шагнул к Халу и остановился. В том, как он стоял, засунув руки в карманы, было некоторое изящество, даже изысканность, совершенно неуместные при его профессии. «Красивый дьявол! – подумал Хал. – Хоть у него и рот злющий и физиономия истасканная!»

– Молодой человек, – начал Коттон, опять принимая благодушный вид, – я не знаю, кто вы, но вам пальца в рот не клади! Смелости у вас хоть отбавляй, и вы мне нравитесь. Поэтому и согласен прекратить дело и дать вам возможность закончить университет.

Хал старался разгадать, что прячется за мнимым благодушием противника.

– Коттон, – сказал он, – вы мне поточнее объясните ваше предложение. Значит, мне не придется говорить, что я взял эти деньги?

– Нет. Мы вас избавим от этого.

– И вы не упечете меня в тюрьму?

– Нет. Я и не собирался. Я просто хотел вас припугнуть. Единственное, о чем я вас прошу, – уезжайте отсюда, чтобы здешний народ поскорее все забыл.

– Но на что мне это нужно. Коттон? Если б я хотел удрать, я мог бы это сделать в любое время за последние два – два с половиной месяца.

– Да, разумеется, но положение изменилось. Если б не мое доброе отношение к вам...

– Бросьте эти сказки про доброе отношение! – воскликнул Хал. – Вам надо избавиться от меня, и вы не хотите скандала. Но ничего не выйдет – пусть вам это и не снится!

Пораженный начальник охраны уставился на Хала:

– Вы хотите сказать, что собираетесь здесь остаться?

– Вот именно!

– Молодой человек, хватит! Некогда мне тут с вами разводить антимонии. Мне безразлично, кто вы, и наплевать на ваши угрозы. Я начальник охраны Северной Долины, и мой долг – поддерживать здесь порядок. И я еще раз говорю вам: убирайтесь отсюда!

– Но поймите, Коттон, – сказал Хал, – Северная Долина зарегистрирована как город. У меня такое же право ходить по здешним улицам, как и у вас!

¹⁴ Невмешательство (франц.)

– Я не собираюсь тратить время на пустые споры. Я посажу вас в машину и отвезу в Педро.

– А что, если я пойду к районному прокурору и потребую, чтобы он возбудил против вас уголовное дело?

– Да он засмеется вам в лицо!

– А если я пойду к губернатору?

– Ну, этот просто расхохочется!

– Ладно, Коттон, возможно, вы знаете, что делаете. Но мне интересно, очень интересно – действительно ли вы так уверенно себя чувствуете? Вам никогда не приходило в голову, что кому-нибудь из высшего начальства может не понравиться ваша крутая и своевольная политика?

– Высшее начальство? Кого вы имеете в виду?

– Прокурора и губернатора вы презираете. Но в этом штате есть один человек, к которому у вас несомненно должно быть уважение. Это Питер Харриган.

– Питер Харриган? – переспросил Коттон и прыснул со смеху. – Да вы просто шутник!

Хал пристально и невозмутимо смотрел на него:

– Все-таки не ошибаетесь ли вы? Неужели он одобрит все, что вы делаете?

– Еще как! Будьте уверены!

– И ваше обращение с рабочими тоже? И ваши махинации в весовой?

– Черт возьми, откуда же, вы думаете, у него берутся деньги содержать университет? – Пауза. Потом Коттон осведомился вызывающим тоном: – Узнали, наконец, что хотели?

– Да, – ответил Хал. – Конечно, я это и раньше подозревал, но других убедить было трудно. Ведь старый Харриган не похож на всех прочих волков с нашего Запада! Такой благочестивый святоша!

Начальник охраны мрачно усмехнулся:

– Пока существуют овцы, будут и волки в овечьей шкуре.

– Ваша точка зрения ясна, – сказал Хал. – А вы помогаете им пожирать ягнят?

– Если находятся такие дурни-ягнята, что их можно обмануть этой старой, плешивой шкурой, то они лучшего не заслуживают, пускай их жрут!

Хал изучал циничную физиономию собеседника.

– Коттон, – сказал он, наконец, – пастухи еще спят, но сторожевые псы уже подняли вой. Разве вы не слышите?

– Пока что-то нет!

– Лают, лают! И скоро разбудят пастухов! И спасут овец!

– Меня не интересует религия, – сказал Коттон со скучающим видом, – ни ваша, ни старого Харригана!

Тут Хал вскочил на ноги.

– А мое место, Коттон, со стадом. Я иду в весовую и буду там работать! – И с этими словами он направился к выходу.

Джефф Коттон рванулся за ним:

– Стойте!

Но Хал не остановился.

– Слушайте, молодой человек, – крикнул начальник охраны, – вы этим не шутите! – И он подскочил к двери, опередив пленника. Рука его потянулась к револьверу.

– Вытаскивайте оружие, Коттон! – сказал Хал, и начальник охраны послушался его приказа. – Теперь вот видите, я стою. Если в будущем я буду повиноваться вам, то только под наставленным дулом.

Выражение лица начальника охраны не предвещало ничего хорошего.

– Вы скоро убедитесь, что в этих местах от угрозы до выстрела один шаг.

– Я объяснил вам свою позицию, – ответил Хал. – Ваши распоряжения?

– Вернуться и сесть сюда на стул.

Хал подчинился приказу, а Коттон подошел к столу, снял телефонную трубку и вызвал седьмой номер.

– Это вы, Том? – спросил он в следующее мгновение. – Подайте сюда машину, быстро!

Он повесил трубку, и снова наступило молчание.

– Я еду в Педро? – спросил, наконец, Хал.

Ответа не последовало.

– Понимаю, – сказал Хал, – чаша вашего терпения переполнилась. Но вам, видимо, не приходит в голову, что вы у меня отняли все деньги вчера ночью. Кроме того, мне причитается плата за мою работу. Как насчет этих денег?

Начальник охраны снял трубку и вызвал другой номер:

– Алло, Симпсон? Говорит Коттон. Подсчитайте часы Джо Смита, подручного из шахты номер два, и пришлите сюда что ему следует. Проверьте также его счет в лавке. Поторопитесь – мы ждем. Он спешит уехать отсюда. – И он повесил трубку.

– Скажите, пожалуйста, – спросил Хал, – когда уезжал Майк Сикория, вы так же любезно позаботились о расчете с ним?

Джефф Коттон не ответил:

– Разрешите внести предложение: когда вы узнаете, сколько мне причитается, оплатите мне часть этой суммы талонами. Пусть останутся у меня на память!

Коттон по-прежнему молчал.

– Вы ведь знаете, – продолжал издеваться Хал, – что существует закон, запрещающий выплачивать заработную плату талонами?

Начальник охраны вскипел:

– Мы не платим талонами!

– Как не платите? Платите! Вам это отлично известно!

– Мы даем талоны только в виде аванса, по просьбе рабочих.

– Закон предписывает вам выдавать заработную плату два раза в месяц, а вы этого не делаете. Вы платите раз в месяц, а если кто не может ждать полочки, вы тому всучиваете эти бумажки.

– Ну и что ж! Вам-то какое дело, если люди довольны?

– А если кто недоволен, вы сажаете его на поезд и высылаете отсюда?

Начальник охраны сидел молча, нетерпеливо барабаня пальцами по столу.

– Коттон, – снова заговорил Хал, – я приехал сюда учиться, и мне бы очень хотелось, чтобы вы мне объяснили одну вещь – из области человеческой психологии. Когда человеку приходится поддерживать такие порядки, что он думает в душе обо всем этом?

– Простите, молодой человек, но вы становитесь невыносимым.

– Ничего не поделаешь, ведь у нас еще впереди поездка в автомобиле. Разве можно сидеть всю дорогу молча? – И Хал прибавил уже просительно: – Поверьте, я действительно хочу разобраться в этом! Кто знает, может вы переманите меня на свою сторону!

– Нет! – поспешно сказал Коттон. – Я этим заниматься не собираюсь.

– А почему?

– Потому что я не могу соперничать с вами в болтливости. Я уже раньше встречал вашу породу – агитаторов. Все вы на одно лицо: думаете, что мир управляется болтовней. Но это не так.

Хал уже давно понял, что словесная дуэль с начальником охраны ни к чему не приведет. Он всячески добивался своей цели: спорил, угрожал, немножко шантажировал и даже спел Коттону песенку! И все-таки тот собирается вышвырнуть его отсюда – никакие уговоры не помогут.

Хал поддерживал спор, чтобы скоротать время в ожидании машины, а также потому, что после пережитых унижений ему надо было дать выход своей злости. Но тут он внезапно прекратил спор. В мозгу завертелась фраза, брошенная Коттоном: «Вы думаете, что мир управляется болтовней». Эту фразу постоянно повторял брат Хала. Кроме того, начальник охраны сказал: «Ваша порода агитаторов». Уже несколько лет брат, чтобы уколоть его, твердил: «В конце концов ты превратишься в одного из этих агитаторов», а Хал с мальчишеским упрямством отвечал: «Ну и пусть!» А сейчас, здесь, какой-то охранник, совершенно чужой человек, отнюдь не в форме родственного замечания, а совершенно всерьез, даже не подумав извиниться, назвал его агитатором! Он почти повторил слова брата: «Вот этим вы, агитаторы, меня и бесите – приезжаете мутить народ».

Вот кем оказался Хал для «Всеобщей Топливной компании»! Он пришел сюда, собираясь быть только зрителем, глядеть с палубы парохода на бушующий океан социальных бедствий. И ведь так тщательно, с такой осторожностью обдумывал каждый свой шаг! И хотел-то всего-навсего стать контролером у весов – ничего больше! Он предупреждал Тома Олсена, что не собирается бороться за профсоюз. Он никогда не доверял профсоюзным агитаторам, да и любым агитаторам вообще – ведь это безответственные слепцы, возбуждающие, где бы ни появлялись, опаснейшие страсти! Правда, Хал научился ценить Тома Олсена, но это лишь частично рассеяло его предубеждение: ведь Олсен только один такой, и кто знает, каковы остальные?

Однако здесь не помогло его сочувствие предпринимателям, как не помогли заверения в том, что он принадлежит к высшему классу общества.

Несмотря на его светские манеры, начальник охраны сказал: «Ваша порода агитаторов!» Из чего Коттон это заключил? Неужели он, Хал Уорнер, приобрел сходство с этими безответственными слепцами? Пора ему, значит, критически посмотреть на себя!

Неужели два месяца черной работы в недрах земли так сильно изменили его? Подобное предположение не могло не огорчить человека, который всегда считался любимцем дам. Он, человек, «поцеловавший камень в Бларни»¹⁵, обвиняется в том, что его речь стала теперь похожей на речь агитатора! Начальник охраны назвал его болтуном. Конечно, он много говорит; но чего можно ожидать от человека, которого день и две ночи продержали в одиночке, предоставив возможность сколько угодно размышлять о своих обидах. Не это ли способ, формирующий настоящих агитаторов, – запереть человека в тюрьму, где он неспособен думать ни о чем, кроме своих обид?

Хал вспомнил свои тюремные мысли. В злобном ожесточении он был тогда не прочь, чтобы профсоюзы управляли Северной Долиной! Но ведь это влияние минуты; вроде того, что толкало его отвечать брату: «Ну и пусть!» Все это – плод тюремной психологии, часть летней практики по курсу социологии! Теперь он отказался от таких мыслей. Но, очевидно, все это отложило на нем более глубокий отпечаток, чем он думает, и даже изменило его внешний вид! Сделало его похожим на агитатора! Сделало его «слепым» и «безответственным»!

Да, конечно! Ведь невежество, грязь и болезни, мошенничество, гнет и уничтожение людей – физическое и психическое – все это отсутствует на угольных шахтах Америки, это лишь «галлюцинация безответственных людей»! Брат Хала и начальник охраны утверждают, что ничего этого нет! Весь мир утверждает, что ничего этого нет! Так неужели и брат, и начальник охраны, и все люди на свете – слепцы? Если начать рассказывать им про здешние условия жизни, они пожмут плечами и назовут тебя «мечтателем», «безумцем»; заявят, что у тебя «не все дома»; а то еще рассердятся, выругают тебя и скажут: «Ваша порода агитаторов»!

24

Начальник охраны Северной Долины был возбужден до такой степени, что не мог усидеть на месте. Сразу вспомнились все тревоги его беспокойной карьеры. Он начал расхаживать по комнате и изливать свою душу, не заботясь даже о том, слушает ли его Хал.

– Кругом все кишит этими паршивыми эмигрантами! Какой с ними может быть культурный разговор? Вечно норовят улизнуть от работы – навалят пустую породу в вагонетку, а потом жалуются, что другой кто-то виноват! Нахлестаться в кабаке до бесчувствия – вот что для них самое главное! Они и работают нечестно и борются нечестно: из-за угла, ножом в спину. А вы,

¹⁵ По ирландскому преданию, человек, поцеловавший камень в замке Бларни, становится утонченным льстецом.

агитаторы, – вы их так жалеете! Объясните, какого дьявола приезжать к нам в страну, если им здесь не нравится?

Эта постановка вопроса была уже знакома Халу. Но сейчас волей-неволей надо торчать тут в ожидании машины, – и раз уж он стал агитатором, он будет баламутить сколько возможно.

– Причина достаточно ясная, – сказал он. – Разве не правда, что «Всеобщая Топливная компания» содержит за границей вербовщиков, которые рассказывают людям чудеса про заработки, ожидающие их в Америке?

– А разве это не так? Ведь получают же они втрое больше, чем там у себя!

– Да, но что пользы? Есть другое обстоятельство, о котором «ВТК» умалчивает: стоимость жизни здесь пропорционально гораздо выше, чем заработная плата! Потом еще людям внушают мысль, что Америка – страна свободы. Они приезжают сюда в надежде на лучшую жизнь для себя и для своих детей. Но здесь их встречает начальник охраны, который так плохо знает географию, что ему кажется, будто Скалистые Горы не в Америке, а в царской России!

– Эти все разговорчики мне знакомы! – воскликнул начальник охраны. – Меня тоже учили махать американским флагом, когда я был ребенком. Но поймите: уголь нужно вырубать из земли, а это труднее, чем пустить фейерверк в День независимости. Какие-то священники придумали закон, что по воскресеньям нельзя работать. Спрашивается: какой результат? Все так напиваются за эти тридцать шесть свободных часов, что в понедельник не могут работать.

– Но, Коттон, это же легко изменить! Пусть Компания откажется сдавать помещения под кабаки!

– Полноте! Будто мы этого не пробовали? Тогда они уходят в Педро за водкой и приносят сюда, сколько могут дотащить – и в брюхе и в бутылках. Если мы и это запретим, то наши рабочие уйдут на другие шахты, где им не мешают тратить деньги, как их душе угодно. Нет, молодой человек, с таким скотом приходится быть погонщиком! И для этого нужна сильная, властная рука такого человека, как Питер Харриган. Чтобы добывать уголь, чтобы развивать промышленность, чтобы был прогресс...

– Как поется в нашей песенке! – засмеялся Хал, перебивая сентенцию Джеффа Коттона:

Старый Уголь-король
знает, в чем его роль:
индустрии колеса бегут
ради трубки его,
рада кубка его,
ради школы, построенной тут.

– Да, – проворчал начальник охраны, – вы, молодые умники, только и умеете сочинять стишки, пока вы катаетесь как сыр в масле на стариковы подачка. Но это не решает спора. Кто способен заменить его? Вы – студентики

или, может, эти политиканы-демократы, которые лезут сюда с дурацкими разговорами о свободе и придумывают законы о труде для вшивых эмигрантов?

– Теперь я начинаю понимать! – сказал Хал. – Вы ненавидите наших законодателей, не верите в искренность их побуждений и поэтому отказываетесь выполнять законы. Почему вы мне сразу не сказали, что вы анархист?

– Кто анархист? – вскричал начальник охраны. – Я?

– Именно это и называется анархизмом, разве нет?

– Господи! Это переходит всякие границы! Вы являетесь сюда возбуждать рабочих, от имени профсоюза или еще кого, не знаю... Но вам известно, что, как только эти люди получают свободу, первой их мыслью будет взорвать шахты и сжечь здесь все до основания.

– Да неужели? – Голос Хала прозвучал удивленно.

– Разве вы не читали, что они наделали во время последней большой стачки? Этот размазня, ваш старый проповедник Джон Эдстром, мог бы вам рассказать! Он был среди зачинщиков.

– Нет, – сказал Хал, – вы не правы. У Эдстрома особая философия. Но другие, конечно, жгли. В этом я не сомневаюсь. Побывав здесь, я стал хорошо их понимать. Когда они поджигают здания, они думают: авось там внутри вы и Алек Стоун!

Начальник охраны не улыбнулся.

– Они стремятся уничтожить имущество, – продолжал Хал, – потому что ничего лучшего не могут придумать, чтобы наказать собственников за их тиранство и жадность. Но подумайте, Коттон, что произошло бы, если бы кто-нибудь внушил им новую мысль, сказал им: «Не уничтожайте собственность, лучше отберите все».

Начальник охраны уставился на Хала:

– Отобрать! Так вот какие у вас моральные принципы!

– Почестнее, чем были у Харригана, когда он начинал свою карьеру!

– О чем это вы говорите? – с показным возмущением спросил начальник охраны. – Он все покупал по рыночной цене.

– По рыночной цене он покупал только политических деятелей. Я знаю одну женщину в Уэстерн-Сити, состоявшую инспектором отдела школ в те годы, когда Харриган скупал у штата школьные земли, где уже был обнаружен уголь, что, кстати, было всем известно. Она мне рассказывала, что Харриган платил по три доллара за акр, хотя все знали, что настоящая цена не три доллара, а три тысячи.

– Подумаешь! – сказал Коттон. – Не вы купите политиканов, так в одно прекрасное утро проснетесь и узнаете, что их уже купил кто-то другой. У кого есть собственность, тот должен ее охранять!

– Коттон, – сказал Хал, – вы продаете Харригану свой труд и время, но хоть немножко мозга вы вправе сохранить за собой! Достаточно посмотреть на вашу месячную заработную плату, чтобы понять, что вы тоже наемный раб, чуть лучше устроенный, чем шахтеры, которых вы презираете!

– Я мог бы получать больше, – усмехнулся Коттон, – но я все это

прикинул: у меня жизнь легче, чем у вашего брата – агитаторов. Я – хозяин положения и надеюсь остаться им навсегда.

– Знаете, Коттон, если так смотреть на жизнь, то не удивительно, почему вы время от времени напиваетесь пьяным. Собачья грызня за кость – никакой веры ни во что, никакой человечности! Не думайте, что я издеваюсь, – я говорю от чистого сердца. Я не так мал и не так глуп, чтобы не знать, какая идет грызня за кость. Но есть же в человеке что-то, отличающее его от собаки, по крайней мере надежда на лучшее! Подумайте о несчастных людях, которые трудятся в поте лица под землей, рискуя каждую минуту жизнью, чтобы снабжать нас с вами углем, чтобы нам было тепло, чтобы «индустрии колеса» крутились без остановки!

25

Больше Хал не успел произнести ни звука. В словах его как будто не было ничего особенного, но, вспоминая впоследствии, чем они были прерваны, Хал поражался роковому совпадению. Ибо, пока он болтал, сидя в кабинете, несчастные люди в недрах земли пережили одну из тех трагедий, которые одновременно являются романтикой и ужасом шахтерского дела. Кто-то из подростков, работавших в шахте вопреки закону о детском труде, не сумел справиться со своим делом. Он был тормозным, и обязанность его заключалась в том, чтобы, подкладывая палки под колеса груженных вагонеток, удерживать их на месте. Но это был щуплый мальчишка, а палку свою он сунул под колеса вагонетки на полном ходу. Сильным ударом его отбросило к стене, а вагонетка покатила вниз по уклону. Пять или шесть шахтеров с опозданием кинулись ее догонять. Развивая большую скорость, она описала на закруглении дугу и, сорвавшись с рельсов, врезалась в деревянное крепление. Стойки рухнули, поднимая вихрь угольной пыли, накопившейся здесь за многие десятилетия. При этом сорвался электропровод и, коснувшись вагонетки, дал искру.

Итак, болтая с начальником охраны, Хал не только услышал, но и почувствовал оглушительный грохот. Казалось, что воздух в комнате обернулся живым существом, и от его мощного толчка Хал упал плашмя на пол. Вдавленные внутрь стекла рассыпались по всей комнате градом мельчайших осколков, а с потолка посыпалась штукатурка.

Не совсем соображая, что происходит, Хал приподнялся и увидел Коттона тоже на полу; оба недавних собеседника с ужасом посмотрели друг на друга. И не успели они подняться, как над ними раздался мощный треск, и половина потолка обрушилась вниз, обнажив торчащий кусок балки. Все кругом грохотало от обвалов, как будто наступил конец света.

С трудом поднявшись на ноги, Хал и Коттон бросились к двери и распахнули ее как раз в тот момент, когда перед ними на тротуар рухнула еще одна балка. Они отпрянули назад.

– В погреб! – крикнул начальник охраны, устремляюсь к черному ходу.

Но как раз в это время грохот прекратился.

– Что случилось? – едва выговорил Хал.

– Взрыв в шахте, – пояснил Коттон, и через несколько секунд оба снова

подбежали к двери.

Первое, что они увидели, был огромным столб пыли и дыма, вздымавшийся к небесам. Он ширился на глазах, пока не обволок всю окрестность крошечной тьмой. Но на землю еще сыпался град всевозможных обломков. Озираясь по сторонам, Хал и Коттон силились припомнить, как все здесь выглядело перед взрывом, и, наконец, сообразили, что надшахтное здание № 1 исчезло с лица земли.

– Все снесено взрывом! Боже! – воскликнул начальник охраны.

Они выбежали на улицу и, посмотрев вверх, увидели, что от взрыва проломилась крыша у них над головой и торчат бревна.

Обломки перестали падать, но еще кружились тучи пыли, которые густым черным слоем покрыли Коттона и Хала так, что те уже не могли в темноте разобрать дорогу. А с темнотой на землю сошла тишина, которая после взрыва и грохота обвалов показалась могильной.

Еще несколько шагов, и Хал оцепенел от изумления. Он увидел поток взрослых рабочих и подростков, хлынувший из дробилки. А из каждой улицы неся встречный поток женщин – старых и молодых, бросивших кастрюли на плите и младенцев в люльках, обезумевших женщин, за юбки которых с плачем цеплялись дети. Они сбегались огромным роем к стволу шахты, похожему сейчас на дымящийся вулкан.

Появился Картрайт, управляющий. Он бежал к вентиляционному стволу. Коттон бросился за ним вдогонку, а за Коттоном – Хал. Вентиляционная установка представляла собой груды развалин. Гигантский вентилятор был отброшен на сотню футов, все его лопасти изуродованы. Хал слишком мало понимал в шахтерском деле, чтобы осознать все значение гибели вентилятора. Но он заметил, что управляющий в ужасе переглянулся с начальником охраны, и тот воскликнул:

– Все погибло!

Управляющий не сказал ни слова, но его тонкие губы были плотно сжаты, а глаза выражали страх. Потом он и Джефф Коттон устремились к дымящейся шахте, а за ними Хал. Здесь собралось сто, нет – двести женщин, которые все зараз что-то спрашивали. Они окружали начальника охраны, управляющего и других начальников, и даже Хала, и все разом истерически кричали по-польски, по-чешски и по-гречески. Когда Хал знаками показывал, что не понимает, они начинали вопить и стонать. Некоторые застыли на месте, не отрывая взгляда от шахты. Другие закрывали глаза, чтобы не видеть этого зрелища, падали на колени, рыдали и молились, поднимая руки к небу.

Постепенно Хал начинал понимать весь ужас катастрофы. Главное было не в грохоте, не в дыме, не во внезапно спустившейся тьме и даже не в этих обезумевших, рыдающих женщинах; главное было не в том, что происходило на поверхности земли, а в том, что случилось под землей, в дымящейся черной шахте. Главное – были замурованные в шахте рабочие, с которыми Хал был знаком, – вместе трудился и обменивался шутками, рабочие, чью повседневную жизнь он уже знал и понимал. Их десятки, а может быть, сотни, и они находятся где-то здесь, внизу, под ногами у Хала, – некоторые уже умерли,

другие ранены, искалечены. Как они там? Что сделают для них те, кто остался наверху? Хал тщетно пытался добраться до начальника охраны, чтобы расспросить его, но тот был окружен, осажден женщинами. Он отталкивал их, восклицая:

– Уходите! Уходите домой!

– Как это домой?! – кричали они. – Разойтись по домам, когда наши мужья замурованы в шахте? – Они еще теснее сгрудились вокруг Коттона, о чем-то громко умоляя его.

– Уходите! – повторял он. – Вы ничем не можете помочь. Никто тут не может помочь! Разойдитесь по домам! Разойдитесь!

Ему приходилось сдерживать их силой, чтобы они не столкнули друг друга в шахту.

Куда ни посмотреть – всюду были женщины, всем своим видом олицетворявшие безысходное горе: одни застыли на месте, как бы в трансе, уставившись прямо перед собой; другие сидели на земле, мерно раскачиваясь из стороны в сторону, или стояли на коленях, подняв в молитве лица, или прижимали к себе испуганных детей, цеплявшихся за их подола. Хал заметил молодую австриячку, жалкое, бледное существо в рваном сером платке, накинутом на голову, которая простирала руки, восклицая; «Mein Mann! Mein Mann!»¹⁶ Потом она закрыла лицо и с воплями: «Mein Mann! Mein Mann!» – двинулась прочь, спотыкаясь, как смертельно раненное животное. Хал проводил несчастную глазами: ее непрерывно повторявшийся вопль стал лейтмотивом этой симфонии ужаса.

Не раз прежде, раскрывая утреннюю газету, Хал читал про катастрофы в шахтах, но теперь катастрофа разразилась над людьми, которых он лично знал. Самым невыносимым оказалась полная беспомощность его самого и всех остальных. С каждой минутой Хал яснее понимал всю глубину этой беспомощности: он судил о ней по восклицаниям Коттона и рабочих, которых он расспрашивал. Это было чудовищно, невероятно, но это было так! Придется послать за новым вентилятором и ждать, пока его привезут, потом установить его и пустить в ход; и уже после этого надо будет ждать в течение многих часов, чтобы главные штреки очистились от дыма и газа, – а до тех пор никто ничего не может сделать, абсолютно ничего! Люди так и останутся в шахте. Те, кто избежал смерти во время взрыва, заберутся в дальние проходы и забаррикадируются от ядовитой окиси углерода, образовавшейся после взрыва. Там им придется просидеть голодными, без воды и без воздуха, в ожидании, в долгом, томительном ожидании, пока спасательные отряды не доберутся до них наконец.

26

Среди этого смятения Хал все старался припомнить, кого он знает из шахты № 1. Сам он работал в шахте № 2 и, естественно, больше сталкивался с

¹⁶ Мой муж! Мой муж! (нем.)

людьми оттуда. Но и здесь у него были знакомые: например, старик Рэффerti, Берк – отец Мэри, поляк Замировский – один из инициаторов движения за контролера. Внезапно в памяти всплыло лицо этого терпеливого человечка, так добродушно улыбавшегося, когда американцы пытались выговорить его фамилию. Потом мысли переключились на Рэффerti – отца многочисленного семейства. Какие жалкие усилия делал он, чтобы сохранить милость своих хозяев! А бедный Патрик Берк, которого Хал ни разу не видел трезвым; сейчас-то он без сомнения трезв, если еще в живых!

В толпе Хал столкнулся с Джерри Минетти и узнал, что в шахте находится еще один его знакомый – Фаренчена, итальянец, обманутый своей «фанчиуллой», а также – Иуда Апостоликос. Тридцать сребреников, наверное, при нем, но в этот смертный час зачем они ему?

Люди вокруг, как и Хал, расспрашивая друг друга, составляли списки пострадавших. Не все версии, однако, оказывались точными – иные опровергались при весьма волнующих обстоятельствах: вот женщина вся в слезах вытирает лицо фартуком; но вдруг, подняв глаза, она пронзительно вскрикивает и бросается на шею какому-то рабочему. Халу и то показалось, что ему мерещится, когда внезапно он заметил окруженного толпой Патрика Берка. Он поспешил к старику, чтобы послушать его рассказ: какой-то итальянец утащил у него крепежный материал, и Патрику пришлось подняться наверх, чтобы возобновить свой запас. Он спасся только благодаря этому, а вор остался под землей, – может быть, скажете, что это не рука провидения, карающая негодяев?

Хал осведомился, забегал ли Берк домой успокоить семью.

– Забегать-то забегал, да никого там не было, – ответил старик.

Тогда Хал, с трудом пробивая себе дорогу в толпе, бросился искать Мэри, или хоть ее сестренку Дженни, или братишку Томми. Он упорно продолжал поиски, хотя несколько сомневался, что семья такого безнадежного пьяницы будет рада этому заступничеству судьбы.

На одной из улиц ему встретился Олсен, который тоже спасся чудом, так как работал на поверхности, около главного ствола шахты. Все происшедшее было не внове для профсоюзного организатора, который с восьмилетнего возраста работал на шахтах и повидал на своем веку немало таких трагедий. Он самым деловым тоном принялся разъяснять Халу все положение. По закону каждая шахта должна иметь несколько стволов, а также запасной выход с пожарными лестницами; но станут ли хозяева тратить: это ведь дорогая штука!

– Непосредственная причина этого взрыва неизвестна, – говорил Олсен, – но можно заранее сказать по облакам угольной пыли, что это «пылевой взрыв». Всякий, кто побывал в шахте и дышал ее сухим воздухом, заранее знает, что обнаружит комиссия, когда опустится под землю для определения «причины и следствий». Ведь требуется регулярное опыление, а у хозяев на этот счет свои правила!

Хал рассеянно слушал Олсена. Он был слишком потрясен этим страшным событием. Не все ли равно, чья здесь вина? Разразилась катастрофа, и сейчас

одна задача: помочь этим несчастным. Халу казалось, что он слышит крики задыхающихся в темных подземельях мужчин и подростков, и эти звуки заглушали в его мозгу слова Олсена; он слышал вопли женщин, доносившиеся то как морской прибой, бьющийся о дальний берег, то как слабый, но упорный аккомпанемент приглушенных струн: «O mein Mann! O mein Mann!»

Вот опять они подошли к Джеффу Коттону. С полдюжиной помощников тот старается осадить толпу, рвущуюся к стволу шахты, и натягивает колючую проволоку, чтобы не подпускать никого на близкое расстояние. «Да, не особенно он вежлив, – подумал Хал, – но женщины, когда они в истерике, хоть кого доведут!» На все вопросы обезумевших от ужаса женщин Коттон отвечал:

– Да, да! Будет новый вентилятор... Мы делаем все, что в наших силах, поверьте! Мы их спасем! Ступайте по домам и ждите!

Но, конечно, никто не уходил. Как может жена сидеть дома, заниматься стиркой или стиркой, если ее муж в это время гибнет от удушья под землей? Лучше уж она побудет здесь, у ствола шахты, – так все-таки поближе к нему! Иные женщины стояли, не сходя с места, уже несколько часов; другие бродили по улицам, спрашивая и переспрашивая одних и тех же людей, не видали ли они их близких. Ведь кое-кто уцелел: Патрик Берк, например. Может, нашелся еще кто-нибудь...

27

Позднее в этот вечер Хал столкнулся на улице с Мэри Берк. Она уже давно нашла своего отца и проводила его в трактир О'Каллахена, где он собирался отпраздновать милость providения. Теперь Мари одолевали более серьезные тревоги. Шахте № 2 тоже угрожает опасность! Взрыв был такой огромной силы, что в шахте № 2, несмотря на то, что она отстоит не меньше чем на милю от места катастрофы, выбыл из строя передаточный механизм вентилятора. Словом, вентилятор остановился. Кто-то пошел к Алеку Стоуну просить разрешения вывести людей, но Стоун отказал.

– Как вы думаете, что он ответил? – воскликнула Мэри. – «Черт с ними, с людьми! Спасайте мулов!»

У Хала как-то вылетело из головы, что в Северной Долине существует еще одна шахта и там в этот момент работают сотни мужчин и подростков.

– Неужели они еще не знают про взрыв? – спросил он.

– Грохот-то они, наверно, слышали, – ответила Мэри. – Но они толком не знают, что именно произошло, – начальство ведь им ничего не скажет, куда не поднимут вверх мулов.

Хоть Хал уже на многое насмотрелся в Северной Долине, все же он не в состоянии был поверить ее словам.

– Откуда вы это знаете, Мэри?

– Мне только что рассказал молодой Роветта. Он стоял рядом и слышал собственными ушами.

Хал поглядел на Мэри.

– Пойдемте узнаем поточнее, – предложил он, и они пошли по главной улице в гору. По дороге к ним присоединилось много народу, так как известие

о новой беде уже успело облететь поселок. Мимо проехал в автомобиле Джефф Коттон.

– Что я вам говорила? – воскликнула Мэри. – Если этот тип куда-нибудь едет, значит наверняка нужно проверить какое-то грязное дело!

Они пришли к шахте № 2, где уже собралась толпа. Начинаясь бунт. Женщины и дети кричали и жестикулировали, грозя ворваться в контору и по телефону, соединенному с шахтой, предупредить рабочих об опасности. Начальник охраны был уже здесь и старался осадить толпу. Хал и Мэри подошли в тот момент, когда миссис Дэйвид, муж которой находился в этой шахте, визгливо, как дикая кошка, кричала на Коттона, размахивая кулаком перед его носом. Тот вытащил револьвер и нацелился в женщину. Хал так и рванулся вперед. Объятый слепым бешенством, он готов был схватить за горло начальника охраны.

Но Мэри вцепилась в Хала обеими руками и не дала ему тронуться с места.

– Стойте, не лезьте в драку! Хотите, чтобы вас убили?

Хал был поражен ее силой. Он был также поражен ее внезапной яростью. Каких только слов она ему не наговорила!

– Идиот сумасшедший! Ума не больше, чем у женщины! Сам лезет под дуло револьвера!

Но острый момент миновал; миссис Дэйвид отступила, и начальник охраны убрал оружие. А Мэри продолжала бранить Хала, таща его в то же время за рукав.

– Пошли! Пошли отсюда!

– Но, Мэри, мы обязаны что-то сделать!

– Говорю вам, что ничего вы не можете сделать! Или вы совсем уже не соображаете? Я не пушу вас под пули! Пошли!

И то уговорами, то силой она увлекла его прочь.

Хал пытался поразмыслить. Правда ли, что рабочим и этой шахте угрожает реальная опасность? Неужели возможно, чтобы администрация с таким хладнокровием пошла на столь серьезный риск? Да еще в такой момент, когда у нее перед глазами весь ужас сегодняшней катастрофы? Нет, он не может этому поверить! А тут еще Мэри, шедшая с ним рядом, начала успокаивать его: ничего там не случится – это Алек Стоун своими жестокими словами довел ее до безумия.

– Помните, как-то раз прекратилась подача воздуха, и вы сами помогали поднять мулов на-гора? Тогда же вам это не показалось страшным – так и теперь. Всех вовремя выведут!

Она скрывала свои подлинные чувства, желая уберечь его от опасности, и Хал послушно шел за ней, не переставая думать, что бы можно было сделать. Из головы не выходили его друзья из шахты № 2, его лучшие друзья: Джек Дэйвид, Тим Рэфферти, Вресмак, Андрокулос, Кловоский. Как там они в этом глубоком темном подземелье терпят все эти муки? Им, наверно, дурно, многие падают обморок, но зато уж мулов спасут! Хал то и дело останавливался, но Мэри тащила его дальше, приговаривая:

– Ничего вы не можете сделать! Ничего!

И он снова погружался в размышления: «Что же все-таки делать?» Несколько часов тому назад он куражился изо всех сил перед начальником охраны, и за это ему пригрозили пистолетом. А сейчас, если он попадется Коттону на глаза, его в два счета вышвырнут отсюда вон, только и всего!

28

Так они дошли до дома Мэри. Рядом жила словачка, миссис Замбони, о которой Мэри рассказывала ему смешные истории. В течение шестнадцати лет миссис Замбони каждый год рожала по ребенку, из которых одиннадцать выжили. Ее муж тоже попал в эту катастрофу; сейчас она металась с безумным видом по улицам и почти весь ее выводок следовал за ней по пятам. Время от времени она начинала выть, как раненое животное, и ребятишки вторили матери на разные голоса. Хал остановился, прислушиваясь к этим звукам, а Мэри, заткнув уши, бросилась в комнату. Хал последовал за ней и увидел, что она упала на стул и истерически зарыдала. Тут только он понял, чем была для Мэри эта ужасная катастрофа. Достаточно тяжело это было и для него, но ведь он мужчина, ему надлежит быть более стойким перед лицом бедствий. Мужчины гибнут и на работе, и на войне, другие мужчины видят это, и у них вырабатывается известный иммунитет. Но женщины, ведь они – матери! Женщины в муках рожали этих мужчин, кормили их своим молоком, растили с неиссякаемым терпением – им никогда не привыкнуть к таким страшным зрелищам! И, наконец, женская доля тяжелее мужской. Мужчина погибает – и дело с концом. А у женщины впереди жизнь с тяжким грузом воспоминаний, ей предстоит в горьком одиночестве вести отчаянную борьбу за кусок хлеба. Она обречена на то, чтоб видеть страдания своих детей, постепенно гибнущих от лишений.

Жалость Хала ко всем страдающим женщинам внезапно сосредоточилась на этой девушке, рядом с ним. Хорошая душа! Сейчас у нее мет мужа-шахтера, но когда-нибудь он будет, и она заранее переживает муки неотвратимого будущего. Он смотрел, как она сидит на стуле, сжавшись в комочек, и вытирает слезы подолом ситцевого платья. Она была неизъяснимо трогательна, как ребенок, которому причинили боль. Среди рыданий у нее вырывались отдельные фразы, словно мысли вслух:

– Несчастные женщины, несчастные... несчастные. А какое лицо было у миссис Йоноч! Она бы бросилась туда вниз, в шахту, если б ее не оттащили!

– Не мучьте себя так, Мэри! – взмолился Хал, будто веря, что слова его могут подействовать.

– Оставьте меня в покое! – прикрикнула она. – Дайте мне выплакаться!

И Хал, не привыкший к женским истерикам, стоял, не зная, что ему делать.

– Здесь столько горя, что представить себе невозможно! Куда ни глянешь, всюду женщины, и у всех глаза, вспухшие от слез, и ни одна не знает, увидит ли она опять своего мужа! Или своего сына, который, может быть, сейчас умирает, а она не в силах ему помочь!

– И вы не в силах, Мэри, – снова взмолился Хал, – убиваетесь только зря!

– Зачем вы мне это говорите? – вскричала она. – А сами вы не лезли только

что под пулю Джеффа Коттона из жалости к миссис Дэйвид? Нет, никто этого не может вынести!

Он не нашелся, что ответить, только пододвинул стул и молча сел с ней рядом. Через некоторое время она начала успокаиваться, вытерла слезы и долго сидела, тупо уставившись через открытую дверь на грязную узкую улицу.

Хал смотрел туда же, куда и она. Груды шлага, жестянки из-под томатов. А вот двое грязных малышей миссис Замбони шарят палками в мусорной куче, может быть, ищут чего поесть или чем поиграть. Высохшая трава по обочинам дороги покрыта черной угольной пылью, – как и все в этом поселке. Ну и пейзаж! А эта девушка никогда не видела ничего более привлекательного! День за днем, всю свою жизнь она глядела только на это! Так смеет ли он хоть на миг упрекнуть ее за мрачные настроения? Какой мужчина, какая женщина, живя в подобной обстановке, может сохранить оптимизм, мечтать о красоте, стремиться к вершинам благородства, смелости и радостного служения людям? Сам воздух здесь насыщен миазмами отчаяния; это не реальное место – такое может только присниться в кошмарном уродливом сне! Это как темный глубокий колодец, преследующий сейчас воображение Хала, на дне которого мужчины и подростки умирают от удушья!

И вдруг на Хала нахлынуло желание – бежать, бежать из Северной Долины! Во что бы то ни стало – бежать! В этой обстановке все его мужество иссякло. Картина нищеты и страданий, грязи и болезней, голода, гнета и отчаяния медленно, день за днем отравляла его душу, подрывала основы его прекрасных альтруистических теорий. Да, он хочет бежать отсюда куда-нибудь, где светит солнце и зеленеет трава, где человек стоит веселый и свободный. Бежать, чтобы не видеть пыль и копать этого мерзкого поселка; заткнуть уши, чтобы не слышать мучительных женских причитаний: «O mein Mann! O mein Mann!»

Хал посмотрел на девушку, которая сидела с неподвижным взглядом, ссутулившись и безжизненно опустив руки на колени.

– Мэри, – сказал он, – вы должны уехать отсюда! Это не место для такой сердобольной девушки. И никто здесь не выдержит...

Она печально глянула на него.

– По-моему, это я *вам* говорила, чтобы вы уехали, – сказала она, наконец. – С самого начала вам это твердила! Теперь вы, наверно, сами поняли почему?

– Да, я понял. Я хочу уехать. Но я хочу, чтобы вы уехали тоже.

– Вы думаете, Джо, мне это поможет? Вы думаете, мне легче станет, если я уеду? Да разве я смогу когда-нибудь забыть то, что видела сегодня? Разве после всего этого я буду по-настоящему, по-честному счастлива?

Хал пытался убедить ее, но он даже себя не мог ни в чем убедить. А сам он как будет себя чувствовать? Вернется ли к нему сознание, что у него есть право на счастье? Найдет ли он удовлетворение в легкой и удобной жизни, зная, что она оплачена этой чудовищной нищетой? И мысли его обратились к тому миру, где беззаботные любители наслаждений живут лишь для удовлетворения своих желаний. Тут он внезапно подумал, что еще больше, чем бежать отсюда, ему

хотелось бы привезти этих людей сюда – хоть на день, хоть на часок, хоть на минутку, – лишь бы они услышали этот хор рыдающих женщин!

29

Мэри заставила Хала поклясться, что он не затеет ссоры с Коттоном; после этого они направились к шахте № 2. Мулов уже выгружали из клетки, и начальство пообещало, что скоро начнут поднимать людей. Все обстоит отлично – ни тени опасности! Но, боясь, что Хал, несмотря на все свои обещания, может погорячиться, Мэри постаралась увести его к шахте № 1.

Здесь они застали аварийную машину, только что прибывшую из Педро с врачами и сестрами. Привезли на ней также и несколько «шлемов». Это были герметичные приборы довольно странного вида, надевающиеся на голову до плеч, с запасом кислорода примерно на час. Люди в шлемах уселись в огромную корзину, которую спустили по стволу с помощью лебедки; они то и дело дергали сигнальную веревку, давая знать находящимся наверху, что они живы. Первый, вернувшийся из этой группы, сообщил, что на околовольном дворе лежит много людей, но, очевидно, все мертвые. Всюду стелется тяжелый черный дым, – значит, где-то в шахте пожар. И, пока не установят вентилятор, ничего нельзя предпринять. Если пустят вентилятор в обратном направлении, можно будет выкачать дым и газ и обследовать околовольный двор.

Горного инженера штата оповестили о катастрофе, но он был болен и послал в Северную Долину одного из своих помощников. По закону на него возлагалось руководство всеми спасательными работами, но Хал обнаружил, что шахтеры ничуть не интересуются его приездом. Его долгом было предупредить катастрофу, но он не принял мер. И теперь, явившись сюда, он будет плясать под дудку Компании.

Уже стемнело, когда начали подниматься шахтеры из шахты № 2 и жены их, дожидавшиеся у выхода, бросались к ним с криками радости. Хал заметил и других женщин, чьи мужья были в первой шахте и, вероятно, никогда уже оттуда не выйдут, эти женщины глядели на чужую радость грустными, полными слез глазами. Среди поднявшихся на-гора был Джек Дэйвид, и Хал пошел проводить чету Дэйвидов домой. Всю дорогу он слушал, изучая азбуку классового сознания, как миссис Дэйвид честит Джеффа Коттона и Алека Стоуна. Маленькая женщина снова и снова потеряла изречение Алека Стоуна: «Черт с ними, с людьми, – спасайте мулов!» Она, видимо, восхищалась художественной выразительностью этой фразы! Хал заметил, что и другие люди тоже повторяют это изречение. Оно облетело весь поселок, а через несколько дней – и весь район. По общему мнению, в нем полностью отразилось отношение углепромышленников к шахтерам.

Оправившись от первого потрясения, Хал захотел понять, что все-таки произошло, и начал расспрашивать Дэйвида – серьезного и начитанного человека, всесторонне изучившего угольную промышленность. Своим спокойным, медлительным голосом Джек объяснил, что повторные катастрофы в этом районе вызваны вовсе не какими-нибудь исключительными трудностями в разработке здешних недр и не особой взрывчатостью газов или сухостью

воздуха. Причина взрывов кроется в преступной небрежности начальства, упорно не выполняющего законов об охране труда. Следовало бы провести настоящий «зубастый» закон, по которому, например, за каждого погибшего в шахте, независимо от того, кто виноват в его гибели, наследники должны получить тысячу долларов. Тогда хозяева мигом принялись бы за дело и нашли бы действенные средства против «непредвиденных» опасностей!

В нынешнем же положении они знают, что, как ни велика их вина, они отделаются грошовыми подачками. Несомненно, их юристы уже здесь сейчас, и, как только извлекут первые трупы, они начнут договариваться с семьями погибших. Вдовам предложат оплатить обратный проезд на родину. Осиротевшим детям – сколько бы их ни было в семье – дадут пятьдесят, самое большее сто долларов Бери не бери, больше не получишь! Судиться бессмысленно: дело безнадежное, и ни один адвокат даже не возьмется вести его!

– Одной реформы хозяевам удалось достичь, – саркастически заключил Большой Джек, – они выбили из седла разную адвокатскую мелюзгу!

30

Наступила ночь, а за ней – второй день мучительного ожидания. Привезли вентилятор, но его еще надо было установить прежде, чем что-либо предпринять. Так как из ствола шахты продолжали подниматься тучи черного дыма, отверстие прочно закрыли досками и брезентом. Начальство утверждало, что так необходимо, но Халу это показалось страшнее страшного. Замуровать взрослых и детей в подземелье, полном смертельного газа!

Мысль о том, что эти люди очутились в ужасной западне, была особенно невыносимой. Они здесь, вот тут под ногами, но до них не доберешься и нельзя установить с ними никакой связи! Здесь, наверху, их друзья рвутся к ним, а они там, внизу, рвутся наверх. Нельзя было забыть о них ни на минуту. Внезапно среди разговора люди становились рассеянными и застывали на месте, глядя в одну точку; или вдруг какая-нибудь женщина в толпе, закрыв лицо руками, заливалась слезами, и все окружающие тотчас начинали ей вторить.

Эти две ночи мало кто спал в Северной Долине. В домах и на улицах справляли поминки. Все же приходилось кое-что делать по хозяйству, но делалось лишь самое необходимое. Детские игры оборвались. Дети стояли кучками – молчаливые, бледные, похожие на высохших старичков, сразу повзрослевшие от горя. Нервы у всех были напряжены до предела, самообладание держалось на одной ниточке.

Такая напряженность благоприятствует игре воображения и всяким слухам, она поощряет тех, кто склонен всюду искать приметы и знаменья – всяческих духовидцев, одержимых, предсказателей и прочих людей, наделенных различными таинственными способностями. Среди живших на окраине поселка нашелся кое-кто, якобы слышавший грохот под землей – несколько взрывов, один за другим. Значит, там, под землей, подаются сигналы, взрывая порох.

На второй день Хал сидел с Мэри Берк на ступеньках ее домика. Старый

Патрик, познав секрет забвения в кабаке О'Каллахена, валялся в комнате. По временам из соседней лачуги доносились стоны миссис Замбони. Мэри заходила туда, чтобы накормить ее детей, так как обезумевшая мать даже не замечала, что они плачут от голода. Сама Мэри была очень измучена – чудесный ирландский румянец поблек, яркие губы не улыбались. Они с Халом сидели молча – о чем еще можно было говорить, кроме катастрофы, а об этом все было сказано! Но Хал, наблюдая за Мэри, напряженно о чем-то думал.

– Слушайте, Мэри, – сказал он после долгого молчания, – когда здесь все кончится, вы действительно должны отсюда уехать. Я все обдумал. У меня есть друзья в Уэстерн-Сити, они дадут вам работу, так что вы сможете прокормить и себя, и сестренку с братом. Поедете?

Она ничего не ответила, продолжая равнодушно смотреть на грязную узкую улочку.

– Seriously, Мэри, жизнь не всюду так ужасна, как здесь! Уезжайте! Верьте не верьте, но там все забудется. Люди страдают, но потом страдания утихают: сама судьба заботится, чтобы они забывали горе.

– Уж моя судьба сведет меня в могилу! – сказала она.

– Нет, Мэри. Отчаяние иногда превращается в болезнь, но у вас же этого нет! Вы просто измучены. Если вы постараетесь приободриться... – И с потугой на игривость он взял ее за руку. – Ну-ка, Мэри, улыбнитесь. Вы уезжаете из Северной Долины!

Она обернулась и посмотрела на него.

– Уезжаю? – спросила она бесстрастно, пристально вглядываясь в его лицо. – Кто вы такой, Джо Смит? Что вы здесь делаете?

– Работаю в шахте, – рассмеялся он, все еще пытаясь отвлечь ее от мрачных мыслей.

– Вы не рабочий – это я знаю, – продолжала она тем же серьезным тоном. – Вы давно уже предлагаете мне помощь, твердите все время, что можете что-то для меня сделать. – Она помолчала, и снова в ее глазах появился прежний вызов: – Джо, если бы вы только знали, какое у меня сейчас чувство! От отчаяния я готова на все, оставьте меня лучше одну!

– Мне кажется, я понимаю, Мэри. Что бы вы ни сделали, я никогда не подумаю о вас дурно.

Она ухватила за его слова:

– Правда, Джо, не подумаете? В таком случае я хочу, чтобы вы мне сказали все как есть. Я хочу, чтобы вы поговорили со мной начистоту.

– Хорошо, Мэри. Что вы хотите знать?

Но ее смелый порыв иссяк. Она опустила глаза, и Хал видел, как она нервно теревит пальцами складки платья.

– Про нас с вами, Джо, – сказала она, наконец. – Иногда мне начинает казаться, что я вам нравлюсь. Иногда мне кажется, что вы любите проводить со мной время – и не только из жалости, а именно ради меня самой. Я не очень-то в этом уверена, но никак не могу отогнать от себя эту мысль. Так ли это?

– Да, правда, – сказал он не совсем, впрочем, уверенно. – Вы мне нравитесь.

– Значит, вы не очень любите ту – другую девушку, не всегда думаете о ней?

– Нет, не в этом дело.

– То есть вы можете сразу увлекаться двумя девушками?

Он не нашелся, что ответить.

– Как будто так, Мэри.

Она снова испытующе поглядела на него.

– Вы мне сказали про эту другую девушку, а я все не пойму, может быть нарочно сказали, чтобы отделаться от меня. Моя глупость, но я никак не могу поверить, что эта девушка существует.

– Вы заблуждаетесь, Мэри, – поспешно возразил он. – Я сказал вам истинную правду.

– Что ж, возможно это и так, – отозвалась она без уверенности в голосе. – Но вы уехали от нее и никогда к ней не ездите и никогда с ней не видите. Я думаю, вы бы так не поступали, если б она была вам близка. Я просто не верю, что вы любите ее по-настоящему. А с другой стороны, вы говорите, что я вам нравлюсь. Вот я и подумала... – Она помолчала и усилием воли заставила себя выдержать его взгляд. – Я все стараюсь понять. Я знаю, Джо, что я вас не стою. Вы из лучшего круга, вы имеете право ждать гораздо большего от женщины...

– Не в этом дело, Мэри!

Но она не дала ему говорить:

– Как не в этом? В этом, конечно! Вы просто хотите пощадить мои чувства. Я знаю, что я вам не пара. Я старалась держаться гордо и не падать духом. Я даже старалась быть веселой, убеждала себя, что не хочу быть похожей на миссис Замбони с ее вечными жалобами. Но что себя обманывать? Я как-то была в церкви и слышала, священник Спрэг говорил, что для бога все равны – и бедные и богатые. Может, это и правда, но я не бог и не стану скрывать, что мне стыдно жить в таком месте!

– Поверьте, бог вовсе не заинтересован в том, чтобы держать вас здесь, – начал было Хал, но она прервала его снова:

– И тяжелее всего понимать, что в мире столько чудесного, но все это не для тебя! Будто видишь все сквозь стекло, как в витрине магазина. Знаете, Джо, однажды я слышала в церкви в Шеридане пение. Пела какая-то дама – и так чудесно! Но это было только один раз за всю мою жизнь. Можете ли вы понять, как это подействовало на меня?

– Да, Мэри, я понимаю.

– Но я уже давным-давно переборола себя. Я знала, какую цену должна заплатить девушка из рабочей семьи за блага жизни, и сказала себе: выкинь, все из головы! Я всегда ненавидела это место, всегда хотела уехать. Но для этого только один способ – чтобы какой-нибудь человек увез меня отсюда. И я осталась и не пошла по плохой дорожке. Я хочу, чтобы вы мне поверили, Джо!

– Это само собой разумеется, Мэри.

– Нет, вовсе не «само собой»! Тут надо бороться и бороться с искушениями! Сколько раз я смотрела на Джеффа Коттона и вспоминала о том, чего мне не хватает. Но я обошлась без этих вещей! А теперь пришло ко мне то,

что для женщины дороже всего на свете! – Она замолчала и перевела дух. – Нам всегда говорят, что надо любить человека из своего класса. Мама говорила мне это перед смертью. Ну, а если так не вышло? Ну, а если ты подумала и поняла, что это означает? Наплодить кучу детей и тянуть ляжку, пока не свалишься, как мама. А тут ты еще, как назло, ценишь хорошие манеры, любишь послушать, когда интересно говорят... – И, всплеснув руками, она воскликнула: – Ах, Джо, вы ведь совсем другой, вы ни на кого здесь не похожи. У вас такая речь, такая походка, такой веселый взгляд! У шахтеров никогда не бывает такого счастливого взгляда, Джо! У меня сердце замирает, когда вы на меня смотрите!

Выговорив это, она с трудом перевела дыхание. Было видно, что ей очень трудно сдерживаться. Но прошло несколько секунд, и она вызывающе воскликнула:

– А они твердят: будь осторожна! Не смей любить такого человека: бросит тебя с разбитым сердцем!

Наступило молчание. У нашего социолога-любителя не было готового решения этой проблемы – ни теоретического, ни практического.

31

Мэри сделала над собой усилие и продолжала:

– И вот что я решила, Джо, я сказала себе: «Я люблю этого человека. Я хочу только его любви и ничего больше. Если ему предстоит что-то сделать в жизни, я могу стать ему обузой, а этого я не хочу. Мне не надо ни его имени, ни его друзей – ничего этого мне не надо, мне нужен только он сам» Вы, верно, никогда такого не слыхали, а?

Щеки ее пылали, но она смело смотрела ему в глаза.

– Нет, слыхал, – тихонько ответил он.

– А что вы на это скажете? Это честно? Священник Спрэг сказал бы наверняка, что здесь замешан дьявол. Отец О'Горман в Педро назвал бы это смертным грехом! Может, они понимают лучше, чем я! Но я понимаю только одно: для меня это невыносимо!

Из глаз ее брызнули слезы, и она вдруг воскликнула:

– Увезите меня отсюда! Увезите меня, дайте мне попытать счастья! Я ни о чем вас не попрошу, никогда не стану вам поперек дороги, буду на вас работать – стирать, стирать, все для вас делать, рук не пожалею! Или – поступлю куда-нибудь и на себя заработаю. И, клянусь, если вам надоест со мной и вы захотите уйти от меня, я никогда вас не попрекну ни единым словом!

Мэри не старалась сознательно разжалобить Хала. Она сидела, честно и прямо глядя на него сквозь слезы, и от этого ему еще труднее было ответить ей.

Да и что ответить? Его опять охватило опасное желание крепко обнять девушку и сказать ей несколько ласковых слов. Когда он, наконец, заговорил, ему пришлось взять себя в руки, чтобы его голос звучал спокойно:

– Мэри, я бы сказал «да», если бы верил, что это не приведет к беде.

– Не приведет! Никогда! Джо, вы сможете бросить меня, когда захотите! Честное слово!

– Нет такой женщины на свете, которая была бы счастлива на этих условиях. Женщина хочет иметь мужа, чтобы он был только с ней, с ней всегда! И она только обманывает себя, если ей кажется, что может быть по-иному. Вы сейчас чересчур взвинченны; волнения последних дней толкают вас на безумный шаг.

– Нет! – воскликнула она. – Я думаю об этом не только последние дни, а уже несколько недель!

– Возможно и думали, но вы не заговорили бы со мной, если б не весь этот ужас. – Он помолчал, стараясь вернуть себе самообладание. – Так не годится, Мэри. Хоть я еще не стар, но мне уже пришлось повидать не раз такие отношения... Мой родной брат испробовал это однажды и погубил себя навеки.

– Вы не хотите мне верить, Джо!

– Совсем не то. Я говорю о другом – он загубил свою собственную душу, превратился в эгоиста: взял все и не дал ничего. Он гораздо старше меня, так что я понаблюдал, как это отразилось на нем. Он холодный, ни во что не верит, даже себе не верит. Когда с ним говоришь, что надо бороться за лучшую жизнь на земле, он называет тебя дураком.

Но Мэри стояла на своем:

– Для вас это просто еще один повод бояться меня! Вы боитесь, что вам придется жениться на мне.

– Но, Мэри, ведь у меня же есть невеста! Я действительно люблю ее, и мы обручены. Что я могу теперь сделать?

– А я вот не верила и не верю, что вы ее любите, – сказала она шепотом и, поспешно опустив глаза, стала нервно перебирать складки своего выцветшего платья, которое теперь было все в саже и жирных пятнах, вероятно в результате недавнего кормления малышкой Замбони. Несколько раз Халу казалось, что она вот-вот заговорит, но она лишь крепче сжимала губы. Он смотрел на нее, и сердце его трепетало от жалости.

Когда Мэри, наконец, заговорила, все так же тихо, как и раньше, Хал уловил в ее тоне нотки смирения, каких прежде никогда у нее не замечал.

– После такого признания, Джо, вы, наверное, никогда не захотите со мной разговаривать?

– О Мэри, – воскликнул он, схватив ее за руку, – не говорите, что я сделал вас еще более несчастной! Я так хочу вам помочь! Разрешите мне быть вашим другом – настоящим верным другом! Только разрешите, и я помогу вам вырваться из этой тюрьмы! У вас будет возможность повидать кое-что, вы найдете свое счастье. Весь мир покажется вам другим, и вы будете смеяться, вспоминая, что вы когда-то хотели меня!

32

Они пошли опять к шахте. Со времени катастрофы прошло уже двое суток, а вентилятор все еще не был пущен, и не похоже было, что его даже собираются пускать. Женская истерия нарастала, народ был возбужден до предела. Джефф Коттон вызвал себе на помощь целый отряд для охраны порядка. Они обнесли шахту и все подступы к ней колючей проволокой, а сами

расхаживали за этой изгородью – суровые неприступные граждане с полицейскими дубинками и явно оттопыренными от револьверов задними карманами.

За время томительного ожидания Хал разговаривал с членами своей группы. Они рассказали, что произошло, пока он сидел в тюрьме, и это напомнило ему о том, что уже было вытеснено катастрофой из его памяти. Бедный старик Эдстром остался в Педро и, вероятно, сильно нуждается в деньгах. В тот же вечер Хал отправился к дому старого шведа, залез в окно и выкопал зарытые им деньги. Там было пять ассигнаций по пять долларов. Хал положил их в конверт, адресовал: «Джону Эстрому, до востребования, город Педро», – и попросил Мэри Берк пойти на почту и отправить это заказным.

Проходил час за часом, а все еще не было никаких признаков, что шахту скоро откроют. Шахтеры и их жены сходились на тайные сборища обсудить действия администрации; естественно, что друзья Хала, поднявшие несколько дней назад движение за контролера, возглавили и эти собрания. Они принадлежали к самой культурной шахтерской прослойке и глубже, чем остальные, вникали в смысл событий. Они думали не только о тех, кто был сегодня замурован под землей, но и о тысячах других, кого постигнет та же участь в будущем. Хала особенно занимали эти мысли, он все размышлял, как бы добиться каких-нибудь конкретных результатов, прежде чем покинуть Северную Долину. А в том, что покинуть ее придется, он не сомневался – Джефф Коттон ни в коем случае не забудет его и приведет в исполнение свою угрозу.

Пришли газеты с описаниями катастрофы, и Хал с друзьями прочел их. Из всего явствовало, что угольная компания прилагает немалые усилия, чтобы осветить события так, как выгодно ей. В этом штате общественное мнение относилось с известной настороженностью к катастрофам на шахтах. Смертность от несчастных случаев неуклонно росла. Согласно отчету горного инженера штата, в один год на 1 тысячу шахтеров приходилось 6 несчастных случаев, на следующий год – 8,5, а еще через год – 21,5. Когда одновременно гибнут пятьдесят или сто человек и катастрофы следуют одна за другой, даже самое бессердечное общество поневоле начинает интересоваться причинами. Вот почему на этот раз «Всеобщая Топливная компания» старалась приуменьшить число жертв и привести всевозможные оправдания: катастрофа произошла не по вине Компании, стены шахты регулярно опрыскивались водой и сланцевой пылью; вернее всего, причиной взрыва явилось небрежное обращение шахтеров с порохом.

Вечером в домике Джека Дэйвида разгорелся спор о том, сколько людей замуровано в шахте. Администрация называла цифру сорок, но Минетти, Олсен и Дэйвид единодушно заявили, что это чепуха. Всякий, кто был в эти дни в поселке и потолкался среди людей, мог убедиться, что пропавших без вести – вдвое, если не втрое больше. Это был заведомый обман, потому что администрация прекрасно знала по табелю фамилии всех находившихся в шахте. Но, как правило, это были славянские фамилии, непривычные для американского уха, и их носители вряд ли имели друзей, которые смогли бы

рассказать про них; а если бы даже и смогли, то во всяком случае не на языке, понятном редактору американской газеты.

Все это вошло в систему, заявил Джек Дэйвид, и делается ради того, чтобы Компания могла безнаказанно убивать людей, не теряя ни денег, ни престижа. Халу пришло в голову, что было бы важно разоблачить эти ложные данные, – пожалуй, не менее важно, чем спасти людей, погребенных в шахте. Конечно, любой человек, выступивший с таким разоблачением, обрекает себя на включение в черные списки, но Хал считал себя все равно уже отпетым.

– Куда ты сунешься со своим разоблачением? – поинтересовался Том Олсен.

– Разошлю его газетам, – ответил Хал.

– Но какие газеты его напечатают?

– В Педро две конкурирующие газеты, так?

– Одна принадлежит Альфу Реймонду – шерифу-императору, а другая – Ваглену, юристу «Всеобщей Топливной компании». В которую из них ты обратишься?

– Что же, есть газеты и в других городах, скажем Уэстерн-Сити. Сюда сейчас понаехало много репортеров, вдруг кто-нибудь из них возьмет мой материал?

Олсен заявил, что никакие газеты, кроме социалистических, не станут печатать такие новости. Но все равно, попробовать не мешает. А Джек Дэйвид – горячий сторонник профессиональных союзов и всей их деятельности – прибавил:

– Нужно нам сделать полную перепись, чтобы точно знать, сколько человек находится в шахте.

Предложение было горячо подхвачено. Договорились в этот же вечер приступить к работе. Все обрадовались, что смогут отвлечься от горестных мыслей каким-то полезным делом. Дали знать Мэри Берк, Роветте, Кловоскому и другим. Собравшись на следующее утро в одиннадцать часов, они составили списки и выяснили с достоверностью, что не меньше ста семи взрослых рабочих и подростков находятся в шахте № 1.

33

Однако обсуждение списка и разговор о том, как его обнародовать, пришлось срочно прекратить из-за более важного дела. Явился Джек Дэйвид с известием о новых беспорядках около шахты. Вентилятор уже устанавливается, но это дело идет настолько медленным темпом, что теперь многим стало ясно: администрация вообще не собирается пускать его, а держит вход в шахту заколоченным, чтобы не дать пожару распространиться. Группа недовольных решила обратиться к мистеру Кармайклу – помощнику главного горного инженера штата, и заставить его что-нибудь предпринять. Но инициатора этой группы – австрийка Хузара, который недавно участвовал в движении за контролера, поймали стражники и бесцеремонно в два счета выпроводили из поселка.

Свой рассказ Джек Дэйвид подкрепил свидетельством знакомого

плотника, который работал в вентиляционной службе и был убежден, что пуск вентилятора тормозится нарочно. Все рабочие вентиляционной службы того же мнения: шахта заколочена и останется заколоченной, пока хозяева не убедятся, что пожар прекратился.

– Но ведь правда, – спросил Хал, – если открыть ствол, огонь может распространиться? Это же помешает спасательным работам?

– Нисколько! – заявил Большой Джек. – Вращая вентилятор в обратную сторону, можно выкачать дым наверх через вентиляционный ствол и очистить на время квершлаг от дыма. Но, видите ли, есть опасность, что где-нибудь еще загорится уголь, а за ним и деревянное крепление. Это вызовет обвалы кровли, так что в некоторых забоях уже нельзя будет возобновить добычу угля.

– Сколько же они могут продержаться шахту заколоченной? – в ужасе вскричал Хал.

– А кто их знает! В такой большой, как эта, огонь может тлеть целую неделю.

– Но все люди погибнут! – воскликнула Роза Минетти, ломая руки в порыве отчаяния.

– Неужели они способны на это? – обратился Хал к Олсену.

– Такие дела уже бывали, и не раз, – ответил тот.

– Вы разве никогда не слыхали про то, что было в Черри в штате Иллинойс? – удивился Дэйвид. – Там проделали то же самое, и погибло свыше трехсот человек.

Он рассказал про этот ужасающий случай, известный каждому шахтеру. Шахту наглухо закрыли – женщины падали в обморок, обезумевшие мужчины раздирали на себе одежды, – некоторые навсегда потеряли рассудок. Так и стояла эта шахта две недели, а когда ее открыли, оказалось, что в живых только двадцать один человек.

– То же самое было в Даймондвилле в штате Вайоминг, – подхватил Олсен. – Там построили перемышку, а когда ее убрали, нашли груды трупов: люди кое-как доползли до нее и обдирали руки в кровь, но так и не сумели ее разрушить.

– Господи! – воскликнул Хал, вскакивая с места. – А ваш Кармайкл – неужели он это допустит?

– Нам он скажет, что хозяева делают все возможное, – добавил Большой Джек. – Не исключено, что он даже сам верит этому. Но вы увидите – они будут под всякими предлогами затягивать пуск вентилятора, пока все не станет, как им надо.

– Но ведь это же убийство! – закричал Хал.

– Деловые интересы! – поправил Олсен.

Хал переводил взгляд с одного шахтера на другого. У каждого из них в эту западню попали друзья; каждый из них может сам очутиться в такой же западне завтра!

– И вы должны это терпеть? – невольно вырвалось у него.

– А вы разве не видели, какая охрана расставлена вокруг шахты? – спросил Дэйвид. – Не видели, как торчат револьверы у них из карманов?

– Сегодня утром привезли еще партию охранников, – вставил Джерри Минетти. – Роза видела, когда они высаживались.

– Они знают, что делают, – сказала Роза, – они только боятся, как бы мы не узнали. Они запретили миссис Замбони подходить близко к шахте, кричали, что иначе вышлют ее из Северной Долины. И старую миссис Йоноч тоже, а у нее в шахте остались муж и трое сыновей!

– Они совсем осатанели! – воскликнула миссис Дэйвид. – Вон тот верзила Пит, который из Педро, вы видали, как он обращается с женщинами? Ужас!

– Я-то его знаю, – вставил Олсен, – это Пит Хейнан. Его привезли из Шеридана, когда там впервые организовали профсоюзный комитет. Он так заехал одному из наших по физиономии, что вышиб ему четыре зуба. Говорят, он сидел в тюрьме за какое-то преступление.

Весь прошлый год Хал слушал в университете лекции по политической экономии, восхваляющие эту такую замечательную штуковину, именуемую Частной Собственностью. Частная Собственность развивает у людей инициативу и бережливость, заставляет крутиться колеса промышленности, щедро поддерживает университеты и другие храмы науки; действует строго по священному закону спроса и предложения; она – основа прогресса и процветания, которыми господь бог наградил Америку. А здесь вдруг Хал очутился лицом к лицу с действительностью, увидел на себе волчий взгляд Частной Собственности; почувствовал на своем лице жар ее дыхания, увидел ее поблескивающие клыки и искривленные когти, обагренные кровью мужчин, детей и женщин. Частная Собственность на добычу угля! Частная Собственность на заколоченные стволы шахт без запасных выходов! Частная Собственность на недействующие вентиляторы и засохшие распылители! Частная Собственность на дубинки и пистолеты в руках наемных убийц и бывших каторжников, чтобы отпугивать волонтеров-спасателей и заставлять прятаться по домам терроризированных вдов и сирот! О, безмятежные, откормленные проповедники Частной Собственности, поющие в храмах науки дифирамбы этому кровавому дьяволу!

Мысли Хала вдруг прервались. Что-то родилось в нем новое, о существовании чего он и не подозревал. Когда он заговорил, на лице его появилось незнакомое выражение, а в голосе – та решимость, какая бывает у сильных людей.

– Я заставлю их открыть шахту!

Все поглядели на Хала. Общее нервное напряжение достигло уже предела, тем не менее каждый почувствовал необычную интонацию в его словах: «Я заставлю их открыть шахту!»

– Каким образом? – спросил Олсен.

– Америка не знает об этом. Если правда дойдет до народа, поднимется такой шум, что они уже не посмеют тянуть!

– Как же твоя правда дойдет до народа?

– Я напишу во все газеты. Скрывать такое они не смогут, как бы ни были они предубеждены против шахтеров!

– Неужели вы думаете, что газеты поверят рассказам какого-то

подручного? – поинтересовалась миссис Дэйвид.

– Ничего, я найду способ, чтоб мне поверили! Я заставлю их открыть шахту!

34

Блуждая по поселку, Хал еще прежде заметил несколько зорко присматривающихся ко всему молодых людей с блокнотами. Он видел, что с этими молодыми людьми здесь обращаются, как с гостями Компании, начальство всегда дружески болтает с ними. Тем не менее он хотел верить, что среди них найдется хоть один, не потерявший совести, или по крайней мере такой, кто соблазнится возможностью вызвать газетную сенсацию. Итак, покинув собрание у миссис Дэйвид, Хал направился к шахте, высматривая репортеров, и, заметив одного, пошел за ним следом, – он заведет разговор там, где не грозит вмешательство какого-нибудь «стукача». Улучив момент, он шагнул к репортеру и вежливо попросил его завернуть в переулок, где не помешают их беседе.

Репортер последовал за ним, и Хал, скрывая волнение, чтобы не оттолкнуть собеседника, сказал, что он уже несколько месяцев работает в Северной Долине и может сообщить много интересных фактов об условиях жизни здесь. Например, слышал ли представитель печати о сланцевых распылителях? Ведь можно предотвратить взрыв в сухой шахте, если обрызгивать стены сланцевой пылью. А знает ли репортер, что администрация нагло лжет, заявляя, что она пользуется распылителями?

– Нет, не знаю, – отвечал репортер. Он как будто заинтересовался и спросил у Хала его фамилию и специальность.

– Джо Смит, подручный, – отрекомендовался Хал, – недавно был избран контролером от рабочих у весов.

Репортер, сухощавый молодой человек с умным лицом, забросал его вопросами, и, надо сказать, – толковыми. Он упомянул, между прочим, что он местный корреспондент крупнейшего телеграфного агентства и его информация о катастрофе уже разослана во все уголки страны. «Вот удача», – подумал Хал и тут же рассказал мистеру Грэму про список, составленный группой рабочих. В нем поименно перечислены сто семь человек – взрослых и подростков, – замурованных в шахте. Этот список будет предоставлен в распоряжение мистера Грэма, если он пожелает. Тот еще больше заинтересовался и записал все в свой блокнот.

Но еще важнее то, продолжал Хал, что задерживают пуск вентилятора. Прошло уже три дня после взрыва, а еще никто не пробовал спуститься в шахту. Видел ли мистер Грэм сегодняшние беспорядки возле шахты? Известно ли ему, что одного шахтера выгнали из поселка только за то, что он обратился к помощнику главного горного инженера штата? Большинство местных людей уверено, сказал Хал, что Компания спасает свою собственность, расплачиваясь за это жизнью рабочих. А что это значит, он показал на примере нескольких семейств: старой, вечно хворающей миссис Рэфферти, матери восьмерых детей, миссис Замбони, у которой их

одиннадцать, миссис Йоноч, чей муж и трое детей оказались в этой шахте. Видя интерес репортера, Хал уже не скрывал своих чувств: это же люди, не животные; они любят и страдают, хоть они бедны и унижены!

– Безусловно! – подтвердил мистер Грэм. – Вы совершенно правы и можете быть уверены, что я этим займусь.

И– Еще одно слово, – сказал Хал. – Если вы упомянете мое имя, меня выгонят с работы.

– Будьте спокойны, я вас не упомяну.

– Конечно, если иначе нельзя использовать материал, не назвав источника...

– Я сам источник, – улыбнулся репортер. – Ваше имя ничего не изменит.

Репортер говорил со спокойной уверенностью; казалось, он так хорошо понимает положение и так ясно сознает свой моральный долг, что сердце Хала затрепетало от радости. Словно сильный ветер ворвался из другого мира, разгоняя миазмы, нависшие над Северной Долиной. Да, этот репортер – он сам и есть другой мир! Он олицетворяет силу общественного мнения, которая даст себя почувствовать в том месте, где властвуют подлость и притеснение! Это голос правды, смелости и прямоты, великой системы гласности, не зависимой от тайных влияний, не запятнанной никакой продажностью!

– Весьма вам обязан, – сказал мистер Грэм, прощаясь, и Хал окончательно возликовал. Как это ему исключительно повезло, что он сразу наскочил на представителя такого важного органа печати! Весь промышленный мир, жизнь которого целиком и полностью зависит от угля, узнает об этих событиях. Люди на заводах, которые работают благодаря углю, пассажиры в поездах, колеса которых движутся благодаря углю, наконец-то все, все услышат про страдания тех, кто ради них трудится в недрах земли! Даже дамы, нежащиеся в шезлонгах под солнцем тропиков на палубах роскошных плавучих дворцов, – даже эти дамы благодаря магической силе современных телеграфных агентств должны будут услышать вопли труженников-шахтеров, их жен и детей! И весь огромный мир отзовется – закричит от ужаса и негодования, и это заставит пойти на уступки даже старика Харригана! Такие картины рисовал себе Хал, ибо он был молод и впервые вышел с открытым забралом на бой.

Он был так счастлив, что даже снова обрел способность думать о себе, и вспомнил, что еще ничего сегодня не ел. Было время обеда, и он отправился к Ремницкому. Но в середине лукулловского пира из двух блюд à la Ремняцкий всем его иллюзиям внезапно был положен конец.

Оторвавшись от тарелки, Хал увидел Джеффа Коттона, который вошел в столовую и шагал прямо к нему. Глаза начальника охраны были налиты кровью, и Хал, заметив это, инстинктивно поднялся с места.

– Идем! – скомандовал Коттон и, схватив его за рукав, вывел из комнаты, прежде чем кто-либо из присутствующих успел опомниться.

На сей раз Халу не было дано возможности щеголять перед начальником охраны своими светскими манерами. Пока они шли, Коттон сам излагал свое мнение о нем: щенок, предатель, сукин сын, – а когда Хал попробовал что-то

спросить и сделал это вполне наивно, не понимая смысла происходящего, – начальник охраны прикрикнул! «Заткни пасть!» – и подкрепил свой приказ действием, крепко скрутив ворот его пиджака. В ту же минуту двое самых высоких верзил из охраны, поджидавшие за дверью столовой, схватили Хала под руки и поволокли по улице.

Они не остановились возле помещения охраны, а прошагали дальше до железнодорожной станции. На рельсах стоял поезд. Втроем они втащили Хала в вагон, и молодчики не выпустили его из рук, пока не пихнули на скамейку.

– Теперь, юноша, – сказал Коттон, – мы увидим, кто здесь хозяин!

К этому времени Хал уже обрел опять некоторую долю своего обычного самообладания.

– Как быть с билетом? – спросил он.

– Об этом я сам позабочусь, – сказал начальник охраны.

– А вещи свои я получу?

– Прибереги вопросы для своих профессоров! – грубо сказал Джефф Коттон.

Что ж, подождем! Через несколько минут прибежал какой-то человек, неся все нехитрое имущество Хала в узелке, перевязанном веревкой. Хал заметил, что это рослый, безобразный детина и что начальник охраны называет его Пит.

Раздался крик кондуктора: «Посадка окончена!»

Тут Джефф Коттон наклонился к Халу и угрожающе зашептал:

– И учти, парень, в Педро не задерживайся! Сматывайся оттуда, не то как бы с тобой чего не случилось темной ночью!

Сказав это, он вышел на площадку и соскочил на ходу с поезда. Но Хал заметил, что Пит Хейнан – специалист по кулачным расправам – остался в вагоне и сидит позади него.

Книга третья Оруженосцы Короля-Угля

1

Хал хотел поскорее попасть в Уэстерн Сити, чтобы посетить редакции газет. Но денег на поездку у него не было, и первое, что ему пришло в голову, – это найти Джона Эдстрома. Он сошел с поезда, и следом за ним двинулся Пит Хейнан. Расспрашивая местных жителей, Хал набрел на владельца похоронного бюро, недавно хоронившего жену Эдстрома; тот сообщил ему, что старый швед поселился неподалеку в одной рабочей семье.

Эдстром встретил Хала тревожными вопросами. Кто погиб? Что там происходит? Хал вкратце изложил события. Когда он упомянул, что нуждается в деньгах, Эдстром ответил, что у него есть небольшая сумма, которую он может ссудить Халу, но этого не хватит даже на билет до Уэстерн-Сити. А как же те двадцать пять долларов, которые Мэри послала заказным письмом? Старик ничего о них не знал, так как не заходил на почту.

– Давайте пойдем сейчас, – сразу предложил Хал.

Но когда они спускались с крыльца, возникло новое препятствие: на улице,

прямо перед домом, торчал Пит Хейнан. Весьма вероятно, что Джефф Коттон предупредил его об этих деньгах. Он вполне способен напасть на Эдстрома и отнять у него деньги.

– Знаешь что, – сказал старик, – пойдем поговорим с моим приятелем Эдом Мак-Келлером. Может, он нам что посоветует, и даже насчет того, как заставить хозяев открыть шахту.

Эдстром пояснил, что старый шотландец Мак-Келлер в прошлом тоже был шахтером, но сейчас он калека и занимает в Педро какую-то скромную должность. Шотландец был упорным противником Альфа Реймонда и открыто разоблачал его «избирательную машину», за что однажды чуть не поплатился жизнью. Живет он неподалеку; зайти к нему стоит, а времени это отнимет немного.

– Хорошо, – согласился Хал, и они пошли.

Пит Хейнан следовал за ними в десяти шагах. Но он не помешал им войти в калитку маленького домика. Дверь открыла женщина, пригласившая их в столовую, где сидел Мак-Келлер. Это был седой, скрюченный ревматизмом старик, вынужденный передвигаться на костылях.

Хал рассказал ему все. Шотландец с ранних лет работал на шахтах, и Халу не пришлось пускаться в излишние подробности. Когда он сказал, что собирается обратиться в газеты, хозяин поспешно заметил:

– Для этого вам не нужно ехать в Уэстерн-Сити. Здесь сейчас находится человек, который возьмет это на себя, – Китинг из «Газетт».

– «Уэстерн-Сити газетт»? – удивленно воскликнул Хал. Он знал эту газету – вечерний листок за один цент, который читал разный рабочий люд. Культурные господа, говоря об этой газете, обычно презрительно добавляли эпитет «желтая».

– Знаю, знаю, – сказал Мак-Келлер, поняв по тону, что хочет сказать его новый знакомый, – но это единственная газета, которая напечатает ваш материал.

– Где же найти этого Китинга?

– Он ездил в Северную Долину. Очень жаль, что вы с ним там не встретились.

– А как сейчас связаться с ним?

– Возможно, он еще в Педро. Позвоните о гостиницу «Америка».

Хал направился к телефону и через минуту услышал веселый голос своего будущего друга и соратника – Билли Китинга, а еще через несколько минут обладатель этого голоса уже стоял в дверях квартиры Мак-Келлера, стирая платком капли пота со своей лысеющей головы. Лицо, похожее на полную луну, сияло, как у Фальстафа, веселым жизнелюбием. Те, кто близко сталкивался с ним, знали, что он способен на чудеса преданности, как ньюфаунлендский дог. Несмотря на свою шарообразную фигуру, Китинг был завзятым газетчиком, живчиком-репортером до мозга костей.

Не успел он познакомиться с молодым шахтером, как забросал его вопросами, и Хал вскоре убедился, что наконец-то нашел нужного человека. Китинг точно знал, что надо спрашивать, и за несколько минут ему уже было

известно все.

– Дьявол! – вдруг вскричал он. – Опаздываю к последнему выпуску! – Он вытащил часы и бросился к телефону.

– Дайте междугородную! – закричал он. – Междугородная! Дайте мне редактора городского выпуска «Уэстерн-Сити газетт»! Мне надо его срочно, прошлый раз, барышня, я прождал целых полчаса!

Он вернулся к Халу и задал ему еще несколько вопросов, делая заметки в записной книжке. Он отметил слова Хала о том, что стены не опрыскивались и не было запасных выходов, что теперь медлят с пуском вентилятора и скрывают число людей, оставшихся в шахте.

– Я знал, что они мошенничают! – подтвердил репортер. – Но я не мог докопаться до истины. Они приставили ко мне какого-то субъекта, который не покидал меня ни на минуту. Знаете такого Предовича?

– Еще бы! – сказал Хал. – Служит в лавке Компании. Однажды он меня обыскивал.

Китинг поморщился от отвращения.

– Вот он и был моим сопровождающим. Понимаете, как легко заставить шахтеров разговориться, когда рядом торчит такая гадюка. Я заявил управляющему: «Я здесь не нуждаюсь ни в какой охране». А он глянул на меня с подлой улыбочкой и говорит: «Нам будет неприятно, мистер Китинг, если с вами что-нибудь случится на вашей территории!» А я ему говорю: «Но вы же не считаете нужным охранять других корреспондентов?» А он мне отвечает: «Конечно, нет! Но ваша газета нажила себе столько врагов...» Тут уж я ему сказал: «Мистер Картрайт, бросьте валять дурака! Значит, вы решили шпионить за мной, пока я работаю над этим заданием?» А он мне тогда говорит: «Можете об этом так и написать, если вы думаете, что это понравится вашим читателям».

– Очень жаль, что мы с вами там не встретились, – сказал Хал. – Хоть бы вам попался кто-нибудь из нашей группы, потребовавшей контролера в весовой!

– Ах, значит, вы в курсе истории с контролером? – воскликнул репортер. – До меня дошел слухок об этом. Потому-то я сегодня здесь, в Педро. Мне сказали, что здесь есть какой-то шахтер Эдстром, которого выгнали из Северной Долины за то, что он мучил народ. Вот я и подумал:

«Надо его найти, что-нибудь от него узнать».

Хал и Мак-Келлер переглянулись со старым шведом, и все трое рассмеялись.

– Вот он своей персоной! – сказал Мак-Келлер.

– А вот и сам контролер! – договорил Эдстром, указывая на Хала.

В одно мгновение Китинг снова стал репортером и забросал их вопросами. Он решил завтра дать статью о контролере, чтобы поддерживался интерес читателей к Северной Долине. Между этим фактом и катастрофой самая непосредственная связь: вот чем занимаются хозяева в Северной Долине, вместо того чтобы обеспечить рабочим безопасность!

– Я все это напишу сегодня после обеда и отправлю по почте, – сказал Китинг и, улыбаясь, прибавил: – Есть преимущество в том, что берешься за

материал, которого не хотят печатать другие газеты, – не приходится бояться, что кто-нибудь перехватит такую сенсацию!

2

Китинг снова подошел к телефону, чтобы потормозить междугородную. Потом, ворча насчет того, что он опоздает передать сообщение для последнего выпуска своей газеты, он вернулся к Халу и начал спрашивать еще что-то о его жизни в Северной Долине. Мало-помалу он выудил рассказ о первой попытке юноши связаться с прессой и, выслушав все, откинулся на спинку кресла и так захохотал, что трясся точно студень на блюде, как поется в детской песенке.

– Нет, вы только подумайте, Мак-Келлер, – восклицал он, – кому этот юнец отдал материал – Грээму!

Шотландцу это показалось не менее смешным. Оба они объяснили Халу, что Грээм – политический репортер газеты «Игл», издающейся в Педро на деньги шерифа-императора. Грээм – шакал на службе у Альфа Реймонда. Он не брезгает никаким, даже самым грязным делом.

– Но он назвался корреспондентом Западного телеграфного агентства! – вскричал Хал.

– Совершенно верно, он и там служит, – подтвердил Билли Китинг.

– Неужели телеграфное агентство пользуется услугами шпииков «Всеобщей Топливной компании»?

На это репортер сухо ответил:

– Когда вы ближе узнаете нашу газетную кухню, вы поймете, что от корреспондента телеграфного агентства требуется только одно: уважать частную собственность. Если его символ веры – почитание частной собственности, он научится выискивать новости и соответственно их подавать.

Затем Китинг повернулся к шотландцу:

– Нет ли у вас в доме пишущей машинки, мистер Мак-Келлер?

– Есть, но старая, – ответил хозяин, – такая же развалина, как я.

– Ничего, я справлюсь! Я бы пригласил молодого человека к себе в гостиницу, но, мне кажется, ему лучше поменьше разгуливать по улицам.

– Это вы правы. Я бы даже посоветовал пойти с машинкой на второй этаж: там меньше опасности, что в вас всадят пулю через окно.

– Господи боже! – воскликнул Хал. – Где мы – в Америке или в средневековой Италии?

– Это империя Реймонда! – ответил Мак-Келлер. – Они застрелили моего друга Тома Бартона на пороге его собственного дома. Он боролся с их «избирательной машиной» и располагал доказательствами жульничества при подсчете голосов, которые собирался обнародовать перед судом.

Пока Китинг спорил с междугородной, старый шотландец старался втолковать Халу, что его жизнь находится опасности. Совсем недавно среди бела дни избили и бросили на улице в бессознательном состоянии одного из организаторов профсоюза шахтеров. Мак-Келлер присутствовал на суде, который кончился оправданием обоих бандитов, совершивших это преступление. Старшиной присяжных был содержатель кабака – один из

прихлебателей Реймонда, а все остальные присяжные были мексиканцы, которые не поняли ни одного слова в судебном разбирательстве.

– Джефф Коттон обещал мне именно такой состав присяжных! – заметил Хал, тщетно стараясь улыбнуться.

– И не обольщайтесь, пожалуйста, никакими иллюзиями! – подхватил его собеседник. – Если они только захотят, вас без труда уберут с дороги! В их руках здесь все. Я знаю эти дела. Я сам занимал одно время политический пост, пока они не сообразили, что от меня им мало проку.

Старый шотландец вспомнил, как он, будучи когда-то избран мировым судьей, пробовал воспротивиться грязным сделкам полицейских с городскими проститутками. Его вынудили подать в отставку, и враги превратили его жизнь в сущий ад. Недавно прогрессивная партия выдвинула его кандидатом в районные судьи, и он рассказал, как поехал проводить предвыборную агитацию на шахты и как все его листовки были конфискованы, плакаты сорваны, а все сторонники запуганы. Вот так же рассказывал Халу о выборах его начальник Алек Стоун! На одних шахтах помещения для собрания принадлежат Компании, на других – содержателям кабаков, чей кредит зависит от Альфа Реймонда. В редких местах, где имелись помещения, которые можно было арендовать, предвыборные махинации принимали другую форму: конкуренты Мак-Келлера, чтобы отвлечь народ, устраивали одновременно танцы с бесплатной музыкой и даровым пивом.

Во время этого разговора Билли Китинг продолжал переругиваться с междугородной. Наконец ему удалось соединиться с нужным номером, и остальные присутствующие в комнате сразу умолкли.

– Алло! Это вы, Прингл? Говорит Китинг. Раздобыл замечательный материал о катастрофе в Северной Долине. Еще не сдали последние полосы? Позовите к телефону Джима. Алло, Джим! Берите блокнот!

Билли начал пересказывать то, что узнал от Хала, очевидно, диктуя стенографисту. Время от времени он останавливался, чтобы повторить или произнести какое-нибудь слово по буквам; разок или два Хал поправлял его в каких-то мелочах. Минут за пятнадцать все было продиктовано, и тогда Китинг обратился к Халу:

– Ну вот, через час с небольшим ваш материал будут уже читать в Уэстерн-Сити. Оттуда по телефону все передадут сюда без задержки. Мой вам совет, если вы дорожите своей жизнью, лучше, чтобы вас в тот момент уже не было в Педро!

3

Последние слова Китинга Хал оставил без внимания. Слушая передававшийся по телефону отчет о катастрофе в Северной Долине, он думал не о себе, а о тех ста семи рабочих, которые погребены в шахте.

– Мистер Китинг, – спросил он, – а вы уверены, что «Газетт» напечатает это сообщение?

– Господи! – воскликнул его собеседник. – Иначе зачем бы я был здесь?

– Понимаете, меня уж раз постигла неудача.

– Знаю. Это было потому, что вы попали во враждебный лагерь. Наша газета – газета бедняков, и она держится на таком материале.

– Так, по-вашему, это не замажут?

– Ни в коем случае, можете быть уверены!

– И не похоже, что Питер Харриган заставит вас замолчать?

– Питер Харриган давно уж пытается заткнуть нам рот!

– Знаете, мне вот что интересно, – сказал Хал, – сыграет ли это свою роль?

– В каком смысле?

– Ну, заставит ли это их открыть шахту?

Китинг задумался.

– Боюсь, что не очень-то.

Хал в удивлении уставился на журналиста. Он-то был уверен, что такая огласка вынудит Компанию поторопиться. Но Китинг объяснил, что «Газетт» читают главным образом рабочие, поэтому влияние ее сравнительно невелико.

– Наша газета вечерняя, – усмехнулся он. – Когда люди с утра уже начитались всякой брехни, очень трудно заставить их поверить в истину вечером!

– Но разве другие газеты в стране не перепечатают эти материалы?

– Обязательно. У нас тоже есть агентство. Но все эти газеты такие же, как наша, – для бедняков. Если случилось что-нибудь сверхподлое и наша газета бьет, бьет на это упорно, изо дня в день, нам удастся произвести впечатление; во всяком случае, мы мешаем Западному телеграфному агентству скрывать от народа многие факты. Но когда дело касается небольших событий, вроде того, что где-то шахтеры оказались замурованными в шахте, все, что в наших силах, – это немножко досадить «Всеобщей Топливной компании».

Стало быть, Хал так ничего и не достиг!

– Придется искать других путей! – воскликнул он.

– Не вижу, что вы можете предпринять, – заметил его собеседник.

Наступило молчание. Молодой шахтер сидел погруженный в размышления.

– Раньше я собирался поехать в Уэстерн-Сити и обойти там редакции, – несколько смущенно признался он.

– Ну, об этом я могу рассказать вам все заранее – зря только выбросите деньги на билет. Они даже не посмотрят на ваш материал.

– А что, если я обращусь к губернатору?

– Во-первых, он вряд ли примет вас. А если вы даже добьетесь свидания, он пальцем не шевельнет. Какой он губернатор? Марионетка, которую держат только для виду. Харриган дернет за веревочку, он и прыгнет, вот вам и все.

– То, что он прислужник Харригана, я и раньше знал, – сказал Хал. – Но все-таки, чем мог бы я здесь помочь? – закончил он довольно растерянным тоном.

Репортер сочувственно улыбнулся.

– Видать, что это ваш первый бой с китами. Вы еще молоды. Когда лучше узнаете жизнь, то предоставите людям постарше решать такие вопросы!

Но Хал не понял сарказма репортера. Разве не эти самые слова вечно повторял с тупой серьезностью его родной брат? К тому же, слишком свежи были в памяти виденные им недавно ужасы. И он воскликнул:

– Неужели вы не понимаете, мистер Китинг, что я не могу спокойно сидеть, когда гибнут эти люди?

– Будет ли им польза от того, что вы сидите, я не знаю, – отозвался его собеседник, – но что все ваши метания ничем не помогут шахтерам – в этом я твердо уверен.

– Послушайте, господа! – обратился Хал к Эдстрому в Мак-Келлеру голосом, в котором звучала мольба, словно он подозревал, что они сознательно отказываются помочь ему. – Мы обязаны что-то сделать, обязаны! Пускай я новичок, как говорит мистер Китинг, но вы-то опытные! Подумайте хорошенько, помогите мне выработать план действий!

Наступило долгое молчание. Его нарушил Эдстром.

– Видит бог, – сказал он, – я бы не прочь что-нибудь посоветовать, если б я знал что.

– Я тоже, – поддержал Мак-Келлер. – Вы бьетесь головой о каменную стену, которую вам не прошибить. Здешние государственные органы – просто филиал «Всеобщей Топливной компании». Все представители власти наперечет – жулики и преданные слуги Компании, все до единого.

– Погодите! – сказал Хал. – Давайте подумаем! А если бы у нас были честные должностные лица, что бы мы тогда предприняли? Обратились бы к районному прокурору, правда?

– Несомненно! – подтвердил Мак-Келлер.

– Вы о нем упоминали, – сказал Хал, – вы рассказывали, что он грозил возбудить дело против каких-то управляющих шахтами за подтасовку выборных бюллетеней.

– Но это было, когда баллотировалась его кандидатура!

– Верно, верно... Я помню. Джефф Коттон сказал, что он любит рабочих на словах, а на деле любит хозяев.

– Точная характеристика! – сухо отозвался Мак-Келлер.

– Хорошо, – продолжал убеждать их Хал, – и все-таки может быть, стоит мне пойти к нему, дать ему возможность показать себя. А вдруг, чем черт не шутит, он не совсем потерял совесть.

– Совесть ему ни к чему! – поправил Мак-Келлер. – Ему нужна гибкая поясница!

– Мой долг – изложить ему все факты. Если он откажется что-либо предпринять, я по крайней мере запишу весь этот разговор и дам вам, мистер Китинг, материал еще для одной статьи. Разве не так?

– Так-то так, – подтвердил репортер, – но что вы намерены от него потребовать?

– Чтобы он возбудил дело и привлек к ответственности администрацию Северной Долины.

– Но это займет много времени. Людей в шахте это не спасет.

– И все-таки угроза процесса может подействовать!

– Не думаю, чтобы посчитались с какими-то угрозами Дика Паркера, – вставил Мак-Келлер. – Хозяева знают, что в их власти заткнуть ему рот.

– А нет ли кого-нибудь еще? Может быть, мне самому обратиться в судебные органы?

– В какие?

– Не знаю. Подскажите!

– Хорошо, – сказал шотландец. – Начнем с самой первой инстанции – с мирового судьи.

– Кто он?

– Джим Андерсен, ветеринар. Как и все мировые судьи на свете, он живет мелкими взятками.

– А более высокие инстанции здесь есть?

– Есть. Окружной суд. Судья Дентон. Держит юридическую контору вместе с Ваглеменом, юрисконсульт «Всеобщей Топливной компании». Чего вы надеетесь добиться от этого господина?

– Я просто хватаюсь за любую соломинку, как всякий утопающий, – сказал Хал. – Тем не менее я повидаю всех этих людей, к, может, среди них найдется хоть один, который поспособствует. Вреда-то не будет!

– Как раз-то и будет, – сказали ему собеседники, – вас могут просто-напросто зарезать или застрелить!

– Они пойдут на это! – воскликнул Мак-Келлер. – Чего им бояться? Докажут потом, что вас пырнул ножом пьяный итальяшка в ссоре из-за женщины.

Однако Хал уже принял решение. Он надеялся провернуть все дело прежде, чем его враги что-нибудь надумают. Но только пусть никто из друзей не сопровождает его. Для Китинга и Эдстрома у него найдутся задания поважнее; Мак-Келлер же, к сожалению, недостаточно подвижен. Хал попросил Эдстрома получить на почте заказное письмо и немедленно разменять деньги. Сам он решил записать свои показания и заверить их под присягой у нотариуса. Если местные власти откажутся действовать на основании этого документа, он подаст прошение губернатору. Но для этого понадобятся деньги. Билли Китинг пусть пока пишет статью о рабочем контролере; часа через два они встретятся в гостинице «Америка», и Хал передаст ему копии своих заверенных показаний для его газеты. Хал был все еще в шахтерском комбинезоне, в котором его арестовали в лачуге Эдстрома. Но он отклонил предложение Мак-Келлера одолжить ему приличный костюм. Костюм старика наверняка будет не впору, так уж лучше пойти по делам, имея вид настоящего шахтера, чем джентльмена, одетого с чужого плеча!

Покончив с этими вопросами, Хал вышел на улицу, и Пит Хейнан, специалист по кулачным расправам, тотчас двинулся вслед за ним. Юный шахтер пустился бегом. Но сыщик не отставал. Так они бежали по улице к великому удивлению прохожих. Но поскольку Хал имел опыт в беге на скорость, его преследователь был, несомненно, очень рад, что прокуратура находилась неподалеку.

– Мистер Ричард Паркер занят, – заявил в приемной прокурора клерк. Но это не огорчило Хала – он хоть пока отдышится! Клерк с любопытством разглядывал красного, запыхавшегося посетителя. Но Хал не стал ничего ему объяснять, а верзила Пит остался ждать на улице.

Через несколько минут мистер Паркер принял посетителя. Это был откормленный джентльмен с могучей шеей и жирным подбородком, свежесбритый, со следами пудры на лице. На нем был прекрасный костюм и белоснежная рубашка, и он производил впечатление человека, который преуспел в жизни. На столе перед ним лежали разные бумаги, и вид у него был чрезвычайно занятой.

– В чем дело? – спросил он, окинув взглядом юного шахтера.

– Я имею честь говорить с прокурором графства Педро?

– Да.

– Мистер Паркер, обратили ли вы внимание на обстоятельства катастрофы в Северной Долине?

– Нет, – сказал мистер Паркер. – А что?

– Я только что прибыл из Северной Долины и могу сообщить вам кое-какие небезынтересные факты. В шахте замуровано сто семь человек. Администрация закрыла доступ в шахту, пожертвовав этими людьми.

Прокурор отложил в сторону свою корреспонденцию и внимательно из-под тяжелых век посмотрел на посетителя.

– А вам откуда это известно?

– Я уехал из Северной Долины несколько часов назад. Эти факты известны всем рабочим в поселке.

– Вы говорите это понаслышке?

– Нет, я это говорю как очевидец. Я был свидетелем катастрофы. Я видел, как вход в шахту заколотили досками и покрыли брезентом. Я знаю человека, которого сегодня утром выселили из Северной Долины за то, что он возмущался проволочкой с пуском вентилятора. После взрыва прошло уже трое суток, но еще ничего не сделано.

Мистер Паркер начал задавать ему вопросы тем резким, подозрительным тоном, который характерен для профессиональных обвинителей. Но Хал был не против этого: ведь обязанность прокурора прежде всего установить факты.

Паркер спросил, где он может найти подтверждение этого рассказа.

– Вам придется туда поехать, – ответил Хал.

– Вы заявляете, что эти факты известны всем рабочим. Назовите несколько фамилий!

– Я не уполномочен называть их фамилии, мистер Паркер.

– Какие еще полномочия вам нужны? Мне-то они ведь все подтвердят?

– Может, да, а может, и нет. Один из них уже потерял работу. Не всякий решится пожертвовать работой.

– Что ж, вы рассчитываете, что я отправлюсь туда по вашему голословному заявлению?

– Это не голословное заявление! Я дам вам документ – мои показания под

присягой.

– А почему я знаю, кто вы?

– Вы знаете, что я работал в Северной Долине. Можете это проверить по телефону. Мое имя и фамилия – Джо Смит, я был подручным шахтера в шахте номер два.

Но Паркер признал это недостаточным: он слишком дорожит своим временем, и прежде чем предпринять поездку в Северную Долину, должен видеть фамилии свидетелей, которые подтвердят эти показания.

– Я предлагаю вам заверенный документ! Мне доподлинно известно, что в данную минуту совершается преступление – сто семь человек брошены на гибель, я вам заявляю официально. Неужели вы не считаете это достаточным основанием хотя бы для запроса?

Прокурор снова заявил о своем желании выполнить служебный долг и оградить права рабочих. Но он должен убедиться, что это не авантюра; ему прежде всего нужен список свидетелей. Хал старался угадать побуждения этого человека: цепляется ли он за первый попавшийся предлог, чтобы уклониться от действий, или, несмотря на официальный пост, он докатился до того, что собирается услужить «Всеобщей Топливной компании» списком «смутьянов»?

Но при всем своем недоверии Хал решил помочь прокурору разобраться в обстоятельствах дела. Он подробнее рассказал о катастрофе. Он как бы водил мистера Паркера по Северной Долине и показывал ему обезумевших от горя женщин и испуганных детей, которых отгоняют дубняками и револьверами от шахты. Он перечислял одну за другой семьи, потерявшие мужей, отцов и сыновей. Он рассказал о шахтерах, которые упрашивали, чтобы им разрешили рискнуть жизнью ради спасения товарищем. Он дал волю чувствам и горячо ратовал за своих страдающих друзей. Но прокурор прервал поток его красноречия вопросом:

– Позвольте спросить вас, молодой человек, сколько времени вы проработали в Северной Долине?

– Около десяти недель.

– А много ли вы до этого работали на шахтах?

– Это мой первый опыт.

– И вы считаете, что за десять недель вы так хорошо все изучили, что имеете теперь право обвинять в предумышленном убийстве лиц, посвятивших всю свою жизнь совершенствованию в горном деле?

– Я уж вам говорил, – воскликнул Хал, – что это не только мое мнение! Это – мнение старейших и опытнейших шахтеров! Я повторяю вам: никто не сделал даже попытки спасти этих людей. Администрацию не интересует жизнь рабочих! Один из них – Алек Стоун – заявил во всеуслышание: «Черт с ними, с людьми, – спасайте мулов!»

– Все тамошние люди возбуждены сейчас до крайности, – заметил прокурор. – Никто не способен трезво рассуждать, да вы и сами не способны! Если в шахте пожар и он распространяется с такой быстротой, что его нельзя потушить...

– Позвольте, мистер Паркер, откуда вы знаете, что пожар распространяется

с такой быстротой?

– А вы откуда знаете, что это не так?

Хал не ответил.

– Насколько мне известно, – вдруг сказал прокурор, – здесь должен находиться заместитель главного горного инженера. Как его фамилия?

– Кармайкл, – подсказал Хал.

– Ну, а он-то что говорит?

– Именно за обращение к этому господину был выселен из Северной Долины шахтер Хузар.

– Так, – сказал мистер Паркер, и по его голосу Хал понял, что он нашел, наконец, оправдание. – Что ж, это дело Кармайкла, я тут вмешиваться не имею права. Если он явится ко мне с требованием обвинительного заключения, я займусь этим вопросом, но никак не в ином случае. На этом мы с вами покончим.

Хал поднялся.

– Очень хорошо, мистер Паркер, – сказал он, – я вам изложил все факты. Меня предупреждали, что вы пальцем не шевельнете, но я думал все-таки вас убедить. Теперь я буду требовать у губернатора вашей отставки.

С этими словами юный шахтер покинул прокурорский кабинет.

Хал пошел в гостиницу «Америка», где к услугам желающих имелась стенографистка. Когда эта молодая особа услышала, какой документ ей придется писать, пальцы ее явно задрожали, но она не отказалась от работы, и Хал подробно продиктовал обстоятельства, при которых заколотили вход в шахту № 1 в Северной Долине. Свое заявление он закончил требованием ареста Эноса Картрайта и Алека Стоуна. Затем он продиктовал свои показания о том, как рабочие избрали его контролером, но администрация не допустила к исполнению обязанностей. Вспомнив все известные ему юридические термины, Хал потребовал ареста за эти преступления двух человек: Эноса Картрайта и Джеймса Питерса – заведующего весовой. В третьем своем документе Хал рассказал о том, как начальник охраны Джефф Коттон среди ночи напал на него, издевался над ним, продержал его в течение тридцати шести часов в тюрьме, не предъявив ни обвинения, ни ордера на арест, а также о том, что Коттон, Пит Хейнан и двое других лиц, чьи фамилии ему неизвестны, незаконно выпроводили его из Северной Долины, угрожая физической расправой. За это он просил арестовать Джеффа Коттона, Пита Хейнана к тех двух лиц, чьи фамилии остались ему неизвестны.

Не успел еще Хал закончить эту работу, как явился Билли Китинг и принес двадцать пять долларов, полученные Эдстромом на почте. Они нашли нотариуса, в присутствия которого Хал клятвенно подтвердил правдивость каждого документа. Когда нотариус должным образом все это подписал, приложив печать с гербом штата. Хал отдал вторые экземпляры Китингу, который сразу же побежал на вокзал, чтобы поспеть к почтовому поезду, уходившему в Уэстерн-Сити. На почту сдать такие важные документы Билли не решился – «Опасно в таком сволочном городе!» Когда Хал и Китинг выходили от нотариуса, они заметили, что их эскорт увеличился: появился еще

одни здоровенный детина, даже не пытавшийся скрывать, в чем состоят его обязанности.

Хал завернул за угол и направился к дверям конторы, где сбоку была прибита дощечка: «Дж. У. Андерсен, мировой судья».

Джим Андерсен, ветеринар, сидел за письменным столом. До того как сей господин удостоился чести стать судьей, он, очевидно, имел привычку жевать табак; об этом свидетельствовали пятна на его рыжеватых усах. Хал подметил и эту мелочь, прикидывая свои шансы на успех. Он вручил судье свой документ, где описывалось, какому издевательствам его подвергли в Северной Долине, и долго сидел, наблюдая, как Его честь с непостижимой медлительностью читал этот документ.

– Так, – заговорил, наконец, судья, – чего же вы добиваетесь?

– Ордера на арест Джеффа Коттона.

С минуту судья глядел на него, потом сказал:

– Нет, молодой человек, такого ордера вы здесь не получите.

– Почему?

– Коттон – помощник шерифа. Он имел право арестовать вас.

– Арестовать меня без ордера?

– Откуда вы знаете, что у него не было ордера?

– Он сам мне в этом признался.

– Все равно – был у него ордер или нет – его прямая обязанность поддерживать порядок на шахте.

– То есть вы считаете, что он вправе делать там все, что ему заблагорассудится?

– Я считаю, что не мое дело вмешиваться в его поступки. Почему вы не обратились в Северной Долине к Адамсу?

– Мне не дали возможности повидать его.

– К сожалению, я не в состоянии ничего для вас сделать, – сказал судья. – Посудите сами: хорошенький был бы порядок на шахтах, если бы каждый недовольней рабочий являлся сюда и получал ордер на арест начальника охраны!

– Значит, для начальника охраны не существует законов?

– Я этого не говорил.

– Предположим, что он совершит убийство, в этом случае вы дадите ордер на его арест?

– Конечно.

– А если бы вы знали, что в данную минуту он совершает убийство у себя на шахте, попытались бы вы остановить его?

– Конечно.

– В таком случае вот вам второй документ, – сказал Хал и положил перед судьей свое заявление о заколоченной шахте. В наступившей тишине судья Андерсен прочитал его до конца.

– Нет, – сказал он, наконец, покачивая головой, – таких ордеров вам никогда здесь не получить.

– Почему?

– Потому что не мое дело управлять шахтами! Я в том ничего не смыслю и поставил бы себя в дурацкое положение, если бы полез учить людей, как им управлять собственным предприятием!

Хал начал спорить. Неужели шахтная администрация может совершать в отношении рабочих любые беззакония и все будет считаться правильным? Стало быть, в такой экстраординарном случае, как этот, их власть на шахтах дает им право распоряжаться жизнью и смертью ста семи рабочих – взрослых и подростков. Неужели закон будет молчать при таких обстоятельствах?

Но мистер Андерсен только покачал головой: в чужие дела вмешиваться он не собирается. Если молодому человеку угодно, он может пойти в окружной суд и поговорить по этому поводу с судьей Дентоном. Итак, Хал собрал свои бумаги и вышел на улицу, где поджидало теперь уже трое молодчиков, чтобы составить его эскорт.

5

Шла сессия окружного суда, и Халу пришлось с полчаса просидеть в зале заседаний, наблюдая судью Дентона. Этот тоже имел вид процветающего, откормленного джентльмена – его круглая румяная физиономия так и лоснилась над шелковой судейской мантией. Юный шахтер поймал себя на том, что с недоверием разглядывает и румяную физиономию и черную мантию. Неужели он сам становится скептиком и теряет доверие к людям? Внешность судьи наводила его на мысль, что судейское кресло может обеспечить сытую жизнь, если компаньон судьи стоит перед ним, защищая в качестве юрисконсульта интересы углепромышленников.

Во время перерыва Хал обратился к секретарю и тот ответил, что судья может принять его в половине пятого. Но через несколько минут в зал вошел Пит Хейнан и что-то тихо сказал секретарю. Тот поглядел на Хала, потом шагнул к судье и принялся шептать ему на ухо. В половине пятого, когда судебное заседание окончилось, судья поднялся и исчез в дверях, ведущих в его кабинет. Хал напомнил о себе секретарю, но тот, вернувшись из кабинета, заявил, что судья Дентон занят и не может принять посетителя.

Но от Хала не так-то легко было отделаться. Из зала вела боковая дверь в коридор. Разговаривая с секретарем, Хал вдруг заметил мелькнувшую в коридоре красную физиономию судьи.

Хал бросился за ним. Он не кричал и не шумел, но, очутившись рядом со своей жертвой, сдержанно сказал:

– Судья Дентон, я обращаюсь к вам за правосудием.

Тот обернулся и недовольно поглядел на него:

– Что вам угодно?

Положение было щекотливое, так как Пит Хейнан стоял позади и достаточно было судье кивнуть ему, чтобы сыщик схватил Хала за шиворот. Но, застигнутый врасплох, судья позволил юному шахтеру вовлечь его в разговор. Сыщик растерялся и отступил на два шага назад.

Хал повторил свое заявление.

– Ваша честь, сто семь рабочих – взрослых и подростков – гибнут сейчас в

шахте в Северной Долине. Их убивают, а я пытаюсь спасти их!

– Молодой человек, – сказал судья, – я спешу по очень важному делу.

– Отлично, – отозвался Хал. – Я пойду с вами и по дороге изложу вам свою жалобу.

И, не дав «Его чести» возможности высказать согласие или несогласие, Хал пошел с ним рядом, а Пит Хейнан и двое других сыщиков двинулись следом на расстоянии десяти шагов.

Хал повторил всю историю, как рассказывал ее судье Паркеру, и услышал тот же самый ответ: такие вопросы не легко разобрать и вряд ли они касаются судьбы. В городе есть специальный горный инженер штата, он один уполномочен решить, совершено ли в данном случае правонарушение.

Хал еще раз заявил, что человек, обратившийся к этому инженеру, был выселен из Северной Долины.

– И меня тоже выгнали оттуда, Ваша честь.

– А вас за что?

– Мне этого никто не сказал!

– Та-та-та, уж положим, молодой человек! Никого без причины не выгоняют!

– Вот именно – выгоняют, Ваша честь! А до этого они посадили меня в тюрьму и продержали там тридцать шесть часов, без малейшего права!

– Ну уж, вероятно, вы в чем-то провинились!

– Я провинился в том, что шахтерский комитет выбрал меня своим контролером у весов.

– Контролером у весов?

– Да, Ваша честь. Мне известно, что существует закон насчет того, что, если рабочие требуют контролера и согласны оплачивать его труд, Компания обязана допустить его к проверке записи их выработки. Правильно я говорю?

– По-моему, да.

– И существует наказание за нарушение этого закона?

– За нарушение любого закона, молодой человек, предусмотрено наказание.

– Мне сказали, что этот закон существует в кодексе около пятнадцати лет и за его нарушение полагается штраф от двадцати пяти до пятисот долларов. Это совершенно бесспорное дело, Ваша честь. Шахтеры сообщили управляющему, что они нуждаются в моих услугах, но, когда я явился в весовую, меня не допустили к весам. Затем меня схватили, бросили в тюрьму и в конце концов выгнали из Северной Долины. Я зафиксировал все это в заявлении, которое сделал под присягой. Полагаю, я имею право требовать ордер на арест виновных.

– Можете вы указать свидетелей, которые подтвердят ваше заявление?

– Могу, Ваша честь. Один из членов шахтерского комитета – Джон Эдстром – находится сейчас в Педро, так как его не пускают вернуться в арендованный им дом, за который он аккуратно платил. Второй – Майк Сикориа – тоже изгнанный оттуда. В Северной Долине есть еще много людей, которые в курсе всего.

Он замолчал. Судья Дентон в первый раз внимательно посмотрел на юного шахтера, шагавшего рядом. Потом он сосредоточенно нахмурил брови и произнес медленно и важно:

– Я займусь этим делом. Ваша фамилия и адрес, молодой человек?

– Джо Смит, Ваша честь. Я поселился в доме Эдуарда Мак-Келлера, но не знаю, сколько я смогу там жить. Шпионы Компании установили слежку за домом.

– Пустые выдумки! – нетерпеливо прервал судья.

– Их трое, – продолжал Хал, – и сейчас они следуют за нами по пятам. Одни из этих шпионов – Пит Хейнан – помог выпроводить меня из Северной Долины. Если вы сообразоволяете обернуться, вы увидите всех троих позади нас.

Но дородный судья не сообразоволял обернуться.

– Меня предупредили, – продолжал Хал, – что, предпринимая эти шаги, я ставлю под угрозу свою жизнь. Полагаю, что я имею право просить у вас защиты.

– Конкретно, чего вы от меня хотите?

– Во-первых, чтобы вы распорядились об аресте этих субъектов, которые преследуют меня.

– Подобные аресты не входят в мои обязанности. Обратитесь к постовому полисмену.

– Я не вижу тут полисмена. Не скажете ли вы мне, где его найти?

Такая настойчивость начинала уже раздражать судью.

– Молодой человек, – сказал он, – знаете, в чем ваша беда: вы начитались бульварных романов и это чтение расстроило вам нервы.

– Но эти люди здесь, за моей спиной! Поглядите сами!

– Я уже вам сказал, молодой человек, что это не входит в мои обязанности.

– Меня могут убить прежде, чем я найду полисмена!

Но эта перспектива нисколько не встревожила судью.

– И еще скажу вам, Ваша честь, – настаивал Хал, – пока вы будете рассматривать это дело, люди в шахте успеют умереть!

Судья не ответил.

– У меня с собой есть письменные показания. Вы желаете их взять?

– Если хотите, можете оставить, – ответил судья.

– Но вы у меня их не просите?

– Пока нет.

– Разрешите задать еще один вопрос. Извините, Ваша Честь, но не можете ли вы сказать, где мне найти хоть одного честного адвоката в этом городе – такого, который согласился бы повести процесс против «Всеобщей Топливной компании»?

Последовало молчание – долгое и упорное. Судья Дентон из фирмы «Дентон и Ваглемен» медленно шел по улице, уставившись взглядом вперед. Какие бы бури ни бушевали в его душе, на бесстрастном лице судьи ничего не отражалось.

– Нет, молодой человек, – сказал он, наконец, – не моя это обязанность давать вам справки об адвокатах!

С этими словами судья резко повернулся и скрылся за дверью фешенебельного клуба.

6

Хал стоял и смотрел вслед этому представительному господину, пока тот не исчез; затем круто повернул назад и прошел мимо трех застывших на месте сыщиков. Проходя, он поглядел на них, но не подал виду, что знает, кто они, и они ответили ему тем же. Но, пропустив Хала на двадцать шагов вперед, сыщики снова двинулись за ним.

Судья Дентон дал совет обратиться к полисмену. Хал вдруг заметил, что он очутился возле здания муниципалитета, – так, может быть, стоит зайти и подать жалобу мэру города Педро по поводу слежки? Любопытно, каков из себя главный представитель власти в этом паршивом городишке! Хал попросил о приеме и вскоре очутился в кабинете Эзры Перкинса, маленького, вежливого джентльмена, который долго владел похоронным бюро, прежде чем стать марионеточным градоправителем, избранным так называемой демократической машиной.

Перкинс нервно пощипывал свою холеную каштановую бородку, стараясь вывернуться из трудного положения, в которое поставил его Хал. Вполне возможно, что на улицах этого города за молодым шахтером следят; но законно это или нет – зависит от обстоятельств. Если он бунтовал народ в Северной Долине и есть основания, подозревать, что он намерен причинять неприятности в дальнейшем, то, несомненно, Компания будет приглядывать за ним! Но город Педро чтит законы, и никто не отнимет у молодого человека его прав, если он будет хорошо себя вести.

Хал ответил примером, слышанным от Мак-Келлера про людей, которые были убиты среди бела дня, но мистер Перкинс возразил, что осталась неясность по поводу обстоятельств гибели этих людей; во всяком случае, это имело место до того, как он вступил на пост мэра. С тех пор он подтянул административный аппарат и строго приказал начальнику полиции, чтобы подобные происшествия больше не повторялись.

– Не пойдете ли вы сейчас со мной к начальнику полиции напомнить ему о своем приказе? – попросил Хал.

– Я не считаю это нужным, – сказал мистер Перкинс.

Мэр, по-видимому, собирался домой. Это оказался жалкий заяц, которого грех было мучить. Но Хал приставал к нему еще минут двадцать, убеждая и настаивая, пока, наконец, зайчишка не бросился за дверь, а оттуда – к своему автомобилю.

– Сходите сами к начальнику полиции! – крикнул он напоследок, уже отъезжая, и Хал решил последовать его совету. Надежды уже не оставалось, но какое-то упрямое бешенство обуревало его. Нет, он ни за что не отступит!

Справившись у прохожего, Хал узнал, что управление полиции помещается в этом же самом здании, – вход за углом. За письменным столом в управлении сидел человек в форме и писал. Начальник вышел на несколько минут, сказал он. Хал уселся ждать и наблюдал в окно троих бандитов,

околачивавшихся на противоположном тротуаре.

Человек за столом продолжал писать, время от времени поглядывая на Хала с той враждебностью, которую усвоила себе американская полиция по отношению к низшим классам общества. Хал впервые столкнулся с этим явлением и вдруг пожалел, что не надел костюма Мак-Келлера. Ведь полисмен мог и не заметить, что он с чужого плеча!

Вошел начальник. Под синим мундиром скрывалось жирное брюхо, а по мокрым усам можно было догадаться, что он уходил с работы, дабы нанести визит в пивную.

– Чего тебе, малый? – спросил он, устремив взгляд на посетителя.

Тот объяснил цель прихода.

– А я-то здесь при чем? – спросил начальник явно враждебным тоном.

– Я хочу, чтобы вы запретили этим людям ходить за мной.

– Как я могу им это запретить?

– Вы можете арестовать их, если понадобится. Подойдите, пожалуйста, к окну, я вам их укажу.

Но начальник не двинулся с места.

– Полагаю, раз они следят за тобой, у них есть какие-то основания. Небось наскандалил там на шахте? – Он спросил это с такой неожиданной злобой, словно вообразил, что его прямой долг упрятать Хала в тюрьму.

– Нет, – сказал Хал со всей смелостью, на какую был способен. – Даю слово, я не скандалил! Я только требовал своих прав.

– А я почему знаю, что ты там делал!

Юный шахтер готов был объяснить, но начальник полиции круто оборвал его:

– Вот что, парень, веди себя прилично а этом городе, никто тогда тебя не тронет!

– Но ведь они мне угрожали, что тронут!

– А что они тебе сказали?

– Да вот, что со мной может что-нибудь случиться темной ночью.

– Кто ж спорит – конечно, может! Упадешь, например, и расквасишь нос!

Начальник полиции пришел в веселое настроение от своей остроты, но в следующий миг к нему вернулась серьезность:

– Запомни, малый, мы тебе предоставляем права в нашем городе, но агитаторов мы здесь не любим и скрывать это не собираемся. Ясно?

– Вы называете агитаторами и тех людей, которые добиваются своих законных прав?

– У меня нет времени спорить с тобой. Поддерживать порядок на шахте – дело нелегкое. И я в него соваться не собираюсь. Считаю, что у сыщиков угольной компании не менее прав в нашем городе, чем у тебя.

Наступила пауза. Хал понял, что дальнейшее препирательство с начальником полиции ничего ему не даст. Сейчас он впервые увидел американского полицейского таким, каким его видит рабочий, если пытается протестовать против чего-нибудь, и для Хала это был весьма поучительный урок. Динамит был у него в сердце, когда он повернулся и вышел на улицу; и

его взрывчатая сила не уменьшилась при виде дерзкой ухмылки на лицах Пита Хейнана и двух других молодцов.

7

Хал пришел к выводу, что он уже испробовал в Педро все официальные пути; начальник полиции также не назвал никого, к кому он мог бы обратиться, поэтому оставалось только вернуться к Мак-Келлеру и дожидаться там вечернего поезда в Уэстерн-Сити. Чтобы подразнить своих телохранителей и заодно дать выход своему гневу, Хал пустился бегом по улице. Однако оказалось, что те заранее предусмотрели подобное осложнение. К тротуару подкатил автомобиль, и вся троица вскочила в него. Чтобы не ударить лицом в грязь, Хал нанял такси, и вся экспедиция с помпой подкатила к дому Мак-Келлера.

Хал нашел старого калеку в большом возбуждении. Весь день, не умолкая, в его квартире звонил телефон. Люди – один за другим – предостерегали его; одни умоляли, другие негодовали. Несомненно, среди этих людей были и такие, с кем старик считался, но он был непоколебим и даже слушать не захотел предложения Хала уйти в гостиницу и пробыть там до вечера.

Вскоре вернулся Китинг и рассказал очень интересную историю. Шулмон, главный управляющий «Всеобщей Топливной компании», разослал за ним во все стороны гонцов, и когда, наконец, заполучил его в свой кабинет, то долго с ним спорил, уговаривал, упрашивал и пугал. Он вызвал по телефону Картрайта, и управляющий шахты изо всех сил старался убедить репортера, что тот возвел поклеп на Компанию. Что же касается Джо Смита, то Картрайт заявил, что он пытался вымогать у Компании деньги.

– Он, между прочим, добавил еще, что вы соблазнили там у них какую-то девушку, – сказал Китинг.

Хал удивленно посмотрел на своего приятеля.

– Я соблазнил девушку?

– Да, он так сказал. Какую-то рыжую ирландку.

– Черт бы его побрал!

Последовало молчание, прерванное смехом Билли:

– Что вы на меня так злобно смотрите? Это же не я сказал, а он!

Но Хал не мог успокоиться:

– Ох, подлец, сукин сын!

– Не принимайте этого так близко к сердцу, голубчик. Обыкновенная система: всегда ведь найдется женщина! Наверное, какая-то была и у вас?

– Она совершенно порядочная девушка!

– Но вы к ней хорошо относились? Ходили с ней куда-нибудь, где люди вас видели?

– Да.

– Ну вот, значит и попались. Тут уж вы ничего не можете поделать!

– Как не могу? – вскипел Хал. – Вот увидите!

Собеседник с любопытством посмотрел на сердитого юношу:

– Ну, например? Поймаете его в темноте и отдубасите?

Но юный шахтер ничего ему на это не ответил, а только спросил:

– И он вам описал эту девушку?

– Он весьма любезно сообщил, что она рыжеволосая красотка, у которой единственный защитник – пьяница-отец. Я понимаю, что ей теперь нелегко будет в таком месте. – Китинг помолчал, потом заговорил снова: – Но поймите, устроив скандал, вы только повредите девушке. Никто не верит в добродетель шахтерских дочек. Ей-богу, я сам не верю, когда вспоминаю, что за личности хозяйничают на шахтах и какой они там пользуются властью.

– Мистер Китинг, – перебил Хал, – но вы приняли за чистую монету то, что сказал вам Картрайт?

Китинг закуривал в этот момент сигару, но остановился и поглядел Халу в глаза.

– Мой милый мальчик, – сказал он, – я вовсе не считаю, что должен иметь мнение по этому вопросу.

– Но что вы ответили Картрайту?

– А! Вот это другое дело! Я сказал, что я уже зубы проел на своем газетном деле и понимаю все его фокусы.

– Спасибо вам за это, – сказал Хал. – Если хотите знать, то в рассказе Картрайта нет ни одного слова правды.

– Рад это слышать, – сказал репортер. – Я вам верю.

– И еще, если хотите знать, я этого дела не оставлю, пока Картрайт не возьмет свои слова назад!

– Здорово! Боевой юнец! – рассмеялся репортер. – Вам мало, видно, катавасии, которую вы затеяли, чтобы спасти всех ваших шахтеров!

8

Билли Китинг снова ушел – на сей раз к одному знакомому, который, он надеялся, согласится поговорить с ним с глазу на глаз насчет последствий всей этой истории для Хала. Тем временем Хал и Эдстром уселись обедать с Мак-Келлером. Хозяева не рискнули обедать в столовой и потому накрыли маленький столик в коридоре наверху. Дочь и жена Мак-Келлера не скрывали своего волнения, и Хал особенно остро понял, как ужасна жизнь в этом угольном районе. Вот перед ним американские женщины в американском доме, на котором лежит печать изящества и культуры; однако они себя чувствуют и поступают так, как какие-нибудь русские заговорщики под угрозой Сибири и розог.

Репортер не возвращался часа два. Зато явился он с новостями:

– Готовься, парень, к беде!

– В чем дело?

– Джефф Коттон в Педро!

– Откуда вы знаете?

– Видел его в автомобиле. Раз он решился в такой момент покинуть Северную Долину, значит готовится что-то серьезное, можно не сомневаться!

– Что ж он задумал?

– Трудно сказать. Захочет – пристрелит тебя, а захочет – вывезет из города

и бросит в пустыне, по меньшей же мере – арестует.

Хал на миг призадумался.

– За что же? За клевету?

– А почему не за бродяжничество? А почему не по подозрению, что ты ограбил банк в Техасе или убил свою прабабушку в Тасмании? Главное – это продержат тебя под замком, пока не улягутся все страсти.

– Ясно, – сказал Хал. – А я вот не желаю сидеть под замком. Предпочитаю уехать в Уэстерн-Сити. Я только дожидаюсь поезда.

– Возможно, придется ждать до утра, – ответил Китинг. – На железной дороге что-то случилось: разбился товарный вагон и загромоздил путь, это история надолго.

Все принялись горячо обсуждать новую проблему. Мак-Келлер предложил позвать человек шесть друзей и установить на всю ночь охрану возле Хала. Хал уже готов был на это согласиться, когда случайное замечание Китинга повернуло беседу в другое русло:

– А знаете, кого еще задержала эта железнодорожная катастрофа? Сына угольного короля!

– Сына угольного короля? – как эхо, переспросил Хал.

– Да – юного Перси Харригана. На станции стоит его салон-вагон, вернее – его личный поезд. Подумайте только: вагон-ресторан, вагон-гостиная и два спальных вагона. Вы, верно, тоже бы не прочь быть сыном угольного короля?

– Он приехал в связи с катастрофой на шахте?

– С катастрофой на шахте! – передразнил Китинг. – Сомневаюсь, что он о ней даже слышал! Мне рассказывали, что он путешествовал по Большому каньону. К поезду прицеплен товарный вагон с четырьмя автомобилями.

– А старый Харриган с ними тоже?

– Нет. Старик в Нью-Йорке. Перси привез с собой гостей. Ему выгрузили из вагона один из автомобилей, и он сегодня разъезжал по городу. С ним было еще двое мужчин и несколько девушек.

– А кто его гости?

– Мне не удалось узнать. Вот это был бы репортаж для нашей газеты: сын угольного короля случайно приезжает в тот момент, когда сто семь его рабов гибнут в шахте. Если бы только выудить из него хоть одно словечко про катастрофу! Пусть хотя бы сказал, что он ничего о ней не знает!

– А вы пробовали спросить?

– Еще бы! Что я, не репортер?

– Чего же вы добились?

– Да ничего. Он меня как водой холодной окатил.

– Где это происходило?

– На улице. Автомобиль остановился у аптеки, и я сразу же подскочил: «Мистер Перси Харриган, если не ошибаюсь?» Он смотрел в окно аптеки, мимо меня. «Я репортер, – сказал я, – хотел бы поговорить с вами о катастрофе в Северной Долине». «Разрешите пройти», – сказал он таким тоном, что, как вспомню, кровь стынет у меня в жилах! «Одно только слово!» – взмолился я. «Я не даю никаких интервью», – ответил он и продолжал смотреть мимо меня,

и остальная компания тоже. Как только я заговорил, они застыли, как истуканы. Никогда еще я не чувствовал себя таким ничтожным пигмеем!

Наступила пауза, затем Билли продолжал, как бы рассуждая сам с собой вслух:

– Поразительно, как быстро можно вырастить собственную аристократию! Посмотреть на этот автомобиль, на этих людей, на их надменные лица, так подумаешь, что они правят миром со времен Вильгельма Завоевателя. А ведь старый Питер Харриган, когда приехал сюда, ходил с мешком на спине и торговал вразнос всякой дребеденью!

– Дух предпринимательства! – вставил Мак-Келлер.

– Этот дух скоро превратит нашу жизнь в сущий ад, – сказал репортер. – Но в этой компании все же была одна девушка – ну, просто очарование! Меня она сразила молниеносно. На ней было все такое воздушное, как теперь носят, мягкое, пушистое, напоминающее весенний сад. И сама она точно яблонька в цвету.

– На вас, значит, действуют женские чары? – полушутя спросил Хал.

– Да, – ответил его собеседник. – Я знаю, что все это обман, но все-таки сердце мое замирает. Мне всегда хочется верить, что у такой девушки и душа такая же красивая, как личико!

Лицо Хала озарилось мечтательной улыбкой.

С Мэри-Джейн мы вдвоем
прогуляться идем
под луной, средь зеленых полян.

Он произнес это и сам же сразу рассмеялся:

– Душа у вас нараспашку. Китинг! Берегитесь, не то эта девушка возьмет да и клюнет вас прямо а сердце.

– На что ей такой жалкий газетный червь?

– Не червь, а человек! – рассмеялся Хал. – Я не собираюсь обвинять эту девушку в рисовке, но каждая женщина в жизни – актриса, и всегда не прочь прорепетировать свою роль.

Снова наступила пауза. Репортер разглядывал молодого шахтера с внезапным любопытством.

– Знаете что, – произнес он, наконец, – дивлюсь я на вас! Откуда вы так хорошо знаете психологию привилегированных классов?

– Когда-то я сам был богат, – ответил Хал. – Но мол семья скатилась вниз с такой же скоростью, с какой Харриганы поднялись вверх!

9

Хал принялся расспрашивать Китинга про эту девушку, похожую на яблоньку в цвету.

– Я, может, догадаюсь, кто она. Какие у нее волосы?

– Цвета паточных леденцов, когда их растягивают в длинные нити, – сказал Билли, – но только у нее они пышные в восхитительные, сверкающие

звездной россыпью. Глаза у нее темные, а щеки – как кровь с молоком.

– И, вероятно, два ряда жемчужных зубов, которые сверкнули, когда она улыбнулась?

– Увы, мне она не улыбнулась!

– Но взгляд ее темных глаз – удивленных, широко открытых – был устремлен на вас?

– Только не на меня, а куда-то мимо!

– А на голове у нее была мягкая соломенная шляпка с целой клумбой белых цветов, с вуалью серо-зеленого цвета и кремовой лентой?

– Клянусь богом, вы ее видели! – воскликнул репортер.

– Может, видел, а может, описываю красотку с обложки какого-нибудь журнала. – Хал улыбнулся, но, заметив любопытство репортера, прибавил: – Я, кажется, действительно знаю эту особу. Вы не рискуете, если напишете, что среди гостей Харригана находилась мисс Джесси Артур.

– Я не могу себе позволить ни малейшего риска, – сказал репортер. – Вы говорите про дочь Роберта Артура?

– Я говорю о законной наследнице банкирской конторы «Артур и Сыновья», – сказал Хал. – Случайно я знаю ее в лицо.

– Как так?

– Я работал в магазине, куда она часто заходила.

– Где это было?

– Магазин Петерсон и Компания, в Уэстерн-Сити.

– Ого! И что, она покупала у вас сласти?

– Финики, начиненные орехами.

– И ваше сердечко так трепыхало, что вы неспособны были сосчитать сдачу?

– Разок-другой даже передал ей лишнее.

– И вы тоже не могли решить, соответствуют ли ее душевные качества этой дивной красоте? Иногда трепетали от надежды, а затем – превращались в мрачного циника, пока, наконец, с отчаяния не бросили все и не сбежали на шахту?

Оба расхохотались; к ним присоединились и Мак-Келлер с Эдстромом. Но к репортеру сразу же вернулась серьезность.

– Мне надо все-таки побегать по городу! – воскликнул он. – Я должен выудить у этих людей хоть несколько слов про катастрофу. Подумайте, какой это был бы материал!

– Но как вы этого добьетесь?

– Не знаю. Но попытаться я должен. Буду околачиваться возле поезда; может быть, удастся залучить для беседы кого-нибудь из проводников.

– Интервью с проводником вагона угольного короля, – со смехом сказал Хал. – Что чувствует человек, когда стелет постель миллиардеру?

– Или что он чувствует, когда отвешивает банкирской дочке финики! – парировал репортер.

Теперь настала очередь Хала стать серьезным.

– Слушайте, Китинг, – сказал он, – почему не послать меня

проинтервьюировать Харригана-младшего?

– Вас?

– Да, именно меня. Ведь я один из его шахтеров! Я же помогаю добывать для него деньги, не так ли? Я и должен рассказать ему про Северную Долину!

Заметив, что репортер не сводит с него взволнованного взгляда, он продолжал:

– Я был у прокурора, у мирового судьи, у председателя окружного суда, у мэра и у начальника полиции. Почему бы мне не пойти теперь к самому хозяину?

– Черт побери! – вскричал Китинг. – У вас наверняка хватит на это смелости!

– Наверняка! – спокойно сказал Хал.

Обезумев от восторга, репортер неуклюже вылез из своего кресла.

– Что ж, давайте!

– Я готов, – ответил Хал.

– Вы серьезно?

– Вполне.

– В этом костюме?

– Конечно. Я один из его шахтеров.

– Нет, так не годится! – вскричал репортер. – Без хорошего костюма вам к нему и близко не подойти!

– Вы в этом уверены? Ведь точно так одеты железнодорожные рабочие. Допустим, что случилась какая-нибудь неисправность в одном из его вагонов, – ну, например, кран испортился...

– Но кондукторов и проводников вам не одурачить!

– Кто знает, а вдруг – да? Попробуем!

Китинг молча обдумывал предложение.

– В конце концов не беда, даже если не удастся. Об той попытке стоит рассказать под таким заголовком: «Обращение к сыну угольного короля одного из его рабов. Жестокосердная Плутократия отвергает мольбы рабочих».

– Ага! – согласился Хал. – Но я твердо решил пробраться к нему. Как вы думаете, успел он уже вернуться ж себе в поезд?

– Когда я уходил, они поехали туда.

– А где этот поезд?

– Мне сказали, что он стоит за двести – триста ярдов к востоку от вокзала.

Мак-Келлер и Эдстром внимательно слушали этот волнующий разговор.

– Тогда это прямо за моим домом! – вскричал хозяин.

– Состав короткий – четыре салон-вагона и один товарный. Его легко узнать! – заметил Китинг.

– Вся трудность в том, как выбраться из дому, – высказал опасение Мак-Келлер. – Не думаю, что они позволят вам сбежать отсюда сегодня вечером.

– Черт возьми, а ведь парень прав! – воскликнул Китинг. – Мы слишком много разговариваем, а надо действовать. Как вы думаете, они стерегут черный ход тоже?

– Весь день стерегли, – сказал Мак-Келлер.
– Послушайте, у меня идея, – вмешался Хал. – Вам-то они не пробовали мешать, когда вы выходили отсюда?
– Покамест нет.
– А вам, мистер Мак-Келлер?
– Тоже нет.
– А что, если вы дадите мне свои костыли?
Услыхав неожиданное предложение Хала, Китинг ахнул от восторга:
– Вот это идея!
– Я надену ваше пальто шляпу, – прибавил Хал. – Я все время наблюдаю вашу походку; думаю, я сумею ее скопировать. А вот уж мистера Китинга – его ни с кем не спутаешь!
– Еще бы, Билли-толстячок! – рассмеялся репортер. – Ну, что ж, займемся делом!
– А я тем временем выйду через парадную дверь, – договорил Эдстром. Его старческий голос дрожал от волнения. – Это, может, отвлечет их внимание.

10

Разговор происходил наверху, в комнате Мак-Келлера. Когда они подошли к лестнице, у парадной двери вдруг раздался звонок. Застыв на месте, все переглянулись.

– Это они! – шепотом произнес Китинг.

Мак-Келлер опустился в кресло и протянул свои костыли Халу.

– Шляпа и пальто в прихожей, – скороговоркой сказал он. – Попробуйте счастья!

Слова были мужественные, но голос, как и у Эдстрома, дрожал. Только в молодости люди способны смехом встречать опасность, а Мак-Келлер был далеко не молод!

Хал и Китинг побежали вниз, Эдстром – за ними следом. Хал надел пальто и шляпу и вместе с Китингом бросался к черному ходу, а Эдстром пошел открывать парадную дверь.

Черный ход вел во двор, калитка оттуда выходила в переулок. У Хала неистово колотилось сердце, когда он заковылял на костылях, подражая походке Мак-Келлера. Китинг пошел рядом, развлекая его беседой. Он как бы между прочим объяснял Мак-Келлеру, что его газета верит в дело народных масс и поклялась на своих страницах всегда быть на стороне народа. Под эту речь Китинга они вышли за калитку.

Из темноты вынырнул человек и прошел в трех шагах от Хала, пристально вглядываясь в него. К счастью, ночь была безлунная. Хал не разглядел его лица, подумав с надеждой, что тот тоже не сумел его увидеть.

Китинг между тем продолжал свою речь:

– Вы понимаете, мистер Мак-Келлер, иногда в таком сложном положении, как это, трудно выявить истину. Капиталисты заполняют свои газеты фальшивками и сенсациями, от этого и у нас появляется искушение печатать фальшивки и сенсации, льющие воду на нашу мельницу. Но все-таки мы знаем,

что в конечном счете всегда выгоднее печатать правду. Когда отстаиваешь правду, мистер Мак-Келлер, не надо ничего бояться!

Признаться, Хал не слишком внимательно слушал эту поучительную проповедь. Он вглядывался туда, где переулок вливался в улицу. Это была та улица, что проходила за домом Мак-Келлера, и только один квартал отделял ее от железнодорожного полотна.

Хал не смел оглянуться, но напряженно прислушивался ко всем звукам. Внезапно он услышал крик Эдстрома: «Бегите! Бегите!»

В одно мгновение Хал бросил костыли и помчался вперед, а Китинг за ним. Сзади неслись крики, чей-то голос очень близко от них scomандовал: «Стой!» Они уже миновали переулок и заворачивали за угол, когда раздался выстрел и где-то в доме на противоположной стороне посыпались стекла.

Дальше шел пустырь, пересекаемый тропинкой. Устремившись по ней и лавируя между хибарками. Хал и Китинг выбежали, наконец, на другую улицу, а отсюда – к железнодорожному полотну. Перед ними тянулись длинные цепи товарных составов. Перебежав первый путь, они очутились между двумя поездами и, взобравшись на буфер, увидела огромный паровоз с ослепительно сверкающими фарами. Они спрыгнули на землю перед паровозом и побежали вдоль состава – тендера, багажного вагона, затем салон-вагона.

– Это он! – воскликнул Китинг, пыхтевший как кузнечный мех.

Хал заметил, что в составе еще три вагона; он также заметил человека в синей форме, стоявшего на ступеньках, и метнулся к нему с криком.

– Пожар! Горит ваш вагон!

– Что? – испугался человек в форме. – Где?

– Здесь! – крикнул Хал и мимо него стрелой влетел по ступенькам прямо в вагон.

Он попал в длинный узкий коридор, отделявший кухню от обеденного зала. В конце его была дверь на шарнирах, и Хал одним прыжком очутился возле нее. Он слышал несущиеся вслед крики кондуктора, но не обратил на них внимания. Сбросив пальто и шляпу, он распахнул дверь в ярко освещенное помещение и предстал перед сыном угольного короля.

11

В вагоне-ресторане ослепительной белизной сверкало столовое белье и переливался хрусталь в лучах электрических лампочек, смягченных розовыми абажурами. За столиками сидело шестеро молодых людей и столько же девушек, а также две-три пожилые дамы. Все они были в вечерних туалетах. Они только что приступили к ужину и весело смеялись и болтали, но тут внезапно появился этот непрошенный гость в грязном шахтерском комбинезоне. Впрочем, гость вошел очень вежливо, удивили же всех вбежавшие за ним толстяк дикого вида, пыхтевший как старинный паровоз, и дальше – кондуктор, у которого было не менее возбужденное лицо. Разумеется, все сразу смолкли. Девушки обернулись к дверям, молодые люди повскакали с мест.

В полной тишине один из них шагнул вперед и спросил тоном человека, имеющего право требовать отчета:

– Что это значит?

Хал приблизился к говорившему – хорошо одетому худощавому юноше с довольно заурядной наружностью.

– Здравствуйте, Перси! – сказал он.

Молодой человек с изумлением, в упор глядел на Хала, но, казалось, не верил собственным глазам. Тут раздался возглас одной из девушек, той самой, у которой волосы были цвета паточных леденцов, когда их растягивают в длинные нити, но только пышные, восхитительные, сверкающие звездной россыпью, щеки – кровь с молоком, и темные широко открытые удивленные глаза. На ней было вечернее платье из мягкого серо-зеленого шелка. Кремовый прозрачный шарф покрывал обнаженные плечи.

Она вскочила со своего места и воскликнула:

– Это же Хал!

– Хал Уорнер! – эхом повторил молодой Харриган. – Что за чертовщина?

Его заглушили громкие голоса, доносившиеся с платформы.

– Погодите минутку, – спокойно сказал Хал. – По-моему, еще кто-то рвется сюда!

Дверь распахнулась так стремительно, что Билли Китинг и кондуктор отлетели в сторону, и на пороге предстал Джефф Коттон.

Начальник охраны задыхался, лицо его было искажено от бега. В правой руке он сжимал револьвер. Увидев обоих людей, за которыми гнался, а также сына угольного короля в окружении удивленных гостей, Коттон застыл на месте, сразу лишившись дара речи.

Снова распахнулась дверь, едва не сбив Джеффа с ног, и в вагон ввалилось еще двое с револьверами в руках. Впереди был Пит Хейнан, и он тоже застыл, озираясь кругом. У самого мастера зуботычины не хватало двух передних зубов: когда он разинул от удивления рот, этот недостаток сразу обнаружился. Вероятно, Пит-боксер впервые очутился в светском обществе и сейчас походил на мальчишку-переростка, пойманного в кладовой с вареньем.

Перси Харриган принял царственно-надменный вид.

– Что это значит? – спросил он еще раз.

Ответил ему Хал.

– Я ищу преступника, Перси, – сказал он.

– Что? Как? – раздалась испуганные возгласы женщин.

– Да, преступника. Человека, который забил шахту.

– Забил шахту? – удивленно переспросил хозяин. – Ничего не понимаю!

– Я объясню, но разрешите, Харриган, сперва представить вам моих друзей. Моя друг Китинг.

Билли внезапно вспомнил, что он в шляпе, и поспешно сорвал ее с головы, что же касается вообще хороших манер, то он все сразу забыл. Стоял да пялил на всех глаза и никак не мог отдышаться.

– Билли Китинг – репортер, – продолжал Хал. – Но вы не беспокойтесь – он джентльмен и не злоупотребит вашим доверием. Правда, Билли?

– Д-да, – еле слышно произнес Билля.

– А это – Джефф Коттон, начальник охраны в Северной Долине. Я

надеюсь, Перси, вы знаете, что Северная Долина принадлежит «ВТК»? Коттон, познакомьтесь с мистером Харриганом!

Тут Коттон тоже вспомнил про шляпу, а также про револьвер и поспешно спрятал его за спину.

– А это, – закончил Хал, – мистер Пит Хейнан, по профессии – зубодробитель. Я не знаю фамилии второго джентльмена, но полагаю, что он – помощник первого.

И Хал продолжал в том же духе и в той же светской манере, но целью его было выиграть время и собраться с мыслями. Ведь при таком стечении обстоятельств столько зависит от его тактики! Увести, что ли, Перси в сторону и спокойно рассказать ему все, сделав ставку на его справедливость и гуманность? Нет, от Харриганов таким способом ничего не добьешься! Шантажом и запугиваниями они пробили себе дорогу; и от них добиться чего-нибудь можно только грубой силой! А чтобы подействовать на Перси, надо завладеть им здесь, на месте, в присутствии гостей; надо изложить ему сейчас все в подробностях и пользуясь общим сочувствием, вынудить его на принятие решительных мер!

Между тем сын угольного короля еще раз спросил, в чем все-таки дело. И Хал приступил к рассказу о положении, в котором очутились люди в шахте:

– У них нет ни пищи, ни воды. Только то, что было с собой в судках, когда они шли на работу. Но со времени взрыва уже прошло трое с половиной суток! Они дышат отравленным воздухом, у них нестерпимая головная боль, на лбу вздулись жилы, растрескался язык. Они лежат в изнеможении на земле, но терпеливо ждут. Их поддерживает надежда, что друзья, которым они верят, сделают все, чтобы пробиться к ним. Они не смеют ломать заграждения, потому что тогда сразу погибнут от газа. Но они знают, что спасательные отряды придут, и прислушиваются, не стучат ли уже топоры и кирки. Так обстоит дело...

Хал остановился, надеясь, что Харриган хоть чем-нибудь выразит свое сочувствие. Не видя никакого проявления интереса, он продолжал:

– Вы только вникните, Перси! Там в шахте гибнет один старый ирландец, а дома у него жена и восемь человек детей, – все ждут известий о его судьбе. Я знаком с женщиной, у которой в шахте остались муж и трое сыновей. Уже три с половиной дня женщины и дети не отходят от шахты. Одни сидят на земле, уткнув голову в колени, другие сжимают кулаки, проклиная преступника, повинного в этом страшном деле!

Наступило молчание.

– Какого преступника? – спросил молодой Харриган. – Ничего не понимаю!

– Вы просто не поверите, но еще ничего не сделано для спасения этих людей! Преступник заколотил досками вход в шахту, а сверху еще навалил брезент и наглухо замуровал рабочих!

Люди за столиками начали в ужасе перешептываться.

– Я знаю, вам этого даже не понять! Дело в том, что в шахте пожар. Если пустить вентилятор, сгорит уголь. Но в то же время некоторые штреки

очистятся от дыма, и часть людей будет спасена. Таким образом, встал вопрос – что важнее: человеческая жизнь или частная собственность, и преступник решил, что – частная собственность. Он предлагает ждать неделю-другую, пока не утихнет пожар. Но уж к этому-то времени все люди – и взрослые и дети – наверняка погибнут!

Воцарилось молчание. Его нарушил молодой Харриган:

– Чья ж это вина?

– Эноса Картрайта.

– А кто он такой?

– Когда я сказал, что ищу преступника, я ввел вас, Перси, в некоторое заблуждение: я знаю, кто он, а сказал я так потому, что хотел собраться с мыслями. – Сделав паузу, Хал снова заговорил, и голос его звучал твердо, а каждое слово разило как удар: – Преступник, о котором я говорю, управляющий шахтой. Он состоит на службе у «Всеобщей Топливной компании», наделившей его властью. Человек, которого сейчас преследуют, – не тот, кто заколотил шахту, а тот, кто предложил ее распечатать. С ним обращаются как со злоумышленником, потому что «Всеобщая Топливная компания» попирает не только законы штата, но и законы гуманности. Спасая свою жизнь от убийц и душителеей, состоящих на службе у шахтовладельцев, я вынужден был искать убежище в вашем вагоне.

12

Достаточно хорошо зная этих людей, Хал понимал, что его разоблачение подействует на них как взрыв бомбы. Для таких самое главное, чтобы все было комильфо, – а он каждым своим словом оскорблял их чувства! Если он желает хоть сколько-нибудь склонить их на свою сторону, необходимо объяснить им, почему он здесь, почему вторгся так бесцеремонно в частные владения Харриганов.

– Перси, – сказал он, – помните, как ожесточенно вы со мной спорили в прошлом году в колледже за то, что я слушаю всех этих «разгребателей грязи»¹⁷? Вы принимали это за личное оскорбление, не верили ничему. Но я решил убедиться лично, потому-то я и поступил работать углекопом. Собственными глазами я видел взрыв в шахте. Я видел, как этот Джефф Коттон зуботычинами и грубой бранью гнал женщин и детей от шахты. Я пробовал помочь шахтерам, но начальник охраны поспешил выселить меня из Северной Долины. Он предупредил, что, если я не перестану совать нос в чужие дела, со мной случится какая-нибудь беда темной ночью. А сейчас как раз на дворе темная ночь!

Хал сделал паузу, чтобы дать молодому Харригану возможность быстро обдумать это дело и проявить себя хозяином, но тот, видимо, все еще не понимал, что означает присутствие здесь начальника охраны с револьвером в

¹⁷ Литературное движение начала нынешнего века, включавшее самого Э. Синклера, Л. Стеффенса, Ч. Рассела и других прогрессивных американских литераторов, которые разоблачали господство монополий, коррупцию политических деятелей и т. п.

руке.

Тогда Хал заговорил опять:

– Нет сомнений, что эти люди охотно прикончили бы меня, они уже в меня сейчас стреляли. Начальник охраны все еще держит револьвер – слышите, как пахнет порохом? Поэтому я позволил себе зайти без приглашения в ваш вагон, Перси. Я сделал это, чтобы спастись от смерти, – вы уж меня извините!

Сыну угольного короля представился случай проявить великодушие, и он не преминул им воспользоваться.

– Конечно, Хал, – сказал он, – вы прекрасно сделали, что пришли сюда. Уверяю вас, мы не уполномочивали наших служащих на такие поступки! Они обязательно понесут ответственность за свое поведение.

Он говорил со спокойной уверенностью, в обычном стиле Харриганов, и от его слов Джефф Коттон и его подручные как-то сразу сникли, съезжились.

– Спасибо, Перси, – сказал Хал. – Я не сомневался, что вы это скажете. Извините, что я помешал вашим гостям.

– Пустяки! Тут все свои.

– Видите ли, Перси, я это сделал не столько ради собственного спасения, сколько ради спасения шахтеров. Они гибнут, и дорога каждая минута. Чтобы добраться до них, нужно не меньше суток; они уже будут тогда при последнем издыхании. Поэтому надо действовать без всяких проволочек.

Снова в вагоне нависло молчание, которое становилось уже неловким. До сих пор все гости смотрели на Хала; сейчас они перевели взгляды на юного Харригана, и тот почувствовал перемену в их отношении.

– Я не знаю, чего вы добиваетесь от меня, Хал. Мои отец держит специалистов для управления шахтами. Я лично не чувствую себя достаточно компетентным, чтобы давать им указания. – Эта тирада была произнесена тоном, свойственным Харриганам, но все же Перси дрогнул под суровым взглядом Хала: – Что же я могу сделать?

– Прикажите открыть шахту и пустить вентилятор в обратном направлении, чтобы выкачать дым и газы. Это позволит спасательным отрядам спуститься в шахту.

– Уверяю вас, Хал, я не властен, отдавать подобные распоряжения!

– Вы должны взять эту власть! Ваш отец уехал в Нью-Йорк; все члены правления мирно спят у себя по домам, а вы оказались здесь!

– Но, Хал, я ничего в этом не смыслю! Обо всем происшествии я могу судить только с ваших слов. Конечно, я вам вполне доверяю, но в таком положении возможны всякие ошибки.

– Поезжайте, Перси, в Северную Долину и сами все расследуйте! Я только об этом вас прошу. Вы в собственном поезде. Паровоз стоит под парами. Пусть вас немедленно переведут на другой путь, и мы через полчаса будем на шахте. А там я познакомлю вас с людьми, которые понимают в этом деле. Эти люди всю свою жизнь работают на шахтах, не раз были свидетелями таких катастроф – они скажут вам правду. Они скажут вам, что еще есть возможность спасти много человеческих жизней, но начальство не желает, предпочитая спасти уголь, крепление и рельсы, стоимостью в несколько тысяч долларов.

– Но даже если это правда, Хал, ведь я не властен...

– Если вы туда приедете, вы в одну минуту покончите с этой волокитой. То, что сейчас делает администрация, возможно только при полном заговоре молчания.

Харригановская самоуверенность не могла устоять против страстного натиска Хала; сын угольного короля постепенно начал казаться растерянным и довольно заурядным юнцом. Но над ним довлела сила более грозная, чем натиск Хала. Он покачал головой:

– Это дело моего старика. Я тут не имею права вмешиваться!

В отчаянии Хал обратился к остальной компании. Он переводил взгляд с одного лица на другое, пока не остановился на красавице с обложки журнала, удивленно глядевшей на него широко открытыми темными глазами.

– Джесси! Что вы об этом думаете?

Девушка вздрогнула, и на лице ее появился ужас.

– О чем, Хал?

– Скажите ему, что его долг – спасти этих людей!

Секунды показались Халу вечностью. Он чувствовал, что подвергает девушку серьезному испытанию. Темные глаза уставились на пол.

– Но я же не понимаю в этих делах, Хал!

– А я вам объясняю, Джесси! Людей обрекают на смерть из-за денег. Разве это не ясно?

– Но как я могу поверить, Хал?

– Клянусь, Джесси! Я никогда бы не обратился к вам, если бы не знал наверняка!

Она все еще колебалась. Но тут в его голосе прозвучало глубокое чувство:

– Джесси, милая...

Девушка, как зачарованная, подняла голову и посмотрела Халу в глаза. Густой румянец смущения залил ее лицо и шею.

– Джесси, я понимаю – об этом даже просить невозможно. Вы никогда не были нетактичны с друзьями. Но я вспоминаю, как однажды вы позабыли про свои хорошие манеры: какой-то хулиган-извозчик избивал на улице старую лошадь. Помните, как вы тогда кинулись на него? А теперь подумайте, дорогая, там в шахте мучаются такие же несчастные живые создания: только не лошади, а люди, рабочие...

Девушка не сводила с него взгляда, полного жалости и растерянности. И вдруг он увидел в ее глазах слезы.

– Не знаю, не знаю, ничего не знаю! – вскричала она и, закрыв лицо руками, громко зарыдала.

13

Наступила мучительная пауза. Хал вглядывался в лица гостей и, наконец, остановил взор на седой даме в черном вечернем платье, с жемчугом на шее.

– Миссис Кертис! – взмолился он. – Вы-то ему наверно скажете, правда?

Седая дама вздрогнула – неужели нет предела наглости этого мальчишки? Сейчас она видела, как он терзал Джесси. Но Джесси все-таки его невеста, а

она, миссис Кертис, ему кто? И она ответила ледяным тоном:

– Я никогда не решусь навязывать свои советы в таком деле человеку, у которого нахожусь в гостях.

«Миссис Кертис, вы основали приют для бродячих кошек и собак», – едва не вырвалось у Хала, но он вовремя сдержался. Снова его взгляд заскользил по лицам присутствующих. Кто из них поможет ему принудить Харригана к действию?

Рядом с миссис Кертис сидел Реджи Портер с розой в петлице смокинга. Хал понимал, на каких ролях находится Реджи, – он был не то дуэнья мужского пола, не то – правая рука хозяина; приверженец богачей, развлекатель скучающих. Бедный Реджи жил жизнью других людей, его душа была всегда возбуждена чужими волнениями, сплетнями, приготовлениями к приему гостей и восторгами по поводу состоявшегося приема. И вечно он был в хлопотах и с великой расчетливостью взвешивал разные возможности, восполняя тактом и элегантностью свой горестный недостаток в деньгах. Хал мельком взглянул ему в лицо. Острые концы черных усов словно встали от волнения, и друг Хала как молнией осенило! Этот Реджи ждет, чтоб его спросили, и у него уже заготовлен ответ, который повысит его акции в глазах семейства Харриганов!

За столиком напротив сидела Женестьева Холси – высокая, стройная, похожая на статую волоокой Юноны, и можно было подумать, что душа ее тоже полна красивых чувств. При более близком знакомстве оказывалось, что Женестьева – тупа умом и полностью поглощена собственной персоной. Рядом с Женестьевой сидел Боб Крестон, гладко выбритый, краснощекий, казалось, излучавший из каждой своей поры благополучие – как говорится, славный малый, которому неведомы никакие честолюбивые мечты, кроме того, чтобы завоевать побольше кубков для своего спортивного клуба и поддерживать на должной высоте счет побед стрелковой команды милиции штата. По доброте сердца веселый Боб мог бы высказать свое мнение относительно спасения шахтеров, но он был по уши влюблен в кузину Перси – Бетти Ганисен, сидевшую против него за столом, а Хал видел, как мечут молнии ее черные глаза, как крепко стиснуты ее кулачки и побелели губы. Хал прекрасно понимал Бетти: достойный отпрыск семьи Харриганов, она посвятила себя общей задаче этого семейства: сделать из детей коробейника, разносившего не столь давно на спине свои товары, предводителей молодого поколения американской знати.

Дальше сидела Виви Кэсс, которая умела говорить только на такие недевичьи темы, как лошади, собаки и тому подобное. Халу случилось как-то в ее обществе обсуждать социальные проблемы, и она выявила свою сущность одной блестящей фразой: «Когда кто-нибудь ест при мне с ножа, и считаю такого человека своим личным врагом!» Из-за плеча Виви выглядывало лицо молодого человека с бесцветными, водянистыми глазами и желтыми усиками. Это был Берт Аткинс, циник, разочарованный светский фат; газеты часто упоминали его как известного клубмена, а брат Хала назвал его «дрессированным котом».

Здесь находились еще Дикки Эверсон – любимец дам, подобно Халу, но

больше ничем не отличавшийся; Билли Гаррис – тоже сын углепромышленника – с сестрой Дэйзи, и Бланш Ваглемен, чей отец был главным юрисконсультom старого Харриганв, а брат – местным адвокатом и издателем газеты «Педро стар».

Итак, Хал всматривался в физиономии этих людей, а в уме взвешивал их личные качества. У него было такое чувство, словно он разворачивал свиток, изображавший картину полузабытой жизни. Сейчас ему было не до размышлений, но одна мысль вдруг властно вспыхнула в его мозгу: когда-то он тоже жил такой жизнью и принимал все как должное. Он знал этих людей, общался с ними; они казались дружественными, любезными, в общем вполне приятными знакомыми. А теперь – какая разительная перемена! Они уже не выглядели дружественными. Кто же изменился – они или Хал? Может быть, это Хал стал циником и потому видит их в новом беспощадном свете – холодными и равнодушными, как звезды, взирающие с высоты на гибнущих людей?

Хал снова взглянул на сына угольного короля – тот стоял бледный от гнева.

– Право же, Хал, не стоит это продолжать! Я ведь не из пугливых!

Перси неожиданно перевел взгляд на начальника охраны:

– Что вы об этом скажете, Коттон? Правильно ли описывает положение мистер Уорнер?

– Вы же знаете, Перси, что способен ответить такой субъект! – вмешался Хал.

– Нет, не знаю, – возразил тот. – Но я хочу знать. Ну как, Коттон?

– Он ошибается, мистер Харриган, – сказал начальник охраны громко и нагло.

– В чем именно?

– Компания прилагает все силы, чтобы открыть шахту. Она стремится к этому с самой первой минуты.

– Ага! – с торжеством сказал Перси. – Но чем вы объясняете задержку?

– Вентилятор был сломан, мы послали за новым. Нелегкое дело установить его. В один час этого не сделаешь.

Перси повернулся к Халу:

– Вот видите! Оказывается, по этому вопросу существует по крайней мере два мнения!

– Конечно! – воскликнула Бетти Ганнисен, бросая злобный взгляд на Хала. Она бы еще что-то прибавила, но Хал помешал ей. Приблизившись к молодому Харригану, он тихо произнес:

– Перси, выйдем отсюда! Мне нужно вам сказать несколько слов с глазу на глаз.

В его голосе была скрытая угроза. Взглядом он показал на дальний угол вагона, где только и было людей, что двое негров официантов, и те поспешно отошли, видя, что сюда направляются молодые люди. Итак, завладев сыном угольного короля, Хал вступил в последнюю фазу сражения.

Хал хорошо изучил характер Перси Харригана – какой студент не знает своих однокашников! Перси не унаследовал жестокости своего мрачного отца. Баловень судьбы, он был просто самовлюбленным эгоистом. При этом он был безволен, как все, кому никогда не приходится принимать смелых решений. Он рос на «женской половине», причем у его воспитательниц была одна цель – сделать его членом так называемого светского общества, и в процессе воспитания ему вбили в голову самые неумеренные представления о собственной значительности. Вся жизнь молодого поколения Харриганов омрачалась гнетущим воспоминанием о мешке, который таскал на спине их предок-коробейник. Хал знал, что больше всего на свете Перси стремился производить на окружающих впечатление самого доподлинного широкого и щедрого аристократа. Именно эту особенность характера своего противника Хал использовал сейчас как оружие.

Чтобы смягчить недовольство Перси, он начал с извинения. Он совсем не собирался устраивать такой скандал; виноваты во всем эти бандиты, которые поставили его жизнь под угрозу. Страшная штука, когда на тебя устраивают облаву, как на зверя, и стреляют в темноте тебе в спину! Тут уж поневоле утратишь самообладание и позабудешь даже те остатки хороших манер, которые кое-как сохранил, работая подручным шахтера! Он перед всеми выставил себя на посмешище. Господи, еще бы не понимать, какое ужасное впечатление он здесь произвел!

Хал оглядел свой грязный комбинезон, затем перевел глаза на молодого Харригана. Явно Перси думает то же самое и, наверно, считает, что Хал выставил и его на посмешище! Хал, разумеется, глубоко сожалеет об этом; но – увы! – оба они уже, как говорится, влипли, и сейчас поздно что-нибудь поправить. Скандал вылез наружу, теперь его не замнешь. Ну, хорошо, он заставит молчать своего друга-репортера; Перси заставит молчать кондуктора, официантов и Коттона с его сворой, но к друзьям такие меры неприменимы! Это надолго будет у них единственной темой для пересудов! И весь Уэстерн-Сити за один день узнает эту невероятную мелодраматическую историю, какие описываются только в бульварных романах: подручный шахтера в салон-вагоне наследника угольного короля!

– Поймите, Перси, – продолжал Хал, – такие вещи ужасно влияют на репутацию. Эта история навсегда свяжется с вашим именем – по ней будут судить о вас!

– С критикой своих друзей я как-нибудь сам справлюсь! – заявил Перси, пытаясь вернуть себе харригановскую самоуверенность.

– Что бы вы ни говорили, – неумолимо возразил Хал, – общественное мнение может сделать только один из двух выводов – либо такой: «Харриган предпочел спасти доллары», либо: «Харриган предпочел спасти людей». Неужели, Перси, ваша семья так уж нуждается в этих долларах? Вы наверняка истратили куда больше на свое путешествие!

И Хал замолчал, предоставляя своей жертве время поразмыслить. Результатом этих размышлений явился вопрос, достойный папаши Харригана:

– Интересно, ради какой выгоды вы это делаете?

– Перси, *запомните*, ни ради какой! Если вам это непонятно, можете считать, что имеете дело с неменяемым. Я насмотрелся таких ужасов, охранники столько гонялись за мной... Да что говорить – у этого Коттона уже шесть зарубок на револьвере! Вот я и обезумел! – В карих главах подручного мелькнуло такое выражение, какое могло бы смутить и более сильного человека, чем Перси Харриган. – Сейчас у меня только одна мысль: спасти этих шахтеров. С вашей стороны будет большой ошибкой, Перси, если вы недооцените моей решимости. До сих пор я скрывался под чужим именем. Я был Джо Смит – подручный шахтера. А что, если бы я сообщил свое настоящее имя? Может, я не сумел бы заставить открыть шахту, зато я сумел бы причинить кучу неприятностей «ВТК». Но я на это не решился: я знал, какой это вызовет скандал, и ради своего отца хотел воздержаться от огласки. Если же другого исхода нет, если на чашке весов окажется жизнь или гибель этих шахтеров, я пошлю к черту всякое благоразумие. Передайте это своему отцу! Передайте, что я угрожал развязать руки репортеру Китингу и предать это дело широчайшей гласности. Я разоблачу «Всеобщую Топливную компанию», подам жалобу губернатору, подниму народ на бунт, заставлю арестовать себя, если понадобится, на улице, лишь бы сделать все эти факты достоянием общественности. Помните, Перси, я располагаю фактами. Я был там и видел все собственными глазами. Понимаете вы это или нет?

Перси ничего не ответил, но было ясно, что он все понимает. Хал заговорил снова:

– С другой стороны, посмотрите, как вам легко все уладить, если вы только пожелаете. Вы находились в увеселительной поездке, когда до вас дошло известие о катастрофе. Вы сразу же помчались в Северную Долину и взяли бразды правления, открыли шахту и спасли жизнь рабочих. Вот в каком освещении подадут это все газеты!

Хал внимательно наблюдал за своей жертвой, нащупывая наилучшие пути воздействия, и вдруг сообразил, что промахнулся. Несмотря на свою вульгарность, Харриганы уже усвоили, что выставляться напоказ неаристократично.

– Если вы предпочитаете, вашего имени можно не упоминать, – быстро поправился Хал. – На шахте все репортеры пляшут под дудку Компании – они подадут этот материал в том освещении, какое вы пожелаете. Единственное, чего я добиваюсь, это чтобы вы поехали в своем поезде в Северную Долину и приказали открыть шахту. Ну, как, Перси, согласны?

Зная, что жизнь шахтеров зависит от одного кивка этого юноши. Хал не сводил с него взгляда.

– Ну как? Что вы мне ответите?

– Хал, – воскликнул Перси, – ведь мой старик меня со свету сживет!

– Возможно, но иначе это сделаю я. Что для вас хуже?

Перси молчал.

– Господи, решайтесь, Перси! – В голосе Хала слышались устрашающие ноты.

И тут Перси сдался:

– Хорошо.

Хал вздохнул с облегчением.

– Только помните, – сказал он, – вы туда едете не затем, чтобы позволить себя одурачить! Ваши служащие попытаются втереть вам очки. Они могут даже до того, что откажутся повиноваться вам. Но вы не смеете сдавать свои позиции, потому что я еду с вами и добьюсь, чтобы шахту открыли. Я не отступлю, пока спасательные отряды не спустятся вниз.

– Хал, а согласятся ли они?

– Согласятся ли?! Господи, Перси, они только этого и требуют. Они едва не подняли бунт, требуя, чтобы их спустили в шахту. И я отправлюсь с ними вместе! И вы тоже, Перси. Вся наша орава бездельников спустится в шахту, а когда мы вернемся оттуда, мы кое-что будем знать о том, как добывается уголь!

– Хорошо, – сказал сын угольного короля. – Едемте.

15

Халу так и не пришлось узнать, что говорил Перси Картрайту в эту ночь, он знал только, что управляющий был вызван для беседы, длившейся полчаса, а затем в вагоне появился улыбающийся Перси с известием, что Хал Уорнер, конечно, все перепутал. Администрация шахты, оказывается, с самого начала трудится не покладая рук над установкой вентилятора, чтобы как можно скорее открыть вход в шахту. Эта работа уже закончена, через час-два будет пущен вентилятор, а к утру спасательные отряды получают возможность спуститься в шахту. Перси сообщил все это с таким невинным видом, что у самого Хала мелькнула мысль: «Похоже, что он поверил!» Положение гостя обязывало Хала к деликатности: он сделал вид, что принимает все за чистую монету, и поневоле позволял выставить себя дураком перед всей компанией.

Перси пригласил Хала и Билли Китинга провести ночь в поезде, но Хал отказался. Он слишком грязен, кроме того он хочет встать на рассвете, чтобы одним из первых спуститься в шахту. Тут Перси сказал, что управляющий наложил свое вето на это предложение: он не пустит в шахту никого, кроме опытных шахтеров, которые знают, как избежать опасности. Когда есть столько умелых добровольцев, совершенно незачем подвергать опасности дилетантов!

Рискуя показаться невежливым. Хал во всеуслышание заявил, что он там обязательно будет и понаблюдает, как снимают настил. А в эту ночь во многих лачугах, наверное, собрались женщины, которым сейчас не до сна, вместе они оплакивают своих близких. Сообщить им радостную весть поскорее – доброе дело!

И Хал с Китингом отправились в поселок. Прежде всего они зашли к Рафферти. Миссис Рафферти вскочила, с удивлением уставилась на гостей, а затем вскрикнула: «Пресвятая дева!» – таким голосом, что все ее малыши проснулись и в испуге завопили. Когда женщина убедилась, что ее гости располагают точными сведениями, она бросилась поделиться новостью с соседями. И вскоре улицы заполнили толпы народа, которые снова ринулись к шахте.

От Рэфферти Хал и Китинг пошли к Джерри Минетти. Соблюдая долг вежливости по отношению к Перси, Хал повторил его слова о том, что Картрайт якобы с самого начала стремился поскорее открыть шахту. Просто потеха, какие глаза сделал Джерри, услышав это! Ладно, нечего тратить время на разговоры! Джерри в два счета оделся, и все втроем они поспешили к шахте.

Действительно, бригада рабочих уже срывала брезент и доски. За все свое пребывание в Северной Долине Хал еще никогда не видел, чтобы люди работали с такой охотой. Вскоре большой вентилятор пришел в движение, взревел и вдруг запел. И толпа, теснившаяся вокруг – по крайней мере сто человек, – тоже ревела и пела.

Надо было выждать еще несколько часов, прежде чем приступить к действию. Внезапно Хал почувствовал полное изнеможение. Вместе с Билли Китингом он вернулся к Минетти. Расстелив на полу одеяло, они улеглись, кряхтя от удовольствия. Что касается Билли, то он очень скоро захрапел, но Хал почувствовал внезапную реакцию после всех волнений и лежал с широко открытыми глазами.

Целым океаном нахлынули на него мысли. Где-то далеко отсюда был другой мир, к которому он принадлежал и от которого сознательно отказался на эти месяцы; и вот вдруг все всплыло вновь. Когда нынешним летом он вынашивал свой план, все казалось необычайно простым: назваться другим именем, стать человеком другого класса, пожить его жизнью и проникнуться его чувствами, я затем вернуться в свой мир и рассказать о том новом и интересном, что он испытал. При этом ему никогда не приходило в голову, что его мир – мир Хала Уорнера – может обнаружить его под именем Джо Смита, подручного шахтера. Он почувствовал себя как взломщик, который приступил к делу под покровом тьмы, – и вдруг комнату, где он орудует, заливают ярчайшим светом.

Хал пустился на это приключение, зная, что его ждут неприятные сюрпризы; он знал, что где-нибудь и когда-нибудь ему придется вступить в борьбу с «системой». Но он никогда не думал очутиться в гуще классовой борьбы и возглавить наступление на позиции своего собственного класса. И в том, что это не конец, можно не сомневаться. Ведь захват одной из позиций еще не решает исхода войны. Лежа в ночной тишине. Хал постепенно начинал понимать, в какое дело он ввязался. Применив другое сравнение, скажем, что он сейчас уподобился человеку, который затеял на улице легкий флирт, а утром проснулся женатым.

Не то чтобы он раскаивался в той линии поведения, которую принял по отношению к Перси. Всякая другая линия была бы невыносимой. Но жителей Северной Долины Хал знает десять недель, а общество в вагоне Перси Харригана – почти всю жизнь. И потому эти особы занимали много места в его сознании; сейчас в ночной тиши он взвешивал их отношение к себе – открыто враждебное или тайно недоуменное, в они дружно вели наступление на оборонительные форпосты, сооруженные против них его разумом.

Особенно трудно было обороняться против Джесси Артур. Перед ним возникало ее лицо, умоляющее, тоскующее. Это было одно из тех лиц, которые

своей безупречной красотой завораживают душу мужчины. Темные глаза, нежные и блестящие губы, всегда готовые затрепетать от волнения; кожа, как яблоневый цвет; волосы, сверкающие звездной россыпью!

Когда дело касалось углепромышленников и охранников, Хал умел весьма реалистически оценивать их, но ему никогда не приходило в голову, что чарующая внешность Джесси может быть обманчивой и не соответствовать ее душевным качествам. Он был влюблен в нее и слишком молод и неопытен в любви, чтобы видеть под нежным девичьим обликом – таким естественным и привлекательным – глубокую бессознательную жестокость, врожденную, инстинктивную жестокость касты и черствость светских предубеждений. Мужчине нужно прожить полжизни, изведать много горя и страданий, прежде чем он поймет, что женские чары – дивное, волшебное совершенство глаз, зубов, волос, нежность кожи и тонкость черт – оплачены трудом и потом многих поколений и неизбежно свидетельствуют о диком состоянии общества, о преступных и бесчеловечных нравах и обычаях.

В роковую минуту Джесси отреклась от него. Но сейчас, перебирая в памяти подробности этой сцены. Хал подумал, что подверг ее несправедливому испытанию. Он знал и любил ее с детства. Все поступки Джесси, все ее слова неизменно свидетельствовали лишь о нежности и доброте. «Но ее симпатии всегда на стороне тех, кого она знает, – сказал он себе, – а откуда ей знать рабочих?» Он должен помочь Джесси, он должен – пусть даже вопреки ее воле – расширить ее горизонт, углубить ее знакомство с жизнью! Этот процесс будет для нее мучительным и омрачит безмятежную прелесть девичьей красоты, но, конечно, пойдет ей на пользу, потому что это «болезнь роста».

Так, лежа на полу в потемках. Хал вел воображаемую беседу со своей возлюбленной. Он мысленно водил ее по шахтерскому поселку, объясняя ей все, показывая людей. С ней вместе он позвал и других своих друзей из салон-вагона Перси Харригана и знакомил их со своими друзьями из Северной Долины. Кое у кого должны найтись тут общие интересы. Например, Боб Крестон, любитель песен и плясок, несомненно заинтересуется «Блинки», лучшим эстрадным исполнителем здешних мест. А миссис Кертис – страстная любительница кошек, и это, вероятно, свяжет ее родственными узами с соседкой Минетти – старой миссис Нэгл, у которой их пять! А Виви Кэсс, люто ненавидящая всех, кто ест с ножа (вот показать бы ей, как едят столовники Ремницкого!), будет в восторге от «Даго Чарли» – упрямого мула, жующего табак, любимца Хала в недавнем прошлом. И Хал с нетерпением ждал утра, чтобы начать задуманный им опыт объединения классов.

16

Хал заснул перед рассветом. Разбудил его Билли Китинг, который сидел на полу, зевая во весь рот, ворча и жалуюсь. Хал вдруг сообразил, что и у Билли был повод для терзаний. Какой материал для газеты! За всю свою журналистскую деятельность у Билли еще никогда не было такого. А у кого был? И вдруг приходится поставить на нем крест!

Накануне вечером Картрайт собрал всех репортеров и сообщил им

новости; во-первых, Компания закончила, наконец, подготовительные работы, чтобы открыть шахту; во-вторых, сюда прибыл в собственном поезде молодой мистер Харриган, озабоченный судьбой шахтеров, находящихся в шахте. Репортеры могут, конечно, упомянуть об этом факте, но их просят не поднимать газетной шумихи и не называть фамилий гостей мистера Харригана. Картрайт, разумеется, ни словом не обмолвился о том, что подручный шахтера, которого прогнали с шахты за неповиновение властям, оказался сыном Эдуарда С. Уорнера, угольного магната.

Шел мелким осенний дождик, и Халу пришлось одолжить у Джерри старое пальто. Он надел его и собирался уже выйти, когда Джерри Маленький потребовал, чтобы Хал взял его с собой. После некоторых пререканий Хал закутал малыша в шаль и посадил к себе на плечо. Утренний свет едва еще брезжил, но все местное население уже собралось у входа в шахту. Люди в шлемах спустились на разведку; приближалась минута, когда шахта откроет свою тайну. В мокрых шалях на согбенных плечах стояли в напряженном ожидании бледные, измученные женщины, от волнения неспособные произнести ни слова. Страшно было думать, что, в то время как жены дрожат и мокнут под пронизывающим дождем, несколько капель влаги в шахте могли бы поддержать тлеющую жизнь их мужей!

Вернувшись, разведчики сообщили, что лампы горят ровным светом даже на дне шахты, следовательно разрешается спускать и людей без шлемов; добровольцы первого спасательного отряда немедленно подготовились к спуску. Всю ночь здесь стучали топоры – это плотники сбивали новую клеть. Теперь ее прикрепили тросами к барабану, и люди заняли места. Когда, наконец, барабан заработал и первая партия исчезла под землей, вся тысячная толпа испустила глубокий вздох, похожий на стон ветра в сосновом лесу. Добровольцы покидали жен и детей, но не нашлось ни одной женщины, которая попросила бы своего мужа остаться! Такова была глубокая инстинктивная солидарность, соединившая этих тружеников двадцати национальностей в одно целое.

Спуск был томительно медленным, так как клеть испытывали в первый раз и, кроме того, еще не миновала опасность появления газа. Из-за этого приходилось останавливать барабан через каждые несколько футов и ждать, пока люди в клетке дернут сигнальную веревку, в знак того, что у них все в порядке. Скоро они достигнут дна, но пройдет еще немало времени – кто знает сколько? – пока они обнаружат тех, в ком еще теплится жизнь. Разведчики рассказали, что околоствольный двор завален телами, но там даже не стоит задерживаться, так как все эти люди умерли еще несколько дней назад. Хал видел, как толпа женщин осаждала разведчиков, стараясь выведать, опознан ли кто-нибудь из мертвецов. А Джефф Коттон и Бад Адамс заняты своим обычным делом – гонят их прочь от шахты!

Вскоре клеть вернулась и приняла вторую партию добровольцев. Теперь уже не требовалось столько предосторожностей. Барабан работал без перебоев, и в страшную преисподнюю спускались партия за партией – суровые решительные люди с ломом, кирками и лопатами в руках. Освещая себе путь

рудничными лампами, они разбредутся по всем выработкам в поисках заграждений, воздвигнутых для защиты от газа. Работая ломами и кирками, они, возможно, услышат из-за перемычки сигналы уцелевших, если нет, то все же пробьются и найдут своих товарищей, обессиленных, но еще живых.

Один за другим спустились в шахту друзья Хала; Большой Джек Дэйвид, чех Вресмак, поляк Кловоский и, наконец, Джерри Минетти. Его сынишка со своего насеста на плече Хала помахал ему на прощание рукой, а Роза, которая успела к ним присоединиться, держалась возле Хала, молчаливая и тихая, словно ее душа унеслась в шахту. Ушел голубоглазый Тим Рэфферти искать своего отца, ушел черноглазый юноша грек Энди, чей отец погиб в такой же катастрофе несколько лет назад; ушли Роветта и Кармино – старший мастер, двоюродный брат Джерри. Их имена повторялись в толпе, как имена героев, идущих в сражение.

17

Оглянувшись, Хал заметил несколько гостей молодого Харригана. Вот под зонтиком стоит Виви Кэсс, а рядом с ней Берт Аткинс; подальше – Боб Крестон с Дикки Эверсоном. Эти двое, в макинтошах и непромокаемых кепи, беседуют о чем-то с Картрайтом. Рослые, элегантные, они кажутся существами из другого мира среди низкорослых, вымазанных углем шахтеров.

Увидев Хала, они подошли к нему.

– Где вы достали этого малыша? – спросил Боб с улыбкой на розовом, свежесбритом лице.

– Нашел, – ответил Хал и, слегка подбросив Джерри Маленького, спустил его на землю.

– Здорово, малыш! – сказал Боб.

Джерри не замедлил с ответом.

– Мое почтение! – Маленький Джерри говорил как американец и мог держаться на равной ноге с любым светским человеком! – Мой папа спустился в этой клетки, – сказал он, глядя снизу вверх на высокого незнакомца блестящими черными глазенками.

– Да ну? – отозвался Боб. – А ты почему не пошел?

– Мой папа спасет их! Папа [*два слова в бумажной книге не разборчивы*]!

– А как же твоего папу зовут?

– Джерри Большой.

– Ого! А кем ты будешь, когда вырастешь?

– Запальщиком.

– В этой шахте?

– Нет, дудки!

– Почему нет?

Джерри Маленький сказал с таинственным видом:

– Нельзя болтать обо всем, что знаешь...

Оба юноши расхохотались. «Отличный наглядный урок!» – мелькнуло у Хала.

– Может, ты собираешься вернуться к себе на родину? – осведомился

Дикки Эверсон.

– Ну нет, – заявил Джерри. – Я американец!

– Когда-нибудь еще, чего доброго, станешь президентом!

– Так и папа говорит, – подтвердил малыш. – Только не президентом, а председателем союза шахтеров.

Гости снова рассмеялись. Но Роза встревожилась и что-то шепнула своему сынишке, дернув его за рукав. Разве можно говорить о таких вещах с таинственными незнакомцами, у которых вид настоящих богачей?

– Познакомьтесь, это мать Джерри Маленького, миссис Минетти, – торопливо вмешался Хал, чтобы успокоить ее.

– Очень приятно, миссис Минетти, – сказали молодые люди, снимая кепи и кланяясь с изысканной вежливостью. Оба они залюбовались Розой, когда она, краснея, здоровалась с ними. Она была очень смущена: до сих пор никогда перед ней не расшаркивались такие господа!

Но почему это они встретили Джо Смита точно старого знакомого и называют его каким-то другим именем? Черные итальянские глаза Розы вопрошающе посмотрели на Хала, и он почувствовал, что невольно краснеет под этим взглядом: оказывается, быть разоблаченным Северной Долиной почти так же неприятно, как быть разоблаченным родным Уэстерн-Сити!

Мужчины беседовали о спасательных работах, передавая рассказ Картрайта. В одном из главных штреков продолжается пожар, горят деревянные крепи, и огонь быстро распространяется по шахте из-за ветра, нагоняемого обратным вращением вентилятора. На этом участке шахты мало надежды на успех, но пожарники не отступят перед пламенем и дымом в выгоревших штреках. Хоть им известно, что до обвала здесь недолго, они делают свое дело, помня все время про людей, работавших здесь до взрыва!

– Бесстрашный народ, честное слово! – заметил Дикки.

Их обступила толпа женщин и детей, которых жажда новостей заставила преодолеть робость. Так в дни войны собираются женщины, прислушиваясь к гулу далеких орудий и дожидаясь прибытия раненых. Хал заметил, что Боб и Дикки поглядывают на лица женщин, окруживших их кольцом; надо полагать, они уже начинают чуточку разбираться в происходящем, а этого именно он и хотел.

– А как остальные? Придут они сюда? – спросил Хал.

– Не знаю, – ответил Боб. – Я думаю, они сейчас завтракают. И нам уже тоже пора.

– А вы разве не с нами? – спросил Дикки.

– Нет, спасибо, – ответил Хал. – Я обещал побыть здесь вот с этим малышом. – И он сжал руку Джерри Маленького. – Но вы скажите остальным, чтобы приходили. Им это будет интересно.

– Хорошо, – в один голос ответили оба приятеля и ушли.

Помедлив немного, чтобы компания в салон-вагоне успела кончить завтрак. Хал тоже направился туда и попросил проводника передать Перси

Харригану, что пришел Хал Уорнер. Он надеялся уговорить Перси пройти по поселку без специальных поводырей управляющего, но с огорчением узнал, что Перси и его друзья намерены через несколько часов покинуть Северную Долину.

– Но вы еще ничего здесь не видели! – запротестовал Хал.

– В шахту нас не пускают, – ответил Перси. – А что нам еще делать?

– Я хотел, чтобы вы потолковали с людьми и кое-что узнали о здешней жизни. Вам не следует упускать этот случай, Перси!

– Все это очень мило, Хал, но поймите сами, момент для знакомства весьма неподходящий. У меня в поезде куча гостей. Какое право я имею задерживать их?

– Но им тоже полезно кое-что узнать!

– Идет дождь! – последовал ответ Перси. – Наши дамы не пойдут стоять под дождем в толпе и смотреть, как из шахты выносят трупы!

Хал получил щелчок по носу. Да, он совсем одичал с тех пор, как поселился в Северной Долине; он утратил тонкость чувств и то интуитивное понимание психологии прекрасного пола, которое, несомненно, проявил бы всего лишь несколько месяцев назад! Хал очень взволнован катастрофой, он принимает ее так близко к сердцу и поэтому совершенно упустил из виду, что для дам из компании Перси Харригана видеть все это только мерзко и противно. К тому же, если дамы пройдут под дождем по грязным улицам поселка, то и дело останавливаясь и разглядывая всех, это может показаться скорее праздным любопытством, чем сочувствием! И для чего пугать дам этим страшным зрелищем, кстати, подвергая их опасности встреч с назойливыми репортерами?! Даже если бы они пожелали выразить свое сочувствие вдовам и сиротам, то те ведь в большинстве – приезжие, не понимающие по-английски; их может не столько утешить, сколько смутить вторжение людей из совершенно чуждого мира, да еще в часы такого горя!

Сочувствие народу при современной цивилизации введено в особую систему, которую эти дамы поддерживали. Одна из них хорошо знала, что надо в таких случаях делать. Миссис Кертис уже проявила активность, – сообщил Халу Перси. Она пустила по рукам подписной лист, и в течение нескольких минут собрано больше тысячи долларов. Чек на эту сумму будет вручен Красному Кресту, представители которого сумеют организовать помощь пострадавшим. Итак, гости Перси Харригана чувствовали, что тактично выполнили свой долг и могут отправляться восвояси с совершенно чистой совестью.

– Не может вся жизнь остановиться из-за того, что здесь была катастрофа! – заявил сын угольного короля. – У людей дела, которые нельзя забросить.

И он принялся объяснять, какие это дела. Он, например, приглашен сегодня вечером на званый обед и, наверно, едва туда успеет. У Берта Аткинса сегодня бильярдный матч, а миссис Кертис должна быть на собрании секции женского клуба. К тому же ведь нынче последняя пятница в этом месяце! Неужели Хал забыл, что это означает?

Нет, Хал все-таки вспомнил: это вечер молодежи в Загородном клубе. Как виденье, перед ним возник белый дворец в колониальном стиле у подножия горы. Из открытых настежь дверей и окон льются звуки оркестра. Вот в зал входят девушки из компании Перси, а среди них Джесси, – все они в тюле и кружевах, прелестные, благоухающие. Наслаждаясь музыкой и красками, они смеются, перебрасываются веселыми репликами, флиртуют и строят мелкие козни в борьбе за право быть царицей бала. А в это время в Северной Долине рыдающие вдовы сжимают в объятиях разможженные головы своих мужей! Как это дико, как чудовищно! Как похоже на сцены, разыгравшиеся накануне французской революции!

19

Перси хотел, чтобы Хал покинул Северную Долину вместе с ним и его друзьями. Сначала он осторожно намекнул на это, но так как тот не понял намек, он стал настойчивее и проявил признаки изрядного раздражения. Ведь шахта-то открыта – чего же еще? Хал высказал предположение, что Картрайт способен снова ее заколотить, но Перси признался, что теперь все будет зависеть от его отца. Управляющий послал ему накануне длиннейшую телеграмму – ответ может прийти в любом момент. И то, что будет приказано, он уж обязан неукоснительно выполнить.

Лицо Хала омрачилось, но он заставил себя говорить вежливо:

– Поймите, Перси, если ваш отец отдаст какие-нибудь распоряжения, которые помешают спасению шахтеров, мне придется вступить с ним в борьбу!

– Но какие у вас для этого возможности?

– Только одна – гласность.

– То есть... – Перси запнулся и вопросительно посмотрел на Хала.

– То есть, говорю вам еще раз: я развяжу руки Билли Китингу и разглашу это дело на весь свет.

– О господи! – воскликнул молодой Харриган. – Какое же это свинство с вашей стороны! Ведь вы обещали ничего этого не делать, если я приеду и открою шахту!

– Но какая польза открывать шахту, если вы снова заколотите ее, не успев спасти людей? – Хал помолчал и снова заговорил, совершенно искренне пытаясь оправдаться в глазах приятеля. – Перси, вы напрасно думаете, что я не понимаю сложности вашего положения. Хоть вы и сдерживаетесь, я знаю, что вы считаете меня предателем. Я всегда относился к вам как к другу, несмотря на наши споры. Я могу сказать в свое оправдание только то, что сам не ожидал попасть в такой переплет.

– Да, но во-первых, какого черта, вы приперлись сюда? Вы знали, что эти шахты принадлежат моему отцу.

– В этом корень наших разногласий, Перси. Помните наши споры? Я пытался втолковать вам, к чему обязывает нас наше положение: ведь мы владельцы того, что дает людям средства к существованию. Я говорил, что мы понятия не имеем о том, что творится на наших предприятиях; и сами мы – кучка бездельников и паразитов. Вы смеялись надо мной, называли меня

психопатом, анархистом, уверяли, что я наслушался себе во вред этих «разгребателей грязи». Тогда я решил: «Поеду сам на одну из шахт Перси Харригана. Если после этого он попробует со мной спорить, у меня будет чем крыть!» Вот с чего все пошло – с шутки, можно сказать, а потом уже я втянулся. Я не хочу быть назойливым, но уверяю вас: любой человек, в ком бьется живое сердце, пробыв здесь неделю, почувствует желание бороться. Вот почему я настаиваю, чтобы вы не уезжали, – вы обязаны остаться, повидать людей, поговорить с ними, убедиться во всем собственными глазами!

– Я уже вам сказал, – холодно перебил его Перси, – что не могу здесь оставаться. Единственное, чего мне хочется, это чтобы вы занимались социологическими исследованиями где-нибудь в другом месте.

– А где же, Перси? Ведь все шахты кому-то принадлежат! А если это крупное предприятие, то мы с вами наверняка знакомы с его владельцем!

– Если мне разрешено высказать свое мнение, – заметил Перси, – вам следовало бы начать с предприятий угольной промышленности, принадлежащих Компании Уорнер.

– Будьте уверены, Перси, это первое, что мне пришло в голову. Но поставьте себя на мое место! Я мог осуществить свой замысел лишь в том случае, если бы меня там никто не знал. А мне случалось встречаться в конторе отца с его управляющими. Они узнали бы меня обязательно. Поэтому мне пришлось поехать в чужие владения.

– К счастью для Компании Уорнер! – ехидно заметил Перси, но Хал ответил с глубокой серьезностью:

– Нет, знайте, что это не навсегда! Я собираюсь включить Компанию Уорнер в свои социологические исследования!

– Прекрасно, – отозвался его собеседник. – На обратном пути мы проезжаем мимо одного из предприятий Уорнера. Ничто не доставит большего удовольствия, чем сделать там остановку и высадить вас на этой территории!

20

Хал вошел в вагон-гостиную. Миссис Кертис и Реджи Портер играли там в бридж с Женевьевой Холси и Эверсоном. Боб Крестон болтал с Бетти Ганисен. Он, несомненно, рассказывал о том, что видел в поселке. Берт Аткинс, зевая, просматривал утреннюю газету. Хал прошел по составу в поисках Джесси Артур и увидел ее в одном купе у окна, залитого дождем. Она знакоилась с жизнью шахтерского поселка тем единственным способом, какой подобает молодой особе ее класса.

Хал предвидел, что найдет ее расстроенной, и был готов просить прощения. Но когда Джесси обернулась и устремила на него взгляд, полный отчаяния, он так растерялся, что не знал, с чего начать. Он сделал попытку завести легкий разговор: она, кажется, уезжает, не правда ли? Но она схватила его за руку и воскликнула:

– Хал, вы поедете с нами!

Он уклонился от ответа и присел рядом с ней.

– Неужели я заставил вас страдать?

Она заплакала.

– Разве вы не знаете. Хал, как я из-за вас страдаю? Ведь я здесь в гостях у Перси, а вы задаете мне такой вопрос! Что я могла сказать? Что я понимаю в делах мистера Харригана?

– Конечно, дорогая, – сказал он покорно, – конечно, я не должен был вмешивать вас в эту историю. Но все так неожиданно обернулось и так запуталось! Поймите это и постарайтесь простить меня. Ведь теперь все хорошо!

Но она не считала, что все хорошо.

– Во-первых, каково мне было увидеть вас здесь, да еще в таком положении! Я ведь думала, что вы где-то в Мексике охотитесь на горных козлов!

Он не мог сдержать смех, но Джесси даже не улыбнулась.

– Во-вторых, зачем вы впутали в это дело нашу любовь так открыто, всем напоказ?

– Неужели это действительно было так ужасно?

Она поглядела на него в изумлении. Подумать только, что он, Хал Уорнер, мог совершить этот поступок и даже не понять, какой это был ужас! Он ведь поставил ее в безвыходное положение: что бы она ни сделала, все равно ей пришлось бы нарушить либо законы любви, либо законы хорошего тона. А как все это было похоже на вульгарную ссору, да еще при людях! Теперь весь город будет обсуждать эту историю – позор!

– Но, моя дорогая, постарайтесь вдуматься в сущность вещей, – взмолился Хал. – Подумайте об этих несчастных шахтерах! Право же, вы обязаны подумать о них!

Она взглянула на него и впервые обнаружила новое, суровое выражение на юношеском лице. Услышала она и нотку сдержанной страсти в его голосе. Хал стоял бледный, измученный, в грязной одежде, с непричесанной головой, неумытым лицом! Это ужасно – можно подумать, что он прямо с войны!

– Послушайте меня, Джесси, – настойчиво продолжал он, – я хочу, чтобы вы все это знали. Наше будущее счастье зависит от того, сможете ли вы расти вместе со мной. Вот почему я так обрадовался нашей встрече здесь: у вас есть возможность увидеть все собственными глазами. Умоляю вас, не уезжайте, пока не увидите этого!

– Но я должна ехать! Разве я могу просить Перси Харригана, чтобы он здесь задержался? Надо же считаться и с удобствами остальных!

– Можете остаться и без него! Можете попросить одну из дам пожить здесь с вами.

Джесси тревожно поглядела на него.

– Хал, опомнитесь, что вы мне предлагаете?

– А в чем дело?

– Подумайте, как это будет выглядеть!

– Не могу же я вечно думать о том, как что выглядит!

– А что скажет мама? – оборвала его Джесси.

– Ей это, конечно, не понравится.

– Да она будет вне себя! Она никогда не простит ни меня, ни вас. Она в жизни не простит ту даму, которая останется здесь со мной. А что скажет Перси? Я приехала сюда, как его гостя, а потом осталась шпионить за ним и за его отцом! Разве вы не понимаете, до чего это бестактно?

Да, Хал понимал, но готов был пренебречь всеми обычаями их круга, в то время как Джесси это казалось безумием. Она сжимала его руки, и по ее щекам струились слезы.

– Хал, – вскричала она, – я не могу покинуть вас в этом страшном месте! От вас осталась одна тень... А как вы одеты – чучело настоящее! Прошу вас, сейчас же пойдите купите себе приличный костюм, и уедем вместе отсюда!

Но он только покачал головой.

– Нет, Джесси, это невозможно.

– Почему?

– Потому что я обязан остаться здесь – это мой долг. Дорогая, неужели вы не понимаете? Всю жизнь я живу благодаря труду шахтеров и до сих пор не удосужился посмотреть, как добывается мое богатство.

– Но, Хал, здесь же – не ваши рабочие! Это же рабочие мистера Харригана!

– Совершенно безразлично. Все они трудятся, а мы живем за их счет и считаем, что это в порядке вещей.

– Но что ж тут можно сделать?

– Если не сделать, то хотя бы понять! Наконец, вы ведь знаете, что я сделал кое-что. Ведь я все-таки добился, чтобы открыли шахту!

– Хал, – воскликнула она, – я вас не узнаю: вы стали циником, потеряли веру в людей! Вы почему-то убеждены, что администрация собиралась убить этих шахтеров. Неужели мистер Харриган допустил бы такие порядки у себя на шахтах?

– Кто, мистер Харриган? Может ли это быть, когда он так аккуратно бросает монетку в кружку для бедных в церкви святого Георгия? Вы только там его видели, и это все, что вы о нем знаете.

– Я знаю, что о нем говорят. Папа и братья с ним знакомы, и ваш брат тоже! Скажите, разве Эдуард одобрил бы то, что вы сейчас делаете?

– Боюсь, что нет.

– Вы ополчились против них – против всех своих знакомых! Почему вы решили, что старшие ничего не понимают, а правы только вы? Может быть, все-таки именно вы заблуждаетесь? Подумайте об этом, Хал, прошу вас, ради меня!

Она умоляюще посмотрела на него. Он наклонился и взял ее за руку.

– Джесси, я *знаю*, что этих рабочих угнетают, потому что сам был рабочим. Я знаю, что виноваты в этом такие люди, как Питер Харриган и даже как мой собственный брат. Но кто-то должен призвать их к ответу, заставить их посмотреть правде в глаза! Вот что я понял нынче летом и считаю это теперь своим долгом!

Джесси глядела на него широко открытыми прекрасными глазами. Несмотря на весь свой испуг и возмущение, она испытывала какой-то

восторженный трепет перед этим удивительным чудачком, которого так любила.

– Они убьют вас! – в ужасе вскричала она.

– Нет, дорогая, об этом вам нечего беспокоиться! Я уверен, что меня никто не тронет.

– Но ведь в вас стреляли!

– Нет, они стреляли в Джо Смита, подручного шахтера. Они не станут стрелять в сына миллионера, в Америке так не бывает, Джесси!

– А вдруг темной ночью...

– Успокойтесь, – сказал он. – Я втянул и Перси в эту историю, всем это известно. Убить меня втихомолку теперь уже нельзя, потому что такое дело всплывет моментально. Так что я здесь в полной безопасности, как у себя дома в собственной постели.

21

Хал все еще был одержим мыслью, что Джесси нужно кое в чем просветить. Безразлично – хочет она или нет, она должна это узнать! До отхода поезда оставалось еще несколько часов, и Хал начал прикидывать, как использовать драгоценное время. Он вспомнил, что Роза Минетти пошла домой кормить малыша, и ему представилась Джесси в этом крошечном домике. Ведь Роза – хорошая, приветливая женщина, а уж Джерри Маленький – бесспорно, симпатяга!

– Джесси, ненаглядная моя, – сказал он, – мне так бы хотелось, чтобы вы вышли пройтись со мной.

– Но ведь дождь!

– Ну и что ж – испортите одно платье, у вас их много!

– Я не об этом беспокоюсь.

– Очень прошу – пойдете!

– Мне это неприятно. Хал. Ведь я здесь гостья, а Перси может подумать...

– Я пойду спрошу у него, не возражает ли он против нашей прогулки, – предложил он с притворной серьезностью.

– Нет, нет! – вскричала она. – Это еще хуже! – Такими вещами Джесси не умела шутить!

– Выходила же Виви Кэсс. И другие тоже собираются. По-моему, Перси не возражает.

– Я знаю, Хал. Но ведь этих людей ни в чем не упрекнешь!

– Полно, Джесси, – рассмеялся Хал, – Перси не станет преследовать вас за мои грехи. Вам предстоит долгое путешествие, не мешает перед ним освежиться.

Джесси сообразила, что надо в чем-нибудь уступить, если она собирается сохранить свое влияние.

– Хорошо, – покорно сказала она и, исчезнув на несколько минут, вернулась под густой вуалью, чтобы скрыть свое лицо от пытливых глаз репортеров. На ней был дождевой плащ и калоши, в руке – зонтик. Боязливо, как двое преступников, они выскользнули из вагона.

Обойдя толпу у входа в шахту, они вошли в грязный немощеный квартал,

где жили итальянцы. Он держал ее под руку, лавируя между миниатюрных озер и речек. Какая радость идти вот так с ней рядом, видеть ее милое личико и слышать ее голос, полный любви. Сколько раз он представлял себе, что она здесь, и мысленно рассказывал ей обо всем пережитом.

Сейчас он рассказывал ей уже на самом деле про семью Минетти, про то, как встретил на улице обоих Джерри – Большого и Маленького, и был принят в их доме, и как некоторое время спустя они вынуждены были из предосторожности отказать ему. Он начал рассказывать ей про то, как его выбрали контролером у весов и как его арестовал Джефф Коттон, но тут страшная повесть оборвалась на полуслове, потому что они подошли к домику Минетти.

Дверь им открыл Джерри Маленький, по щекам которого были размазаны остатки завтрака. Ребенок вытаращил глаза на таинственную женщину в вуали. Когда они вошли в комнату, Роза, сидя на стуле, кормила грудью малыша. Увидев гостей, она вскочила в смущении и, не решаясь повернуться к ним спиной, стала поспешно прятать грудь; при этом она залилась румянцем и выглядела очень юной и хорошенькой.

Хал представил ей Джесси, как свою старую приятельницу, которая хочет познакомиться с его новыми друзьями. Джесси откинула назад вуаль и присела на стул. Джерри Маленький вытер по приказу матери личико и подошел, чтобы получше разглядеть незнакомую волшебницу.

– Я рассказывал мисс Артур, как хорошо вы ко мне отнеслись, – сказал Хал Розе. – Она захотела зайти и поблагодарить вас.

– Да, – любезно добавила Джесси, – я благодарна всем, кто хорошо относится к Халу.

Роза пробормотала что-то в ответ, но ее прервал веселый голосок Джерри Маленького:

– Почему вы называете его Хал? Его зовут Джо!

Роза зашикала из него, но Хал и Джесси рассмеялись.

Итак, процесс американизации Джерри продолжался.

– У меня куча имен, – сказал Хал. – Меня называли Халом, когда я был таким маленьким, как ты.

– А она разве знала вас тогда? – спросил Джерри Маленький.

– Да, конечно.

– Она ваша подруга?

Роза робко засмеялась, а Джесси покраснела и стала очаровательной. Она смутно ощутила разницу в нравах: эти люди не только признают существование «подружек», но и не скрывают своего интереса к ним.

– Это секрет, – предупредил его Хал. – Ты его не разболтай!

– Я умею хранить секреты! – сказал ребенок, затем прибавил шепотком: – Когда работаешь в Северной Долине, приходится хранить секреты!

– Еще бы! – поддержал Хал.

– Мой папа социалист, – продолжал мальчик, обращаясь к Джесси, а так как одна мысль ведет к другой, прибавил: – Мой папа запальщик.

– Что это – запальщик? – спросила Джесси, стараясь быть любезной.

– Ох! – воскликнул Джерри. – Значит, вы ничего не понимаете в шахтерском деле?

– Нет, – призналась Джесси, – объясни мне!

– Запальщик – самый главный, без него угля не добудешь, – заявил Джерри. – И он должен быть ловким, не то вся шахта взорвется. Папа – самый лучший у них запальщик.

– Что ж он делает?

– Понимаете, берут бурав – длинный, длинный, такой, как вся эта комната. Его крутят и делают им дырки в угле. Иногда для этого ставят машину, но мы машин не любим: они отнимают хлеб у рабочих. Когда дырки готовы, приходит запальщик и взрывает порох. Надо иметь, – тут Джерри Маленький замедлил темп, произнося раздельно каждый слог, – безопасную взрывчатку, чтобы не давала пламени. И надо знать, сколько куда заложить. Если заложить лишнее, слишком мелкий будет уголь, и шахтеры поднимут скандал. А если заложить мало, шахтерам труднее работать – опять скандал! Значит, надо держать хорошего запальщика.

Джесси взглянула на Хала, и он понял, что, несмотря на дурное настроение, она искренне позабавилась. «Вот это правильный способ научить кое-чему Джесси», – решил он и поэтому продолжал подбивать ребенка на разговоры о шахтерской жизни: о том, как обвешивают шахтеров и какой у них огромный рабочий день, как вымогают с них взятки разные начальники и охранники, что собой представляют магазины и пансионаты, принадлежащие угольной компании, и кто такие социалистические агитаторы и организаторы профсоюза. Джерри Маленький не скрывал местных тайн.

– Вы должны это знать, если вы подружка нашего Джо, – серьезно сказал он.

– Ах ты херувимчик! – воскликнула Джесси.

– А что такое херувимчик? – спросил Джерри Маленький.

22

Итак, все шло очень хорошо. Маленький итальянчик совершенно очаровал Джесси, несмотря на ужасные бранные слова, которыми пестрела его речь. Хал видел, что она побеждена, и внутренне торжествовал, что его опыт слияния классов так хорошо удался. Но он не мог заглянуть в душу Джесси и понять, что искренний восторг сочетается в ней с классовыми предрассудками, порожденными инстинктивной жестокостью ее касты. Да, сейчас этот малыш похож на херувима, но каким он станет, когда вырастет? Некрасивым и вульгарным, вот каким! Через десять лет никто не отличит его от других грубых и грязных жителей поселка. Джесси была убеждена, что простые люди в зрелом возрасте становятся уродливыми, а это, по ее мнению, было доказательством, что они – по каким-то глубоким, неизменным причинам – качественно ниже тех, кто управляет ими. Хал напрасно тратит время и силы, стараясь переделать их вопреки природе! Она объяснит это Халу на обратном пути к поезду. Она поняла, что Хал привел ее сюда с педагогической целью. Как все люди вообще, она терпеть не могла насильственного воспитания. Вот

почему она затаила надежду поменяться ролями с Халом и самой взяться за его воспитание.

Вскоре Роза кончила кормление, и Джесси сделала какой-то комплимент по поводу черных глазенок малыша. Эта тема помогла Розе победить робость, и они уже дружески болтали, как вдруг с улицы донеслись крики и шум. То были женские голоса, и Хал с Розой бросились к двери. Момент был очень острый: все жители поселка дошли до предела нервного напряжения, ожидая известий.

Хал распахнул дверь и крикнул людям на улице:

– Какие новости?

– Нашли Рэфферти, – отозвался женский голос.

– Он жив?

– Пока неизвестно.

– Где нашли?

– На семнадцатом участке. Там было одиннадцать человек – Рэфферти, Флениген-младший, швед Иогансен... Рассказывают, они еле дышат, говорить не могут. К ним никого не подпускают.

Вмешались другие голоса. Но тот, который ответил Халу, был совсем особый – красивый и выразительный, явно принадлежащий ирландке. Этот голос привлек внимание Джесси.

– Их переносят в контору. Жены хотят узнать о своих мужьях, но им ничего не говорят. Гонят прочь, как собак!

Со всех сторон слышались рыдания. Хал вышел из дому и через минуту вернулся, поддерживая под руку огненнорыжую девушку в синем ситцевом платье. Она еле держалась на ногах и все повторяла со стоном: «Ужас! Ужас!» Хал подвел ее к стулу, и она беспомощно опустилась на него, закрыла лицо руками и разрыдалась, выкрикивая какие-то слова сквозь рыдания.

Джесси стояла и смотрела на девушку, чувствовала всю глубину ее отчаяния и невольно заражалась им, но в то же время злилась на себя за это. Она не желает расстраиваться, раз она все равно не в силах помочь! Споры нет, эти несчастные люди очень страдают. Но зачем так шуметь, как эта особа? Джесси догадывалась, что возбуждение незнакомки отчасти вызвано гневом, и это усиливало ее недовольство. Она воспринимала это как вызов себе, наравне с увлечением Хала социальной справедливостью, которое так удивляло и шокировало ее.

– Они гонят женщин прочь, как собак! – твердила девушка.

– Поймите, Мэри, – проговорил Хал, желая успокоить ее, – врачи сделают все, что в их силах. Нельзя же пускать туда женщин, – они там будут мешать!

– Даже если нельзя, врачи здесь ни при чем, Джо, и вы это знаете! Сейчас переносят покойников; некоторых нашли там, где был взрыв – их разорвало на куски. Начальство не желает, чтобы люди все это видели. Разве это делается ради врачей? Ничего подобного! Просто собираются наговорить кучу всякой лжи про количество убитых. Насчитать пять-шесть ног на одного человека! Вот отчего женщины сходят с ума! Я видела, как миссис Замбони рвалась в сарай, где складывали трупы. Пит Хейнан сжал ей груди и отпихнул назад. Она вопит: «Пустите к мужу!» А он ей: «Не лезь – там одни куски!» А она: «Я соберу

куски». А Пит ей: «На что тебе куски? Жрать их, что ли будешь?»

Все ахнули от ужаса, даже Джесси не выдержала. А неизвестная ей девушка закрыла лицо руками и снова зарыдала. Хал ласково положил ей руку на плечо.

– Мэри, – умоляюще сказал он, – не так уж все безнадежно! Ведь многие выжили – и будут спасены.

– Откуда вы знаете? А вдруг они там под землей заколачивают какие-нибудь участки? Вот что самое ужасное – никто ведь ничего толком не знает. Вы бы слышали, как кричала несчастная миссис Рэффerti! Меня как ножом полоснуло! Только подумайте, уже полчаса, как его принесли наверх, а бедная женщина никак не может добиться правды, жив он или нет!

Хал стоял с минуту, погрузившись в размышления. Он был поражен, что могут происходить такие безобразия, хотя поезд Перси Харригана еще здесь. Он обдумывал, надо ли ему пойти к Перси, или достаточно поговорить с Коттоном и Картрайтом.

– Мэри, – сказал он спокойным голосом, – не надо так отчаиваться! Я уверен, что мы добьемся, чтобы с женщинами обращались лучше!

Но она продолжала плакать.

– А что вы сделаете? Они никого не боятся!

– Вы не правы, – сказал Хал. – Положение изменилось. Поверьте мне – кое-что можно сделать. Я пойду и поговорю с Джеффом Коттоном.

Он двинулся к двери, но тут раздался голос:

– Хал!

Это крикнула Джесси. В своем гневе против начальства Хал почти забыл, что она здесь.

Хал обернулся и посмотрел на нее, потом перевел взгляд на Мэри. Та поспешно опустила руки, и на ее заплаканном лице выражение горя сменилось изумлением: что еще здесь за Хал?

– Простите, – быстро сказал он. – Мисс Берк, разрешите вас познакомить с моей приятельницей мисс Артур. – Затем, считая, очевидно, что этого недостаточно, прибавил: – Джесси, это мой друг Мэри.

Благовоспитанность не изменяла Джесси даже в самых трудных случаях.

– Очень приятно, мисс Берк, – сказала она и улыбнулась с изысканной вежливостью. Но Мэри не произнесла ни слова; изумленное выражение так и застыло на ее лице.

В своем возбуждении она даже не заметила незнакомку, но теперь, глядя на нее, начинала понимать правду. Красавица, какой никто в шахтерском поселке еще не видывал; одета скромно, но вещи на ней, вероятно, очень дорогие – даже плащ и калоши. Мэри привыкла к дорогим нарядам миссис О'Каллахен, но здесь она увидела нечто совершенно иное – все было неуловимо изящным, удивительно естественным. И эта девушка предъявляла свои права на Джо Смита – подручного шахтера! Она назвала его по имени, никому до сих пор в Северной Долине не известному! Мэри не понадобились объяснения маленького Минетти – женским чутьем она мгновенно поняла, что это – ее соперница.

И так же внезапно Мэри остро ощутила, что на ней выцветшее ситцевое платье, все в пятнах и залатанное на плече; что руки у нее большие, огрубевшие от тяжелого труда, и ноги – в ветхих, искривленных башмаках. Что касается Джесси, то и в ней пробудился женский инстинкт. Она увидела перед собой красавицу, и хоть этот тип красоты Джесси не нравился, отрицать ее было невозможно. Это была здоровая красота, исполненная жизненной силы. Джесси прекрасно знала, в чем состоит ее собственное очарование, ибо ее всегда учили охранять его и культивировать. Кроме того, она успела подметить и недостатки этой девушки – грязное, залатанное платье, большие грубые руки, стоптанные башмаки. И все же она сознавала, что Красная Мэри обладает качествами, которых не хватает ей, что рядом с этой дикой розой шахтерского поселка она, Джесси Артур, вероятно, кажется садовым цветком – хрупким и чахлым.

У нее на глазах Хал положил руку на плечо этой Мэри, и она слышала, как Мэри обращалась к нему. Она называла его Джо! И внезапный страх проник в сердце Джесси.

Подобно многим девушкам, которых растили в тепличной обстановке, Джесси Артур гораздо больше понимала в жизни, чем осмеливалась признаться даже себе самой. Она догадывалась, что молодые люди, располагающие большими средствами и свободным временем, далеко не всегда святые и аскеты. Ей также приходилось часто слышать небрежно брошенные замечания о том, что все эти «простые женщины» совершенно лишены «моральных устоев». Что, собственно, означают такие замечания? Как должна относиться девица типа этой Мэри – полнокровная, темпераментная и вдобавок недовольная своей судьбой – к такому культурному, обаятельному человеку, как Хал? Несомненно, она захочет добиться его любви; нет женщины, которая знает Хала и устоит против такого искушения! И она постарается увести его подальше от друзей, лишит родной среды и счастливого будущего, беззаботной жизни, на которую он имеет право. Она обретет особую власть над ним, пользуясь таинственной силой, – особенно страшной для Джесси именно из-за своей таинственности. Неужели эта сила способна так ослепить мужчину, что он перестает видеть и грязное ситцевое платье, и грубые руки, и стоптанные башмаки?

Эти размышления, пересказ которых занял сейчас почти страницу, промелькнули у Джесси мгновенной вспышкой интуиции. Она вдруг поняла то, что раньше казалось ей необъяснимой загадкой – почему Хал бросил дом, друзей и карьеру и поселился здесь – среди этой нищеты и страданий. Перед ней развернулась древняя трагедия мужской души, за которую борются злые и добрые духи, и она даже не усомнилась, что она, Джесси, олицетворяет добро, а Красная Мэри – зло.

Джесси взглянула на Хала. Какое у него открытое, благородное, правдивое лицо! Нет, нельзя поверить, что он способен поддаться такому соблазну! Если бы так, то он не привел бы ее в эту лачугу, побоялся бы, что она может встретиться с этой девушкой! Но он, возможно, борется с искушением, хотя, сам того не сознавая, уже попал в сети! Он ведь – мужчина, значит – слепец, мечтатель! Вот потому-то он идеализирует эту девушку, называя ее наивной и

простой, воображая, что она лишена хитрости. Джесси явилась вовремя, чтобы спасти его! И она повоюет за спасение Хала, пустив в ход уловки потоньше тех, которыми располагает эта девка из шахтерского поселка!

23

В душе Джесси Артур росло и крепло инстинктивное чувство, порожденное наследственной жестокостью, которой Хал в ней не подозревал. Она отошла в сторону и тоном, исполненным высокомерия, позвала:

– Хал, пожалуйста, подойдите сюда!

Он шагнул к ней, и, когда оказался совсем рядом, она сказала вполголоса:

– Вы, наверно, забыли, что должны проводить меня обратно к поезду?

– Не можете ли вы пойти со мной? – спросил он. – Всего на несколько минут. Если вы пойдете, это, наверное, даст очень хороший результат.

– Я не могу идти туда, в эту толпу! – Голос Джесси внезапно задрожал, а большие темные глаза наполнились слезами. – Разве вы не знаете, Хал, что я не вынесу этих страшных сцен! Эта бедняжка – она ведь привыкла ко всем ужасам, – она закалилась. Но я... я не могу! Уведите меня... уведите меня отсюда, милый Хал!

Просьба Джесси задела знакомую струнку в душе Хала. Ему уже было не до рассуждений – его реакция на ее слова была инстинктивной. Ведь он заставил любимую девушку страдать! Пусть он задумал это для ее собственного блага, все равно – это жестоко!

Хал стоял рядом с Джесси и видел, что в ее глазах светится любовь; он видел слезы на ресницах и нежные дрожащие губы. Она качнулась, и Хал подхватил ее в свои объятия. Здесь, перед свидетелями, она позволила ему прижать ее к своей груди, а сама плакала и шептала жалобные слова. До сих пор, действуя по указке бдительной и многоопытной матери, Джесси робко уклонялась от ласк и, разумеется, никогда не позволяла себе того, что даже отдаленно и приблизительно могло походить на «первый шаг» с ее стороны. А сейчас она это сделала и с торжеством в душе увидела, как горячо Хал отозвался. Значит, он еще принадлежит ей, и пусть это знают все эти вульгарные люди, и эта девушка тоже!

Но даже торжествуя победу, Джесси Артур испытывала непритворное сострадание к женщинам Северной Долины; ее действительно обуял ужас, когда она услышала про миссис Замбони. Поистине сложна женская натура; женщина обладает поразительной, древней как мир, способностью к истерикам и в то же время каждый раз умеет воспользоваться своей истерикой с глубоким и безошибочным расчетом!

А сейчас Джесси внушила Халу, что он должен поскорее увезти ее отсюда. И Хал сказал Мэри Берк:

– Поезд мисс Артур скоро уходит. Я должен проводить ее. А потом мы пойдем с вами к шахте и посмотрим, что можно сделать.

– Хорошо, – ответила Мэри, но ее голос прозвучал резко и холодно. Хал, однако, этого не заметил. Как мужчина, он не умел разбираться в женских чувствах, а уж тем более в чувствах двух женщин сразу.

Они ушли, и на обратном пути к станции Джесси повела на него отчаянную атаку, чтобы он покинул Северную Долину. Она даже не просила его купить приличный костюм; она готова увезти его с собой в вагоне наследника угольного короля, как он есть, в запачканном шахтерском комбинезоне! Она заклинала его сделать это во имя их любви. Эта встреча будет последней, если он не исполнит ее просьбу! Она даже разрыдалась посреди улицы и заставила его обнимать и утешать ее на глазах у шахтерских жен и детей, и – чего доброго – газетных репортеров!

Хал был в замешательстве, но не сдавался. Даже сама мысль о бегстве отсюда в поезде Перси Харригана казалась ему морально недопустимой. Он ненавидел этот поезд и самого Перси Харригана тоже. Под конец Джесси сообразила, что своими требованиями добивается лишь обратных результатов. Поэтому, со своим инстинктивным *savoir faire*¹⁸ она напомнила Халу о его предложении, чтобы она осталась в Северной Долине в обществе какой-нибудь дамы, до их совместного возвращения в Уэстерн-Сити.

У Хала от радости затрепетало сердце. Он даже не заподозрил тут хитрости. А Джесси между тем была убеждена, что ни одна из дам не рискнет обидеть Перси Харригана, задержавшись в Северной Долине при подобных обстоятельствах.

– Любимая моя! Вы это серьезно говорите? – воскликнул ошарашенный Хал.

– Серьезно, потому что люблю моего Хала!

– Чудесно! Мы придумаем, как это устроить!

Но по дороге к поезду она ловким маневром, которого он даже не заметил, заставила его задуматься над последствиями такого поступка. Она охотно останется, если ему этого хочется. Но это испортит – и, возможно, навсегда, – отношения Хала с ее родителями. Они телеграфируют ей, чтобы она немедленно возвращалась домой. Если она не послушается, за ней приедут следующим же поездом. И Джесси продолжала расписывать все это, пока Хал не отказался от своего предложения. В конце концов зачем ей оставаться, если все ее мысли – дома и она только замучает его! К концу этой беседы Хал уже совершенно ясно понимал, что Северная Долина – отнюдь не подходящее место для Джесси Артур и что он был дурак дураком, когда мечтал соединить несоединимое.

Она хотела добиться от него обещания, что он уедет, как только все потерпевшие будут вынесены из шахты. Он ответил, что так и собирается поступить, если не возникнут какие-нибудь непредвиденные обстоятельства. Ей хотелось добиться от него безоговорочного обещания, но, когда из этого тоже ничего не вышло, она неожиданно сдалась. Пусть поступает как хочет, но только пусть помнит, что она его любит, что он ей нужен и она не может без него жить! Что бы он ни делал, что бы о нем ни говорили другие, она верит в него и никогда от него не отступится. Хал был глубоко тронут. Он снова обнял

¹⁸ Жизненный такт (франц.)

ее и под прикрытием зонтика нежно поцеловал, не смущаясь присутствием ребятишек с грязными мордочками, которые не сводили с них удивленных глаз. Он снова поклялся в любви, заверяя, что никакое увлечение жизнью шахтеров не отдалит его от Джесси.

Затем он посадил ее в поезд и обменялся рукопожатиями со всеми отъезжающими. У Хала был такой встревоженный, мрачный вид, что его приятели, несмотря на весь соблазн, поневоле воздержались от насмешек по его адресу. Он стоял на платформе, провожая взглядом уходящий поезд, и, к собственному изумлению, вдруг почувствовал, что ненавидит этих друзей своего детства и юности. Рассудок говорил ему другое: что они могли здесь сделать? С какой стати было им оставаться? И все-таки они были ему ненавистны. Они спешат, их ждут танцы и флирт в Загородном клубе; а он пойдет обратно к шахте и будет добиваться, чтобы миссис Замбони показали разорванное на куски тело ее мужа.

Книга четвертая Воля Короля-Угля

1

Шахта смерти уже начинала выдавать свои тайны. Непрерывно работал барабан, вытягивая снизу клеть за клетью с живыми и мертвыми, а также с такими телами, которые можно будет отнести к первой или второй категории, лишь накачав специальным аппаратом воздух в их легкие. Стоя под дождем, Хал наблюдал толпу и думал, что еще никогда не был свидетелем таких душераздирающих сцен. Какая мертвая наступала тишина, если появлялся человек, от которого можно ждать новостей! И вдруг – вопль отчаяния жены или матери, услышавшей страшную правду. И вздох сочувствия всей толпы; а потом крики радости при каком-нибудь радостном известии. И души людей трепетали, как трепещет прибрежный тростник от порывов ветра.

А эти рассказы, в один миг облетавшие весь поселок, – они проникали наверх из подземного мира, и в них говорилось о невероятных страданиях и еще более невероятном героизме! Люди провели четверо суток без воды и пищи, тем не менее они отказывались покинуть шахту, предлагая принять участие в спасении товарищей. Люди лежали вповалку в могильной тишине, поддерживая жизнь водой, стекавшей по капле с кровли, по очереди подползая на спине и лоя ртом драгоценную влагу, или сосали смоченную в воде тряпочку. Участники спасательных отрядов рассказывали, как они вламывались киркам в заграждения и вдруг различали слабые сигналы замурованных людей; они неистово трудились, чтобы скорее пробиться к товарищам, и, наконец, когда появлялась маленькая щель, слышали крики радости и видели сияющие из темноты глаза тех, кто, уже теряя последние силы, ждал: вот расширится отверстие и в него просунут немного пищи и воды.

На некоторых участках приходилось бороться с огнем. В шахту спустили длинные пожарные шланги, и люди медленно продвигались вперед, по мере того как вентилятор очищал перед ними штреки от дыма и пара. Волонтеры

брались за эту работу без колебаний, хотя знали, что рискуют жизнью. Их не покидала надежда найти еще кое-кого из пострадавших, забаррикадировавшихся в дальних забоях.

Хал разыскал Джеффа Коттона у входа в контору, временно превращенную в госпиталь. Это была их первая встреча после сцены неожиданного разоблачения в салон-вагоне Перси, и поэтому на лице начальника охраны появилась довольно трусливая ухмылка.

– Ничего не поделаешь, мистер Уорнер, ваша взяла! – сказал он и после недолгих пререканий согласился пропустить женщин в госпиталь, чтобы они составили список пострадавших и затем огласили его перед толпой. Хал побежал к Минетти, думая поручить это дело Мэри Берк, но Роза сказала, что Мэри ушла тотчас после его ухода с мисс Артур, и никто не знает, где она. Тогда Хал поспешил к миссис Дэйвид, и та согласилась провести эту работу с несколькими приятельницами, не называя свою группу «комиссией». «Никаких ваших чертовых комиссий не допущу!» – предупредил Джефф Коттон.

Прошла ночь и часть следующего дня. Днем явился один из конторщиков и вручил Халу запечатанный конверт с телеграммой, адресованной Картрайту для передачи ему. Телеграмма гласила;

«Убедительно прошу немедленно вернуться домой. Отец придет в отчаяние, узнав о происшедшем. Невозможно дольше скрывать от него эти события».

Хал нахмурился, читая телеграмму. Несомненно, это дело Харриганов, которые поспешили донести обо всем его брату. Он пошел в контору и оттуда передал по телефону телеграфный ответ: «Собираюсь вернуться дня через два. Постарайся не вмешивать папу, пока я сам тебе всего не расскажу».

Полученная телеграмма встревожила Хала. Он живо представил себе долгие споры с братом и попытки оправдаться перед отцом, которого нежно любил. Как подло будет, если посланец Харриганов явится к старику и огорчит его, изобразив всю историю в ложном свете!

От этих размышлений Хала потянуло домой. Он отчетливо представил себе жизнь за пределами шахтерского поселка со всеми ее приманками. Ведь есть же конец терпению: сколько может культурный человек питаться отвратительной пищей, спать на грязной постели и видеть всякие мерзости? То и дело вспоминался Халу обеденный зал в клубе, где пахнет бифштексами и горячими булочками и так прельстительна цветная гамма салатов, свежих фруктов и сбитых сливок. И он с неожиданной уверенностью начал думать, что в Северной Долине его миссия почти выполнена.

Прошла еще одна ночь и еще один день. Уже последние пострадавшие были вынесены из шахты и все трупы отправлены в Педро, где их собирались хоронить оптом, что весьма характерно для шахтерского быта. Пожар отбушевал; спасательные отряды покинули шахту; им на смену явилось множество пильщиков и плотников для ремонта крепления. Репортеры уехали. Билли Китинг пожал Халу на прощанье руку, и они договорились встретиться и пообедать вместе в клубе. В Северной Долине находился представитель Красного Креста, кормивший голодающих на средства, полученные по

подписному листу миссис Кертис. Что еще оставалось Халу, как не проститься с друзьями, заверив их, что он всегда будет к их услугам?!

Первой среди друзей была Мэри Берк, с которой ему еще не пришлось беседовать после ее знакомства с Джесси. Он понимал, что Мэри умышленно избегает его. Дома он ее не застал и зашел к Рэфферти справиться о ней. Там он задержался, чтобы проститься с женой спасенного им шахтера.

Рэфферти начинал поправляться. Жене разрешили навестить его. Крупные слезы катились по ее ввалившимся щекам, когда она рассказывала Халу о том, что пришлось испытать мужу. В течение четырех суток старик был замурован в маленькой штольне без воды и пищи, не считая нескольких капель кофе, которыми он поделился с другими страдальцами. Сейчас он еще не мог говорить и едва был в силах шевельнуть рукой. Но в его глазах все же теплилась жизнь и светилась душа, которую она любила и которой верно служила тридцать с лишним лет. Миссис Рэфферти славословила своего католического бога за то, что он благополучно вывел ее мужа из опасности. Совершенно ясно, что этот бог – несравненно более действенный, чем протестантский бог шведа Иогансена – силача, положенного на соседнюю койку, но уже приказавшего долго жить!

Врач, однако, предупредил женщину, что муж ее никогда не сможет работать. При воспоминании об этом тень страха легла на оживленное лицо миссис Рэфферти. Как смеет врач говорить такое? Конечно, Рэфферти стар; но он ведь крепок! И врачам не понять, на что способен человек, когда ему надо кормить целую семью! Ее муж ведь не из тех, которые сдаются, если у них что заболит! Кроме старика, в семье еще лишь один работник – это Тим. Он славный мальчик, трудолюбивый, но докторам все-таки следовало бы знать, что восемнадцатилетнему шахтеру не прокормить на свой заработок большую семью! А другие сыновья – те еще малы, по закону их в шахту не берут. Пора бы образумить этих законодателей! Если они решили запретить детский труд в шахтах, пускай тогда укажут другой какой-нибудь способ прокормить детей...

Хал слушал миссис Рэфферти и сочувственно ей поддакивал, тем временем внимательно наблюдая за ней, так как ее движения говорили ему больше, чем ее слова. Она следовала заветам своей религии – богобоязненные католики должны, мол, плодиться и размножаться; ненасытное чрево угольных шахт уже поглотило троих взрослых сыновей этой женщины. На руках сейчас у нее оставалось еще восемь человек детей и больной муж. «Интересно, – подумал Хал, – отдыхала ли она когда-нибудь днем хоть одну минуту за все пятьдесят четыре года своей жизни? Во всяком случае, бывая в ее доме, он никогда этого не видел. Даже сейчас, прославляя своего католического бога и браня капиталистических законодателей, она одновременно готовила ужин, быстро, бесшумно, как машина, двигаясь по комнате. Она была костлява, как старая кляча, проработавшая свой век в пустыне; кожа у нее на скулах напоминала резину, а на руках, словно струны рояля, выступали вены.

И вот перед нею встал призрак нищеты! Хал спросил, что она собирается делать дальше, и снова увидел, как ее лицо исказилось ужасом. Один только выход – это отдать детей в какой-нибудь приют, чтобы спастись от голода. Для

бедняков нет ничего страшнее этого, и при одном упоминании о приюте, женщина зарыдала и принялась повторять, что – нет, не может быть, доктор ошибается, Хал увидит, муж ее через одну, самое большее – две недельки вернется на работу!

2

Хал вышел на улицу. Где-нибудь на равнине это был час заката, но здесь верхушки каньонов уже окрасились багровым светом и потянуло вечерним холодом ранней осени. Вдали на темнеющей улице Хал заметил какое-то сбирище. Там кричали и туда со всех сторон сбегался народ. «Что еще за новость?» – подумал Хал и поспешно зашагал в том же направлении. Уже собралось человек сто, и их громкие голоса сливались в общий гул, похожий на шум морского прибоя.

– Говори! Говори! Довольно терпели... Ура!

– Что случилось? – спросил Хал какого-то человека из задних рядов, а тот, узнав его, закричал так, что всем стало слышно:

– Джо Смит! Вот подходящий парень! Сюда, Джо! Бери слово! Говори!

Пока Хал расспрашивал, стараясь понять, в чем дело, новая волна криков заглушила его имя:

– Довольно над нами издевались!

И чей-то голос поднялся над всем нестройным хором:

– Повтори! Еще раз скажи! Ну!

Кто-то стоял на крыльце дома, возле которого собрались эти люди. Хал с удивлением узнал Тима Рафферти. Кто бы мог подумать, что это Тим – простодушный Тим, улыбающийся мальчик с веселыми ирландскими глазами? Сейчас его светлые волосы были всклокочены, а лицо искажено гневом.

– Лежит как мертвец, – с надрывом выкрикивал Тим. – Ничего не говорит, пальцем шевельнуть не может. Одиннадцать лет на них батрачил... Чуть не погиб в катастрофе. По их вине. Каждый из вас знает, что все случилось по их вине. Богом клянусь, что это так.

– А то нет! Он прав! Говори! Говори! – поддержали его со всех сторон.

– Ему сунут двадцать пять долларов, ну там еще уплатят за больницу. И дешево отделаются, потому что в больнице долго держать не станут – выпишут прежде, чем он на ноги поднимется. Помните, как было с Питом Калленом?

– Было дело! Помним!

– А проклятые адвокаты уже там... Суют им бумаги на подпись, пока они еще в себя не пришли. А я мог бы помочь, да меня туда не пускают! Господи помилуй, сколько еще можно издеваться? Что мы, рабы? Что мы, собаки – терпеть все это?

– И не будем терпеть! Хватит! – крикнул кто-то. – Сами пойдем туда и займемся этим делом!

– Пошли! – закричал другой. – К черту всех охранников!

Хал протиснулся сквозь толпу.

– Тим! Откуда вы это знаете?

– Один шахтер видел.

– Кто?

– Не могу назвать – его выгонят, если узнают. Но вы его знаете не хуже меня. Пришел и сказал. Они это делают, чтобы не платить отцу за увечье.

– Как всегда, – закричал англичанин Уочоп, стоявший рядом с Халом. – Вот почему они нас туда не пускают!

– Они это проделали с моим отцом! – вмешался новый голос. Хал узнал Энди, юношу грека.

– Завтра утром хотят пустить шахту номер два, – кричал Тим. – Кто пойдет в забой? С Алеком Стоуном, который плюет на людей и спасает мулов!

– Не пойдем в забой, пока не будет нам обеспечена безопасность! – громко заявил Уочоп. – Пусть опыливают стены, или я их всех пошлю к чертям!

– И чтобы правильно записывали вес! – раздался еще чей-то голос. – Нужен контролер у весов, тогда нам будут платить все сполна.

Снова вспомнили о Джо Смите:

– Джо Смит! Бери слово! Ты им сумеешь нос утереть?» Ты самый подходящий парень!

Хал стоял беспомощный и растерянный. Он считал, что битва уже выиграна, а тут, оказывается, начинается новая! Рабочие ожидают от него действий, вызывают к нему, как к самому смелому из бунтовщиков. Ведь лишь немногие знают о внезапной перемене в его жизни.

Пока он колебался, руководство битвой успело уже перейти к другому: англичанин Уочоп вскочил на ступеньки и обратился с речью к толпе. Это был один из забитых, скрюченных шахтеров, но сейчас обстоятельства придали неожиданную силу его голосу. Хал слушал его в изумлении: кто мог бы предположить, что этот молчаливый, туповатый на вид человек годится в бойцы? Однажды Том Олсен завел с ним разговор, пытаясь его прощупать, но Уочоп ни о чем слушать не хотел, и пришлось махнуть на него рукой. А сейчас посмотрите: громко бросает в толпу слова, полные грозного вызова!

– Это шайка разбойников и убийц! Куда ни обернись – они нас всюду грабят! Я, например, больше терпеть не желаю! А вы?

Поднялся ужасный шум. Видимо, никто больше не желал терпеть.

– Правильно! Мы им покажем!

– Ура! Ура! Мы добьемся своих прав!

К толпе уже мчался Джефф Коттон с Бадом Адамсом, а за ними несколько охранников. Все повернулись в их сторону. Люди в задних рядах, оказавшиеся от них близко, сжимали кулаки и скалили зубы, как рассерженные псы. Лицо Коттона побагровело от бешенства, но он сообразил, что предстоит – серьезное дело, и метнулся назад, за подкреплением. Толпа заревела от восторга. Борьба началась, и рабочие уже выиграли первую битву.

3

Люди с криками и проклятиями двинулись по улице. Кто-то затянул «Марсельезу», остальные подхватили. Песня звучала безумной отвагой:

К оружию, народ!

Сомкни свои ряды!
Вперед, вперед!
Пусть кровь врагов
Замочит их следы!

Здесь собрались рабочие двух десятков национальностей и пели они на разных языках, – но это была одна, общая песнь угнетенных всего мира. После каждых нескольких тактов вся толпа подхватывала, заглушая отдельные голоса:

Вперед, вперед!
Пусть кровь врагов
Замочит их следы!

Часть шахтеров разбежалась, чтобы оповестить народ, и вскоре весь поселок был тут. Мужчины размахивали шапками, а женщины поднимали руки и кричали, но нашлись и такие, которые остолбенели от ужаса, вспомнив о своих детях, – их, мол, не прокормишь революционными песнями.

Тима Рэфферти подняли на плечи в самой гуще толпы и заставили повторить свой рассказ. В то время как он держал речь, прибежала его мать и начала кричать надрывным голосом:

– Тим! Тим! Уходи отсюда! Что с тобой?

В отчаянии и страхе женщина ломала руки. Увидев Хала, она бросилась к нему:

– Джо, стащите его оттуда! С ума он, что ли, сошел? Что он делает? Нас выгонят из поселка и не дадут ни гроша! Куда мы денемся? Пресвятая дева, что с моим мальчиком? Что с ним?

Она снова принялась взывать к Тиму. Может, он и слышал ее крики, но он даже бровью не повел. Тим шел на штурм Версаля!

Кто-то закричал, что надо идти к госпиталю и защитить пострадавших от «проклятых адвокатов». В этом уже была определенная цель, и толпа двинулась туда. Хал пошел в задних рядах с женщинами, детьми и самыми робкими мужчинами. Он заметил несколько конторщиков и других служащих. Потом перед ним мелькнул Джефф Коттон, который давал своим людям приказ запастись оружием.

Прибежал Большой Джек Дэйвид вместе с Джерри Минетти. Хал отвел их в сторону, чтобы посоветоваться. Джерри весь горел. Наконец-то наступил час возмущения, которого он ждал столько лет! Почему же товарищи не произносят речей, не руководят людьми, не организуют их на борьбу!

Джек Дэйвид не был уверен в правильности такой тактики. Надо посмотреть, насколько серьезна эта вспышка.

Джерри ответил ему, что в их воле придать движению то качество, которое они захотят. Ведь если они возглавят это дело, то поведут за собой рабочих и сумеют их сплотить. Разве не этого добивается Том Олсен?

Нет, возразил ему великан валлиец, Олсен старается организовать людей тайно, считая это подготовкой к общему восстанию во всем районе. Это совсем

непохоже на открытый бунт, вспыхнувший в одном лишь месте. Может ли такое движение рассчитывать на успех? Если нет, то глупо и ввязываться, – они этим только добьются своего изгнания.

Джерри обратился к Халу: каково его мнение?

Итак, Халу все-таки пришлось высказаться. Ему трудно судить, ответил он. Он так плохо разбирается в рабочем движении. Именно для того, чтобы учиться, он и приехал в Северную Долину. Трудно советовать рабочим мириться с тем обращением, которому их подвергают, но, с другой стороны, всякому ясно, что неудача обескуражит всех и после этого организовать народ станет еще труднее.

Эти соображения Хал высказал открыто, но в его душе таилось еще много такого, чем он не мог поделиться ни с кем. Ведь не скажешь же прямо этим людям: «Я ваш друг, но в то же время дружу с вашими врагами. В этот критический момент я не могу решить, кому мне присягнуть на верность. Семейные традиции связывают меня с вершителями ваших судеб, вдобавок я очень боюсь огорчить свою невесту!» Нет, он не мог произнести таких слов! Он чувствовал себя предателем и боялся смотреть в глаза своим товарищам. Джерри знал, что он каким-то образом связан с Харриганами, и, вероятно, сообщил об этом всем остальным. Надо полагать, они обсуждали этот вопрос и строили всевозможные предположения. А вдруг они заподозрили, что он шпион?

Вот почему Хал вздохнул с облегчением, когда Джек Дэйвид, наконец, твердо сказал, что они только сыграют на руку врагу, если дадут преждевременно втянуть себя в борьбу. Необходимо посоветоваться с Томом Олсеном.

– Но где он, Том Олсен? – спросил Хал.

Дэйвид ответил, что в тот день, когда Хала выгнали отсюда. Том взял расчет и отправился в Шеридан, где находится профсоюзный комитет, с докладом о положении в Северной Долине. Вряд ли он сюда вернется. Здесь он свое дело сделал: сколотил небольшую группу и посеял семена возмущения.

Долго судили и рядили, у кого бы получить совет. Телефонный разговор из Северной Долины исключается, потому что каждое слово будет подслушано. Но вечерний поезд в Педро отходит через несколько минут, и кто-нибудь должен туда поехать, сказал Большой Джек. От Педро до Шеридана всего пятнадцать – двадцать миль. А там, несомненно, найдется кто-нибудь из руководителей союза, с которым можно обо всем поговорить. Наконец, почему не позвонить из Педро по междугородному телефону в Уэстерн-Сити? Надо уговорить кого-нибудь из руководителей союза, чтобы он выехал ночным поездом в Педро. Он уже наутро будет там.

Хал, все еще надеявшийся уклониться от активности, предложил поручить это Джеку Дэйвиду. Каждый вытряхнул содержимое своих карманов, чтобы собрать Джеку на дорогу, после чего тот помчался на станцию. А Джерри и Хал решили до его приезда держаться в стороне от событий и предупредить остальных членов своей группы об избранной ими тактику.

Такая программа вполне устраивала Хала, но почти немедленно он убедился, что она принята слишком поздно. Вместе с Джерри он побежал догонять толпу, которая остановилась у одного из домов, принадлежащих Компании. Когда они приблизились, кто-то уже произносил речь. До них донесся женский голос, звучавший четко и повелительно. Увидеть говорившую они не могли из-за толпы, но Хал узнал голос и, схватив своего спутника за руку, вскричал:

– Это Мэри Берк!

Она, кто же еще! Слушатели были буквально наэлектризованы ее речью. Не успевала она закончить очередную фразу, как толпа начинала одобрительно гудеть. Следующая фраза – и новый гул голосов. Хал и Джерри пробились вперед, чтобы послушать эту литанию гнева.

– А сами-то они, разве они решатся вместо вас работать в шахте, как вы думаете?

– Нет, никогда!

– Пойдут они в забой в своих шелках и кружевах, как вы думаете?

– Нет! Никогда!

– А если бы пошли, вы думаете, сохранили бы они свои холеные, белые ручки?

– Нет! Никогда!

– Задирали бы они так же по-прежнему нос перед вами?

– Нет! Никогда! Ясно!

А Мэри уже понеслась дальше:

– Если бы вы только могли сплотиться как следует, они бы к вам ползком приползли, все бы ваши условия приняли. Но вы трусы, вот они и играют на вашей трусости! Вы предатели, и они вас подкупают! Они вносят раздор в вашу среду, чтобы легче было вами командовать, и катят отсюда прочь в собственных поездах! А дела здесь поручают наемным бандитам, которые глумятся над вами и топчут вас своими сапожищами. Долго ли вы будете это терпеть? Долго?

Рев толпы прокатился по всей улице:

– Хватит терпеть! Хватит!

Мужчины грозили сжатыми кулаками, женщины пронзительно кричали, и даже дети разражались проклятиями.

– Мы им больше не рабы! Будем драться!

И тут Мэри нашла магическое слово.

– Организуем профсоюз! – закричала она. – Объединимся и будем держаться сплоченно! Если они посягнут на наши права, мы будем знать, как ответить! Объявим забастовку. Мы объявим забастовку!

Ответ толпы был как громовой раскат в горах. Да, Мэри нашла нужное слово! Сколько лет никто в Северной Долине не смел громко выговорить это слово, а теперь оно пронеслось по рядам, как пороховой взрыв:

«Забастовка! Забастовка! Забастовка!» Казалось, люди не устанут повторять его: и хотя не все понимали речь Мэри, это слово знал каждый!

Забастовка! И каждый выкрикивал его на своем языке: на польском, чешском, итальянском, греческом. Мужчины размахивали шапками, женщины – фартуками, – и в вечерней мгле это напоминало какие-то диковинные заросли, в которых бушует ураган. Мужчины обменивались рукопожатиями; наиболее эмоциональные иммигранты бросались друг другу на шею. Забастовка! Забастовка! Забастовка!

– Мы больше не рабы! – не унималась Мэри. – Мы вольные люди и хотим жить по-человечески! Мы хотим работать в человеческих условиях, иначе мы бросим работу! Мы больше не стадо баранов, которое можно гнать куда заблагорассудится хозяевам! Мы организуемся и будем стоять рядом – плечом к плечу. Либо мы все победим, либо погибнем с голоду, и тоже все вместе! Но ни один из нас не сдастся, ни один не станет предателем! Есть здесь среди нас такой, кто пойдет штрейкбрехером?

Раздался вой, словно взвыла стая волков. Пусть попробует человек, который метит в штрейкбрехеры, сунуть сейчас сюда свое грязное рыло!

– Вы будете поддерживать ваш союз?

– Будем!

– Клянетесь?

– Клянусь! Клянемся!

Словно в экстазе, Мэри воздела руки к небесам.

– Клянитесь своей жизнью! Клянитесь стоять друг за друга! Клянитесь, что ни один человек не отступится до полной победы! Клянитесь! Клянитесь!

Люди, повторяя ее движения, подняли руки.

– Клянемся! Клянемся!

– Вы не дадите им сломить свои ряды? Вы не позволите им запугать себя?

– Нет, нет!

– Помните свою клятву! Не изменяйте своему слову! Это единственная надежда ваших жен и детей!

Девушка продолжала заклинять толпу отрывочными фразами и страстными движениями простертых рук, и вся она – высокая, порывистая – была как бы олицетворением яростного бунта. Пораженный Хал слушал ее речь и наблюдал ее движения. На какие чудеса способна человеческая душа – из отчаяния рождается надежда! И все люди, стоявшие вокруг Мэри, на глазах преображались вместе с ней: они вздымали руки и делали те же порывистые движения, повинувшись ей, как оркестр повинует палочке дирижера.

Хал почувствовал радостную дрожь – он торжествовал. Сам он потерпел поражение и хотел бежать из этого адского места. Но теперь в Северной Долине возродилась надежда: близится час победы и освобождения!

С первого дня, как он попал сюда, в среду шахтеров, Хал проникся убеждением, что истинная трагедия этих людей заключается не в их физических бедствиях, а в психической подавленности, в унылой безнадежности, овладевшей ими. Это убеждение крепло в Хале с каждым днем благодаря тому, что видел он сам, и тому, что рассказывали другие. Том Олсен первый выразил это в словах: «Главная помеха нашему делу – психическое состояние людей, которым мы стараемся помочь!» Возможно ли пробудить

надежду в сердцах людей, живущих в обстановке террора? Даже сам Хал – юный и вольный, как ветер, – был доведен до полного отчаяния. А он-то принадлежал к классу, который привык приказывать: «Сделайте то!», «Сделайте это!» – с уверенностью, что все будет немедленно выполнено. Этим же рабам-углекопам не ведомо ни чувство власти, ни чувство уверенности в собственных силах: напротив, они привыкли, что все их порывы встречали на каждом шагу сопротивление, а их стремление к счастью душила чужая воля!

Но человеческая душа претерпела чудесное превращение – и в Северную Долину пришла надежда. Народ поднимался на борьбу во главе с Мэри Берк. То, что казалось Халу мечтой, теперь свершается на самом деле. Мэри Берк с лицом победительницы, в ореоле червонно-золотых волос, Мэри Берк верхом на белоснежном коне в белом одеянии из мягкого блестящего шелка, как Жанна д'Арк или предводительница парада суфражисток! Она во главе огромной рати, – и Халу казалось, что он уже слышит звуки победного марша!

В основе тогдашних шуточных слов Хала было настоящее предвидение, искренняя вера в силы этой девушки. Уже в тот день, когда он впервые застал дикую розу шахтерского поселка за развешиванием белья, он понял, что это не просто хорошенькая девушка из рабочей семьи, но женщина с умом и характером. Она была дальновиднее, чем большинство этих наемных рабов, и способна на более глубокие чувства. У нее были общие с ними, но более сложные стремления. Когда Хал, желая помочь, предложил достать для нее хорошую работу, она ясно дала ему понять, что стремится не только сбросить с себя ярмо повседневного труда, но и найти такую жизнь, в которой было бы место умственным интересам. Тогда-то и возникла у Хала идея, что Мэри должна стать учителем и вождем шахтеров. Она любила их, болела за них душой и страдала вместе с ними, в то же время ища своим пытливым умом причины их бедствий. Но едва лишь Хал заговаривал с ней о том, что надо возглавить шахтерское движение, как он встречал лишь ее презрение к углекопам. Это убивало надежды Хала, сводило на нет его стремления помочь им всем и Мэри в том числе.

И вот она взяла на себя ту роль, которую он ей предназначал. «Теперь ее душа слилась с этой бушующей толпой, – подумал Хал. – Она жила жизнью этих людей, терпела вместе с ними унижения и обиды и вот восстала вместе с ними». Но Хал, будучи всего лишь мужчиной, упустил одну из причин ее чудесного превращения: он не догадывался, что красноречие Мэри обращено не только ко всем этим Рэффerti, Уочопам и прочим рабам Северной Долины, но и к одной девушке с обложки иллюстрированного журнала, в плаще, светло-зеленой шляпке и мягкой, прозрачной, дорожной вуали, которая стоит бешеных, бешеных денег.

5

Речь Мэри внезапно оборвалась. Несколько человек, отделившись от толпы, прошли вперед, и у них там произошла с кем-то стычка. Возбужденные голоса становились громче, и народ уже бросился на этот шум. Мэри тоже повернулась, чтобы посмотреть, и как-то мгновенно вся толпа хлынула туда же,

вперед.

Стычка произошла возле госпиталя. Дом выходил на улицу широким крыльцом. На нем стояли Картрайт и Алек Стоун с группой служащих Компании, среди которых Хал заметил Предовича, почтмейстера Джонсона и Адамса. Крыльцо обступили шахтеры, суровые и решительные, во главе с Тимом Рэфферти. Он кричал:

– Пускай ваши адвокаты убираются отсюда!

Переговоры с Тимом взялся вести сам управляющий:

– Здесь нет никаких адвокатов, Рэфферти!

– Мы вам не верим!

– Сами хотим убедиться! – подхватили остальные.

– Внутрь мы вас не пустим, – заявил Картрайт.

– Я должен видеть отца! – неистово кричал Тим. – Имею я право повидать родного отца?

– Можете навестить его утром. Можете забрать его домой, если вам угодно. Мы вовсе не хотим держать его здесь. Но сейчас он спит, и других больных нельзя беспокоить.

– Вы не постеснялись привести туда своих проклятых адвокатов, беспокоить их!

– Говорю вам, возле него и близко не было адвокатов! – пытался заверить Картрайт, но недовольные возгласы шахтеров заглушили его слова.

– Это ложь! – крикнул Уочоп. – Они торчат здесь целый день, вы отлично это знаете! Мы их к черту выгоним!

– Иди, не бойся, Тим! – крикнул Энди, юноша грек, проталкиваясь вперед.

– Иди, не бойся! – поддержали другие, и Тим Рэфферти, поощряемый этими возгласами, стал подниматься по ступенькам.

– Хочу видеть отца! – решительно сказал он, но Картрайт вцепился ему в плечо, и тогда он закричал: – Пропустите! Пропустите, говорю вам!

Было совершенно очевидно, что управляющий всячески старается избежать применения силы. Он приказал охране отступить и сам удерживал юношу. А Тиму уже бросилась в голову кровь; он рванулся вперед, и то ли управляющий первый ударил его, то ли хотел отразить удар, но Тим скатился вниз по ступенькам. Вопль негодования потряс толпу. Все рванулись вперед, и в этот момент люди, стоявшие на крыльце, вытащили револьверы.

Что это означает, было ясно всем: еще миг – толпа ринется вверх по лестнице, и начнется стрельба. А уж если начнется заваруха, то всего можно ждать! Такой взбудораженный народ не успокоится, пожалуй, пока не спалит все дома и не перебьет всех представителей Компании!

Хал шел сюда с намерением держаться в тени, но сейчас, в подобную минуту, это показалось ему трусостью, чуть ли не преступлением. Он бросился вперед, стараясь перекричать толпу:

– Стойте! Стойте!

Вероятно, во всей Северной Долине не было другого человека, которого они бы послушались в эту минуту. Но Халу они доверяли, он заслужил у них право на внимание. Разве не сидел он ради них в тюрьме? Разве они не видели

его за решеткой?

– Джо Смит! – пронеслось в толпе от края и до края.

Хал прокладывал дорогу вперед, расталкивая людей, умоляя, приказывая молчать.

– Тим Рэфферти, погоди!

И Тим, узнав этот голос, повиновался.

Высвободившись из тисков толпы, Хал прыгнул на крыльцо; Картрайт даже не пытался помешать ему.

– Шахтеры! Погодите минутку! – закричал Хал. – Это совсем не то, что вам нужно! Вам не нужно кровопролития! – Он остановился на мгновение. Для него было вполне ясно, что одной отрицательной формулой их нельзя сейчас сдержать. Необходимо им сказать: «Вам нужно то-то!» Только что он узнал, какие именно слова действуют на них, и он во весь голос бросил этот лозунг в толпу: – Вам нужен профсоюз! *И забастовка!*

Шахтеры ответили ему таким мощным гулом, какого он еще не слышал. Да, вот чего они требуют: забастовки! И пусть Джо Смит объявит ее и станет их вожаком! Ведь за это его изгнали отсюда! Не совсем ясно, правда, как он пробрался обратно, – тем не менее он здесь, и он общий любимец. Да здравствует Джо Смит! Они пойдут за ним в огонь и воду!

А смелый какой парень! Стоит себе на ступеньках и под самым носом начальства агитирует за профсоюз, а начальство, смотрите, боится пальцем его тронуть! Видя все это, толпа пришла в неистовый восторг. Те, кто знал английский язык, криками выражали свою солидарность; а кто не знал, все равно кричали, подражая остальным.

Кровопролития им не нужно, разумеется нет! Что проку в драке? Им нужно объединиться и действовать сплоченно, чтобы стать свободными людьми. Профсоюзный комитет, уполномоченный выступать от их имени, заявит, что ни один шахтер не выйдет на работу, пока им не будут гарантированы их законные права! Надо раз и навсегда покончить с безобразным обычаем выгонять тех, кто требует справедливости для себя и для товарищей. Они больше не позволят заносить в черные списки и выселять из района рабочих, дерзающих требовать то, что им полагается по законам штата.

6

Сколько можно вот этак стоять на крыльце здания, принадлежащего Компании, рядом с главным управляющим и начальником шахты и агитировать шахтеров за профсоюз? Хал понимал, что надо поскорее увести толпу с этого опасного места.

– Выполните ли вы то, что я попрошу? – спросил он, и, когда они хором согласились, он предостерегающе добавил: – Никаких драк! Никакого пьянства! Если вы увидите нынче ночью пьяного, обуздайте его и закройте в доме!

Послышался хохот и веселые возгласы. Да, они будут себя хорошо вести... Для такого дела нужна трезвая голова!

– И еще одно, – сказал Хал, – относительно людей в госпитале. Выберем

комиссию и пошлем ее выяснить, что там происходит. Соблюдайте сейчас тишину – нельзя беспокоить больных! Но мы хотим убедиться, что и никто другой их не беспокоит! Для этого один из вас останется с ними в палате. Это вас устраивает?

– Устраивает! – отвечали они.

– Прекрасно! – продолжал Хал. – А ну-ка, потише! – И он повернулся к управляющему: – Картрайт, мы хотим, чтобы вы впустили наших представителей в госпиталь. Они останутся с больными. – И, заметив, что управляющий собирается возражать. Хал шепотом прибавил: – Не сходите с ума! Разве вы не понимаете, что я хочу спасти вам жизнь?

Управляющий знал, как губительно будет для дисциплины, если он позволит Халу взять над собой верх, но он отлично сознавал нависшую над ним опасность – и, главное, не был уверен ни в храбрости всех этих бухгалтеров и стенографистов, ни в их умении стрелять.

– Скорее, или будет поздно! – воскликнул Хал. – Я не могу бесконечно сдерживать эту толпу. Образумьтесь, если не хотите, чтобы здесь поднялся настоящий бунт!

– Хорошо, – сказал Картрайт, пожертвовав своим самолюбием.

Хал снова повернулся к толпе и сообщил об этой уступке. Раздались торжествующие возгласы.

– Кого же мы пошлем? – спросил Хал, когда крики улеглись, и окинул взглядом поднятые к нему лица.

Самыми заметными в толпе были Тим и Уочоп, однако Хал решил, что этих двух он не должен выпускать из поля зрения. Он подумал о Джерри Минетти и миссис Дэйвид, но вспомнил свой уговор с Большим Джеком о том, что вся немногочисленная группа активистов должна держаться пока в тени. Кого же тогда? Мэри Берк? Эта уже успела испортить свою репутацию в глазах начальства и пользуется полным доверием рабочих. Хал вызвал Мэри и миссис Феррис – американку, находившуюся в толпе. Обе они поднялись на крыльцо, и Хал обратился к Картрайту:

– Давайте сразу договоримся: эти женщины будут все время находиться в госпитале. Если им вздумается, они будут разговаривать с больными. И, кроме врачей и сестер, никто не смеет давать им никаких распоряжений. Согласны?

– Согласен, – мрачно ответил управляющий.

– Хорошо. Ради бога, проявите хоть каплю благоразумия и сдержите слово! Чаша терпения этих людей может мгновенно переполниться, если вы дадите им малейший повод, а тогда – пеняйте на себя! Заодно прикажите, чтобы все кабаки были закрыты и чтобы их не открывали, пока не уляжется волнение. И держите ваших молодчиков подальше. Пусть не разгуливают по улицам с револьверами и не корчат рож!

Не дожидаясь ответа управляющего, Хал обернулся к собравшимся и поднял руку, требуя тишины.

– Слушайте, – сказал он, – нам предстоит серьезное дело – мы организуем здесь отделение профсоюза. Нельзя этим заниматься под самыми окнами госпиталя. Мы уже достаточно здесь пошумели. Сейчас мы отсюда уйдем,

соблюдая полную тишину, и соберемся на пустыре, за электростанцией. Согласны?

– Согласны!

Хал постоял еще минутку, пока женщины не вошли благополучно в госпиталь, и лишь потом прыгнул с крыльца, чтобы увести толпу. К нему подошел Джерри Минетти, дрожа от радости. Хал схватил его за руку и взволнованно прошептал:

– Спой, Джерри! Спой им какую-нибудь итальянскую песенку!

7

Они добрались до назначенного места без всяких стычек. По дороге Хал обдумывал, как договориться с этим многоязычным полчищем. Он знал, что добрая половина не понимает ни единого слова по-английски, а среди остальных не меньше половины еле-еле владеет языком. Значит, чтобы им все разъяснить, надо разделить их по национальностям и найти для каждой группы надежного переводчика.

Распределение по группам заняло много времени и выкало много шума и добродушной толкотни:

– Поляки – сюда! Чехи – вон туда! Эй, греки! Итальянцы – вам здесь стоять!

Но вот эта растасовка кончилась, каждая группа выделила по одному человеку, достаточно понимавшему по-английски, чтобы служить переводчиком, и Хал начал свою речь. Не успел он произнести несколько фраз, как поднялось настоящее вавилонское столпотворение. Все переводчики бросились одновременно переводить во всю силу своих глоток. Это было похоже на парад, в котором все оркестры скопились в одном месте. Сперва Хал растерянно замолчал, потом расхохотался: слушатели во многих группах подхватили его смех, ораторы в удивлении перестали говорить, потом тоже начали смеяться. Веселый хохот перекатывался в толпе, общее настроение мигом изменилось: гнев и решимость уступили место бесшабашной веселости. Хал получил первый урок, как надо обращаться с этими полчищами ребячливых людей с изменчивыми настроениями и бурной сменой чувств.

Затем, договорив до конца, Хал развел группы подальше одну от другой и попросил переводчиков разъяснить своим соплеменникам смысл его слов. Но тут возникло новое затруднение: как проверить все эти потоки красноречия? Как удостовериться, что его выступление не искажено? Олсен предостерегал Хала против хозяйских шпионов, которые, прикинувшись рабочими, втираются в доверие к массам и подстрекают их ко всякого рода бесчинствам. А уж посмотреть на переводчиков, так испугаешься их вида и поневоле подумаешь, что очень уж странно звучат твои мысли на их языке!

О чем, например, ораторствует там грек, похожий на сумасшедшего, со страшными лохмами и дикими глазами, неистово колотящий себя кулаками в грудь?

Этот грек стоял на бочке, освещенный двумя рудничными лампами, а вокруг толпилось с полсотни его соотечественников. Он яростно

жестикулировал, грозил кулаками, взвизгивал и завывал. Обеспокоенный Хал поймал другого грека, говорящего по-английски, и стал расспрашивать, о чем толкует оратор; выяснилось, что о внедрении законности в Северной Долине!

Хал наблюдал этого темпераментного человечка и думал: «Ну и акробат!» Он то откидывал назад плечи и колесом выпячивал грудь, едва не падая с бочки, – в это время он говорил, что шахтеры получают возможность жить по-человечески: то сгибался в три погибели и, свесив голову, оглашал воздух стонами – при этом он объяснял, что с ними произойдет, если они сдадутся. Он запускал пальцы в свою черную шевелюру и отчаянно теребил и рвал на себе волосы; потом резким движением вытягивал руки, показывая слушателям пустые ладони; и опять начинал рвать волосы с такой силой, что становилось больно на него смотреть. Хал спросил, что все это означает, и получил такое объяснение:

– Он говорит: «Поддерживайте профсоюз! Дерни за один волос – сразу вырвешь. А попробуй дернуть всю копну – ничего не вырвешь!»

Как тут было не вспомнить Эзопа с его баснями?

Том Олсен рассказывал Халу, как профсоюзные организаторы воспитывают эти невежественные полчища. Надо без конца твердить одно и то же, пока даже самые тупые из слушателей не поймут, что спасение и сила рабочего класса в солидарности.

Когда многоязычные ораторы наговорились до полного изнеможения, все группы снова собрались толпой у груды шлака, и Хал повторил всю свою речь с самого начала, пользуясь только теми односложными словами, которые входят в особый жаргон, весьма распространенный среди шахтеров; иногда он подкреплял свою речь словацкими, греческими и итальянскими словечками, которые подцепил у шахтеров. Временами его красноречие вновь вдохновляло кого-нибудь из переводчиков, и ему приходилось пережидать, пока тот не бросит своим соплеменникам несколько изволнованных фраз. Он мог не беспокоиться, что наскучит своим слушателям: то были терпеливые многострадальные люди, а к этому делу они подошли с беспредельной серьезностью.

Итак, у них будет профсоюз. Они оформят его по всем правилам, выдадут членские билеты и изберут голосованием местное руководство. Все это им постепенно объяснил Хал; не стоит даже начинать, если они твердо не решили навсегда сохранить свою организацию! Рабочим предстоит выбрать по представителю от каждой из наиболее многочисленных национальных групп. Эти представители соберутся и выработают список требований, который будет рассмотрен и утвержден на общем собрании, а затем предъявлен хозяевам с предупреждением, что, пока эти условия не примут, ни один углекоп Северной Долины не спустится в шахту.

Джерри Минетти, великий знаток профсоюзных дел, посоветовал Халу немедленно записать рабочих в члены союза. Он учитывал психологический момент: ведь каждому рабочему придется выступить вперед и назвать свою фамилию. Но как всякие начинающие профсоюзные организаторы, они сразу столкнулись с обычным затруднением – отсутствием средств. Для записи

необходимы карандаши и бумага, а Хал выпотрошил свои карманы, чтобы дать на дорогу Джеку Дэйвиду. Пришлось занять у кого-то четвертак для этой покупки. Уполномоченные проголосовали за то, чтобы каждый рабочий, записываясь в профсоюз, внес по десять центов; если они хотят получить помощь извне, им предстоит также телеграфные и телефонные расходы!

Был избран временный комитет, куда вошли Тим Рафферти, Уочоп и Хал. Этой тройке поручили хранить списки членов и деньги и вести все дела до следующего общего собрания, назначенного на завтра. Затем для охраны комитета выделили дюжину наиболее верных людей, обладавших к тому же мощной мускулатурой. Тем временем из лавки вернулся посланец с блокнотами и карандашами. Рассевшись на земле, переводчики при свете рудничных ламп начали записывать фамилии всех желающих вступить в профсоюз, причем каждый по очереди клялся поддерживать дисциплину и солидарность. Покончив со списками, объявили перерыв до следующего утра, и шахтеры разошлись по домам с таким радостным сознанием своей силы, какое мало кто из них испытывал за всю свою жизнь.

8

Члены комитета вместе с личной охраной перекочевали к Ремницкому и расположились на полу в столовой. Никто на них не нападал; и пока многие из них мирно храпели, Хал с небольшой группой людей сел составлять список требований, который решено было наутро предъявить хозяевам. Договорились, что Джерри с утренним поездом отправится в Педро, чтобы рассказать обо всем Джеку Дэйвиду и профсоюзному руководству. Пусть только Джерри помнит, что шпики Компании наверняка будут выслеживать профсоюзных работников; поэтому Хал советует ему пойти сначала к Мак-Келлеру и попросить старика устроить ему встречу с Большим Джеком у себя дома. Мак-Келлер должен также связаться по междугородному телефону с редакцией «Газетт» и сообщить Билли Китингу о забастовке.

Халу пришлось обдумать добрую сотню таких дел. От всего этого у него голова шла кругом, и в результате, когда он, наконец, прилег, то никак не мог уже заснуть. Он думал о хозяевах – что-то они сейчас предпринимают? В эту ночь они, конечно, не сомкнут глаз.

Затем завертелись мысли о друзьях из поезда Перси Харригана и о том, в какую невероятную историю он влип.

Он громко и не без горечи рассмеялся, вспомнив тщетные усилия Перси увезти его из Северной Долины. А бедная Джесси! Что он теперь ей скажет!

В эту ночь хозяева не дали о себе знать. Наступило утро, и забастовщики поспешили к месту, где было назначено собрание. Многие даже не успели позавтракать. Лохматые и нечесанные, тревожно поглядывали они друг на друга; неужели это правда, что вчера вечером они были такими смельчаками? Когда они увидели, что комитет вместе с личной охраной уже находится на своем посту и готов приступить к дальнейшей деятельности, они снова прониклись великолепным чувством солидарности, придавшим им накануне мужество. Снова пошли речи, одобрительные возгласы и пение, и тут сбежались все, кто

проспал или, может быть, струсил. Движение вспыхнуло с новой силой; почти все мужчины, женщины и даже дети Северной Долины были налицо.

Пришла Мэри Берк после ночи, проведенной в госпитале.

Она выглядела измученной и усталой, но боевой дух в ней не угас. Она рассказала, что беседовала кое с кем из больных. Многие уже подписали бумаги, которыми Компания предохраняла себя от всякой угрозы судебных исков. Но остальные отказались подписать, и Мэри яростно уговаривала их не сдаваться. Какие-то две женщины предложили сменить Мэри в госпитале, чтобы она могла отдохнуть. Но Мэри не желала отдыхать: ей казалось, что отныне отдых для нее невозможен.

Члены нового профсоюза приступили к выбору руководства. Они наметили Хала в председатели, но он побоялся так крепко связывать себя и постарался передать эту честь Уочопу. Тима Рэфферти избрали казначеем и секретарем. Затем создали стачечный комитет, который должен предъявить Картрайту требования шахтеров. В комитет вошли Хал, Тим и Уочоп, а также итальянец Марчелли, за которого поручился Джерри, и по представителю от славян и греков – Руссик и Заммакис – оба серьезные, надежные люди. И, наконец, под радостные возгласы и смех добавочно выбрали Мэри Берк. Для женщины оказаться в этой роли было совершенно необычно; но, как дочь забойщика и сестра дробильщика, Мэри имела не меньше права выступать от имени шахтеров, чем любой мужчина в поселке!

9

Хал огласил документ, составленный прошлой ночью. Шахтеры требуют права иметь свой профсоюз и гарантии, что за принадлежность к союзу не будут их увольнять с работы. Они требуют контролера в весовой, которого изберут сами. Они требуют регулярной обработки шахт для предотвращения взрывов и правильного крепления для предотвращения обвалов. Они требуют права делать покупки в тех магазинах, где им заблагорассудится. Хал обратил внимание слушателей на одно важное обстоятельство: ведь по существу все эти требования не превышают того, что гарантировано углекопам законами штата. Поэтому он советует рабочим не включать никаких новых требований. После некоторых дебатов было провалено предложение радикалов требовать десятипроцентную надбавку к заработной плате. Собрание также отвергло предложение одного анархо-синдикалиста, сделанное на ломаном английско-итальянском жаргоне.

– Шахты, – сказал он, – принадлежат рабочим, и они поэтому не должны идти ни на какие компромиссы, а просто выгнать хозяев в три шеи.

Во время речи этого итальянца сквозь толпу протиснулся молодой Роветта и отозвал Хала в сторону. Он был на железнодорожной станции, когда прибыл утренний поезд из Педро. Из него высадился отряд человек в тридцать – сорок из тех, кого называют «оплотом порядка» и кого любой шахтер в этом районе узнает с первого взгляда. Очевидно, администрация основательно попользовалась телефонами в эту ночь, потому что такие же молодчики, как эти, прибыли также на автомобилях из поселка «Северо-Восточный», что внизу

в долине, и из «Барелы», расположенной высоко в горах.

Хал сообщил собранию эту новость, и она была встречена бешеной яростью. Так вот что задумали хозяева! В ту же минуту самые темпераментные очутились на куче шлака, и человек шесть начали шуметь сразу, стараясь перекричать друг друга. Руководители вынуждены были усмирить этих буянов, применив физическую силу. Халу пришлось еще раз крикнуть: «Никаких драк!» Рабочие должны доверять своему профсоюзу, надо противопоставить Компании непоколебимый фронт, тогда хозяева будут вечно помнить, что запугиванием нельзя сломить волю забастовщиков!

На этом порешили, и члены комитета направились в контору. Уочоп нес лист с требованиями шахтеров. За делегатами густой толпой следовали рабочие. Вскоре вся улица перед конторой была запружена народом, а героическая семерка поднялась на крыльцо и скрылась в дверях конторы. Уочоп попросил приема у Картрайта; секретарь отправился доложить.

Пока делегаты стояли в ожидании, с улицы вошел один из конторщиков и, подозревая к себе Хала, молча вручил ему конверт. Конверт был адресован Джо Смиуту. Хал вскрыл его и обнаружил небольшую визитную карточку, гласившую: «Эдуард С. Уорнер-младший».

Хал не мог поверить своим глазам. Эдуард в Северной Долине! Затем, перевернув карточку, он прочел на обороте слова, написанные знакомым почерком брата:

«Я нахожусь в доме Картрайта, должен срочно поговорить с тобой. Дело касается папы. Приходи немедленно».

У Хала похолодело сердце. Что это может означать? Он поспешно повернулся к членам комитета и сказал:

– Мой отец – старик. Три года назад у него был удар. Боюсь, что он умер или тяжело болен. Мне нужно уйти.

– Вас обманывают! – взволнованно вскричал Уочоп.

– Не думаю, – ответил Хал. – Я знаю почерк брата. Я должен повидать его.

– Хорошо, – заявил Уочоп. – Мы будем ждать. Пока вы не вернетесь, мы не пойдем к Картрайту.

– Нет, – сказал Хал, подумав. – По-моему, это неразумно. Вы вполне можете сделать все что нужно и без меня.

– Но я хотел, чтобы вы с ним говорили!

– Нет, – ответил Хал. – Это ваша обязанность, Уочоп! Вы председатель профсоюза. Вы не хуже меня знаете, что надо рабочим, вы знаете все их претензии. К тому же с Картрайтом вовсе не придется разговаривать: либо он примет наши требования, либо – нет.

Пришлось поспорить на эту тему. Мэри Берк утверждала, что Хала нарочно отзывают отсюда в самый критический момент. Хал со смехом сказал, что Мэри может дать три очка вперед любому мужчине и переспорить хоть кого! Если Уочоп начнет сдаваться, пускай говорит за всех Мэри.

особняку, расположенному на пригорке, с которого был виден весь поселок. Хал позвонил, дверь открылась – и он увидел на пороге своего брата Эдуарда.

Эдуард Уорнер был на восемь лет старше Хала. Он являл собой законченный образец молодого американского дельца. Стройный, атлетического сложения, с правильными, энергичными чертами лица, он всеми своими манерами и голосом был воплощением спокойной решимости и направленной воли. Как правило, он бывал одет с иголки, но сейчас в его одежде и в поведении сквозило что-то необычное.

Беспокойство Хала росло, пока он шел сюда, – сейчас оно достигло высшей точки.

– Что с папой? – громко спросил он.

– Ничего, – отвечал брат, – во всяком случае, пока что он здоров.

– В чем же дело?

– Питер Харриган возвращается из Нью-Йорка. Его ждут в Уэстерн-Сити завтра. Пойми, с отцом обязательно что-нибудь случится, если ты немедленно не бросишь всей этой затеи!

Хал почувствовал внезапную реакцию после недавнего страха:

– И это все?

Брат пристально рассматривал шахтера в грязном синем комбинезоне. На лице юноши были черные потеки, волнистые волосы торчали в разные стороны.

– Ты же телеграфировал, Хал, что собираешься уезжать отсюда!

– Да, собирался. Но случилось такое, что я не предвидел. Началась забастовка.

– Ну и что, какое это имеет к тебе отношение? – удивился брат и с отчаянием в голосе договорил: – Ради бога, Хал, какие еще номера ты собираешься здесь отколоть?

Хал стоял, вглядываясь в лицо брата. Несмотря на всю напряженность момента, он не мог не рассмеяться:

– Я знаю, Эдуард, как тебе это все странно. Но это долгая история. Я даже не соображу, с чего начать...

– Ну, конечно, – сухо заметил Эдуард.

Хал снова рассмеялся.

– Слава богу, ты хоть это понимаешь! Признаться, я надеялся только на одно: что мы сможем обо всем спокойно поговорить, когда страсти улягутся. Когда я расскажу тебе об условиях труда в этом месте, то...

Но Эдуард резко перебил Хала:

– Поверь, Хал, эти споры совершенно излишни! Какое мне дело до условий труда на шахтах Питера Харригана?

Улыбка сразу сошла с лица Хала.

– Значит, ты предпочел бы, чтобы я исследовал условия труда на шахтах Уорнера? – Хал старался скрыть раздражение, но, очевидно, мир между братьями был невозможен. – Мы уже с тобой не раз об этом спорили, Эдуард! У тебя всегда было преимущество: ты мог сказать мне, что я еще ребенок, что с моей стороны – нахальство оспаривать твои доводы. Но теперь я уже не дитя, и

ты должен относиться ко мне по-иному.

Тон Хала подействовал, пожалуй, даже больше, чем его слова. Эдуард подумал, прежде чем ему ответить.

– Как же «по-иному», объясни.

– Сейчас я страшно занят забастовкой, и у меня нет времени на объяснения.

– В своей безумии ты совсем забыл об отце!

– Нет, я помню и об отце и о тебе, Эдуард, но момент сейчас неподходящий.

– Ну, положим, более подходящего момента и не подберешь!

– Ладно, – сказал Хал, чертыхнувшись в душе. – Садись. Я попробую объяснить тебе, что привело меня сюда и бросило помимо воли в гущу этих событий. – И он начал рассказывать о тех условиях, которые нашел в этой твердыне «ВТК». Как всегда, касаясь этой темы. Хал увлекся описанием человеческих судеб; в голосе появились страстные ноты, его подхватило и понесло, как в тот день, когда он пытался переспорить представителей власти города Педро. Но этот поток красноречия так же круто оборвался, как и тогда: он обнаружил, что брат настолько раздражен, что никакой логикой его не проймешь.

Все та же извечная история! Так было всю жизнь, сколько Хал себя помнил. Загадка природы – как могли появиться в одной семье два таких диаметрально противоположных характера? Эдуард был человек положительный и практический. Он знал, что ему нужно от жизни и как того добиться. Он не занимался самоанализом, его не мучили никакие сомнения и никакие сверхэмоции. Он не понимал людей, которые допускают подобные излишества в своей психической деятельности и позволяют чувствам брать верх.

Вначале Эдуард пользовался большим авторитетом у младшего брата. Этот сильный и властный человек был к тому же красив, как греческий бог. Что бы он ни делал: неся ли по ледяной дорожке катка уверенными, сильными движениями, рассекал ли воду поблескивающим плечом, или убивал куропатку точным молниеносным выстрелом – в глазах Хала Эдуард олицетворял собой успех. Идеи других людей казались ему «чушь», он умел так презрительно говорить о «неженках-молокососах», что у младшего брата щемило сердце и он поскорее хватался за книги Шелли и Рескина¹⁹, чтобы вернуть себе мужество.

Проблемы жизни рано начали тревожить Хала; видно, в его натуре была заложена эта потребность доискиваться причин тех или других жизненных явлений. И хотя он еще смотрел снизу вверх на своего великолепного брата, но уже понимал, что есть стороны жизни, которые для Эдуарда недоступны. Например, религиозные сомнения. Как мучительно страдает подросток, когда начинает догадываться, что религия, в которой он воспитан, не что иное, как

¹⁹ Шелли Перси (1792–1822) – великий английский поэт, революционер-романтик.

Рескин Джон (1819–1900) – английский теоретик искусства и публицист. В начале своей литературной деятельности выступал против капиталистической крупной индустрии.

волшебная сказка – только сортом повыше! Эдуарда, по-видимому, никогда это не беспокоило. Он посещал церковь, во-первых, потому, что так полагалось, но больше еще потому, что молодой особе, на которой он собирался жениться, нравилось, когда он, одетый в элегантный костюм, ехал с ней для встречи с такими же элегантными друзьями в прекрасный храм, наполненный звуками музыки и пропитанный ароматом живых цветов и тонких духов. Эдуарду казалось совершенно нелепым, что молодой человек может отказаться от такого приятного обычая только из-за каких-то сомнений, проглотил ли кит в самом деле пророка Иону!

Однако настоящая схватка, не на жизнь, а на смерть, началась между ними, лишь когда Хал повел атаку не на воскресную, а на каждодневную религию своего брата – религию выколачивания прибылей. Сначала Хал совершенно не разбирался в практических вопросах, и Эдуард считал своей прямой обязанностью просвещать его на этот счет. Своим богатством Америка обязана сильным людям; но этих людей окружают враги – злонамеренные субъекты, побуждаемые завистью и прочими низкими страстями, которые стремятся низвергнуть всю величественную структуру государства. На первых порах эта теория о дьяволах-ниспровергателях удовлетворяла мальчика, но позже, когда он начал читать и наблюдать жизнь, его уже терзали сомнения. Слушая то, что говорит брат, а с другой стороны, читая то, что пишут литераторы, называющие себя «разгребателями грязи», он невольно пришел к выводу, что это – борьба двух направлений: первого, в основе которого лежит забота о прибылях, и второго, в основе которого – забота о человеке.

Эдуарда пугали книги, которые читал Хал, но еще больше пугали его идеи, которые тот приносил из колледжа. Очевидно, там за последние несколько лет произошли какие-то странные перемены, – ведь ничего подобного никому и в голову не приходило, когда он сам учился в этом учебном заведении. Никто тогда не сочинял сатирических песенок на своих профессоров, не высмеивал благодеяний знаменитых филантропов!

Тем временем Эдуарда Уорнера-отца разбил паралич, и Эдуард Уорнер-сын взял в свои руки все дела фирмы. Трех лет этой деятельности было достаточно, чтобы на всю жизнь проникнуться жестокой психологией углепромышленников. Задача углепромышленника заключается в том, чтобы дешево покупать рабочую силу, добывать в кратчайший срок наибольшее количество угля и продавать его по рыночным ценам кредитоспособным покупателям. Компании, которые следуют этим правилам, неуклонно процветают; и если кто-нибудь осмеливается говорить, что такая политика превращает углекопов в калек, то это просто сентиментальность и нахальство!

Эдуард сперва ужаснулся, когда младший брат сообщил ему, что собирается изучать угольную промышленность, поступив на время летних каникул на шахту рабочим. Но, поразмыслив, он решил, что это, пожалуй, не такая уж плохая идея. Может быть. Хал вовсе не обнаружит того, что ищет, а наоборот, физический труд образумит его, выбьет дурь из головы!

Теперь опыт уже произведен, и Эдуард вдруг понял, что результат его убийствен. Ведь Хал не пришел к выводу, что все рабочие подряд – ленивые,

невежественные бунтари, которым нужно, чтобы ими управляла сильная рука. Напротив, он сам превратился в такого бунтаря! Сам стал защитником этих невежественных лодырей, агитатором, разжигателем классовой вражды, врагом собственных друзей и деловых знакомых своего брата!

Халу еще не доводилось видеть Эдуарда в таком возбуждении: с ним происходит что-то из ряда вон выходящее! Хал это заметил уже во время своего рассказа, но понял, лишь когда брат признался ему, почему он попал в Северную Долину. Он был на вечере у друзей, и Перси Харриган позвонил ему в этот дом по телефону около двенадцати ночи. Узнав от Картрайта, что Хал возглавляет бунт в Северной Долине, Перси расписал Эдуарду события в таких мрачных тонах, что тот сразу же помчался на вокзал и едва успел на двенадцатичасовой поезд как был – во фраке, не захватив даже зубной щетки!

Хал еле удержался, чтобы не прыснуть, представив себе, как его братец – этот чванный педант – высаживается в семь часов утра из спального вагона во фраке и цилиндре! Так вот почему Эдуард Уорнер-сын, этот изысканный щеголь, никогда не плативший меньше ста пятидесяти долларов за костюм, сидит перед ним в убогой тройке, купленной за двенадцать долларов сорок восемь центов в шахтерском поселке у еврея, торгующего готовым платьем.

11

Но на лице Эдуарда не появилось даже тени улыбки. Все его мысли были поглощены лишь одной задачей: вытащить брата из этого положения, столь опасного и унижительного! Хал явился в город, принадлежащий деловым знакомым Эдуарда, бестактно вмешался в их дела, взбунтовал их рабочих, поставил под угрозу их собственность. То, что вся Северная Долина – не только шахты и дома, но даже и население, – есть собственность «Всеобщей Топливной компании», не вызывало у Эдуарда ни малейшего сомнения. Он лишь досадливо отмахивался, когда Хал пытался оспаривать эту точку зрения.

– Помилуй, здесь было бы пустое место, если бы не капиталы и не энергия «Всеобщей Топливной компании!» Рабочих Северной Долины не удовлетворяют условия, которые им здесь создала «Всеобщая Топливная компания»? Так ведь проще простого, пусть переезжают на работу в другое место! Почему-то они остаются! Они добывают уголь, принадлежащий «Всеобщей Топливной компании». Они получают заработную плату у «Всеобщей Топливной компании»...

– Как раз сейчас они отказались ее получать! – перебил Хал.

– Очень хорошо, это их дело, – ответил Эдуард. – Но пусть бы они отказались по собственному почину, а не по наущению приезжих агитаторов! И уж тем более агитаторов из семьи Уорнер!

Старший брат красочно описал, как старый Питер Харриган возвращается домой из своей поездки в Восточные штаты. В каком неистовстве вернется он домой, какую бурю поднимет в деловых кругах Уэстерн-Сити! Невообразимо! Неслыханно!

– И должно же это случиться в тот самый момент, когда мы открываем новую шахту и нуждаемся в каждом долларе кредита!

– Разве мы недостаточно сильны, чтобы выдержать нажим Питера Харригана? – спросил Хал.

– На нас нажимают и без него со всех сторон! – ответил брат. – Нам и так хватает врагов, не надо специально искать новых!

Эдуард говорил не только как старший брат, но и как главный финансист семьи. Когда отец, надорвавшись от деловых забот, в один роковой час превратился из энергичного дельца в жалкого, беспомощного инвалида, Хал был, надо полагать, весьма рад, что нашелся хоть один член семьи с практической жилкой. Он с величайшим удовольствием свалил все заботы на плечи брата и умчался в колледж развлекаться сатирическими песенками. Он свободен от всякой ответственности, с него ничего не спрашивается, – лишь бы он не вставлял палки в колеса машины, которой управляет брат!

– Ты живешь на доходы с угольных шахт. Все, что ты тратишь, – любой доллар приходит из шахт...

– Знаю! Знаю отлично! – вскричал Хал. – Это-то и терзает меня! Самый факт, что я живу за счет наемных рабочих...

– Прекрати! – крикнул Эдуард. – Я вовсе не это хотел сказать!

– Знаю, – настаивал Хал. – Но я-то хочу сказать именно это! Отныне я намерен знать, как живут люди, которые работают на меня, и как с ними обращаются. Я больше не ребенок, мне зубы не заговоришь!

– Но ты ведь знаешь, – возразил старший брат, – что у нас на шахтах есть отделения профсоюза.

– Да, а что это означает? Как мы с ним уживаемся? Как у нас обстоит дело с весом, честно ли все записывается?

– Конечно! У них свои контролеры при весах!

– Как же мы выдерживаем конкуренцию других промышленников этого района, которые добрую треть не доплачивают шахтерам?

– Так и умудряемся. Соблюдаем экономию.

– Знаю я эту экономию! Питер Харриган тоже зря ничего не бросает! – Не получив ответа, Хал заговорил снова: – Скажи, мы подкупаем контролеров? Даем взятки лидерам профсоюза?

Эдуард слегка покраснел.

– Зачем ты говоришь мне гадости? Ты ведь знаешь, что я не занимаюсь грязными делами!

– Я совсем не хотел говорить гадостей; но, как тебе известно, многие промышленники уверяют, что они не занимаются грязными делами; а между тем за них это отлично делают другие... Взять хотя бы политику. Неужели мы тоже устраиваем махинации и проводим во все городские учреждения своих управляющих и других служащих?

Эдуард молчал, но Хал не отступал:

– Я должен все знать! Закрывать на это глаза, как раньше, я не собираюсь!

– Ладно, Хал, узнаешь, только, ради бога, не сейчас! Если ты хочешь, чтобы с тобой считались, как со взрослым, докажи, что у тебя есть хоть капля здравого смысла. Питер Харриган приезжает в Уэстерн-Сити завтра вечером. И уж будь уверен – он набросится на меня, как разъяренный бык! Как мне ему

ответить? Что я бессилён, что я ездил сюда, но не мог тебя увезти? Отдашь ты себе отчет, что тогда произойдет? Ведь он же пристанет к папе...

Эдуард уже испробовал все свои доводы, но впечатление произвел только этот.

– К папе его допускать нельзя! – воскликнул Хал.

– Спасибо за совет! – усмехнулся Эдуард. – Словно ты не знаешь старика Питера! Ведь он пролезет к отцу, даже если ему придется взломать дверь! Он все свое бешенство обрушит на несчастного старика! А тебя предупреждали, что всякое волнение может стоить отцу жизни. Уж я не знаю, как отец к этому отнесется: ополчится ли против тебя, или станет тебя защищать. Он такой слабенький и старый – разобраться ни в чем уж не способен. Скорее всего, он не позволит Питеру ругать тебя, но этот спор может подействовать на него так, что он тут же на месте умрет. Тебе хочется, чтоб и это преступление было на твоей совести, как и все дела твоих дружков-шахтеров?

12

Хал сидел молча, уставившись в пространство. Неужели каждый, кто борется за социальную справедливость, непременно наткнется на какое-нибудь препятствие, выбивающее оружие из его рук и делающее его бессильным?

Когда он снова заговорил, голос его был еле слышен:

– Эдуард, я думаю об одном ирландском паренке. Он работает здесь, на шахте. У него тоже есть отец. Отец попал в катастрофу. Он уже стар, а семья большая – жена, семеро детей, кроме этого паренка. Он хороший человек, и сын у него хороший. Выслушай меня: я хочу тебе рассказать, что с ними сделал Питер Харриган.

– Ладно, как там ни есть, – сказал Эдуард, – ты можешь им помочь. Голодать им не придется.

– Это-то я знаю. Но таких здесь очень много. Всем ведь я не могу помочь! А потом – разве ты не понимаешь, Эдуард, я хочу не благотворительности, а *справедливости*! Я уверен, что этот паренек – Тим Рэфферти – любит своего отца не меньше, чем я – своего. И таких стариков, которых любят сыновья, здесь немало!

– Ради бога, Хал, прекрати! – закричал, теряя выдержку, Эдуард. Он был так раздражен, что не находил слов. – Ты что, решил взвалить весь мир себе на плечи? – Он вскочил, схватив брата за руку. – Мальчик, ты должен уехать отсюда!

Хал тоже встал, но не ответил. Казалось, он был в нерешительности, и брат потащил его к дверям.

– Меня здесь ждет машина. Поезд уходит через час.

Хал понял, что пора проявить твердость.

– Нет, Эдуард. Сейчас я еще не могу уехать.

– Я тебе говорю: ты должен!

– Нет, не могу. Я дал слово рабочим.

– Боже мой! Кто они тебе? Ставишь их на одну доску с родным отцом?

– Я не могу тебе это объяснить, Эдуард. Я полчаса говорил, а ты был как глухой. Достаточно сказать тебе одно: я вижу, что эти люди попали в западню. И всей своей прошлой жизнью я этому способствовал. Я не могу допустить, чтобы так оставалось. Больше того, я думаю, что папа одобрил бы меня, если бы он понял.

Эдуард еще раз попытался совладать с собой.

– Я не стану называть тебя сентиментальным болваном. Позволь только задать тебе один вопрос: что ты надеешься для них *сделать* ?

– Думаю, что помогу им добиться сносных условий.

– О господи! – воскликнул Эдуард, теряя всякое терпение. – Это-то на шахтах Питера Харригана? Разве ты не понимаешь, что он возьмет и в два счета выгонит всех вон отсюда? Всю эту команду, всех до единого, если только понадобится?

– Не спорю, – сказал Хал. – Но если рабочие на других шахтах поддержат их, если профессиональный союз возьмет их сторону...

– Фантазируешь, Хал! Говоришь, как малое дитя! Я толковал с управляющим. Он уже снесся по телеграфу со старым Харриганом и уже получил ответ. Он уже принял меры...»

– Принял меры! – повторил Хал, тревожно уставившись на брата. – Что ты хочешь сказать?

– То, что возьмут да выгонят в шею всех агитаторов!

– Что! А я здесь трачу время! – Хал бросился к двери. – Ты это знал и нарочно задержал меня здесь!

Но он не успел уйти – Эдуард подскочил к нему и схватил за рукав:

– А что ты мог сделать?

– Пусти меня! – раздраженно закричал Хал.

– Не дури, Хал! Я стараюсь спасти тебя от беды. Там, может быть, сейчас кровопролитие.

Эдуард заслонил собой дверь. Завязалась ожесточенная борьба. Но старший брат уже не был атлетом, бронзовым загорелым молодым богом, как когда-то: он сидел в кабинете за письменным столом, пока Хал работал топором и киркой. Хал отбросил его в сторону, перескочил через порог и в следующий миг уже несся вниз по склону.

13

Приближаясь к главной улице поселка, Хал увидел толпу перед конторой и с первого взгляда понял, что случилась какая-то неприятность. Люди метались в разные стороны, крича и жестикулируя. Некоторые шли ему навстречу. Заметив Хала, они стали звать его. Первым подбежал к нему маленький поляк Кловоский. От волнения он задышался.

– Выгнали нашу комиссию...

– Как «выгнали»?

– Выгнали! Сказали: «Марш!»! – маленький человечек в отчаянии махал руками; глаза его дико вращались по сторонам. – Увезли их! Целый отряд охранников. Весь народ видел... с черного хода вывели. Руки связали. Держат,

бандиты. Крикнуть не смей. Ничего нельзя! А уже стоят эти – как они? – на колесах...

– Автомобили?

– Да, да... Целых три. Загнали всех туда, быстро, быстро. Вот так. И помчались вниз, как ветер. Быстро, быстро... Никого нет... больше никого. Сорвали нашу забастовку! – заключил Кловоский со стоном.

– Нет, нашу забастовку не сорвут! Пока еще нет! – воскликнул Хал.

Внезапно ему напомнил о себе старший брат. Он бежал за ним вдогонку. Задышавшись от быстрого бега, он схватил Хала за рукав:

– Не вмешивайся в это дело! Я запрещаю!

Расспрашивая Кловоского, Хал инстинктивно старался высвободиться из рук брата. Развязка пришла неожиданно: маленький поляк зашипел, как рассерженный кот, и бросился на Эдуарда, вытянув руки, изогнув пальцы, точно когти. Важному Эдуарду пришлось бы лишиться своего важного вида, если бы Хал не удержал Кловоского свободной рукой.

– Не троньте его! – сказал он. – Это мой брат!

Услышав это, маленький поляк сделал шаг назад, удивленно глядя на братьев.

Тем временем Хал заметил бежавшего к нему Андропулоса. Юноша рассказал, что он находился на улице за конторой и видел своими глазами, как вывели членов комитета. Всего забрали девять человек: Уочопа, Тима Рэфферти, Мэри Берк, Марчелли, Заммакиса и еще троих, которые накануне служили переводчиками. Все это произошло так молниеносно, что люди на улице не успели сообразить, в чем дело.

Теперь же, осознав все происшедшее, шахтеры были вне себя от гнева. Они грозили кулаками и без боязни громко ругали служащих и охранников, стоявших кучкой на крыльце конторы. Кое-кто в толпе взывал к мести.

Хал мигом оценил всю опасность создавшегося положения как человек, на глазах которого прогорает бикфордов шнур. Да, сейчас, больше, чем когда-либо, эта многоязычная толпа нуждается в руководстве – в разумном, хладнокровном, инициативном руководстве.

Люди уже заметили появление Хала, и вся толпа поднялась, как прибой, и ринулась ему навстречу. Его окружили с воплями: «Мы лишились своих представителей, но у нас еще остался Джо Смит! Джо Смит! Да здравствует Джо Смит! Пусть охранники только осмелятся подойти к нашему Джо!» Забастовщики махали шапками, они тянулись к нему, чтобы поднять его себе на плечи: пусть, мол, все видят нашего Джо!

Толпа требовала, чтобы он что-нибудь сказал. Хал двинулся к крыльцу ближайшего дома, а за ним следом, уцепившись за его куртку, шел Эдуард. Беднягу совсем затолкали. Ему пришлось пожертвовать своей гордой осанкой, лишь бы не расставаться с младшим братом. Когда Хал уже поднимался по ступенькам, Эдуард сделал последнюю отчаянную попытку образумить его. Он крикнул прямо в ухо Халу:

– Постой! Минуточку, погоди! Ты хочешь говорить с этой толпой?

– Ну да. Ведь иначе вспыхнут беспорядки... Неужели ты не понимаешь?

– Тебя убьют – ты лезешь под пули! Ты сам их втравишь в потасовку. Сколько из-за тебя перестреляют этих несчастных! Хал, опомнись, ведь Компания привезла охранников. Они вооружены, а твои рабочие с голыми руками.

– Именно поэтому я должен с ними говорить.

Напряжение росло. Старший брат судорожно удерживал младшего; младший пытался высвободиться, а вся толпа в один голос кричала:

– Говори, Джо! Говори, Джо! Дайте слово нашему Джо!

Кое-кто из людей, находившихся около Хала, начинал сердиться на этого незнакомца, пытавшегося увести их избранника. Им уже не терпелось вмешаться в это дело. Поэтому Эдуарду пришлось, наконец, отступить, а юный трибун взошел на крыльцо и очутился лицом к лицу с толпой.

14

Хал поднял руки, требуя тишины.

– Ребята, – громко сказал он, – они похитили наших делегатов. Они думают, что таким образом покончат со стачкой. Но они просчитались – и скоро в этом убедятся!

– Да, да... Правильно, Джо! – загудели десятки голосов.

– Они забывают, что у нас есть профсоюз. Да здравствует профсоюз Северной Долины!

– Ура! Ура! – И эхо подхватило этот крик.

– Да здравствует профсоюз, который поддержит нас, – Объединенный союз углекопов Америки! Ура!

Снова и снова раздавались возгласы:

– Ура союзу! Объединенному союзу углекопов – ура!

Высокий шахтер – американец Феррис – стоял в передних рядах толпы, и его бас напоминал Халу фабричную сирену.

– Друзья, – продолжал Хал, когда шум улегся, – подумайте хорошенько: ведь я предупреждал, что они сделают все, чтобы спровоцировать вас на беспорядки. Всеми силами они добиваются, чтобы вы полезли в драку – это им на руку. Они воспользуются этим и разгромят наш профсоюз. Ни на минуту не забывайте: если им только удастся толкнуть вас на беспорядки, они уничтожат профсоюз, в ведь он – наша единственная надежда.

Снова послышались крики: «Да здравствует союз!» Хал позволил шахтерам досыта накричаться на своих двадцати языках.

– Друзья, – наконец сказал он, – они вывезли всю нашу делегатскую группу: точно так могут поступить и со мной...

– Нет, нет! Не дадим... не посмеют! – зашумела толпа.

Феррис просто ревел от ярости:

– Пусть только попробуют. Мы их сожжем, негодяев!

– Но у них есть полная возможность убрать меня, – твердо сказал Хал. – Вы отлично знаете, что сила на их стороне. Они могут вызвать шерифа, привезти сюда, если понадобится, солдат. Силой нам ничего с ними не поделать. Если они захотят, то выбросят из поселка всех до единого – мужчин,

женщин, детей! Но мы должны совершенно ясно понять, что даже это не сокрушит нашего профсоюза. Не повредит это и «большому союзу», который будет поддерживать нас. Только нам надо не сдаваться! В конце концов мы заставим их принять нас обратно на работу.

Некоторые из друзей Хала поняли, что именно он старается объяснить рабочим, и поддержали его:

– Не лезть в драку! Не допускать провокаций! Борьба за профсоюз!

А Хал продолжал последовательно внушать все это людям, Компания может выгнать их, но «большой союз», объединяющий четыреста пятьдесят тысяч горняков, накормит их и призовет всех горняков области поддержать стачку. Тогда шахтовладельцы, надеявшиеся запугать их и взять измором, убедятся, что шахты стоят заброшенные. В итоге они будут вынуждены пойти на уступки, и тактика солидарности восторжествует.

Так говорил Хал, припоминая все, чему его учил Олсен, и пуская все это теперь в ход. Он видел, как надежда снова озаряет лица, рассеивая злобу и негодование.

– Теперь, друзья, – сказал он, – я пойду говорить за вас с управляющим. Так как они изгнали остальных, мне одному придется представлять весь комитет.

Опять фабричной сиреной прогудел бас Ферриса:

– Вот это парень! Молодчина Джо Смит!

– Итак, мы договорились. Теперь слушайте внимательно, что я вам скажу. Я поговорю с управляющим, а затем поеду в Педро, куда нынче утром должны были прибыть несколько руководителей Объединенного союза углекопов. Я доложу им про положение в Северной Долине и попрошу их поддержать вас. Хотите вы этого?

– Да, да, именно этого они хотят. «Да здравствует Объединенный союз!»

– Отлично. Я сделаю для вас все, что в моих силах, и постараюсь каким-нибудь способом оповестить вас о моих переговорах. А вы держитесь крепко. Хозяева будут лгать вам, они постараются одурачить вас. К вам будут засылать шпионов и провокаторов. Но вы должны стоять непоколебимо и ждать помощи «большого союза».

Хал смотрел на бушующую толпу. Он успел разглядеть несколько обращенных к нему лиц. Эти измученные, изможденные трудом лица подняты к нему с мольбой, и каждое из них по-своему повествует о своей собственной судьбе, полной лишений и неудач. Но все эти лица преобразились и сияют тем чудесным внутренним светом, который он впервые заметил накануне вечером. Этот свет было угас на мгновение, но снова засиял. Теперь он уже никогда не потухнет в сердцах этих людей, потому, что они познали его могущество. Никогда еще за всю свою жизнь не бывал Хал так растроган, как сейчас, когда энтузиазм на его глазах охватил толпу. Как это прекрасно и в то же время грозно!

Хал взглянул на своего брата, надеясь, что того тоже растрогала эта сцена. Но на лице брата было видно только одно: что он рад такому повороту дел. Значит, теперь Хал покинет этот поселок!

Снова Хал обернулся к шахтерам. После того как он поглядел на Эдуарда, ему стало еще больше жаль этих людей. Эдуард был воплощением враждебной силы, той равнодушной неумолимой силы, которая собиралась раздавить их. И тут Хала внезапно охватило тягостное предчувствие: он понял, что эти люди могут потерпеть поражение. Хал представил себе, каково будет, если они лишатся руководителей. Они застынут в ожидании, потому что снова даст себя знать многолетняя привычка к повиновению. Тысячи страхов будут осаждать их, они станут жертвой тысячи слухов – этих диких зверей, выпущенных на них лукавым врагом. Они будут терзаться мучительной тревогой не только за себя, но и за своих жен и детей, – так терзался Хал при мысли об одном близком человеке в Уэстерн-Сити, которому доктора велели избегать всех волнений.

Если они устоят, если выполнят все, что требует их вождь, им предстоит выселение из домов и холод наступающей зимы, их ожидает голод, черные списки. А он – что будет делать он? Каких благ рискует лишиться он? Поговорит за них с управляющим, затем передаст их под опеку «большого союза» и вернется к своей обычной жизни, беззаботной и веселой. Опять жареные на вертеле бифштексы и горячие булочки в безукоризненно обставленном клубе, где, обслуживая его, бесшумно двигаются лакеи. Танцы в Загородном клубе с одетыми в тюль и шелка восхитительными благоухающими созданиями, которые расточают нежные улыбки. Кажется, очень просто, но нет... Он может назвать это своим долгом по отношению к отцу и брату, но о душе он всегда будет помнить, что это измена людям. Сам дьявол ведет его на высокую гору и показывает ему все царства мира...

Под влиянием нахлынувшего на него чувства, Хал снова поднял руки, призывая толпу к тишине.

– Друзья, – сказал он, – мы теперь понимаем друг друга. Вы откажетесь приступить к работе, пока вам это не предложит «большой союз». А я со своей стороны обещаю остаться с вами. Ваше дело – это мое дело. Я буду бороться за вас, пока вы не обретете все права, пока вам не предоставят возможности по-человечески жить и работать. Согласны?

– Да! Да!

– Прекрасно. Давайте дадим друг другу клятву!

Хал поднял руки. Шахтеры тоже подняли руки. И среди бури возгласов, глядя на взлетающие в воздух шапки, Хал дал им клятву, которая, знал он, свяжет его. Он сознательно сделал это здесь, в присутствии брата, понимая, что речь идет не об одной случайной атаке на позиции врага – впереди долгая война, в которой он решил добровольно участвовать. Но даже сейчас, несмотря на весь свой искренний пыл, Хал бы испугался, если бы мог предвидеть, как долго будет длиться эта мучительная и отчаянная борьба, которой он клялся посвятить свою жизнь.

15

Хал спустился с трибуны, толпа расступилась перед ним, и он в сопровождении Эдуарда пошел по улице к зданию шахтоуправления, на крыльце которого стояли охранники. Это было триумфальное шествие –

мужественные голоса подбадривали его, люди проталкивались вперед, чтобы пожать ему руку и похлопать его по спине; кое-кто даже пытался пожать руку и потрепать по плечу Эдуарда, потому что он шел с Халом. Уже впоследствии, вспомнив об этом. Хал рассмеялся: подумать только, в какое положение попал Эдуард!

Младший брат поднялся на крыльцо и сказал охранникам;

– Я хочу видеть мистера Картрайта.

– Он у себя, – не слишком приветливо ответил один из них. Хала вместе с Эдуардом провели в кабинет управляющего.

Побывав рабочим. Хал приобрел известное классовое чутье, поэтому он заметил, как себя ведет управляющий: вежливо поклонился Эдуарду, но ему даже не кивнул.

– Мистер Картрайт, – сказал Хал, – я представляю собой в одном лице целую депутацию от шахтеров Северной Долины.

На управляющего это сообщение как будто не произвело никакого впечатления.

– Мне поручили передать вам, что рабочие настаивают на удовлетворении четырех требований, прежде чем они приступят к работе. Во-первых...

Но здесь Картрайт со свойственной ему резкостью круто оборвал его:

– Вам не стоит, сэр, углубляться в эти вопросы. Компания будет разговаривать со своими рабочими только поодиночке. Она не признает никаких депутатий.

Хал не замедлил с ответом:

– Отлично, сэр. В таком случае я разговариваю с вами, как один из ваших рабочих.

Управляющий пришел в замешательство. Хал сказал:

– Я требую, чтобы мне были даны следующие четыре права, гарантированные законами штата: во-первых, право состоять членом союза, не подвергаясь за это увольнению...

Но Картрайт успел уже обрести свой обычный спокойный и властный тон:

– Это право у вас есть, сэр. Вам отлично известно, что Компания никогда не уволила ни одного рабочего за принадлежность к профессиональному союзу.

Картрайт глядел на Хала. Взгляды их скрестились. Между ними шло молчаливое сражение. Холодная ярость обуяла Хала – это было уже слишком!

– Мистер Картрайт, – сказал он, – вы слуга одного из величайших актеров мира; и вы подыгрываете ему вполне умело.

Собеседник Хала слегка покраснел и отступил назад, но тут вмешался Эдуард:

– Хал, ты ничего не добьешься своими колкостями.

Но Хал настойчиво продолжал:

– Весь мир смотрит на подмостки сцены. А там разыгрывается грандиозный фарс, и непонятно, почему у этого актера и у всей труппы такие серьезные физиономии!

– Мистер Картрайт, – с достоинством заявил Эдуард, – надеюсь, вы понимаете, что я сделал все, что было в моих силах, чтобы обуздать своего

брата.

– Конечно, мистер Уорнер, – отозвался управляющий, – и вы тоже, надеюсь, знаете, что я сделал все, чтобы оказать уважение вашему брату.

– Вот слышишь! – воскликнул Хал. – Это же почти гениальный актер!

– Хал, если у тебя есть дело к мистеру Картрайту...

– Этот господин оказал мне уважение тем, что послал за мной своих головорезов и приказал им схватить меня посреди ночи и потащить в тюрьму; они едва не оторвали мне руку. Подумать только!

Картрайт попытался заговорить, обращаясь не к Халу, а к Эдуарду:

– В то время...

– Хорошенькое уважение, когда тебя запирают в тюремной камере на полтора суток и держат на хлебе и воде! Неподражаемые шутки, а?

– В то время я не знал...

– А это ли не уважение, когда он подделал мою подпись под фальшивкой, которую раздавали всем шахтерам? А клевета на меня репортеру, что я здесь соблазнил девушку, – это уже верх уважения!

Управляющий еще гуще покраснел.

– Неправда! – заявил он.

– Как неправда? – возмутился Хал. – Разве вы не говорили Билли Китингу, сотруднику редакции «Газетт», что я соблазнил в Северной Долине девушку? Вы не описали ему эту девушку, как рыжеволосую красивую ирландку?

– Я только сказал, мистер Уорнер, что до меня дошли слухи...

– До вас дошли слухи? А может, это вы их сами пустили? Мне известно, мистер Картрайт, что вы сообщили это мистеру Китингу как точный и бесспорный факт.

– Неправда! – повторил управляющий.

– Мне это нетрудно доказать! – И Хал подошел к телефону.

– Что ты собираешься делать, Хал?

– Вызвать по телефону Билли Китинга, чтобы вы оба выслушали его показания.

– Глупости, Хал! – вскричал Эдуард. – Меня совершенно не интересует, что скажет твой Китинг. Ты ведь знаешь, что в те дни мистер Картрайт не подозревал, кто ты.

Картрайт немедленно ухватился за эту поддержку:

– Конечно, нет, мистер Уорнер! Ведь ваш брат явился сюда, прикинувшись рабочим!

– Ах вот как! – воскликнул Хал. – По-вашему, значит, про рабочих можно распространять всякую клевету!

– Вы провели здесь достаточно времени, чтобы убедиться, как низок моральный уровень здешних юношей.

– Я провел здесь достаточно времени, мистер Картрайт, чтобы убедиться, что разоблачение низкого морального уровня в Северной Долине надо начинать с начальства и охранников: вы облекли их властью и разрешили им издеваться над женщинами.

– Хал, – вмешался Эдуард, – не стоит продолжать этот спор. Ты так ничего

не добьешься. Если у тебя есть какое-нибудь дело, кончай его, ради бога, поскорее.

Хал с трудом овладел собой. Он снова заговорил о требованиях забастовщиков, но терпение управляющего уже иссякло.

– Мой ответ вы слышали, – заявил Картрайт, – я решительно отказываюсь продолжать дискуссию по этому вопросу.

– Хорошо, – сказал Хал. – Раз вы отказываетесь вести деловые переговоры с депутатией, то я должен вам заявить, как один из ваших рабочих, что и все остальные, поодиночке, отказываются работать у вас.

Этот утонченный сарказм мало подействовал на управляющего.

– А я вам отвечаю, сэр; работа в шахте номер два начинается завтра утром, и те, кто не явится в шахту, будут к вечеру выселены отсюда.

– Так быстро, мистер Картрайт? Ведь они арендовали свои дома у Компании, и вы знаете, что согласно арендному договору администрация обязана предупредить о выселении за три дня.

Картрайт имел неосторожность вступить в спор. Он знал, что Эдуард прислушивается к их разговору, и хотел обелить себя.

– Компания не будет их выселять. Выселением займутся городские власти.

– А во главе городского управления стоит тот же Картрайт?

– Да, мэром города Северной Долины избран я.

– Значит, вы действовали как мэр, когда предупреждали моего брата, что вы меня выселите из города?

– Я просил вашего брата, чтобы он уговорил вас покинуть наш город.

– Но вы ясно дали понять моему брату, что, если ему не удастся сделать это, вы сами займетесь моим выселением, не правда ли?

– Да, это верно.

– Вы сослались по этому поводу на телеграфное распоряжение мистера Питера Харригана. Мне хотелось бы знать, какой выборный пост занимает мистер Харриган в вашем городе?

Картрайт догадался, что это ловушка.

– Ваш брат неправильно понял мои слова, – резко сказал он.

– Ты неправильно понял его, Эдуард?

Раздраженный Эдуард повернулся к окну и стоял, уставившись на груды шлака и консервных жестянок. Сейчас он даже не счел нужным обернуться. Но управляющий знал, что он только притворяется, будто не слушает их разговора, и потому попытался замазать свой промах.

– Молодой человек, – сказал он, – вы нарушили ряд постановлений городских властей.

– Разве есть постановление, запрещающее организацию профессиональных союзов?

– Нет, такого постановления нет. Но в нашем Городе запрещено произносить речи на улицах.

– Кто это запретил?

– Городской совет.

– Состоящий из Джонсона – почтмейстера и служащего лавки Компании;

Эллисона – бухгалтера Компании; Страусса – вашего мастера и О'Каллахена – вашего же кабатчика. Правильно?

Картрайт ничего не ответил.

– А пятый член городского совета – вы сами *ex officio*²⁰ мистер Энот Картрайт – мэр города и управляющий шахтами.

Картрайт опять воздержался от ответа.

– Итак, вы провели постановление, запрещающее произносить речи на улицах города. Но все помещения в вашем городе – кабаки, пансионы, церковь и школа – принадлежат Компании. Где же, по-вашему, могут граждане проводить собрания и произносить речи?

– Из вас, молодой человек, выйдет хороший адвокат. Но мы, принявшие на свои плечи заботу о населении, прекрасно знаем, что у вас называется «речью на собраниях».

– Значит, вы против граждан, выступающих на собраниях?

– Мы не считаем нужным помогать агитаторам, которые возбуждают против нас наших рабочих!

– Разрешите узнать, мистер Картрайт, вы это говорите как мэр американского города или как управляющий шахтами?

Лицо Картрайта постепенно багровело. Наконец, повернувшись к стоящему спиной Эдуарду, он сказал:

– По-моему, не стоит продолжать этот разговор.

Эдуард был того же мнения. Он обратился к брату:

– Право же, Хал...

– Подумай только, Эдуард, он обвиняет меня – твоего брата – в преступлении. Слышал ли ты когда-нибудь, что в нашей семье есть люди с преступными задатками?

Эдуард снова повернулся к окну – придется опять смотреть на консервные жестянки и груды шлама! Какой вульгарный и глупый спор... Но Эдуард уже разгадал настроение Хала и понимал, что тот все равно не замолчит, если неосторожный собеседник будет подавать ему реплики.

– Вы говорите, мистер Картрайт, что я нарушил постановление городских властей, запрещающее произносить речи на улицах. Разрешите узнать, какое за это полагается наказание?

– Вы это узнаете, когда вас привлекут к ответственности.

Хал рассмеялся.

– Из ваших слов я понял, что за это полагается изгнание из города. Если я правильно осведомлен о порядке судопроизводства, мне придется предстать перед мировым судьей. Кстати, он тоже служащий Компании – продавец в лавке. Но меня почему-то осудил не судья, а мэр города... А может, не мэр, а управляющий шахтами? Не потрудитесь ли вы мне объяснить, как это все получается?

– Только мое уважение...

²⁰ По обязанности (лат.)

– Да не надо мне вашего уважения!
– Я говорю о своем уважении к вашему брату...
– Ого! Значит, у вас такой порядок, что управляющий шахтами, то бишь мэр, может из уважения к брату не наказывать преступника, а просто выселить его из города. Не из уважения ли к маленькому Томми Берк вы выслали из города его сестру?

Картрайт сжал кулаки.

– И моему терпению есть предел!

Он произнес эти слова, адресуясь к спине Эдуарда. Эдуард повернулся и ответил:

– Я вас вполне понимаю, сэр, – затем, обращаясь к брату, сказал: – Хватит болтать, все понятно!

– Надеюсь, что теперь уже понятно и ты сам убедился, что вся эта видимость соблюдения американских законов в Северной Долине гроша ломаного не стоит. Она лишь унижает и оскорбляет всякого, кто чтит законы своей страны.

– Мистер Уорнер, – сказал Картрайт, обращаясь к Эдуарду, – у вас есть опыт в управлении шахтами. Вы знаете, как трудно иметь дело с этими невежественными иностранцами, для которых совершенно непонятны американские законы.

Хал расхохотался.

– Оказывается, это вы их учите американским законам! Хорошо же учите, не ставя ни во что законы города и законы штата, лишая людей всех прав, гарантированных им конституцией, пользуясь вместо этого телеграфными приказами Питера Харригана!

Картрайт направился к дверям.

– Молодой человек, – сказал он Халу, бросив на него взгляд через плечо, – вы сегодня утром должны покинуть Северную Долину. Я только надеюсь, что ваш брат уговорит вас сделать это без лишних осложнений.

И он ушел, хлопнув на прощанье дверью.

16

Эдуард повернулся к брату:

– Какого черта ты устроил в моем присутствии такую дурацкую сцену? До чего неприлично и неуместно ссориться с человеком, который неизмеримо ниже тебя по положению!

Хал все еще стоял там, где его оставил Картрайт. Он глядел Эдуарду в лицо:

– Это все, что ты вынес из этой сцены, Эдуард?

– Репутацию, видите ли, ему испортили! – продолжал возмущаться Эдуард. – Не все ли равно, что о тебе думает такой субъект, как этот Картрайт?

– Мне совершенно безразлично, что он думает, но я не могу допустить, чтобы он распускал обо мне клеветнические слухи. Билли Китинг мне говорил, что это их обычный прием.

– Поверь моему опыту, – холодно сказал Эдуард, – отрицая скандальную

сплетню, ты лишь содействуешь ее распространению.

– В том-то и дело, – ответил Хал. – Это и расстраивает меня. Подумай только о девушке – как они очернили ее!

– Твое ли дело беспокоиться об этой девушке?

– А если бы Картрайт оклеветал какую-нибудь твою приятельницу? Неужели ты бы остался равнодушным?

– Моих приятельниц он не может оклеветать. Своих друзей я выбираю более осмотрительно.

– Конечно. Ведь ты их выбираешь из семей богачей. Но у меня оказались более демократические вкусы.

– Силы небесные! – закричал Эдуард. – Все вы реформаторы на один покррой: говорите, как заведенная машина, день и ночь только болтаете!

– Знаешь, почему тебя это раздражает? Такой человек, как ты, закрывает на все глаза, а вот уши-то не заткнешь!

– Пусть будет так... Но дай ты мне передышку – хотя бы до нашего отъезда! У меня такое чувство, будто я сижу на вулкане и не знаю, когда снова начнется извержение.

– Хорошо, – рассмеялся Хал. – Каюсь, я не проявил должной радости по поводу твоего приезда. Постараюсь быть более внимательным. Мне предстоит одно дело в Педро, так что мы туда можем поехать вместе. Но здесь мне еще нужно кое-что сделать.

– Что, например?

– Компания должна мне деньги.

– Какие еще деньги?

– Те, что я заработал.

На этот раз расхохотался Эдуард:

– Сколько там тебе причитается? Хватит тебе на одно бритье и на ванну?

Он достал из бумажника несколько кредиток. Хал, наблюдая за ним, внезапно понял, как сильно изменилась его собственная психология. Он приобрел не только классовую сознательность, но стал иначе относиться и к деньгам. Он ведь был действительно озабочен, как бы получить с Компании ему причитавшиеся доллары. Эти доллары он заработал тяжелым трудом, от которого ноют все кости и болит сердце. Он грузил глыбы угля в вагонетки. На эти деньги могла бы недели две прокормиться – скудно правда, но не голодая, – вся семья Рэфферти. А у Эдуарда коричневый кожаный бумажник набит кредитками по десять и двадцать долларов. Вот он вытащил, не считая, кучу денег. «Словно доллары растут на деревьях, словно уголь сам вылезает из недр земли и прыгает в топки под звуки флейт и скрипок», – подумал Хал.

Эдуард, конечно, не имел понятия об этих странных мыслях, занимавших его брата. Он протянул ему деньги.

– Купи себе приличный костюм, – сказал он. – Надеюсь, тебе не нужно ходить в грязном тряпье, чтобы чувствовать себя демократом?

– Нет, – ответил Хал. – Как мы поедем?

– Меня ждет автомобиль – там, за конторой.

– Значит, у тебя уже все подготовлено?

Эдуард ничего не ответил. Он боялся вызвать новое извержение вулкана.

17

Они вышли из конторы черным ходом, сели в машину И умчались из поселка, не замеченные толпой. Всю дорогу Эдуард умолял Хала бросить все это дело и немедленно вернуться домой. Он снова выдвинул трагический вопрос об отце, но когда это не подействовало, перешел к угрозам. А если Хала лишат денег на расходы или отцовского наследства, что он тогда будет делать? Хал ответил, даже не улыбнувшись:

– Я всегда могу получить место профсоюзного организатора в Объединенном союзе углекопов.

Эдуарду пришлось переменить тактику.

– Если ты сейчас не уедешь, – заявил он, – я тоже останусь в Педро и буду ждать тебя.

– Хорошо. – Хал не мог не улыбнуться, услышав эту угрозу. – Ты, наверное, будешь всюду со мной ходить, и я познакомлю тебя с моими друзьями; но ты должен обещать, что все, что ты услышишь, останется тайной.

– На черта мне твои друзья? Стану я еще о них говорить! – воскликнул Эдуард с гримасой отвращения.

– Не знаю, как могут обернуться события, – ответил Хал. – Ведь ты скоро встретишься с Питером Харриганом и возьмешь его сторону. Кто знает, какую линию поведения ты сочтешь своим нравственным долгом?

– Я тебе прямо заявляю, – воскликнул Эдуард в приливе бешенства, – если ты еще раз попытаешься вернуться в Северную Долину, клянусь богом, я подам в суд и запру тебя в психиатрическую лечебницу! Думаю, я смогу убедить судью в том, что ты невменяем.

– Еще бы! – расхохотался Хал. – В этой части земного шара ты убедишь любого судью!

Но, внимательно посмотрев на брата, Хал решил, что, пожалуй, следует поскорее скомпрометировать этот план, иначе Эдуард ухватится за него. Поэтому он сказал:

– Вот погоди, встретишься с моим другом Билли Китингом, сотрудником «Газетт», и он тебе расскажет, как он может использовать такой материал у себя в газете. Билли только мечтает, чтобы я развязал ему руки и позволил опубликовать всю историю моей борьбы со старым Харриганом.

На этом разговор закончился, но Хал не сомневался, что Эдуард намотал все себе на ус.

Они подъехали к дому Мак-Келлера, и Эдуард остался ждать в машине, пока Хал беседовал с хозяином. Старый шотландец приветливо встретил Хала и рассказал ему все новости. Джерри Минетти утром навестил его, и Мак-Келлер по его просьбе звонил в правление профсоюза в Шеридан. Он получил подтверждение, что Джек Дэйвид накануне вечером успел сообщить там о начавшейся стачке. И старик и его телефонный собеседник были настолько осторожны, что не упомянули в разговоре ни одного имени, ибо телефонные провода, как известно, нередко дают таинственную «течь». Хотя имя Джека

Дэйвида не произнесли, но было ясно, о ком идет речь. В результате разговора с этим посланцем Джохан Хартмен, председатель местного отделения профсоюза углекопов, сейчас в Педро в гостинице «Америка» и вместе с ним Джим Мойлен, секретарь окружного комитета профсоюза. Последний приехал из Уэстерн-Сити тем же поездом, что Эдуард.

Все бы, кажется, хорошо, но тут Мак-Келлер добавил печальную новость: руководство союза заявило, что не может в настоящее время поддержать забастовку. Они считают ее преждевременной, она обречена на провал и вызовет только разочарование у рабочих, повредив, таким образом, широкому движению, которое постепенно подготавливает профсоюз.

Хал с самого начала предугадывал такую возможность. Но он был свидетелем зарождения свободы в Северной Долине, он видел голодные, изможденные лица, обращенные к нему с мольбой о помощи. Это глубоко взволновало его, и он считал, что должно так же взволновать руководителей профсоюза.

– Но они обязаны поддержать бастующих! – воскликнул он. – Нельзя разочаровывать этих людей, иначе они потеряют всякую веру и впадут в отчаяние. Руководители союза должны это понять – я их заставлю!

На это старый шотландец заметил, что Джерри Минетти высказал те же мысли. Он махнул рукой на всякую осторожность и помчался в гостиницу, чтобы поговорить с Хартменом и Мойленом. Хал решил последовать за ним и направился к автомобилю.

Он объяснил брату, как обстоят дела, но тот только пробурчал: «Ну, конечно!» Именно это он предсказывал! Бедные, введенные в заблуждение шахтеры снова приступят к работе, а их, так сказать, «вождь» вынужден будет признать ошибочность своей тактики. Кстати, через два-три часа есть поезд в Уэстерн-Сити. Эдуард скажет Халу спасибо, если тот поскорее закончит свои дела, чтобы успеть на этот поезд.

Хал ответил, что он едет в гостиницу «Америка». Если брат хочет, пусть подвезет его туда. И Эдуард велел шоферу ехать. Между прочим, Эдуард разузнал о магазинах нового платья в Педро. Пока Хал будет в гостинице распинаться по поводу новорожденного профсоюза, Эдуард купит себе костюм, чтобы чувствовать себя человеком.

18

Хал застал Джерри Минетти с двумя профсоюзными работниками в их номере. Джим Мойлен, секретарь районного комитета профсоюза, высоченный молодой ирландец, черноглазый брюнет, быстрый и впечатлительный, был одним из тех людей, которые с первого взгляда вызывают доверие и симпатию. Джохан Хартмен, председатель местного отделения профсоюза, седой шахтер немецкого происхождения, сдержанный, с медлительной речью, несомненно был человеком большой силы – и моральной и физической. Обойтись без этого качества он, конечно, не мог, так как руководил штабом профсоюзной организации в самом сердце «Империи Реймонда».

Первым делом Хал рассказал о похищении делегатов. Но это нисколько не

удивило руководителей: именно так поступают все шахтовладельцы при малейшей угрозе бунта. Вот почему все попытки открыто организовать рабочих кончаются ничем. Единственно возможный метод работы – это тайная пропаганда, которую надо вести до тех пор, пока на каждой шахте не будет профсоюзной ячейки.

– Значит, вы не можете поддержать нашу стачку? – воскликнул Хал.

– К сожалению, это невозможно, – был ответ Мойлена. – Эта стачка с самого начала обречена на провал. Сейчас нет ни малейшей надежды на успех, – прежде надо проделать огромную организационную работу!

– Но ведь тем временем профсоюз в Северной Долине совершенно развалится! – пытался спорить Хал.

– Ничего не поделаешь, – последовал ответ. – Придется нам тогда снова организовывать. Такова природа рабочего движения.

Джим Мойлен был молод и видел настроение Хала.

– Не поймите нас превратно! – воскликнул он. – Все это невыносимо тяжело, но мы не в силах помочь. Наша задача – организовать профсоюз, а если мы станем поддерживать любую стачку, мы в первый же год окажемся банкротами. Вы себе не представляете, как часто происходят подобные случаи. Не проходит месяца, чтобы к нам не обращались по таким делам.

– Я вполне вас понимаю, – сказал Хал. – Но мне казалось, что в данном случае, сразу после катастрофы, когда все рабочие так возбуждены...

Молодой ирландец только печально усмехнулся.

– Вы в этом деле новичок, – сказал он. – Если бы катастрофы в шахтах обеспечивали успех забастовки, видит бог, наша работа была бы очень легкой. В Бареле – это немного ниже Северной Долины – произошло подряд три больших взрыва. Больше пятисот жертв за один год!

Оказывается, по своей неопытности Хал утратил чувство пропорций. Он посмотрел на обоих лидеров рабочего движения и вспомнил, как он представлял себе таких людей, когда впервые приехал в Северную Долину: для него это были безответственные крикливые агитаторы, подстрекающие честных тружеников бросать работу. Но сейчас все вышло наоборот. Он весь горел от нетерпения, а «агитаторы» всячески старались охладить его пыл. Они спокойно и деловито произнесли свой приговор: «Рабы Северной Долины, вернитесь в подземные темницы!»

– Что же мы скажем шахтерам? – спросил Хал, усилием воли стараясь подавить свое огорчение.

– Повторим им то, что я уже сказал вам. Мы бессильны, пока весь район не будет охвачен профсоюзным движением. А до тех пор они должны терпеть, но пусть сделают все, чтобы сохранить свою организацию.

– Но ведь выгонят всех активистов!

– Ну, далеко не всех! Администрации почти никогда не удается выловить всех.

Здесь вмешался медлительный старик Хартмен: Компания уволила в прошлом году за профсоюзную деятельность или по подозрению в ней больше чем шесть тысяч человек.

– *Шесть тысяч!* – повторил за ним Хал. – Неужели в одном только вашем районе?

– Да, именно в одном!

– Но во всем-то районе – двенадцать, от силы пятнадцать тысяч рабочих!

– Знаю.

– Как же вам удастся сохранять организацию?

На это последовал спокойный ответ:

– Новые рабочие точно так же страдают от своих хозяев, как те, кто был до них.

Хал вспомнил: «Муравьи Эдстрома! Строят свою переправу, строят, снова строят, сколько бы ливни ни размывали их». У этих людей нет той горячности, какая свойственна юноше из привилегированного класса, который не привык встречать препятствий на своем пути и считает, что свобода, человеческая порядочность и справедливость являются неотъемлемыми условиями жизни.

При всем том, чему научила Хала беседа с этими людьми, еще большему научило его их молчание, их сдержанное, реалистическое отношение к событиям, которые его самого приводили в слепую ярость. Он уже начинал понимать, чего будет ему стоить верность клятве, которую он дал горемычным шахтерам в Северной Долине. Для этого потребуется гораздо больше, чем внезапная вспышка: потребуется ум, терпение, суровая самодисциплина. Годами надо будет учиться и работать не покладая рук!

19

Итак, Хал был вынужден подчиниться решению руководителей профсоюза. У них опыт, они умеют правильно оценить положение. Шахтеры должны вернуться на работу, а Картрайт, Алек Стоун и Джефф Коттон снова будут ими помыкать. Единственное, что мятежники могут сделать – это сохранить свою тайную организацию.

Джерри Минетти упомянул про Джека Дэйвида. Нынче утром, не повидавшись с руководителями профсоюза, он поехал обратно в Северную Долину. Его, пожалуй, не коснется подозрение. Если так, то ему удастся сохранить свое место и продолжать профсоюзную работу.

– А как будет с вами? – спросил Хал. – Вы вроде как сожгли все корабли?

Джерри никогда не слышал этого выражения, но догадался, что оно значит.

– Еще бы! – сказал он. – Дотла сжег!

– Скажите, а вы не заметили там, внизу, в вестибюле, филёров? – спросил Хартмен.

– Что-то я пока не научился их различать.

– Скоро научитесь, если будете заниматься нашим делом. С тех пор как открылось наше отделение союза, минуты не было, чтобы против дома не торчало полдюжины этих молодчиков. Всякого, кто приходит к нам, они выслеживают до дома, и в тот же день он оказывается выгнанным с работы. Как-то ночью они взломали ящик моего стола и похитили мои письма и бумаги. Они уже сто раз угрожали убить нас!

– Не пойму, как вы все-таки умудряетесь что-то делать в этих условиях!

– Нас это все равно не остановит! Когда они лезли ко мне в ящик, они думали найти там списки наших организаторов. Но у меня-то все списки в голове!

– И это тоже не пустяк! – вставил Мойлен. – Знаете, сколько у нас организаторов? Девяносто семь! И ни одного из них до сих пор не поймали!

Хал слушал в изумлении. Ему открылась новая сторона рабочего движения. Этот спокойный, рассудительный старый немец – по виду типичный владелец колбасной лавки, и этот жизнерадостный ирландский паренек, какие ходят под ручку с барышнями на благотворительный бал пожарников, – оба эти человека были предводителями армии минеров, подрывателями могучей крепости алчного Питера Харригана!

Хартмен предложил Джерри испробовать силы на этом поприще. Его несомненно выгонят из Северной Долины, поэтому он ничего не потеряет, если сразу вызовет семью в Педро. Так он, пожалуй, сохранит для себя роль организатора. Дело в том, что шпики имеют обычай следовать за человеком до самой шахты и уже там выяснять его личность. А если Джерри поедет поездом в Уэстерн-Сити, то он может сбить их со следа и после перебраться в какой-нибудь другой поселок для организационной работы среди итальянцев. Джерри принял это предложение с восторгом: оно отодвигало тот страшный день, когда Роза и малыши будут брошены на милость судьбы.

Во время этой беседы раздался телефонный звонок. Звонил секретарь Хартмена из Шеридана, чтобы сказать, что он получил весть от похищенных делегатов. Всю группу – восьмерых мужчин и одну женщину, Мэри Берк, – довели до Хортон, небольшой станции, на боковой ветке. Там их насильно, под угрозой избиения, посадили на поезд. Но они сошли на первой остановке, объявив о своем намерении ехать в Педро. Вскоре они, вероятно, появятся в гостинице.

Халу захотелось присутствовать при этой встрече. Он вышел на улицу предупредить брата, что задержится. По этому поводу, конечно, вспыхнул новый спор. Эдуард напомнил ему, что виды города Педро нагоняют скуку своим однообразием, на что Хал мог ответить лишь предложением познакомить Эдуарда со своими друзьями. Это люди, от которых Эдуард может многому научиться, если захочет. Отчего бы ему не присутствовать при встрече с шахтерскими делегатами, которые отважились на героический подвиг и стали жертвами преступления! Отнюдь не скучные люди! Например, синеглазый Тим Рэффerti – молчаливый гном с перепачканным лицом, вырвавшийся из темного подземелья и нежданно-негаданно раскинувший золотые крылья высокого красноречия. Или Мэри Берк, о которой Эдуард может прочесть в сегодняшнем выпуске «Уэстерн-Сити газетт». Ее называют там «шахтерской Жанной д'Арк» или еще как-то не менее живописно. Однако мрачное настроение Эдуарда не рассеивалось. Он уже видел имя брата на столбцах газеты по соседству с этой ирландской Жанной д'Арк!

Джерри Минетти повел Хала перекусить в какое-то место, которое Эдуард назвал презрительно харчевней. Сам же Эдуард в гордом одиночестве

отправился обедать в ресторан гостиницы «Америка». Но он недолго пребывал в одиночестве. Вскоре за его стол усадили востроносового человечка, который немедленно попытался завести с ним разговор. Он – коммивояжер, продает скобяной товар; а чем торгует джентльмен, любопытствовал он. Эдуард холодно ответил, что не торгует ничем, но от коммивояжера не так-то легко было отвязаться: по-видимому, профессия этого человека отучила его от самолюбия. В таком случае, может быть, собеседник интересуется шахтами? Не посетил ли он какие-нибудь из них? Незнакомец так упорно возвращался к этой теме, что Эдуарда осенила, наконец, догадка: да ведь это его обнюхивает ищейка Компании! Как ни странно, но этот случай вызвал у Эдуарда большее возмущение режимом Питера Харригана, чем все страстные речи младшего брата об угнетении людей в Северной Долине!

20

Вскоре после обеда в гостиницу прибыли все члены похищенного комитета, усталые физически и подавленные морально. Они спросили Джохана Хартмена, и их направили наверх в номер, где между ними и руководителями профсоюза произошла драматическая сцена. Восемь мужчин и женщина, отважившиеся на героические действия и ставшие жертвами преступления, не могли легко согласиться, чтобы все их труды, все их самоотверженные старания пошли насмарку. И они не стеснялись высказывать свое мнение о тех, кто их сейчас предавал.

– Вы всегда подзуживали нас, – кричал Тим Рэфферти. – Сколько я себя помню, вы приставали к моему старику, чтобы он помогал вам. А теперь, когда мы делаем то, что вы просили, вы плюете на нас!

– Мы никогда не просили вас объявлять стачку! – заявил Мойлен.

– Это правда. Вы только требовали с нас членские взносы, чтобы вашему брату сытно жилось!

– Не так уж сытно живется нашему брату! – спокойно возразил Мойлен. – Вы могли бы это проверить при желании.

– Ладно, как бы там ни было, вам заработная плата идет, а нам дудки! Мы выброшены на улицу. Посмотрите на меня, на него, ведь почти у каждого из нас есть семья! У меня мать старуха и куча братьев и сестер, а моего старика загубили – он уж не сможет работать. Как вы думаете, что с нами будет?

– Мы постараемся вам немного помочь, Рэфферти.

– Ну вас к черту! – закричал Тим. – Не надо мне ваших подачек! Если я захочу получить милостыню, я обращусь в совет графства. Это тоже свора хапунов, но они хоть не притворяются друзьями рабочих!

Так вот о чем говорил Халу Том Олсен в первые дни их знакомства! Рабочие сбиты с толку, не знают, кому доверять; они относятся с подозрением даже к тем, кто всем сердцем стремится им помочь. И Хал решил вмешаться в этот спор.

– Тим, – сказал он, – не стоит так разговаривать. Нам надо научиться терпению.

Тогда юноша обрушил свой гнев на него:

– Вы-то что понимаете в этих делах? Для вас это все одна забава! Вам надоест, вы уедете отсюда и обо всем позабудете! У вас, говорят, много денег.

Хал не обиделся – те же мысли подсказывала ему собственная совесть.

– Мне не так легко, Тим, как вы думаете. Люди страдают не только из-за отсутствия денег!

– Ох, какие там у вас могут быть страдания, когда кругом богатые родственники! – продолжал глумиться Тим.

Послышался неодобрительный ропот членов комитета.

– Поймите, ради бога, Рэфферти, – вмешался Мойлен, – тут мы ничего не можем сделать, мы так же беспомощны, как и вы!

– Вы говорите, что беспомощны, а сами даже не пытаетесь что-нибудь сделать?

– А что пользы пытаться? Вы хотите, чтобы мы поддерживали стачку, обреченную на провал? Это все равно что попросить нас броситься под поезд! Мы здесь не можем победить! Слышите, *не можем* ! Только погубим всю организацию!

Внезапно Мойлен разгорячился. Ему пришлось быть свидетелем многих стихийных забастовок; он перевидал множество юных стачечников, бездомных, несчастных, обозленных, срывавших на нем свое разочарование.

– По-вашему, мы могли бы снабжать вас деньгами из фондов профсоюза и поддерживать вас, даже пока на ваших местах будут работать штрейкбрехеры. Но до чего это довело бы нас, Рэфферти? Если бы у нас был банк, мы, конечно, поддержали бы всех шахтеров в Америке, – не работайте, мол, пока не добьетесь своих прав! Но эти деньги, что мы тратим, – это же кровные деньги других шахтеров, которые трудятся в эту минуту под землей, вот как вы и ваш отец. Они дают нам свои деньги и говорят: «Используйте их на укрепление профсоюза! Вовлекайте на них неорганизованных рабочих, чтобы они не снижали расценок и не шли в штрейкбрехеры. Но, ради бога, не бросайте наши деньги на ветер. Мы их добываем кровью и потом. Если мы не увидим результатов вашей работы, вы из нас больше ничего не выжмете!» Понятно вам, наконец? Понятно, что это нас гнетет куда больше, чем страх лишиться нашего жалкого заработка? Поверьте, хоть вы о нас и плохого мнения! Вы не должны говорить со мной таким тоном, будто я сын Питера Харригана! Я в десять лет уже работал тормозным. Я ушел из шахты совсем недавно, и я хорошо помню, что это такое. Поверьте, я часто по ночам не могу сомкнуть глаз от тревоги, но причина этому – не страх потерять заработок. Ведь я по вечерам учился, маленькое образование у меня есть, так что я всегда смогу на жизнь себе заработать. А терзает меня беспокойство оттого, что я не знаю, правильно ли я трачу деньги шахтеров, не меньше ли были бы их страдания, если бы я сделал так, а не этак. Когда я ехал сюда ночью в спальном вагоне, знаешь, Тим Рэфферти, о чем я думал под стук колес? «Опять придется увидеть много горя и страдания, опять придется восстановить против нас хороших людей, которые никак не возьмут а толк, почему это нам идет заработная плата, а их выгоняют па улицу. Как мне им доказать, что я работаю для их пользы, работаю изо всех сил, на совесть, и не я виноват в их несчастьях?»

Но тут вмешался Уочоп:

– Не стоит об этом больше говорить. Я вижу, это дело очень серьезное. Мы вам не будем больше причинять беспокойство, Мойлен.

– Для меня страшнее беспокойство, если вы отвернетесь от профсоюза! – воскликнул Мойлен.

– Ну уж я теперь не буду вам нужен! – горько рассмеялся Уочоп. – У меня теперь впереди только одно: стать бродягой, вы это знаете!

– Да, но куда бы вы ни пошли, всюду вас ждет то же самое: либо вы будете бороться за профсоюз, либо станете балластом, который нам приходится тащить на себе.

Мойлен внимательно посмотрел на каждого делегата и сказал с мольбой в голосе:

– Не падайте духом из-за этой неудачи! Пусть, наоборот, она будет вам на пользу в вашей борьбе за шахтерскую солидарность! Всем приходится приносить жертвы, разделять общее бремя! Но самое главное, чтобы каждый человек, выгнанный с этой шахты, унес с собой профсоюзную искру, способную разжечь пожар восстания в других частях страны. Надо, чтобы каждый рабочий вложил свою долю в общее дело, и тогда не останется ни одного такого местечка, где хозяева смогут вербовать штрейкбрехеров!

21

Среди делегатов находился один человек, за которым Хал следил с особым беспокойством, – это была Мэри Берк. Она еще не произнесла ни слова; другие спорили и возмущались, а она сидела, сжав губы и стиснув пальцы. Хал догадывался, в какое неистовство привела ее эта неудача. Она поднялась на борьбу, в ней вспыхнула надежда, но все это кончилось ничем, как она всегда предсказывала! Сейчас ее потемневшие от усталости глаза не отрываясь глядели на пылкого молодого профсоюзного руководителя. Хал знал, что в душе Мэри идет борьба. Покинет ли она теперь навсегда поле битвы? Это будет пробой ее характера, как и пробой характера всех остальных.

– Если только мы проявим достаточно силы и мужества, – говорил тем временем Джим Мойлен, – мы используем свое поражение, чтобы воспитать и сплотить наших людей. Если мы сможем именно сейчас объяснить шахтерам Северной Долины, что делает профсоюз, они не ожесточатся против нас, они вернуться в шахты не разбитыми, – они вернуться, чтобы, работая, дожидаться своего часа. А разве это не победа над хозяевами, если люди останутся на местах и сохраняют свою организацию до тех пор, пока мы не утвердимся на всех шахтах? А вот тогда-то мы сможем объявить забастовку и выиграть ее!

Наступило молчание, и тут заговорила Мэри:

– Каким образом вы предполагаете сказать все это шахтерам?

Голос ее звучал бесстрастно, но тем не менее сердце Хала радостно забило, если Мэри и утратила надежду, все равно она не покинет армию муравьев!

Джохан Хартмен разъяснил свой план. Он напечатает на нескольких языках и тайно распространит среди рабочих листовку, предлагающую

шахтерам вернуться на работу. Но Джерри решительно отверг это предложение. Шахтеры ни за что не поверят такой листовке, они заподозрят, что это хозяйская фальшивка. Ведь сделали же те кое-что и похуже: состряпали письмо от имени Джо Смита, чтобы сорвать движение за контролера! Единственный выход – вернуться кому-нибудь из делегатов в Северную Долину и лично поговорить с рабочими.

– В таком случае это необходимо сделать как можно скорее, – горячо сказал Джерри. – Им поставили условие выйти на работу завтра утром, тогда их не уволят. Это всё очень хорошие люди. Их надо сохранить.

Остальные члены комитета поддержали Джерри Минетти. Словак Руссик, тугодум с медлительной речью, сказал:

– Эти ребята очень разозлятся, если потеряют работу, а никакой забастовки не будет.

А быстрый, нервный грек Заммакис прибавил:

– Мы им сказали: бастуйте. Значит, мы же должны сказать: не бастуйте!

Что предпринять? Как преодолеть первую трудность – выбраться из гостиницы, находящейся под наблюдением сыщиков? Хартмен предложил выйти всем вместе, а затем быстро разойтись в разных направлениях – сыщики не сумеют побегать за всеми, и те, кому удастся ускользнуть, пусть бегут на железную дорогу, спрячутся в порожняке и едут в Северную Долину.

Но Мойлен возразил, что Компания, вероятно, уже подготовилась к этому, а Руссик, который на своем веку побродяжил, заметил:

– Обыскивать вагоны они умеют, и всыпать тоже умеют здорово, когда поймают!

Да, поручение опасное! Но тут снова заговорила Мэри:

– Может, женщина справится с этим лучше?

– Они и женщину не постесняются избить! – ответил Минетти.

– Это-то я знаю! Но, может быть, женщине удастся их одурачить? В Педро сейчас приехали на похороны несколько вдов. Они все в черных вуалях, и лиц не видно.

Я тоже могла бы под видом такой вдовы вернуться в Северную Долину.

Мужчины молча переглянулись! Ведь это идея! Мрачная усмешка, застывшая на лице Тима Рэфферти после стычки с Мойленом, неожиданно сменилась широкой улыбкой.

– Я встретил на улице миссис Замбони, – сказал он, – на ней наверчено столько черной материи, что хватило бы всем нам завернуться!

Слово взял Хал, в первый раз после того как Тим Рэфферти заставил его замолчать.

– Кто знает, где найти миссис Замбони?

– Она остановилась у моей знакомой, миссис Свайка, – ответил Руссик.

– Ну так вот, – сказал Хал, – вам еще не все известно о положении дел. После того как вас увезли, я снова говорил с рабочими и заставил их поклясться, что они не прекратят забастовку. Сейчас я обязан вернуться и взять свои слова обратно. Раз мы решили, что вуали и материи могут нас скрыть, то уже все равно, кто поедет: женщина или мужчина.

Все посмотрели на Хала.

– Вас избьют до смерти, если поймают! – сказал Уочоп.

– Не думаю, – ответил Хал. – Во всяком случае, я сам себе хозяин, потому что, – тут он поглядел на Тима Рэфферти, – я единственный не пострадаю от провала нашей забастовки.

Наступило молчание.

– Извините, что я так сказал! – порывисто воскликнул Тим.

– Ладно, старик, забудем! – ответил Хал. – Ты сказал чистую правду, и я хотел бы что-нибудь сделать, чтоб очистить свою совесть. – Он поднялся с веселым смехом: – Я буду вдовушка – первый сорт! И я поеду в Северную Долину прямо на свидание с моим дружкой Джеффом Коттоном!

22

Хал захотел отправиться на квартиру, где остановилась миссис Замбони, но Мойлен не позволил, сказав, что сыщики несомненно увяжутся за ним. Даже если они все вместе выйдут из гостиницы, сыщики скорее упустят любого из них, чем главного бунтовщика и заводилу – Джо Смита. Тогда решили пригласить миссис Замбони в гостиницу вместе с миссис Свайка или с какой-нибудь другой женщиной, говорящей по-английски. Пусть спросит у портье Мэри Берк, объяснив, что пришла получить с Мэри денежный долг, так как ей нечем заплатить за похороны мужа. Даже если портье не будет знать, кто такая Мэри Берк, то уж бдительные шпики наверняка окружают вдову, и, услышав про Северную Долину, кто-нибудь догадается, что речь идет об одном из похищенных делегатов.

Все это втолковали Руссику, после чего он убежал и, вернувшись спустя полчаса, сообщил, что женщины сейчас придут. Через несколько минут раздался стук в дверь, и на пороге появилась вдова, вся в черном, со своей приятельницей. Она вошла в номер, и тут же начались вздохи и причитания в ответ на просьбу Руссика пожертвовать траурный наряд Джо Смигу.

– Она говорит, ей больше нечего надеть, – пояснил словак.

– Скажите ей, я дам ей много денег, чтобы она купила себе, что нужно, – сказал Хал.

– Ай! Господи Иисусе! – вскричала миссис Замбони и разразилась потоком непонятных слов.

– Она говорит, ей нечего надеть. Она говорит, что нехорошо ходить раздетой.

– А разве на ней нет нижней юбки?

– Она говорит, нижняя юбка вся дырявая.

Все разразились дружным хохотом, а миссис Замбони покраснела, как пион, от самого лба до толстой шеи.

– Передайте ей, пусть закутается в одеяло, – сказал Хал, – а Мэри Берк пойдет и купит ей все новое.

Оказалось необыкновенно трудным уговорить миссис Замбони расстаться с ее вдовьими ризами, на которые она истратила так много денег, пролив столько горьких слез. Эта почтенная женщина, произведшая на свет

шестнадцать человек детей, впервые слышала такую странную просьбу: продать символ ее горя – и где! – в номере гостиницы, где собралось больше десятка мужчин! Их непристойное веселье делало миссис Замбони еще более несговорчивой.

– Ах! Господи Иисусе! – снова воскликнула она.

– Объясните ей, что это очень, очень важно, – сказал Хал. – Мне обязательно нужны ее вещи! – И, видя, что Руссику не удастся его миссия. Хал принялся тоже уговаривать вдову на том условном английском языке, которому учит общение с шахтерами:

– Должен иметь! Обязательно! Скорей! Должен спрятаться! Удрать от хозяина! Ясно? Не поехал – убьют!

Наконец испуганная женщина сдалась.

– «Пусть все повернутся спиной!» – перевел ее приказание Руссик. Все отвернулись, потихоньку пересмеиваясь, а миссис Замбони, спрятавшись за Мэри и миссис Свайка, сняла юбку с кофтой и накинула, скромности ради, одеяло на свои красные плечи.

Когда Хал облачился во вдовый наряд, оказалось, что платье безмерно широко и висит со всех сторон. Пришлось подложить спереди две подушки и туго перетянуть их по талии, после чего маскировка была признана вполне удовлетворительной. Хал надел широкие, растоптанные женские башмаки, а Мэри Берк нахлобучила вдовью шляпку ему на голову и приколотла спереди и сзади длинные куски черного крепа – теперь даже собственные дети миссис Замбони не заподозрят обмана!

В течение нескольких минут в номере царил смех. Даже Мэри, усталая и, казалось, совсем потерявшая живость, заразилась общим весельем. Но шутовское настроение быстро угасло. Настало время действовать. Мэри Берк предложила посидеть в номере с миссис Замбони, оставшейся, можно сказать, в чем мать родила, – а вдруг постучится кто-нибудь из персонала гостиницы или сыщики. Хал попросил Джима Мойлена передать Эдуарду, что он пишет сейчас воззвание к шахтерам Северной Долины и сможет уехать только ночным поездом.

Кончив договариваться, Хал пожал всем руки, и все одиннадцать мужчин покинули номер. Вместе они спустились по лестнице, прошли через вестибюль и быстро рассеялись в разные стороны. Миссис Свайка и мнимая миссис Замбони сошли вниз на минуту позже; как они ожидали, в вестибюле уже не было ни одного сыщика – их всех точно ветром сдуло!

23

Распростившись с миссис Свайка, Хал отправился на вокзал. Но не успел он пройти и одного квартала, как столкнулся лицом к лицу со старшим братом.

Вид у Эдуарда был скучающий. Даже то, как он нес под мышкой иллюстрированный журнал, свидетельствовало о безнадежной скуке, овладевшей им в этом унылом Педро. Гримаса судьбы – забросить такого занятого, важного человека в какой-то захудалый шахтерский городишко, сделав его к тому же пленником умалишенного! Чем развлекаются люди в

такой дыре? Ходят за пятак в кино смотреть картины о ковбоях и фальшивомонетчиках?

Хал, одаренный чувством юмора, не мог не развеселиться при виде Эдуарда. К тому же у него было хорошее оправдание: ведь надо же проверить, хорошо ли удался маскарад, прежде чем подвергнуть себя настоящей опасности в Северной Долине!

Он загородил дорогу брату и, подражая миссис Замбони, высоким жалобным голосом произнес:

– Мистер!

Эдуард уставился на черную фигуру, возникшую перед ним.

– Мистер, вы брат Джо Смита? Да?

Вопрос пришлось дважды повторить, и лишь тогда Эдуард нехотя удостоил его ответом – не слишком приятно было признавать это родство!

– Мистер, – продолжал плачущий голос. – Мой муж погиб, его разорвало в шахте. Мне выдали от него пять кусков. Я должна была вчера их похоронить на кладбище. Надо заплатить тридцать долларов. А у меня нет денег. Компания ничего мне не дала. Пришел адвокат. Прислала Компания. Говорит: «Может, мы тебе дадим на похороны, если ты не будешь болтать». А у меня, мистер, одиннадцать малышей, и всех их надо кормить, а мужа больше нет. Где я найду нового мужа – я старая! Приеду домой, там дети плачут. Кормить их нечем. Лавка Компании мне ничего больше не отпускает. Вот я и подумала: вы брат Джо – значит вы добряк. Может, пожалеете бедную вдову. Может, вы дадите мне денег, мистер, и я куплю детям покушать.

– Хорошо, – сказал Эдуард. Он вытащил бумажник и достал оттуда десять долларов. Всем своим видом он говорил: берите, ради бога, и оставьте меня в покое!

«Миссис Замбони» схватила кредитку жадными пальцами, но не утихомирилась:

– У вас тут куча денег, мистер. Вы богач, да? Отдайте мне все – я хоть досыта накормлю своих детей! Вы ведь не знаете этих лавок Компании, там все втридорога. Где горы высокие, там цены высокие. Дети голодные. День плачут, ночь плачут. На одну бумажку их не накормишь. Дайте мне еще бумажек, мистер, а?

– Я дам вам еще одну, – сказал Эдуард, – остальные нужны мне самому.

– Зачем вам столько, мистер? Разве у вас так много детей? Дома у вас еще куча денег. А?

– Это все, что я могу вам уделить, – сказал Эдуард, шагнув в сторону, чтобы обойти это препятствие.

Но «препятствие» с удивительной легкостью тоже сделало шаг в сторону.

– Спасибо вам, мистер, за ваши деньги. Я скажу детям – мне помог добрый дядя. Вы хороший, мистер Смит. Вы дали деньги бедной вдове. Вы славный человек.

И это ужасное существо выпростало лапу, словно для того, чтобы погладить Эдуарда по лицу или пощекотать подбородок. Он отпрянул, как от прокаженной, но «вдова» ринулась следом, словно собираясь что-то сделать с

ним, что – он сам не знал, мало ли какие обычаи у этих иностранцев!

– Ладно! Это мелочь! Это мелочь! – повторял он, отступая назад и озираясь по сторонам: нет ли свидетелей этой сцены?

– Славный человек, мистер! Добрый человек! – кричала старуха с нарастающим возбуждением. – Может, когда-нибудь я встречу такого человека, как вы, мистер Эдуард Смит! Тогда я перестану быть вдовой. А может, вы сами хотите жениться на хорошей словачке? Много деток у нее – хороших деток!

Эдуард, чувствуя, что она от него не отвяжется, бросился в сторону. Это был великолепный прыжок, который мог бы спасти его, но к его ужасу вдова тоже сделала прыжок. Она впилась когтями ему под мышки, сдавила ребра и пребольно ущипнула. Затем эта тигрица поспешила прочь, не оборачиваясь, издавая какие-то странные клекочущие звуки – то ли это были причитания осиротевшей вдовы на родном языке, то ли еще что-нибудь; да это могло быть все что угодно!

24

До отхода поезда в Северную Долину оставалось мало времени. Хал рассчитал, что он как раз успеет завершить свое дело и вернуться с последним поездом в Педро. Никто не обратил на него внимания, когда он вошел в вагон и сел на скамейку. Он так и остался там сидеть, пока поезд не начал приближаться к месту назначения – Северная Долина была последней станцией на каньоне. В вагоне было несколько шахтерских жен, но Хал наметил одну из них, принадлежавшую к той же национальности, что и миссис Замбони, и, подъезжая к Северной Долине, пересел к ней. Она подвинулась, освобождая для него место, и сказала ему что-то на своем языке, но Хал только тихонько всхлипывал. Тогда женщина попробовала нащупать его руку, чтобы погладить ее в знак сочувствия. Но так как он упрятал обе руки под вуаль, она ограничилась тем, что ласково похлопала его по колену.

Перед въездом в обнесенный оградой поселок поезд стал. Бад Адамс прошел по вагону, испытующе вглядываясь в каждого пассажира. Заметив это, Хал снова начал всхлипывать и бормотать что-то невнятное своей соседке, а это побудило ее нагнуться к нему и произнести многословную тираду на родном языке. Бад прошел мимо.

Высаживаясь из поезда, Хал взял свою спутницу под руку. Он еще поплакал, она еще поболтала, и так они проследовали по платформе под самым носом Пита Хейнана – мастера зуботычины. К ним присоединилась еще одна женщина, и они втроем пошли по улице. Женщины разговаривали по-словацки, ни о чем, видимо, не подозревая.

Хал уже выработал план действий. Он решил не вести тайных переговоров с шахтерами – это займет слишком много времени и его могут выдать прежде, чем он повидает всех, кого нужно. Лучше рискнуть на один смелый выпад. Через полчаса в столовой Ремницкого соберутся к ужину все столовники. Вот где он сделает свое сообщение!

Спутницы удивились, когда Хал прошел мимо лачуги, где под присмотром соседок оставался весь выводок маленьких Замбони. Предоставив женщинам

строить любые догадки, Хал поспешил к дому Минетти. Перед изумленной Розой он снял вуаль и шляпку и передал ей распоряжение мужа: немедленно выехать с детьми в Педро и терпеливо дожидаться там дальнейших известий. Роза побежала за Джеком Дэйвидом, и, когда тот пришел, Хал рассказал ему, как обстоит дело. Кажется, из начальства никто не заподозрил, какую роль играл Большой Джек в недавних волнениях. Он с женой, Роветта, Вресмак и Кловоский составят то ядро, посредством которого профсоюз сможет сноситься с рабочей массой.

Приближался час ужина, и мнимая миссис Замбони покинула Розу и заковыляла по улице. Когда она вошла в столовую, рабочие поглядели на нее, но никто не заговорил с ней. Это была та стадия ужина, когда каждый старается захватить со стола побольше и поскорее проглотить, чтобы опередить не менее жадных сотрапезников. Женщина в черном проследовала в дальний угол столовой, где было свободное место, отодвинула стул и влезла на него. И сразу по столовой разнесся громкий возглас:

– Эй, ребята! Эй!

Люди оторвались от еды и увидели, что вдовьи ризы отброшены в сторону, и перед ними стоит их вожак – Джо Смит.

– Друзья! Я пришел к вам по поручению профсоюза!

Раздались шумные возгласы. Все повскакали с мест. На пол со стуком полетели опрокинутые стулья. Затем почти мгновенно воцарилась полная тишина. Если бы кто-нибудь вздумал сейчас продолжать ужин, в этой тишине можно было бы услышать, как он жует.

– Друзья, я был в Педро и видел руководителей союза. Я знал, что начальство не впустит меня в Северную Долину, вот и пришлось мне явиться к вам ряженым. Здравствуйте!

Тут только они поняли, зачем ему понадобился этот фантастический маскарад. Раздались крики «ура», хохот, восторженные возгласы.

Хал поднял руки, и снова наступила тишина.

– Слушайте! Начальство не даст мне долго говорить, а я пришел с важными известиями. Руководители союза говорят, что сейчас мы не можем выиграть забастовку.

Обращенные к нему лица омрачились. Но, несмотря на горестные восклицания шахтеров. Хал продолжал:

– Мы сейчас в одиночестве. Всех нас выгонят, наберут штрейкбрехеров и наладят работу без нас. А нам нужна забастовка, которая сразу охватит все угольные шахты. Всеобщий союз и всеобщая забастовка! Если мы начнем бастовать теперь, это будет только на руку хозяевам. Но мы их обманем: мы сохраним и работу и профсоюз. Все вы члены союза и будете крепить его мощь! Да здравствует профсоюз Северной Долины!

Отклика не последовало, да и можно ли было ожидать восторга от такого известия? Хал сообразил, что надо затронуть другую струну.

– Не будем трусами! Сохраним хладнокровие! Я вот свое задание выполняю, – а ведь тоже понадобилось хладнокровие, чтобы пробраться сюда. Пришлось нарядиться в платье миссис Замбони, подложить две подушки на

живот...

Он застучал кулаками по подушкам и вызвал этим смех. Большинство присутствующих знало миссис Замбони, она была, как говорят эстрадные комики, «привычным объектом местных шуток».

Кругом смеялись, веселье охватило всех.

– Ура, Джо! Ай да девушка! Выходи за меня замуж, Джо!

Теперь уже Халу было, конечно, нетрудно добиться отклика.

– Да здравствует профсоюз Северной Долины!

Хал снова поднял руки, требуя тишины:

– Слушайте, друзья! Меня они выгонят, и не вздумайте оказывать им сопротивление и защищать меня. Вы должны вернуться в шахту на свои места и готовиться исподволь к общей стачке. Передайте мои слова остальным шахтерам. Я не смогу с ними поговорить, но вы им, пожалуйста, все расскажите. Помните: за пределами Северной Долины есть люди, которые ведут планомерную борьбу за ваши права! Все мы будем горой стоять за наш профсоюз, и с его помощью мы опять превратим Северную Долину в американский город!

Раздалось громкое «ура», потрясшее стены столовой. Да, это было то, чего они хотели: почувствовать, что они живут в Америке!

У входа в столовую уже толпился привлеченный шумом народ. В этой беспорядочной толпе Хал вдруг заметил лицо и широкие плечи своего врага Пита Хейнана.

– Друзья, охранники идут! – крикнул он, и толпа разразилась криками негодования. Шахтеры повертывались назад, грозя кулаками. Хал поспешил их предупредить:

– Друзья, слушайте внимательно! Мне нельзя остаться в Северной Долине, вы это знаете! Но я выполнил свое поручение, я привез вам весточку от союза. Передайте это всем! Скажите им – пусть горой стоят за союз.

Хал несколько раз повторил эти слова. Глядя то на одно, то на другое лицо, изможденное тяжким трудом, он вспомнил свою клятву, данную этим людям. И он снова поклялся им:

– Я вас не оставлю, друзья мои, я буду продолжать эту борьбу!

Шум у дверей усиливался. Внезапно на пороге показался Джефф Коттон в сопровождении нескольких охранников, которые, расталкивая толпу, пробивались в комнату, красные и запыхавшиеся от бега.

– А вот и сам начальник! – вскричал Хал. – Не стоит так толкаться, Коттон, беспорядков здесь не будет! Мы тут все члены профсоюза и умеем соблюдать дисциплину. Итак, друзья, мы не сдались, мы не побеждены, мы просто ожидаем, пока шахтеры на других шахтах подготовятся к действиям. У нас есть союз, и мы намерены его сохранить. Троекратное ура нашему союзу!

Люди ответили дружными возгласами. Славили союз, славили Джо Смита, славили вдову и ее траурные ризы!

– Вы члены профсоюза! Что бы ни случилось, держитесь союза! Если вас уволят, оставайтесь членами и на новом месте! Учите новых людей тому, что значит для вас союз! Пусть никогда не затухает это пламя в ваших сердцах.

Профсоюз – ваша сила и надежда! Не забывайте, друзья, этого слова – «профсоюз»!

Тут раздался голос начальника охраны:

– Ну-ка, дамочка, если вы собираетесь, так пошли сейчас!

Разыгрывая смущение, Хал сделал книксен:

– О, мистер Коттон, все это так неожиданно!

Толпа загоготала, а Хал спрыгнул со своей импровизированной трибуны. С кокетливыми ужимками он снова покрыл лицо вуалью и засеменял мелкой рысцей к выходу. Дойдя до начальника охраны, он грациозно оперся на руку этого достойного джентльмена и вышел с ним на улицу в сопровождении «мастера зуботычины» с другой стороны и Бада Адамса, замыкавшего его тыл.

Голодные шахтеры пожертвовали ужином, чтобы насладиться этим зрелищем. Высыпав гурьбой на улицу, они провожали Хала смехом, криками и шутками. Со всех сторон сбегались люди. К тому времени, когда шествие добралось до станции, почти все население уже было на улицах. Из уст в уста передавалась новость: «Здесь Джо Смит. Он привез вести от союза». Взрослые люди – шахтеры – так хохотали, что слезы размыли белые полосы на их покрытых угольной пылью лицах. Они бросались друг другу на шею, радуясь, что с их угнетателями сыграли такую остроумную шутку.

Даже Джефф Коттон отдал дань изобретательности Хала.

– Черт возьми! Вас не переплюнешь! – пробормотал он.

Он согласился на роль ухаживателя в этом фарсе, так как нашел это легчайшим способом избавиться от назойливого гостя и избежать опасности. Он проводил «вдовушку» на вокзал и усадил в вагон, поставив охрану у входа. Галантные кавалеры окружили свою даму нежнейшим вниманием и покинули ее, лишь когда поезд миновал огороженную территорию Северной Долины.

25

Хал снял с себя вдовый наряд, а вместе с ним и маску веселья, понадобившуюся ему, чтобы хоть немного утешить жителей Северной Долины. Наступила внезапная реакция: он почувствовал страшную усталость.

В течение десяти дней он жил в непрерывном круговороте волнующих событий, позабыв про сон и отдых. Сейчас в вагоне бледный, измученный Хал откинулся на спинку скамейки. Болела голова, и вдруг он ясно понял, что в итоге вся его деятельность в Северной Долине кончилась полным поражением. В нем уже не оставалось ни следа того приключенческого духа, с которым он приступал к своей «летней практике по курсу социологии». Ученик выучил урок, был вызван к доске и с треском провалился. Хал горько усмехнулся, вспомнив удаль, с которой распевал бесшабашную песенку, карабкаясь на этот же самый каньон:

Старый Уголь-король
знает, в чем его роль:
индустрии колеса бегут
ради трубки его,

ради кубка его,
ради школы, построенной тут.

Поезд прибыл в Педро. Хал сел в такси и поехал в гостиницу. В руках у него был узелок со вдовьими ризами. Он мог бы бросить его в поезде, но дух разумной экономии, который укоренился в нем за десять недель, не позволил ему это сделать. Он вернет узелок миссис Замбони. А на его деньги пусть она лучше накормит детей. Подушки можно оставить в машине – хозяин гостиницы от этого не разорится!

Первый человек, с которым Хал столкнулся в вестибюле гостиницы, был Эдуард. На обычно бесстрастном патрицианском лице Эдуарда сейчас было такое брюзгливое выражение, что он стал похож на простого смертного. При виде брата Хал развеселился и забыл про свою головную боль. Какие контрасты: там – суровая, жестокая жизнь, а здесь – томный скучающий Эдуард, комический персонаж, способный вызвать смех.

– Где ты, черт возьми, пропадал? – накинулся на него Эдуард.

– Навещал вдов и сирот, – ответил Хал.

– Вот как! – сказал Эдуард. – А ты подумал о том, что мне приходится из-за тебя торчать в этой дыре? Что то у тебя под мышкой?

Хал взглянул на узелок.

– Я получил это на память от одной вдовы, – он развернул узелок перед изумленным братом и показал ему женские вещи. – Мне это дала дама по фамилии Свайка. А принадлежит сей туалет другой даме – миссис Замбони, но она больше в нем не нуждается.

– А ты здесь при чем?

– Миссис Замбони решила как будто вторично выйти замуж. – Хал снизил голос и таинственно прибавил: – Это очень романтическая история, Эдуард. Тебя она может заинтересовать, как иллюстрация обычаев этих иностранцев. Она встретила на улице какого-то человека, – доброго, славного человека, по ее словам, – и он дал ей много денег. Так вот она пошла и накупила себе нарядов. А траурное платье хочет отдать своему новому знакомому. У них такой обычай; это, кажется, делается в знак того, что она согласна примять его ухаживания.

Эдуард буквально остолбенел от изумления, а Халу пришлось на минутку прикусить губу, чтобы не прыснуть со смеху.

– Если у этого человека не было серьезных намерений, боюсь, ему придется туго. Я знаю, какой пылкий темперамент у миссис Замбони. Она найдет его на краю света...

– Хал, это сумасшедшая баба! – вскричал Эдуард, тревожно озираясь по сторонам, словно боясь, что вдова незаметно появится в гостинице и продемонстрирует свой пылкий темперамент.

– Ничуть не сумасшедшая! – ответил Хал. – Ведь у каждого народа свои национальные обычаи!

Но тут он не выдержал и расхохотался. Он хохотал, пожалуй, немного громче, чем полагается в приличном обществе.

Эдуарду это не понравилось. В вестибюле толпился народ. Люди оборачивались и смотрели на них.

– Прекрати, Хал! – с досадой сказал Эдуард. – Мне надоели твои дурацкие шутки.

Хал видел, что брат смущен. Он узнал вдовьи ризы и вполне способен был поверить, что у дикого существа, ущипнувшего его в бок среди бела дня на улице, могут быть какие угодно «национальные обычаи».

– Прекрати! – повторил Эдуард.

Хал внезапно заговорил, подражая голосу миссис Замбони:

– Мистер, у меня восемь детей. Их надо прокормить. А у меня нет мужа. Нового мужа я не найду. Ведь я уже старая...

Только теперь истина во всей полноте предстала перед Эдуардом. Он дал волю своему гневу и отвращению. Слушая его, Хал перестал смеяться.

– Эдуард, – сказал он, – ты все еще не можешь серьезно относиться ко мне.

– Господи! – воскликнул Эдуард. – Да ты просто сумасшедший!

– Ты был в Северной Долине, Эдуард. Ты слышал клятву, которую я дал этим несчастным. И ты мог думать, что я уеду с тобой и навсегда их забуду?

Эдуард пропустил это мимо ушей.

– Ты просто сумасшедший, – повторил он. – Сам лезешь под пули – и я тебя при всем старании не смогу спасти.

Но Хал только рассмеялся.

– Этим даже не пахло. Посмотрел бы ты, каким джентльменом показал себя на этот раз начальник охраны!

26

Эдуард увез бы немедленно брата из Педро, но, в несчастье, поезда не было до поздней ночи. Хал поднялся наверх и нашел Мойлена и Хартмена в обществе Мари Берк и миссис Замбоии. Все они жаждали выслушать его рассказ. Когда постепенно собрались остальные члены комитета, уходившие ужинать, Хал рассказал о своем приключении, и его заставляли несколько раз повторять все с начала. Слушатели пришли почти в такой же восторг, как народ у Ремницкого. Если бы всегда, когда надо вдруг прекратить стачку, это можно было делать так ловко!

Они шумно выражали свое одобрение и обсуждали планы на будущее. Мойлен возвращался в Уэстерн-Сити, Хартмен – в отделение профсоюза в Шеридане, где он займется подбором новых организаторов для Северной Долины. Несомненно, Картрайт уволит много народу – и тех, кто отличался активностью во время стачки, и тех, кто сейчас продолжает громко говорить о профсоюзе. Но вместо уволенных ему придется набрать новых шахтеров, а работники союза знали, через какие агентства Компания пополняет рабочую силу. Благодаря этому шахтеры Северной Долины будут таинственным способом получать профсоюзную литературу на своих родных языках. Они будут находить брошюры и дома под подушками, и в обеденных котелках, и в своих карманах во время работы.

Хартмен планировал также заняться пропагандой среди тех, кто будет

уволен, чтобы всюду, куда бы их ни занесла судьба, они распространяли идеи рабочей солидарности. Хал узнал, что в Бареле сегодня утром вспыхнуло движение сочувствия, возникшее стихийно, как только до рабочих дошла весть о событиях в Северной Долине. Человек двадцать уже уволено. Наутро, очевидно, последуют новые увольнения. Для похищенных делегатов найдется серьезная работа. Вот Тим Рэфферти, например... Не согласится ли он задержаться на недельку-другую в Педро, чтобы встречать увольняемых, снабжать их литературой и проводить разъяснительную работу?

Предложение пришлось кстати. В эту минуту будущее казалось юному ирландцу весьма мрачным. Он остался без работы, отец – полный инвалид, вся семья – на пороге нищеты. Их, конечно, выселят из дома – членам семьи Рэфферти не место в Северной Долине! Один бог ведает, куда они направятся. Сам Тим на долгое время станет странником, оторванным от своей семьи, и будет отказывать себе в необходимом, лишь бы сберечь какие-нибудь гроши из своих нищенских заработков и помогать матери.

Хал наблюдал за Тимом и, казалось, читал его мысли. Он, Хал Уорнер, сыграет в этом случае, и в ряде других, не менее трагических, роль доброго провидения. Халу дано право подписывать отцовские чеки, и он рассчитывает сохранить эту привилегию, хоть он и взял на себя роль Гарун-аль-Рашида в Северной Долине. А как насчет катастроф в угольных шахтах и неудачных стачек там, где под рукой не окажется своего Гарун-аль-Рашида? Что будет с людьми из той же Северной Долины, которые не удосужились пожаловаться Халу Уорнеру на свои беды? Хал понимал, что ему остается только повернуться спиной и спастись бегством, чтобы сохранить хоть каплю бодрости после своих летних приключений. Действительно, эта на вид прекрасная, великолепная цивилизация до странности напоминает склеп или поле сражения: только копни лопатой – и увидишь невероятные ужасы, почувствуешь омерзительную вонь.

Взять, например, Руссика. У него жена и двое детей, а за душой ни гроша. Больше года он честно и усердно трудился, чтобы добыть побольше угля для Питера Харригана, но его заработки всегда уходили на оплату продуктов, уже забранных в долг, а на руках не оставалось ничего. Все его мирское достояние уместится в одном мешке, который он легко унесет за спиной. Да еще неизвестно, унесет ли – ведь это зависит от прихоти начальника охраны и его головорезов. Союз купит ему билет, и Руссик двинется в путь на поиски работы, которую он, может, найдет, а может, и нет. Что ждет его? В лучшем случае он будет батрачить на какого-нибудь другого Харригана и опять станет неоплатным должником какой-нибудь другой Компании.

Или вот: Хобианыш – серб и Хернандез – мексиканец. Они совершенно в таком же положении, только у одного четверо детей, а у другого – шестеро. Зато Билли Уочоп с женой бездетные. Дети у них поумирали, слава богу, как он выразился. Горячие речи Мойлена на него, кажется, не очень подействовали. Уочоп потерпел полное крушение. Ему предстоит бродячая жизнь. Он решил пробиваться на восток, а дальше – в Англию. Еще называется свободная страна! Честное слово, если рассказать дома, что он пережил здесь, ни один

английский шахтер не поверит!

Хал сообщил этим людям свою настоящую фамилию и адрес и взял с них слово, что они напишут ему о своих делах. Он постарается немного помочь им. Он уже прикидывал в уме, что ему следует для них сделать. И сколько должен человек сделать, чтобы уменьшить голод вокруг себя и иметь право без угрызений совести обедать в фешенебельном клубе? Кто из казуистов сможет решить эту задачу и назвать ему, какой процент бедняков, которых он лично знает, он обязан спасти от голода, и какой процент тех, кого он лишь встречает на улицах, и, наконец, сколько тех, кого он в глаза не видал, но чья жизнь стоит за статистическими отчетами, демонстрирующими рост дороговизны жизни? До какой степени разрешено ему притворяться невидящим, когда он шествует по улице в свой клуб? До какой степени разрешено ему не замечать статистические отчеты, когда он собирается на бал со своей невестой? Знатоки высшей математики не решают таких задач, мудрецы из храмов науки и жрецы из храмов господних тоже не сумели выработать готовых формул; и Хал, делая в уме приблизительный подсчет, не мог найти никакого удовлетворительного ответа.

27

Хал искал случая поговорить наедине с Мэри Берк. У них не было ни одной дружеской беседы после того, как Мэри встретила с Джесси Артур. Сейчас Хал уезжает, и надо бы перед отъездом узнать, каковы планы Мэри на будущее, а главное – каково ее настроение. Если окажется, что он сумел вселить в нее хоть какую-нибудь надежду, его летняя практика по курсу социологии кончилась не таким уж абсолютным провалом.

Он предложил ей пойти вместе с прощальным визитом к Джону Эдстрому. Хал не видел старика с тех пор, как, позабыв в второпях проститься, он убежал из дома Мак-Келлера разыскивать вагон Перси Харригана. Внизу, в вестибюле, Хал подошел к своему брату, который упорно продолжал ждать его. Хал сказал ему, куда и зачем он идет. Эдуард воздержался от замечаний, но заявил, что отправится вслед за ним, если Хал не против. У него нет ни малейшего желания знакомиться с ирландской Жанной д'Арк, и он будет следовать на приличном расстоянии, чтобы убереечь брата в случае опасности. И вот по улице двинулась ночная процессия: впереди шел Хал с Мэри, за ними Эдуард, а шествие замыкал сотрапезник Эдуарда из ресторана – коммивояжер, торгующий скобяным товаром.

Хал не знал, как начать прощальный разговор с Мэри. Он понятия не имел, как она сейчас к нему относится, и в душе сознавался – не без легкого укора совести, что боится узнать истину. Решив, что веселый тон – самый подходящий, он прежде всего похвалил ее поведение во время стачки. Но вызвать ее на разговор не удалось: Хал понял, что она погружена в собственные мысли.

– Я вам кое-что хочу сказать, – внезапно начала она. – Несколько дней назад я даже знала, как я все это скажу, а сейчас теряюсь...

– В чем же дело? – рассмеялся Хал. – Говорите, как собирались!

– Нет, не могу. Тогда я была обозлена, а сейчас я преклоняюсь перед вами.

– Я, конечно, не хочу, чтобы вы были обозлены, – сказал Хал, продолжая смеяться. – Но это я должен преклоняться перед вами. Вы ведь сами знаете, что я-то ведь ничего не добился.

– Вы сделали все, что было в ваших силах, больше, чем все мы. Знайте, этого я никогда не забуду. Но все же я хочу поговорить с вами и о другом.

Она шла, глядя вперед, ломая от волнения руки.

– В чем же дело? – Он все еще старался сохранить веселый тон.

– Помните нашу встречу наутро после катастрофы? Помните, я вам сказала... что готова уехать с вами? Ну, вот. Теперь я беру свои слова обратно.

– Ну, конечно, Мэри! – поспешил он заверить ее. – Вы были тогда очень расстроены. Вы сами не знали, что говорите.

– Нет, нет... Не в этом дело! Я просто передумала. Я не хочу губить себя зря.

– Я тогда уже вам сказал, что вы передумаете: ни один мужчина не достоин такой жертвы.

– Эх, Джо! У вас речь ласковая, утешительная, но я хочу, чтобы вы знали правду. А правда в том, что я видела другую девушку. И я ненавижу ее!

Они прошли некоторое расстояние молча. Хал был достаточно благоразумен, чтобы понимать опасность этой темы.

– Я не хочу показаться самоуверенным, Мэри, – мягко сказал он. – Но я убежден, что вы измените свое мнение по поводу этого тоже. Вы не будете ее ненавидеть, скорее вы ее пожалеете.

Мэри рассмеялась отрывистым, резким смехом.

– Это для меня непонятная шутка.

– Сейчас вам это кажется шуткой. Но вы поймете когда-нибудь, что я не шутил. У вас есть прекрасная цель в жизни: вы знаете, за что бороться. А она... – тут Хал замялся, неуверенный в своем отношении к этому вопросу, но после минутного колебания продолжал: – Она еще должна многому научиться. И, возможно, так и не научится. А из-за этого потеряет много хорошего.

– Ничего, хорошее она не собирается терять! – мрачно сказала Мэри. – Мистера Хала Уорнера, например. – Она сделала паузу, потом заговорила снова: – Я хочу, чтобы вы меня поняли, мистер Уорнер...

– Ах, Мэри, – взмолился Хал, – не называйте меня так! Я – Джо.

– Хорошо, – согласилась Мэри, – оставайтесь Джо, чтобы у вас сохранилось воспоминание об интересном приключении, когда вы несколько недель были рабочим. Ну вот, это тоже часть того, что я вам хотела сказать. У меня есть гордость, хоть я и дочь простого шахтера. А в тот день в доме у Минетти мне указали на мое место.

– В каком смысле? Не понимаю.

– Не понимаете? Серьезно?

– Честное слово нет!

– Когда доходит до женщин, Джо, у вас, видно, смекалки не хватает. Вы вот не заметили, как эта девушка обошлась со мной. Я для нее была словно какое-то насекомое. А так как она не знала, кусается ли это насекомое, то не

стала рисковать. Просто взяла и стряхнула меня, вот так. – И Мэри сделала движение рукой, как будто сбрасывая жучка.

– Да ну! – взмолился Хал. – Вы несправедливы.

– Нет, я справедлива – по мере сил, конечно. Я тогда поволновалась, Джо, а потом все это обдумала. Сейчас я даже понимаю, что, пожалуй, это не ее вина. Это у нее классовое. Все вы такие. Самые лучшие из вас – даже вы, Джо!

– Да, – отозвался Хал^ – Так же говорил и Тим Рэффerti.

– Ну, Тим перегнул. Но в этом есть доля правды. Вам кажется, что если вы пришли сюда, так сразу стали настоящим рабочим. Неужели вы сами не понимаете, какая между нами разница? Точно пропасть в миллион миль лежит между бедной невежественной девушкой из шахтерского поселка и дочерью богача! Вы вот проповедуете, что не надо стыдиться бедности, вы полны всяких благородных чувств к тем, кто ниже вас, – а разве вы когда-нибудь поставите меня на одну доску с ней? Вы ясно это показали в тот день у Минетти.

– Поймите, Мэри, – Хал заставил себя рассмеяться, – я привык слушаться Джесси. Я ведь с ней знаком гораздо дольше, чем с вами.

– Ах, Джо! Вы добрый и очень мило разговариваете. Но хотите узнать настоящую правду? Вы как-то сказали, что приехали к нам, чтобы узнать правду!

– Да, – еле слышно ответил Хал и больше уже не перебивал ее.

28

Мэри заговорила очень тихо, и Хал обратил внимание на то, как богат интонациями и чувством ее голос, когда она волнуется.

– Всю свою жизнь, Джо Смит, я провела в шахтерских поселках. Я видела, как избивают и грабят мужчин, как плачут женщины и голодают дети. Угольная компания всегда казалась мне огромным хищным зверем, которым пожирает людей. Но до нашей встречи у Минетти я не понимала, почему это так. В книжках я читала про благородных дам, но в жизни никогда ни с одной не разговаривала. У Минетти мне пришлось впервые, так сказать, раскусить такую даму. Там я вдруг увидела, куда идут деньги, которые выжимают из шахтеров! Я поняла, зачем нас грабят, зачем по каплям пьют нашу кровь. Все это – ради таких благородных дам, чтобы холить их и нежить. И все бы ничего, если бы она не явилась в тот самый день, когда наши люди погибали в шахте. Они умирали ради этой нежной белой кожи, ради этих нежных белых ручек, ради этих шелков, в которые она вырядилась. Господи, Джо, знаете, на кого она была похожа? На ловкую пушистую кошку, которая только что съела целый выводок мышат, и вся морда у нее в крови.

Мэри остановилась, чтобы перевести дыхание. Хал молчал, и она заговорила снова:

– Я это обдумала, и мне все стало ясно. Но я не хочу, Джо, чтобы вы считали меня лучше, чем я есть. Слушайте же: я задала себе вопрос: «Неужели я ненавижу ее такой черной ненавистью из-за людей, погибающих в шахте? Или, может быть, только из-за одного человека, который мне нравится, но

который принадлежит ей?» И ответ был мне совершенно ясен. Тогда я задала себе еще один вопрос: «А захочу ли я, если вдруг представится возможность, стать такой, как она? Стану ли я делать то, что вот сейчас делает она? Соглашусь ли взять грех на свою душу?» И сказала себе: «Нет! Не хочу! Не согласна. Видит бог, Джо, это истинная правда, – не хочу ради чьей бы то ни было любви!»

С этими словами она подняла сжатый кулак, но потом опустила его и долго шла, даже не глядя на Хала.

– Вы хоть тысячу лет гадайте, – продолжала Мэри, – и все равно не узнаете, что я почувствовала тогда у Минетти. И не в том беда, что она важничала передо мной. Беда в том, что она унизила меня в моих собственных главах. Я, мол, дочь пьянчуги-шахтера, а она – не знаю, кто ее отец, – она какая-то дивная принцесса. Самое главное – что она в этом уверена, Джо! Тут даже не только то, что у нее много денег и красивых вещей, и не то, что она умеет так гладко говорить, а я – нет; и не то, что у нее нежный голосок, а у меня голос грубый, особенно когда я злюсь, вот как сейчас. Нет, самое главное – вот эта ее *уверенность*. Да, да, эта уверенность, уверенность – точное слово: *уверенность* ! У нее красивые вещи, и всю жизнь они у нее были, вот ей и кажется, что она имеет на них какое-то особое право. А я ни на что не имею права, разве только на горе. Меня день и ночь преследуют заботы и страхи, а сейчас ко всему вдобавок я лишилась крова! Вы знаете, Джо, мой характер – меня не так-то легко сломить. Но когда мне с таким презрением указали на мое место, я ушла и спряталась, зарылась лицом в землю, не зная, что делать от злости. Я твердила себе: «Все так и должно быть. Где мне с ней сравняться?! С такой красавицей! Ну что это за руки? – И в лунном свете Хал увидел, как быстрым, страстным жестом она вытянула руки. – Вот почему у нее есть право на этого человека. Как это я посмела даже поднять на него глаза? Он уедет, и я должна буду это пережить и залезть обратно в мою грязную лачугу с дырявой крышей!» Вот какие дела! А когда я ему говорю об этом, что он мне отвечает? Он тихо и ласково просит меня пожалеть ее! Господи Иисусе! Надо же такое придумать!

Наступило молчание. Сейчас Хал, даже если бы захотел, уже не мог ничего сказать. Вот это-то он и стремился увидеть. Это была самая откровенная классовая война.

– А теперь, – твердо заключила Мэри, сжимая кулаки, – теперь все. Я уже не раба! У меня такое же право на жизнь, как у любой богачки. Я знаю, конечно, что никогда мне не получить того, что есть у нее: ни красивых платьев, ни приличного дома, ни того человека, которого я люблю. Но я буду знать, что я сделала кое-что, чтобы освободить рабочих от той позорной жизни, на которую их обрекли. Вот в чем мне помогла наша стачка – она указала мне путь! Сейчас нас разбили, но, представьте себе, это не так важно! Мне еще не раз придется в жизни поднимать людей на забастовки, и мы тоже научимся побеждать.

Мэри умолкла. Хал шел рядом с ней, раздираемый противоречивыми чувствами. Значит, он правильно угадал в ней борца, организатора забастовок!

Он радовался этому и гордился ею. Тут ему пришла невольная мысль: она девушка, но у нее впереди жестокая борьба; а у него – мужчины – клуб и сочные бифштексы...

– Мэри, – сказал он. – Мне стыдно за себя!

– Джо, вам нечего стыдиться. Разве вы выбирали, где вам родиться?

– Допустим, что нет. Но если человек знает, что все радости жизни ему достаются даром, самое меньшее, что он может сделать, – это почувствовать стыд. Я только надеюсь, Мэри, что вы не возненавидите меня так, как ненавидите других.

– Какая там ненависть! Этого даже и в помине нет, Джо! Скажу вам прямо и по чести: я люблю вас так же, как раньше. Могу вам это сказать, потому что мы никогда не будем вместе. С тех пор как я увидела эту девушку, я поняла, что я вам совершенно не подхожу. Вы меня извините, но, по-моему, она вам тоже не очень-то подходит. И так и этак, Джо, счастья у вас будет мало... Да поможет вам бог!

Мэри проявила такую пронизательность, так прочитала его мысли, что Хал не решился ей ответить. В первый раз за время беседы она взглянула на него и в свете уличного фонаря увидела смятение на его лице. Внезапная нежность зазвучала в ее голосе:

– Вы очень осунулись, Джо. Хорошо, что вы уезжаете.

Он хотел улыбнуться, но не мог.

– Джо, – продолжала она, – вы просили меня быть вашим другом. Я согласна. – И она протянула ему свою большую шершавую руку. Он взял ее.

– Мэри, мы не забудем друг друга! – Спазма сдавила ему горло.

– Конечно, нет! Мы еще когда-нибудь организуем забастовку, как в Северной Долине!

Хал крепко сжал большую руку, но, вспомнив, что за ним шествует его брат, поспешно разжал ее, так и не сказав тех прекрасных слов, которые накопились в его душе. Он считал себя храбрым, но не таким храбрым, чтобы проявить сентиментальность в присутствии Эдуарда.

29

Они подошли к дому, где жил Джон Эдстром. Хозяйка, жена рабочего, открыла дверь. Хал спросил Эдстрома. Она ответила:

– Совсем плох наш старик.

– Что с ним?

– Его искалечили. Разве вы не знаете?

– Нет. Каким образом?

– Избили, сэр. Сломали руку и едва не проббили череп.

– Кто? Когда? – в один голос закричали Хал и Мэри.

– Неизвестно кто. Это было четыре дня назад, вечером.

Хал сообразил, что это случилось, вероятно, в тот вечер, когда он убежал от Мак-Келлера.

– А врач у него был?

– Да, сэр. Но мы не можем как следует лечить его, ведь муж у меня сидит

без работы. А я занята: у меня дети и жильцы.

Хал и Мэри побежали вверх. В комнате, где лежал их друг, было темно, но он узнал их по голосам и приветствовал чуть слышным радостным возгласом. Хозяйка принесла лампу, и они увидели, что Эдстром лежит на спине с забинтованной головой, положив на грудь руку в лубке. Вид у него действительно был ужасающий, добрые глаза запали, и в них застыло страдальческое выражение. Хал вдруг вспомнил, что Джефф Коттон называл его старым проповедником...

Несчастье случилось в то время, как Хал бежал к поезду Перси Харригана. Эдстром криком предупредил беглецов об опасности, а сам бросился вслед за ними. Но тут один из охранников, поравнявшись с ним, сбил его с ног ударом прямо в глаз. Эдстром, падая, стукнулся головой о мостовую и потерял сознание. Так он пролежал несколько часов, пока на него не наткнулся какой-то прохожий, который позвал полицейского. Они обшарили его карманы и нашли на клочке бумаги его адрес. Вот и все. Что тут еще прибавить? Обращаться за помощью к Мак-Келлеру он не захотел: все, наверное, сейчас по горло заняты – борются ведь, чтоб скорее открыли шахту. У него нет никакого права обременять в такое время людей своими бедами.

Хал слушал тихий рассказ старика и снова ощутил прилив бешеной ненависти, зародившейся в его душе в Северной Долине. Хал понимал, что это глупо, ибо избиение какого-то старика, который возбуждал беспорядки, можно считать «мелочью» по сравнению с другими жестокостями охранников. Но Халу это показалось самым характерным из всех злодеяний, свидетелем которых он был, потому что здесь воплотилась полная слепота шахтовладельцев к истинным ценностям человечества. Ведь этот кроткий, терпеливый старик, несмотря на все, что пришлось ему выстрадать, не научился ненавидеть и сохранил свою веру. Но разве наемным убийцам «Всеобщей Топливной компании» дело до его веры? Какую пользу принесли старику его философия, его душевная чистота, его надежды на светлое будущее человечества? Бандиты походя стукнули его и оставили распростертого на земле, нимало не интересуясь – жив он или мертв.

Нынешний день принес Халу кое-какие радости: приятно вспомнить про свое маленькое приключение под видом вдовы и про то, что Мэри удалось одержать над собой победу. Но сейчас, слушая прерывистый шепот Эдстрома, Хал почувствовал, что вся радость его потухла. Предстала неприкрашенная правда: он потерпел поражение – полное, безоговорочное поражение! Он причинил шахтовладельцам мимолетное беспокойство, но не пройдет и нескольких часов, как они сообразят, что он оказал им большую услугу, прекратив стачку. Снова завертятся колеса промышленности, и рабочие окажутся в том же положении, в котором они были до появления среди них коногона и подручного по имени Джо Смит. Какое значение имеют эти разговоры о солидарности и надежде на лучшее будущее: что это в конечном итоге изменит в беге колес промышленности? У рабочих Северной Долины сохранится то же право, которое у них было всегда, – право оставаться рабами или же, если им это не угодно, право стать героями-мучениками.

Мэри держала руку старика, нашептывая ему слова, полные глубокого сочувствия, а Хал, пылая яростью, шагал взад и вперед по крошечному чердаку. Внезапно он решил, что не вернется в Уэстерн-Сити. Он останется здесь, выпишет какого-нибудь честного юриста и с его помощью будет добиваться, чтобы виновники этого преступления были наказаны. Он использует все юридические возможности, а если понадобится, бросится в политическую борьбу, чтобы раз навсегда положить конец диктатуре угольной компании в этих местах. Он найдет кого-нибудь, кто опишет все, что здесь делается; он достанет денег на издание газеты и опубликует все факты. И, пока еще бурлила в нем ярость, Хал Уорнер успел выставить свою кандидатуру на пост губернатора и начал в мечтах разоблачать избирательную машину республиканцев, – а все это только потому, что один из сыщиков угольной компании, оставшийся неопознанным, сшиб с ног какого-то старика так, что тот скатился в канаву и сломал себе руку.

30

В конце визита Халу пришлось спуститься с облаков на землю и заняться практическими вопросами. Он присел около постели Эдстрома и объяснил ему с большим тактом, что к нему приехал брат и дал ему денег. Брат очень богатый человек, поэтому можно отвезти Эдстрома в больницу или, если он предпочитает, Мэри поселится рядом и будет сама ухаживать за ним. Они обратились к стоявшей в дверях хозяйке. Трое-то жильцов у нее уже есть, – сказала хозяйка, – а домик маленький. Не согласится ли Мэри спать в одной кровати с детьми? Халу это предложение показалось неподходящим, но Мэри приняла его. Ее побуждения были вполне ясны: Мэри придется взять у Хала немного денег, потому что Эдстром очень нуждается, но на себя она постарается потратить как можно меньше.

Джон Эдстром, конечно, ничего не знал о событиях, разыгравшихся после того памятного вечера. Хал вкратце рассказал ему всю историю, не упомянув, впрочем, о перемене в жизни одного шахтерского подручного. Он рассказал о роли, которую Мэри сыграла в стачке. Чтобы развлечь старика, он описал Мэри сидящей на белоснежном коне в белом одеянии, мягком и блестящем, точно Жанна д'Арк или предводительница суфражисток.

– Это он намекает на мое старое платье! – сказала Мэри.

Хал поглядел на нее: да, она по-прежнему в синем ситцевом платье.

– В этом платье есть что-то таинственное, – сказал он. – Как в сказках – волшебное платье, оно само штопается, само стирается, само крахмалится. Одного такого платья вполне хватает!

– Вот еще! – воскликнула Мэри. – В Северной Долине чудес не бывает. Это я сама такая волшебница: ночью стираю свое платье и сушу над печкой, а утром глажу.

Она сказала это вполне весело, но даже старик, которого сейчас мучила боль, понял трагедию девушки, имеющей только одно платье в том возрасте, когда хочется любви. Он поглядел на юную пару и заметил, что они проявляют друг к другу явный интерес. Как свойственно многим старикам, он любил

помогать влюбленным.

– Ей, может, скоро понадобится фата с флердоранжем, – сказал он.

– Да ну вас! – рассмеялась Мэри.

– Конечно, – поспешно вмешался Хал с неожиданной галантностью. – Она ведь сама – цветок. Дикая роза шахтерского поселка. Поэты спорят о ней. Одни говорят: «Не тронь ее, пусть остается на стебле». А другие: «Рви, пока цветет, пользуйся мгновением...»

– Вы с кем-то меня путаете, – рассмеялась Мэри, – ведь я только что скакала на белом коне.

– А я помню, Мэри, что не так давно ты была муравьем! – сказал Эдстром.

Внезапно лицо Мэри омрачилось. Одно дело – подшучивать над ее личной трагедией, но над стачкой – нельзя!

– Да, я помню. Вы сказали, что я не выйду из рядов. Вы были прозорливее меня.

– Это одно из тех свойств, которые появляются вместе со старостью! – Он протянул к ней свою скрюченную старческую руку. – И ты будешь продолжать теперь? Ты теперь стала сторонницей рабочего движения, правда, Мэри?

– Да! – не задумываясь, ответила она, и ее серые глаза сверкнули.

– Как говорят: кто раз бастовал, всегда будет бастовать. Надо тебе, Мэри, подумать о своем образовании. Ведь когда начнется общая забастовка, шахтеры будут ждать, что ты их поведешь. Меня уже тогда не окажется на свете, но молодые должны меня заменить.

– Я свой долг выполню, – тихо ответила Мэри. Она словно получала благословение старика.

Хозяйка ушла вниз к детям, но скоро вернулась и сказала, что пришел какой-то джентльмен и спрашивает, долго ли ему еще дожидаться брата. Тут Хал вспомнил, что Эдуард давно уже ходит взад и вперед по улице в одиночестве, если не считать, впрочем, так называемого коммивояжера. Решение младшего брата остаться в Педро, к этому времени уже поколебленное, продолжало постепенно улетучиваться. Он понял, что жизнь – весьма сложная штука, полная противоречивых моральных обязательств. Он еще раз заверил старого шахтера, что вполне способен избавить его от нужды, а затем простился, говоря, что уезжает ненадолго.

Он вышел, и Мэри проводила его до лестницы. Он пожал – на этот раз без свидетелей – большую грубую руку девушки.

– Мэри, – сказал он, – я хочу, чтобы вы знали: я никогда не забуду вас. И никогда не забуду шахтеров.

– Ах, Джо! – воскликнула она. – Не поддавайтесь – ведь вас хотят забрать у нас! Вы нам так нужны!

– Я возвращаюсь домой на короткий срок, – ответил он. – Но вы можете быть уверены в одном: как бы ни обернулась моя жизнь, я буду бороться за рабочее дело. Когда объявят общую забастовку здесь, в этом угольном районе, – а мы знаем, что здесь это произойдет обязательно, – я приеду и выполню свой долг.

– Я вам верю, – сказала она, смело глядя ему в глаза. – До свидания, Джо

Смит!

Она не отвела взгляда, но Хал заметил, что голос ее осекся. Он почувствовал горячее желание заключить ее в свои объятия. Это было очень странно, ведь он твердо знал, что любит Джесси Артур. Он запомнил вопрос, который однажды задала ему Мэри: способен ли он одновременно любить двух девушек? Это, конечно, плохо согласуется с моральным кодексом, который ему внушался, но, кажется, он действительно способен!

31

Хал вышел на улицу, где его брат в волнении шагал взад и вперед около дома. «Коммивояжер» вторично пытался завязать с ним разговор, но получил предложение немедленно убираться ко всем чертям.

– Ну как? Теперь уже все? – спросил Эдуард, срывая свою злость на брате.

– Да, – ответил Хал. – Кажется, все. – Он понимал, что Эдуарда не взволнует сообщение о сломанной руке Эдстрома.

– Тогда, ради бога, переоденься, и пойдем ужинать.

– Хорошо, – согласился Хал, но с таким рассеянным и убитым видом, что Эдуард внимательно на него посмотрел. Даже в слабом лунном свете он увидел, что брат исхудал и глаза его ввалились. В первый раз за все время Эдуард осознал, как глубоко отразились на юной душе все эти переживания.

– Эх ты, бедняга! – воскликнул он в приливе нежности. Но Хал ничего не ответил. Ему не нужно сочувствие. Ему ничего больше не нужно! Эдуард в отчаянии развел руками: – Ей-богу, я не знаю, что мне с тобой делать.

Они направились в гостиницу. По дороге Эдуард старался придумать тему для какого-нибудь безобидного разговора. Зная, что скоро закроют магазины, он заранее купил все необходимое для Хала. Не стоит благодарить, мрачно прибавил Эдуард, – не ехать же ему в Уэстерн-Сити в компании с оборванцем!

В гостинице юный шахтер принял ванну, первую настоящую ванну за весьма долгий срок. (Уже больше никакая дама не посмеет сказать в присутствии Хала Уорнера, что бедняки могут по крайней мере соблюдать чистоту!) Он побрился, привел в порядок ногти, причесал волосы и оделся как джентльмен. Против воли он почувствовал, что к нему частично вернулась его обычная жизнерадостность. Какое странное и восхитительное ощущение – снова выглядеть джентльменом! Он вспомнил рассказ о старом негре, который любил защемить палец – ведь чувствуешь такое облегчение, когда проходит боль!

Они вышли, чтобы поискать какой-нибудь ресторан. Напоследок Эдуарда постигло еще одно несчастье. Хал вдруг заметил проходившего мимо старого рабочего и с криком: «Майк!» – бросился к нему. Хал будто забыл, что он джентльмен, и старый шахтер тоже забыл про это. Правда, в первую минуту он удивленно уставился на Хала, но затем и сам рванулся к нему и заключил его в свои медвежьи объятия.

– Джо! Мой подручный! – закричал старик, крепко шлепнув Хала по спине. – Господи! – и снова – шлепок, но уже другой рукой. – Эй, ты, чертов сын! – И он чмокнул Хала, исколов его своим щетинистым подбородком.

Но посреди этих взрывов радости старик вдруг заметил, что его подручный как-то странно выглядит. Он отступил, приглядываясь:

– Новый костюм? Разбогател, что ли?

Ясно было, что старик еще не слышал новость относительно Хала.

– Мне повезло с работой, – сказал Хал.

– Где же ты работал?

– Да вот занят был забастовкой в Северной Долине.

– Как же это? Заработал на забастовке?

Хал рассмеялся, но постарался перевести разговор на другое:

– А вы где работаете?

– Я тоже бастую, но я бастую сам по себе.

– Что, нет работы?

– Два дня работал на железной дороге. Чинил шпалы. Платили два доллара двадцать пять центов в день. Теперь уже все кончилось.

– А на шахте вы не пытались устроиться?

– Куда там? Теперь уже крышка! Пошел я в Сен-Жозе. Начальник шахты говорит: «Убирайся к черту, старый смутьян! Больше в нашем районе ты никуда не поступишь!»

Хал поглядел на Майка и только сейчас заметил, как он осунулся и побледнел. Стало быть, эта бодрость у него вся напускная!

– Мы собираемся пойти перекусить, – сказал он. – Хотите составить нам компанию?

– Еще бы! – радостно отозвался Майк. – Я теперь ем не часто.

Хал представил ему брата. «Мистер Эдуард Уорнер», – и тот буркнул, не скрывая своего раздражения: «Очень рад», осторожно коснувшись мозолистой лапы старого словака. Терпение Эдуарда было исчерпано до самого дна! Он надеялся найти приличный ресторан и поужинать по-настоящему, но какое это удовольствие видеть напротив себя голодную физиономию какого-то бродяги!

Они зашли в ночную закусную, где Хал и Майк взяли себе молоко и бутерброды с сыром, а Эдуард сидел и удивлялся, как это Хал может есть такую пищу. А тем временем оба закадычных дружка рассказывали друг другу о том, что им пришлось испытать за эти дни. Майк хлопал себя по колену и радостными возгласами одобрял подвиги Хала.

– Ай да Джо! – восклицал он и затем обращался к Эдуарду, ища у него подтверждения. – Каков парень, а? Черт побери! Лучше всех мой Джо!

И он даже хлопнул Эдуарда по плечу.

В последний раз Хал видел Майка Сикориа из тюремного окна, когда тот раздавал образцы его подписи, а Бад Адамс задержал его. Охранники отвели его в сарай позади электростанции, где он застал Каузера и Каловака – двух шахтеров, тоже арестованных за распространение листов с подписью Хала.

Майк в мельчайших подробностях рассказал об этих событиях со свойственной ему живостью:

– Я говорю: «Мистер Бад, если вы собираетесь выселить меня отсюда, мне надо захватить с собой свои вещи». А он говорит: «У черта на рогах ищи свое барахло!» А тогда я говорю: «Мистер Бад, а кто мне заплатит за работу?» А он:

«Вот я тебе сейчас заплачу!» И давай меня бить и толкать! Затем опять заграбастал меня и тащит куда-то. Тут я вижу большой автомобиль и говорю: «Черт! Это мне-то ехать на машине? Я за все свои пятьдесят семь лет никогда на ней не ездил. Я всегда думал, скоро умру, так и не покатаюсь». Вот едем мы вниз. Я кругом смотрю. Вижу, горы. Славный свежий ветерок мне в лицо дует. Я и говорю: «Молодец вы, мистер Бад, никогда я не забуду этого автомобиля. За всю свою жизнь такого удовольствия не испытал». А он говорит: «Заткнись, старый пес!» Приезжаем в прерию, поднимаемся на Черные горы. Тут они останавливаются и говорят: «А ну, дьяволы, вылезайте».

И там они нас бросили совсем одних. А на прощание сказали: «Если вы к нам вернетесь, мы вас поймем и выпустим из вас кишки». Машина укатила, а нам пришлось идти пешком целых семь часов, прежде чем добрались до жилья. Но я не сержусь. Я у людей просил чего-нибудь поесть, а потом нашел работу – чинить дорогу. Только я не знал, освободили ли моего Джо из тюрьмы. Я все думал: неужели я потеряю своего дружка? Неужели никогда больше не увижу его?

Тут старик умолк и с нежностью посмотрел на Хала.

– Я тебе послал письмо в Северную Долину. Но ответа не получил. Я уже решил пойти по шпалам, чтобы поискать своего Джо.

А Хал сидел и гадал: что же это за чудо с ним приключилось? Здесь, в этом угольном царстве, он пережил столько страшного, а все-таки не тянет его уезжать! Он не раз еще вспомнит старого Майка с его колючими поцелуями и медвежьими объятиями.

Старик онемел от удивления, когда Хал сунул ему в руку бумажку в двадцать долларов. Хал дал ему адрес Эдстрома и Мэри, а также записку к Джохану Хартмену с рекомендацией использовать Майка для работы среди словаков, приезжающих в город. Хал объяснил старику, что он сейчас уезжает в Уэстерн-Сити. Но он никогда не забудет своего старого друга и обязательно найдет ему хорошую работу. У него мелькнула мысль, что, может быть, удастся подыскать Майку какое-нибудь местечко в имении отца. Милый старый медведь!

Приближалась минута прощания. К платформе подкатил длинный спальный состав. Было уже поздно – после двенадцати. Но тем не менее Майк не уходил. Теперь он трепетал перед Халом – обладателем такого роскошного костюма и таких громадных денег: но все же в порыве чувств он еще раз обнял своего подручного и кольнул его губы своим щетинистым подбородком.

– До свидания, Джо! – закричал он. – Возвращайся сюда! Я тебя никогда не забуду!

Поезд тронулся, и Майк, размахивая рваной шапкой, побежал по платформе следом, чтобы еще раз взглянуть на Хала и еще раз крикнуть ему: «До свидания!» Когда Хал вошел в купе, в глазах у него были слезы.

От автора

Автор на своем опыте убедился, что многие люди, читая такой роман, как «Король-Уголь», желают знать, соответствует ли он действительности. Они

пишут автору, спрашивая, как следует подходить к его произведению, и требуют доказательств, чтобы самим убедиться и убедить других в достоверности изложенных в романе фактов. Ответив в своей жизни на тысячи таких писем и заранее предвосхищая вопросы в связи с данной книгой, автор счел разумным ответить на них в этом послесловии.

«Король-Уголь» – это подлинная картина жизни в тех шахтерских поселках в разных частях Америки, где рабочие не организованы в профсоюзы. Автор не пожелал назвать определенное место действия, потому что подобные условия встречаются в самых различных уголках страны – например, в западной части Виргинии, в Алабаме, Мичигане, Миннесоте и в Колорадо. Большинство деталей этой картины собрано в Колорадо, где автор побывал трижды во время знаменитой забастовки углекопов 1913–1914 годов и после нее. В романе правдиво изображены условия жизни и события, которые автор наблюдал в этот период. Почти все герои – реальные люди, а каждый эпизод, имеющий социальное значение, не только взят из жизни, но является также типическим. Жизнь, описанной в книге «Король-Уголь», живут в настоящее время в этой «свободной» стране сотни тысяч мужчин, женщин и детей.

Мы можем полностью удовлетворить читателя, требующего доказательств. Ни одна забастовка не была так тщательно изучена, как Колорадская. В распоряжении автора имеются материалы не меньше, чем в восемь миллионов слов. Большая часть их – официальные показания, данные под присягой. Например, доклад комитета Конгресса – официальный документ размером в тысячу страниц убористой печати, содержащий около двух миллионов слов. Другой официальный документ такого же размера – это свидетельские показания, данные «Комиссии Конгресса по вопросам производственных отношений». В распоряжении автора имеется специальный отчет о забастовке в Колорадо, приготовленный для этой Комиссии в виде книги в 189 страниц, где можно найти подтверждение всех фактов, а также тексты свидетельских показаний, собранных комитетом, организованным по предложению губернатора Колорадо, общим объемом в четыреста тысяч слов. Кроме того, имеются: отчет священника Генри А. Аткинсона, изучавшего забастовку в качестве представителя Федерального совета христианских церквей Америки и Культурно-бытовой комиссии Союза Независимых церквей; отчет милиции штата Колорадо, явившийся результатом тщательного расследования; бюллетени, издававшиеся обеими сторонами в период конфликта; показания, полученные судебными следователями; и, наконец, статьи различных авторов, которые можно найти в комплексах следующих изданий за 1914 год: «Everybody's Magazine», «Metropolitan Magazine», «Survey», «Harper's Weekly» и «Collier's Weekly».

Автор подготовил монтаж из различных источников, собираясь напечатать его вместо послесловия. Но когда рукопись была уже сдана в издательство, появился новый документ, затмивший все остальные своей авторитетностью. Верховный Суд вынес решение по делу, связанному с самыми основными проблемами, поставленными в романе «Король-Уголь». Не так часто писателю, написавшему роман из современной жизни, выпадает на долю такая удача,

когда справедливость изложенных им положений установлена и подтверждена высшим судебным трибуналом нашего общества!

В ноябре 1914 года в графстве Хуерфано штата Колорадо происходили выборы шерифа. Некий Дж. Б. Фарр, кандидат республиканцев, известный во всем этом угольном районе под кличкой «Король графства Хуерфано», был переизбран в шерифы большинством в 329 голосов. Соперник Фарра, кандидат демократов, опротестовал выборы, обвиняя республиканцев в «подтасовке, мошенничестве и коррупции». Районный суд решил дело в пользу Фарра, но за этим последовала апелляция в Верховный Суд на основании процессуальных погрешностей.

21 июня 1916 года, после того как был уже почти исчерпан срок избрания Фарра, Верховный Суд вынес решение, по которому Фарр и все прошедшие вместе с ним по списку лица лишались мандатов в пользу списка оппозиции, так как все пункты жалобы были признаны правильными.

Решение суда очень длинное – в нем около десяти тысяч слов; юридическая терминология утомит читателя. Для нашей цели достаточно перепечатать выдержки из этого решения. Мы просим читателя внимательно изучить эти выдержки не только с точки зрения самого правонарушения, установленного судом, но и в более глубоком плане. Это правонарушение было настолько беспрецедентным, что судьи, избранные за свои глубокие познания в области истории всевозможных правонарушений, не могли не заявить следующее: «В литературе мы не можем найти таких образцов мошенничества, поэтому мы должны обратиться к духу и букве законов свободной страны, чтобы найти критерии, по которому соизмерять подобное правонарушение». Надо еще отметить, что это «преступление без названия» было совершено не в состоянии аффекта, а наоборот, являлось обдуманым и сознательным методом работы, которым планомерно пользовались могущественнейшие корпорации, созданные для выколачивания прибылей. Пусть читатель представит себе психологию людей, обладающих огромным богатством, руководивших этим преступлением для того, чтобы сохранить и умножить свои богатства, и пусть читатель подумает, как, вероятно, обращаются такие люди со своими беззащитными рабочими; а затем пусть спросит себя, нашел ли он в романе «Король-Уголь» хоть какое-нибудь мало-мальское преувеличение.

В начале судебного решения изложено существо дела, в основном со слов защитника обвиняемого Фарра. Таким образом, можно считать, что в цитируемом мною отрывке содержится описание, которое дали своим владениям сами угольные компании: «Вокруг входа в каждую шахту располагаются надшахтное здание, контора, магазин, сараи и прочие служебные постройки, а дальше в двух шагах отсюда начинаются дома шахтеров, построенные на земле Компании и принадлежащие ей же. Все жители поселка работают на шахте. Никакой другой промышленности в поселке не имеется. Это и есть картина «поселка». Всего таких «закрытых поселков» было восемь, и надо полагать, что во всех существовал один и тот же режим, запрещавший допуск туда, поскольку это было возможно, как членов Объединенного союза углекопов Америки, так и его организаторов и

агитаторов, причем с целью охраны поселков от этих лиц была расставлена стража. Один из этих поселков, называющийся «Уолсен», был обнесен оградой, воздвигнутой в начале забастовки в октябре 1913 года; «Раус» и «Камерон» были огорожены лишь частично. Установлено, что люди, посещавшие эти поселки и прилегающие к ним местности, по требованию компаний должны были иметь специальные пропуска, что объяснялось «интересами производства».

Дальше суд отмечает следующее:

«Федеральные войска вступили в этот район в мае 1914 года; свидетельские показания единодушно подтверждают, что с тех пор никаких значительных актов насилия не замечалось. Таковой порядок сохранялся до и после выборов, вплоть до настоящего суда.

Таковы были обстоятельства, при которых комиссионеры²¹ графства изменили границы избирательных округов так, что каждый округ, кроме одного, в котором находилось несколько скотоводческих ферм, включал лишь «закрытый шахтерский поселок», обнесенный кое-где оградой и везде охраняемый вооруженной стражей. Благодаря таким совершенно незаконным действиям комиссионеров каждый избирательный округ оказался расположенным на частной земле и под контролем угольных корпораций, которые полновластно распоряжались там, разрешая и запрещая людям вход на территорию, искусственно ограниченную комиссионерами графства, но по закону являющуюся политической частью штата.

За одним только исключением вся земля и все строения в этих избирательных округах принадлежали угольным корпорациям: все жители этих округов, кроме одного человека, служили по найму у этих частных корпораций или у их сателлитов; все судьи и все члены избирательных комиссий, за исключением одного трактирщика – компаньона Фарра, были их служащими.

Избирательные участки находились на земле и в домах, принадлежащих этим корпорациям; списки избирателей хранились в частных конторах или домах этих корпораций. С этими списками обращались как с частной собственностью.

Таким образом, народные избирательные округа и техника народных выборов были предоставлены неограниченной власти и полному контролю частных угольных корпораций, которые использовали эту власть в своих собственных целях; эти округа находились на территориях, куда не мог проникнуть ни один человек ни по личному, ни по общественному делу без особого разрешения, выдаваемого этими частными корпорациями.

Ограничение допуска в эти так называемые избирательные округа относилось к представителям всех классов: вход запрещался торговцам, ремесленникам и разным другим гражданам, независимо от того, являлись ли они по частному делу, или по общественному. В одном случае, как выяснилось, было отказано пропустить в «закрытый поселок» самого губернатора и

²¹ Комиссионеры – выборные лица, заведующие отдельными отраслями управления графства. (Прим. ред.)

генерал-адъютанта штата. А в округе, созданном в поселке «Уолсен», наблюдатели от демократической партии и доверенные лица, одним из которых был Нилли, кандидат демократов на пост шерифа, были вынуждены обратиться за помощью к отряду федеральных войск, чтобы под их эскортом добиться допуска в избирательный округ и к урнам. Солдаты в качестве охраны оставались на избирательном участке весь день и часть ночи...

Но если и были какие-нибудь сомнения относительно положения в этих «закрытых поселках» и избирательных округах и относительно запрета представителям демократической партии проводить предвыборную кампанию на территории этих шахтерских поселков, – все сомнения окончательно рассеялись после допроса свидетеля Уэйтцела, вызванного защитой (то есть Фарром). Уэйтцел показал, что он проживал в Пуэбло и был управляющим компании «Уголь и Железо Колорадо». Под его управлением находились шахты «Рауз», «Лестер», «Идеал», «Камерон», «Уолсен», «Пикту» и «Мак-Налли». Соответственно все эти поселки находились в его власти, и в штате Колорадо он был первым административным лицом Компании после директора; все управляющие шахтами и прочие служащие подчинялись ему. Уэйтцел заявил в своих показаниях, что федеральные войска были введены 1 мая 1914 года и оставались до января 1915 года. Он заявил также, что старался не допускать в поселки людей, действующих против интересов Компании; что поселки являлись частной собственностью и соответственно рассматривались так их владельцами, что через него, Уэйтцела, Компания пользовалась правом разрешать и запрещать допуск посторонних лиц в эти поселки; но если приезжие могли доказать охране у входа или администрации шахты, что они не имеют отношения к союзу углекопов и не являются агитаторами, они допускались на территорию. «Ни один из наших противников, – заявил Уэйтцел, – не проник для общения с рабочими в поселки». Он и его подчиненные сами решали вопрос, не явился ли тот или иной приезжий сюда с целью агитации, а мистер Митчелл, председатель комитета демократической партии, считался у них, насколько ему помнится, агитатором, ибо он издавал газету и был прямо или косвенно связан с Объединенным союзом углекопов; что же касается мистера Нилли, кандидата от демократов в шерифы, то этот был связан с забастовщиками и считался неугодным человеком. Когда пришли федеральные войска, они восстановили мир и нормальное положение; после их прихода бунты прекратились; после прихода войск Компания уже не боялась ничего, кроме агитаторов. Спрошенный, охранял ли он шахтеров от дискуссий, от выступлений против Компании, свидетель заявил: «Мы этого не поощряли». Как бы мирно ни держались организаторы профсоюза, Компания не поощряла их появления среди шахтеров. Компания не разрешала организаторам профсоюза являться в поселок и обсуждать с рабочими принципиальные положения, заводить с ними споры или апеллировать к их разуму, и даже обсуждать с ними какие бы то ни было второстепенные вопросы, ибо известно из опыта, что агитаторы всегда переходят к угрозам насилия. Может быть, агитаторы сразу и не обращаются к насильственным мерам, но все же это пугает рабочих и заставляет их покидать шахты, – администрация же была

озабочена тем, чтобы сохранить постоянные кадры. Свидетеля спросили, действительно ли была администрация шахты облечена правом решать, уважительна или нет цель приезда в шахтерский поселок того или иного лица, и он ответил, что да, для управляющего в порядке вещей было допрашивать на этот счет приезжих. Но, заявил он, лица, рекомендованные Фарром, обычно получали пропуск.

В этих «закрытых округах» была только одна попытка провести предвыборный митинг. Джозеф Патерсон, который сделал эту попытку, дал следующие показания.

Он был на предвыборном митинге в Оуквью. Он является близким другом мистера Джонса, помощника управляющего шахтой Оуквью, и написал ему письмо с просьбой о разрешении устроить предвыборный митинг. В субботу вечером такое разрешение он получил. Накануне митинга к свидетелю позвонил по телефону помощник управляющего и спросил, не собирается ли он вызвать своим выступлением какие-нибудь беспорядки. Свидетель ответил, что ничего подобного, конечно, не собирается делать, но что, если управляющему это не угодно, он может не приезжать. Он предупредил управляющего, что он и его спутники собираются провести митинг в пользу демократической партии. Помощник управляющего шахтой Джонс заявил, что, прежде чем идти в школу проводить митинг, Патерсон должен явиться в контору. Когда свидетель приехал для проведения митинга в школу, там собралось шесть или восемь человек, понимающих по-английски, и двенадцать или четырнадцать мексиканцев. Управляющий шахтой мистер Морган и мистер Прайс почти все время стояли снаружи у входа в школу. Свидетель заметил, что, когда к зданию школы подошла первая небольшая группа людей, управляющий остановил их, поговорил с ними, и они ушли обратно в поселок. Это повторилось несколько раз: после разговора с Морганом рабочие немедленно удалялись. Заметив это, свидетель зашел в здание школы и сказал, что проводить митинг бесполезно, так как людям запрещено присутствовать на нем. Митинг этот был назначен в школе, находящейся в здании, принадлежащем Компании. Свидетелю пришлось обращаться за разрешением использовать это помещение для митинга к управляющему угольной компании Оуквью.

Выяснилось, что число зарегистрированных избирателей в этих «закрытых избирательных округах» было значительно больше числа опущенных бюллетеней. Этого одного достаточно, чтобы требовать открытого и справедливого обследования квалификации утвержденных избирателей.

Из свидетельских показаний следует, что многие из голосовавших избирателей не умеют ни говорить, ни читать по-английски и что в ряде случаев члены избирательной комиссии помогали избирателям заполнять бюллетени, тем самым нарушая избирательный закон. К тому же бюллетени, как выяснилось, были отпечатаны таким образом, что... (далее в решении суда подробно описывается особое приспособление, благодаря которому можно было контролировать выборы). Следовательно, эти лица не выбирали кандидатов, но по указанию Компании ставили крест в том месте бюллетеня, где они находили напечатанную особым шрифтом букву R. Иными словами,

голосование не было выражением собственного мнения избирателя, свободно пользующегося своим избирательным правом, а было попросту продиктовано Компанией равносильно тому, как если бы агенты Компании сами заполнили все бюллетени без малейшего участия избирателей. Более мошеннического и позорного протипотуирования избирательного закона вообще вообразить невозможно...

Защита утверждает, что «закрытые избирательные округа» были порождены «необходимостью производства», и поэтому поведение угольных компаний во время выборов может быть оправдано. Но даже если подобное поведение может быть оправдано в интересах непосредственной деятельности этих корпораций в пределах их частных владений, несомненно нет ему никакого оправдания, когда территория отводится для общественного дела, особенно же для дела, связанного с выполнением гражданами их долга в качестве избирателей народного правительства.

Установлено, что комиссионеры графства и другие выборные лица принадлежали к республиканской партии; как утверждают адвокаты противной стороны, угольные компании считали успех кандидатов республиканской партии насущно важным для своих интересов. Связь между угольными компаниями и деятелями республиканской партии и их кандидатами была настолько тесна и до избирательной кампании и во время нее, что позволяла делать вывод о том, что эти лица ставили свой долг по отношению к угольным компаниям гораздо выше своего общественного долга. Сказать, что «закрытые избирательные округа» были созданы не ради интересов и удобств угольных компаний или что они были созданы без участия и согласия этих компаний – значит посмеяться над здравым смыслом и отрицать всякий человеческий опыт. Прямой целью образования этих новых избирательных округов было дать возможность угольным компаниям проводить и контролировать выборы именно так, как они желали. Из всего этого следует несомненный вывод, что «закрытые избирательные округа» организовывались комиссионерами графства благодаря потворству, если не прямому приказу, представителей угольных компаний.

Не может быть свободных, честных и справедливых выборов, какие предусматриваются конституцией, там, где частные промышленные корпорации душат таким образом общественное мнение, лишают суверенных избирателей свободного выбора, подвергают своему диктату и контролю членов избирательных комиссий, запрещают публичное обсуждение общественных вопросов, царственно разрешают одним гражданам и запрещают другим доступ – с мирными и вполне законными целями – на территорию выборов, то есть на свободную территорию...

В правовой литературе мы не находим примеров такого мошенничества и потому должны обратиться к духу и букве закона свободной страны, чтобы найти критерий, по которому соизмерять подобное правонарушение...

Запрещение мирных сходов не имеет никакой другой цели, кроме одной: оказать давление на выборы. На территории этих избирательных участков с момента их создания и до момента выборов не было никаких беспорядков, как

не было их до настоящего суда. Все время там находились федеральные войска, чтобы охранять порядок, жизнь и собственность. И предвосхищать какие-либо беспорядки не было никаких оснований. Таким образом, это наглое запрещение явилось ничем не оправданным и преступным нарушением естественных и неотъемлемых прав граждан.

Защита отвергает показания противной стороны и утверждает, что подобное проведение выборов диктовалось «интересами производства».

За последние годы мы часто слышали в этом штате о лишении граждан их неотъемлемых и конституционных прав под предлогом «военных интересов», но это первый случай в нашей практике, когда нарушение основных прав свободных людей пытались оправдывать «интересами производства».

Даже если бы мы допустили, что может быть какое-ни-будь оправдание для ссылок на «военные интересы», по той причине, что подобные акты являются актами самого правительства, проводимыми через его военную ветвь с целью сохранения общественного спокойствия и безопасности, то во всяком случае никакой суд не может одобрить практики, сильно отзывающей анархией, при которой частная корпорация, пользуясь своими частными вооруженными силами, осмеливается нарушать самое священнейшее право граждан и оправдывает эти действия ссылкой на «интересы производства».

В настоящем деле проявилось еще одно исключение из правил; совершенно ясно, что на приговор первого суда повлияли пристрастие и предрассудки самого председателя суда.

Внимательное изучение протоколов показывает, что суд отверг очевидные, прямые и правомочные показания обвинения; это приводит к выводу, что председатель суда был под влиянием пристрастия и предрассудков, явствующих хотя бы из того, что он, как указывается в кассационной жалобе, перенес разбор дела в другой округ, а это само по себе является основанием для отмены приговора.

На вышеизложенных основаниях приговоры суда по каждому из разобранных нами дел отменяются, результаты выборов в указанных округах – Нигерхед, Рейвенвуд, Уолсен, Оуквью, Прайер, Раус и Камерон – аннулируются, и избранные лица по этим округам лишаются мандатов. Это дает несомненное и значительное большинство каждому из их конкурентов в этом графстве; таким образом, каждый из их конкурентов объявляется избранным на тот пост, на который он выставлял свою кандидатуру».

Далее суд постановляет: «Дж. Б. Фарр, ответчик по данному делу, не был законно избран на пост шерифа графства Хуерфано, а Е. Л. Нилли, истец, был и является законно избранным на пост шерифа вышеназванного графства. А посему повелевается, чтобы в вышеуказанном графстве вышеупомянутый Е. Л. Нилли немедленно, выполнив все требуемые по закону формальности, приступил к выполнению обязанностей шерифа графства Хуерфано...»

Таково мнение суда относительно того, как используют политику в угольных районах. В связи с этим автор хочет позволить себе лишь одно замечание. Пусть читатели не вздумают делать вывод, что, поскольку одна шайка развращенных политических деятелей в одном из американских графств

была разоблачена и лишена своих званий, значит уже восторжествовала справедливость и можно больше не задумываться над картиной жизни, описанной в романе «Король-Уголь». Поражение «Короля графства Хуерфано» – это только первый шаг на длинном пути, который нужно пройти шахтерам Колорадо, чтобы стать свободными людьми. Могущество крупных промышленных корпораций этим решением суда не поколеблено; а политические руководители графства Хуерфано и даже всего штата Колорадо никогда не обладали таким могуществом, как эти корпорации. Могущество промышленных организаций – это глубокий, широко разросшийся корень, и пока разрешено его существование, из этого корня будут вырастать такие ядовитые побеги, как «подтасовка, мошенничество и коррупция» при выборах. Граждане и рабочие индустриальных центров – все равно где – в Колорадо, в западной части Виргинии, Алабаме, Мичигане, Миннесоте, на скотобойнях Чикаго, на сталелитейных заводах Питсбурга, на суконных фабриках Лоуренса и на шелко-прядельных фабриках Патерсона – убедятся, что у них не будет мира и свободы до тех пор, пока они не уничтожат систему производства ради частных прибылей и не установят в области промышленности то, что, как считают, у них уже есть в области политики – народное правительство, из народа и для народа.

Примечание. В тот день, когда автор закончил правку корректуры «Короля-Угля», в газете появилось следующее сообщение:

ШАХТЕРЫ КОЛОРАДО ДОГОВАРИВАЮТСЯ О ЗАБАСТОВКЕ

(вечерняя телеграмма «Ассошиейтед Пресс»)

Денвер, Колорадо. 14 июня. Руководители местного отделения Объединенного союза углекопов, представляющие членов этой организации, работающих по найму у компании «Уголь и Железо Колорадо», отправили телеграмму центральному руководству профсоюза с просьбой о разрешении объявить забастовку.

На утренней сессии была принята резолюция, выражающая неодобрение председателю этой компании Дж. Ф. Уэлборну за то, что он не прибыл на митинг, являющийся одним из звеньев «программы мира», цель которой – предотвратить в этом штате разногласия в промышленности на время войны.

Недовольство рабочих, как заявил их представитель Джон Мак-Леннан, вызвано главным образом проведением так называемого плана Рокфеллера в шахтах. Мак-Леннан заявил, что неявка мистера Уэлборна на митинг и его нежелание обсудить жалобы рабочих усилили забастовочные настроения.